15
-

М. ПАВЛОВИЧ (М. ВЕЛЬТМАН)

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОСТОК

ЧАСТЬ I

СССР И ВОСТОК

9(X)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · 1927

М. ПАВЛОВИЧ (М. ВЕЛЬТМАН)

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОСТОК

ЧАСТЬ I

СССР и ВОСТОК

Запис інвент. кн. ст 332 ч 16183
Проверено-1937
Львів. Бібліотека АН. УРСР
БУДИНКУ ЧЕРВОНОЇ АРМІЇ КНИГОЗБІРНЯ ім. Ів. Київської ЗАЛОГИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Т3(5Ту)6+ Т3(25)Н

Государственное Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Ленинград

Львівська державна
наукова бібліотека
№ 4558

Гиз. № 19270*а*.
Ленинградский Гублит № 49025.
20³/₄ л. Тираж 2000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС.

Октябрьская революция внесла полное изменение во взаимоотношения между народами, населяющими большую часть территории бывшей царской империи, с одной стороны, и колониальными и полуколониальными народами зарубежного Востока, с другой. Вместе с этим сама проблема Восточного вопроса приобрела, начиная с Октябрьской революции, совершенно новое содержание и предстала перед нами в новом аспекте.

У Толстого есть художественное описание того, как несколько горцев, аттакованных врагами, связали себя одною веревкой, чтобы ни один из горцев не убежал в последнюю минуту и защищался до последней капли крови. В борьбе против мирового империализма СССР фактически связан со всеми странами Востока такой веревкой, такой цепью. Прорыв на каком-либо из участков Восточного фронта, на турецком ли, персидском, афганском или китайском — есть прорыв на фронте СССР.

Война против какой-либо из стран Востока есть война против СССР, как война против СССР есть война против Востока.

Восточная проблема в результате Октябрьской революции оказалась поставленной на голову.

В самом деле, до Октябрьской революции Восточный вопрос, с точки зрения русских империалистов кадетского лагеря, сводился прежде всего к проблеме раздела Оттоманской империи, к вопросу о захвате Босфора и Дарданелл, Турецкой Армении и т. д., одним словом, к ближневосточной проблеме. Такое понимание Восточного вопроса так глубоко укоренилось в сознании наших империалистов милюковского направления, что оно нашло свое выражение в сотнях газетных и журнальных статей и даже в энциклопедических словарях. Статья, посвященная Восточному вопросу в известном энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, начинается так: «Восточный вопрос». Этим выражением означают совокупность вопросов, касающихся существования Оттоманской империи и преимущественно европейских владений турецкого султана. Не говоря уже о том, что это определение слишком узко даже с чисто «русской» точки зрения, ибо восточная политика царизма имела целью завоевание не только тех или других областей Оттоманской империи, но направлялась вместе с тем в сторону захвата обширнейших территорий

Монголии, Манчжурии, Персии и т. д., мы имели в среде наших империалистов сторонников самой энергичной агрессивной политики на Среднем и Дальнем Востоке с отказом от великой «славянской идеи», от стремления к овладению Константинополем и проливами (мемуары барона Розена). Определение Восточного вопроса как проблемы раздела Оттоманской империи было неправильно уже потому, что при таком определении не принималось во внимание то содержание, которое вкладывали в данное понятие американские, английские, немецкие, французские империалисты. Для английских империалистов Восточная проблема охватывала совокупность вопросов, касающихся не только Оттоманской империи, но прежде всего сохранения и укрепления английского господства в Индии, создания непрерывной территориальной связи между Египтом и Индией (великий рельсовый путь Каир — Калькутта), подчинения английскому протекторату Тибета, Афганистана, усиления английского экономического и политического влияния в Китае. Для французских империалистов Восточный вопрос — это вопрос о французском влиянии в Турции и южном Китае, о господстве Франции в Индо-Китае и т. д. Что касается американских империалистов, последние рассматривали «Восточную» проблему прежде всего с точки зрения тихо-океанских интересов С. Штатов, с точки зрения господства Америки на Филиппинских, Гавайских островах и т. д. в целях экономического проникновения Америки в 400-миллионный Китай и овладения этим гигантским рынком.

Сотни «капитальных» трудов на английском, французском, немецком и т. д. языках, вышедших за последние десятилетия перед мировой войной под титулом «Восточный вопрос», посвящают свое внимание не только Оттоманской империи, вопросу о Константинополе и проливах, о великом немецком проекте Багдадского рельсового пути, о Палестине, Сирии, Аравистане, но в такой же мере, а часто в гораздо большей, вопросам: персидскому, тибетскому, монгольскому, манчжурскому и, в особенности, вопросу китайскому.

Обобщая все вышесказанное, мы приходим к заключению, что под Восточным вопросом, в его понимании до Октябрьской революции, нужно разуметь проблему раздела не только владений бывшей Оттоманской империи, но и всего Желтого континента. Восточный вопрос — это проблема раздела как Турции, так и всей Азии между великими империалистическими державами: Россией, Англией, Францией, Германией, Японией и Америкой, это проблема не только мало-азиатская, но и пан-азиатская.

Хорошо известно, что невозможность для капиталистических государств разрешить мирным путем ряд проблем, вставших перед господствующими классами первоклассных государств в области азиатской политики, была одним из важнейших факторов, вызвавших мировую войну, явившуюся в конечном результате неизбежным следствием борьбы за раздел последних остатков земного шара. [1]

---

[1] Подробно см. нашу работу «Борьба за Азию и Африку». Собрание сочинений, т. III.

Октябрьская революция влила совершенно новое содержание в понятие «Восточный вопрос». Прежде всего, как мы формулировали в нашей программной статье «Задачи Всесоюзной Научной Ассоциации Востоковедения», напечатанной в «Новом Востоке» № 1 (1921 г.): «Восток это не только угнетенный азиатский мир. Восток это весь колониальный мир, мир угнетенных народов не только Азии, но и Африки, и Южной Америки, одним словом, весь тот мир, на эксплуатации которого покоится мощь капиталистического общества в Европе и С. Штатах. Европейский и американский капитализм черпают свою силу, главным образом, не из промышленных европейских стран, а из своих колониальных владений».

Какие же изменения внесла Октябрьская революция в содержание Восточного вопроса, какие же взаимоотношения установила она между народами бывшей царской России и угнетенными народами Желтого и Черного континентов? В знаменитых тезисах по колониальному и национальному вопросам, принятым Вторым Конгрессом Коминтерна на основании проекта и доклада т. Ленина, мы читаем:

> 5. «Мировая политическая обстановка поставила теперь на очередь дня диктатуру пролетариата, и все события мировой политики сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской Республики, которая должна группировать вокруг себя неминуемо, с одной стороны — советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны — национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей, убеждающихся на горьком опыте, что им нет спасения, кроме как в союзе с революционным пролетариатом и в победе Советской власти над всемирным империализмом.
>
> 6. Следовательно, нельзя ограничиваться в настоящее время голым признанием или провозглашением сближения трудящихся разных наций, а необходимо вести политику осуществления тесного союза всех национально- и колониально-освободительных движений с Советской Россией, определяя формы этого союза сообразно степени развития коммунистического движения среди пролетариата каждой страны, или буржуазно-демократического освободительного движения в отсталых странах, или среди отсталых национальностей».

Итак, здесь впервые Восточный вопрос встает не как проблема раздела, грабежа Азии, не как проблема дальнейшего закабаления отсталых народов Черного и Желтого континентов эксплуататорскими нациями, в том числе и русской, меньшинством передовых капиталистических стран, а наоборот, как проблема смычки союза передовой Советской Российской Республики и группирующихся вокруг последней передовых рабочих всех стран со всеми национально-освободительными движениями колоний и угнетенных народностей, для совместной борьбы со всемирной буржуазией. Теоретики последней Пальмиери, Авгур и др. начинают со своей стороны сводить ныне сущность Восточного вопроса к борьбе с проникновением большевистского влияния и большевистских идей в Азию и Африку. Известно, что целый ряд буржуазных мыслителей и деятелей

II Интернационала стремятся доказать, будто большевизм не имеет никакой почвы в Европе, но зато представляет грозную опасность для последней именно в Азии.

Один буржуазный писатель в «Л'Ероп нувель» дает следующую формулу: вопреки географии Восток — это советы. Здесь под термином Восток разумеется не узкое географическое понятие. Восток это все угнетенные колониальные народы, борющиеся под знаменем советских идей.

Другой писатель, желая ущемить советы и одновременно Муссолини, пишет: «Восток это советы и Муссолини».

Цитированные выше тезисы были впервые формулированы В. И. Лениным в 1920 г. (См. первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам. Собрание сочинений т. XIX, стр. 216. ГИЗ, 1925.)

Позже, в 1923 г., в знаменитой статье «Лучше меньше, да лучше» Ленин связывает вопрос о Востоке с вопросом о том, удастся ли нам продержаться до той поры, пока западно-европейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму, сможем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами и дает следующий ответ:

«Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения и втягиваются с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена.

«Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы, российская Коммунистическая партия, Российская Советская власть, для того, чтобы помешать европейским контр-революционным государствам раздавить нас. Для того, чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контр-революционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком, между цивилизованнейшими государствами мира и государствами по-восточному отсталыми,[1] которые, однако, составляют большинство, — этому большинству нужно успеть цивилизоваться».

Это следующее военное столкновение между контр-революционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком, неизбежность которого Ленин предвидел в 1923 г., фактически уже началось в широком масштабе с того момента, как войска кантонского правительства перешли в 1926 г. в победоносное наступление про-

---

[1] Курсив наш. *М. П.*

тив армий У-Пей-Фу и Сун-Чуан-Фана, за спиной которых стоит весь капиталистический Запад и Япония.

Сущность Восточного вопроса в нашей трактовке вытекает из следующих с поразительной выпуклостью формулированных положений т. Сталина на заседании XII съезда РКП (б) 23 апреля 1923 г. Тов. Сталин связывает национальный вопрос с вопросом о тяжелых восточных резервах, составляющих основной тыл мирового империализма.

«Одно из двух: либо мы глубокий тыл империализма — восточные колониальные и полуколониальные страны — расшевелим, революционизируем и тем ускорим падение империализма, либо мы промажем здесь и тем укрепим империализм, и тем ослабим силу нашего движения.

«На наш Союз Республик весь Восток смотрит как на опытное поле. Либо мы в рамках этого Союза правильно разрешим национальный вопрос в его практическом применении, либо мы здесь, в рамках этого Союза, установим действительно братские отношения между народами, действительное сотрудничество, — и тогда весь Восток увидит, что в лице нашей федерации он имеет знамя освобождения, имеет передовой отряд, по стопам которого он должен итти, и это будет началом краха мирового империализма. Либо мы здесь, в составе всей федерации, допустим ошибку, подорвем доверие ранее угнетенных народов к пролетариату России, отнимем у Союза Республик ту притягательную силу в глазах Востока, которую он имеет, — и тогда выиграет империализм, проиграем мы».

Ясно, что это международное значение Восточного вопроса будет усиливаться по мере того, как будет увеличиваться удельный вес тех тяжелых резервов революции, какие представляют страны Востока. С той поры, как т. Сталин сделал свой доклад на XII съезде, движение угнетенных национальностей развивалось безостановочно на Черном и Желтом континентах, и ныне весь колониальный и полуколониальный мир на всем протяжении от средиземноморских границ маленькой страны риффов, до Кантона, Шанхая, Пекина и Калгана, охвачен могучим революционным брожением. Тяжелые восточные резервы, по выражению Сталина, составляющие глубокий, основной тыл империализма, пришли в движение, которого уже никакие усилия империализма не в состоянии остановить. Следовательно, международное значение национального, а стало-быть и Восточного, вопроса еще более усиливалось и оказывает свое влияние на всю международную конъюнктуру. В самом деле, все эти дипломатические конференции в Локарно и гарантийные договоры, с одной стороны, Ливерпульские и Марсельские съезды деятелей II Интернационала и желтых профессионалов — с другой, являются отражением страха старого, отживающего мира перед ростом революционного движения в странах Востока, и одновременно показателем громадного усиления международного значения СССР в связи с движением тяжелых восточных резервов, выступающих в бой все более сомкнутыми рядами и более многочисленными массами.

Итак, здесь Восточный вопрос, восточная проблема встает как основная, кардинальная часть колониально-национального вопроса в мировом масштабе. В этом вопросе нейтралитета с нашей стороны быть не может. Или содействие национально-освободительному движению на Востоке, или участие в грабеже раздела Востока. Нейтралитет обозначал бы предоставление Персии, Афганистана, Турции, Монголии, Китая на поток и разграбление империалистических держав с превращением этих стран сначала в колонии, а затем в плацдарм для действий против СССР, в плацдарм, где подготовлялись бы против нас не только англо-индусские, но и англо-персидские, американо-китайские и т. д. войска. Не следует забывать, что колонии являются для империалистических держав не только рынками сбыта товаров и приложения капиталов, не только сырьевыми базами, но и резервуарами, откуда мировой империализм черпает «пушечное мясо». Так, во время империалистической войны Англия мобилизовала в Индии 1 096 013 солдат, которые были отправлены во Францию, в Восточную Африку, в Египет, на побережье Персидского залива. И ныне индусские батальоны стоят в Гонконге насупротив революционного Кантона, в Моссуле против Турции Кемаля, в Египте на страже Суэцкого канала и как орудие борьбы против египетского национально-освободительного движения на юге Персии и т. д.

Когда в апреле 1920 г., через три дня после своего открытия, Великое Национальное Собрание Турции обратилось с письмом в Совнарком РСФСР с предложением совместной борьбы против империалистов и взаимной поддержки, Советская республика, естественно, не могла не откликнуться на этот призыв. То был период, когда Англия готовила против нас фронт от Малой Азии через северо-восточную Персию (Хороссан), Афганистан, горную Бухару, куда укрылся эмир бухарский, и русские Памиры к басмаческой, мятежной Фергане. Договор о дружбе и братстве, заключенный между Турцией и Россией, явился одним из важнейших факторов, содействовавших победе анатолийского освободительного движения, в результате разгрома вооруженных с ног до головы на английские средства греческих войск, а вместе с тем и разрыву у самого важного звена той цепи, которую выковала против нас на восточном фронте Англия. Победа турецкго национально-освободительного движения явилась и нашим триумфом. Противник этого движения великий визирь Ферид-паша обещал Англии от имени султана предоставить в распоряжение союзников в случае разгрома Кемаля и завоевания Анатолии чуть ли не 200-тысячную армию. Если даже считать эту цифру значительно преувеличенной, во всяком случае разгром анатолийского национально-освободительного движения повел бы к тому, что на кавказском фронте мы имели бы против себя многочисленные англо-турецкие и греческие войска. Английский план создания против нас восточного фронта кончился в ту пору крахом. Таким же крахом заканчивается ныне англо-американский план разгрома китайского национально-революционного движения созданием союза между армиями У-Пей-Фу и Чжан-Цзо-Лина и превращения Китая в новый военный плацдарм для действия против Советского Союза.

Национально-революционное движение торжествует на двух самых важных участках восточного фронта: в Анатолии, омываемой Черным морем, примыкающей к Советскому Кавказу, и в Китае, граничащем с Советским Союзом на протяжении тысяч километров. На этих обоих участках тяжелые глубокие восточные резервы в моменты национально-освободительной борьбы стоят лицом к армиям мирового империализма как авангардные армии, охраняющие подступы к советским границам.

Однако, торжество национально-овободительного движения в Турции и превращение последней в независимую республику, перспектива образования независимого Китая, процессы, развивающиеся в других восточных странах, в Персии, Афганистане, рождают новые, как-будто неожиданные, опасности для нас и выдвигают новые задачи.

Пока восточные страны ведут с оружием в руках борьбу за национальное самоопределение, один факт дружественного нейтралитета и моральной поддержки СССР, не говоря уже о других более реальных формах помощи, создает фактический союз между СССР и Востоком и усиливает мощь СССР восточными резервами. Кончается национально-освободительная борьба, национальная независимость становится фактом, в жизни освобожденной страны начинаются будни мирного времени, и вместе с последними выдвигаются ныне трудные и великие задачи переустройства страны на совершенно новых началах. Такая эпоха наступила ныне для освобожденной Турции. Чтобы сохранить свою независимость, чтобы не перестать быть полуколонией европейского империализма, Турции необходимо создать свою национальную промышленность, интенсифицировать сельское хозяйство, провести в ближайшее же время тысячи километров новых рельсовых путей, десятки тысяч километров шоссейных дорог, оборудовать порты, электрические станции и т. д. Но где же в стране отсталой экономически и культурно, истощенной притом долгой борьбой с внутренними и внешними врагами, найти необходимые средства, сельскохозяйственные орудия, тракторы, машины для интенсификации сельского хозяйства и развития национальной промышленности, где взять рельсы, паровозы и т. д., где, наконец, найти рынки для сбыта своих сырьевых продуктов?

И здесь перед освобожденной от иностранных армий страной встает новая опасность: то, что не удалось взять вчера иностранному булату, иностранным армиям, удастся завтра купить иностранному золоту, иностранным банкам и промышленным трестам. Таким образом, снова выдвигается перспектива иностранной кабалы. В новой обстановке борьба за восточные резервы между Советским Союзом и капиталистическим миром приобретает новые формы.

Вопрос о помощи извне в деле экономического возрождения страны стоит ныне остро перед Турцией. На завтра этот вопрос с той же остротой встанет перед Персией, затем перед Афганистаном. И, как только многомиллионный Китай добьется окончательного освобождения, перед страной встанет грандиозная программа национального строительства, в свое время намеченная Сун-Ят-Сеном. Как будут осуществлять страны

Востока свои программы экономического строительства, где возьмут силы и средства для подведения под свое хозяйство новой технической базы, к кому обратятся они за помощью для перевода своего отсталого хозяйства на новые технические рельсы, какую роль в преобразовании экономики стран Востока будет играть Советский Союз с его растущей промышленной мощью? От решения этого вопроса будет в значительной степени зависеть и решение вопроса о восточных резервах. Мы знаем, что в Турции контр-революционные партии, разбитые на-голову в борьбе на политической арене, в борьбе за сохранение старого теократически-феодального строя со всеми пережитками прошлых веков, султанатом, халифатом и т. д., направляют ныне острие своих атак против экономической политики кемалистического правительства, доказывая невозможность создания национальной промышленности и интенсификации сельского хозяйства без самых широких уступок западно-европейскому и американскому капиталу в области концессионной политики, таможенной системы и проч., и проч. «День, когда иностранный капитал потечет в Турцию, — восклицает орган оппозиции Танин, — будет великой революцией в нашей внутренней и внешней политике».

Для целого ряда восточных стран СССР является важнейшим рынком сбыта сырьевых продуктов. Достаточно сказать, что около 35 — 40% персидского экспорта идет в СССР. В целях поощрения ввоза сырьевых продуктов Востока в СССР мы устанавливаем льготные ввозные пошлины по нашим азиатским границам. Так, в то время, как пуд хлопка по европейским границам облагается ввозной пошлиной в 4 руб., персидский хлопок облагается пошлиной в 40 коп. (в десять раз меньше), а турецкий и западно-китайский и того мньше — по 25 к., монгольский же хлопок ввозится в СССР без всякой пошлины. Понятно, что эти льготы ведут к усилению нашего товарооборота со странами Востока. С другой стороны, СССР с каждым годом все более и более расширяет сбыт сахара, нефтепродуктов, мануфактуры, сельскохозяйственных машин в страны Востока, в том числе в Турцию. Как сообщал в интервью с корреспондентом «Правды» (18 окт. 1926 г.) советник нашего полпредства в Турции, т. Потемкин, о популярности наших земледельческих орудий в Турции можно судить хотя бы потому, что немцы сфотографировали присылаемые наши машины и стали импортировать в Турцию такие же; однако, преимущество отдается нашим.

Нельзя не констатировать с глубочайшим удовлетворением все эти достижения, ибо в дальнейшем процессе развития восточных стран, укрепление и усиление или наоборот ослабление наших дружественных связей с Востоком будет в значительной степени зависеть от наших торговых взаимоотношений с Востоком.

И здесь, уже с точки зрения нашей восточной политики, выясняется вся важность той программы экономического строительства, которая была принята на XIV съезде РКП (б) по докладу тов. Сталина. В своем докладе

т. Сталин в следующих словах изложил линию нашего хозяйственного строительства:

«Есть две генеральные линии: одна исходит из того, что наша страна должна остаться еще долго страной аграрной, должна вывозить сельскохозяйственные продукты и привозить оборудование, что на этом надо стоять и по этому пути развиваться и впредь. Эта линия требует по сути дела свертывания нашей индустрии. Она получила свое выражение недавно в тезисах тов. Шанина (может-быть, кто-либо читал их в «Экономической Жизни»). Эта линия ведет к тому, что наша страна никогда, или почти никогда, не могла бы по-настоящему индустриализироваться; наша страна из экономически самостоятельной единицы, опирающейся на внутренний рынок, должна была бы объективно превратиться в придаток общей капиталистической системы. Эта линия означает отход от задач нашего строительства. Это не наша линия.

«Есть другая генеральная линия, исходящая из того, что мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну, пока есть капиталистическое окружение, страной экономически самостоятельной, базирующейся на внутреннем рынке, страной, которая послужит очагом для притягивания к себе всех других стран, понемногу отпадающих от капитализма и вливающихся в русло социалистического хозяйства.[1] Эта линия требует максимального развертывания нашей промышленности, однако, в меру и в соответствии с теми ресурсами, которые у нас есть. Она решительно отрицает политику превращения нашей страны в придаток мировой системы капитализма.

«Другое дело, когда победит революция в Германии или во Франции, или в обеих странах вместе, когда там начнется социалистическое строительство на более высокой технической базе. Тогда мы от политики превращения нашей страны в самостоятельную экономическую единицу перейдем к политике включения нашей страны в общее русло социалистического развития. Но пока этого еще не произошло, нам абсолютно необходим тот минимум самостоятельности для нашего народного хозяйства, без которого невозможно будет уберечь нашу страну от хозяйственного подчинения системе мирового капитализма».

В своем заключительном слове, отвечая т. Сокольникову, т. Сталин еще раз остановился на вопросе об обеспечении нашей стране самостоятельного хозяйственного развития в обстановке капиталистического окружения и сказал, между прочим, следующее:

«Аграрная страна это такая страна, которая вывозит сельскохозяйственные продукты и ввозит оборудование, но сама этого оборудования (машины и пр.) не производит или почти не производит своими собственными силами. Если мы застрянем на той ступени развития, на которой нам приходится ввозить оборудование и машины, а не производить их

[1] Курсив везде наш. *М. П.*

собственными силами, то мы не можем быть гарантированы от превращения нашей страны в придаток капиталистической системы. Именно поэтому мы должны держать курс на развитие у нас производства средств производства. Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование, — вот в чем суть, основа нашей генеральной линии. Мы должны поставить дело так, чтобы помыслы и стремления хозяйственников были направлены в эту именно сторону, в сторону превращения нашей страны из страны ввозящей оборудование, в страну, производящую это оборудование. Ибо в этом основная гарантия хозяйственной самостоятельности нашей страны. Ибо в этом гарантия того, что наша страна не будет превращена в придаток капиталистических стран. Они, авторы плана Дауэса, хотели бы ограничить нас производством, скажем, ситца, но нам этого мало, ибо мы хотим производить не только ситец, но и машины, необходимые для производства ситца. Они хотели бы, чтобы мы ограничивались производством, скажем, автомобилей, но нам этого мало, ибо мы хотим производить не только автомобили, но и машины, производящие автомобили. Они хотят ограничить нас производством, скажем, башмаков, но нам этого мало, ибо мы хотим производить не только башмаки, но и машины, производящие башмаки и т. д., и т. п. Отказаться от нашей линии—значит, отойти от задач социалистического строительства, значит, стать на точку зрения дауэсизации нашей страны».

Содействуя превращению СССР из аграрной в индустриальную, способную производить все необходимое оборудование, тракторы, турбины, автомобили, паровозы и т. д., равно как и машины, производящие все эти автомобили, тракторы и т. д., мы не только гарантируем СССР от превращения в придаток общей капиталистической системы, мы не только устраняем опасность дауэсизации нашей страны, мы одновременно вводим в мировое хозяйство новый важный элемент, новый могучий фактор, помогающий возрождающимся странам Востока спастись от грозной перспективы экономического закабаления, от превращения в придаток капиталистическим державам, в экономический и военный плацдарм для действия против Советского Союза.

Значение положений т. Сталина с точки зрения нашей восточной политики ярко подчеркивается в следующем пункте резолюции съезда, принятой по отчету ЦК:

«в) Вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток капиталистического мирового хозяйства, а представлял бы собой самостоятельную экономическую единицу,

строящуюся по-социалистически и способную, благодаря своему экономическому росту, служить могучим средством революционизирования рабочих всех стран и угнетенных народов колоний и полуколоний».

Таким образом, изменение органического состава капитала нашей страны, увеличение удельного веса отраслей промышленности, производящих средства производства, увеличение роли техники, орудий производства, машин и т. д., во всх отраслях нашей экономики дает Советскому Союзу возможность оказать содействие отсталым странам Востока в борьбе против перспективы экономического закабаления капиталистическими державами и явится могучим орудием революционизирования многомиллионых масс Востока.

Индустриализация СССР поможет целому ряду восточных стран пройти ускоренным темпом капиталистическую фазу развития, возможность, которую, как напомнил Бухарин в своем докладе на XV партийной конференции, предусматривает т. Ленин в своих рассуждениях о колониальных революциях вообще и о революциях в полуколониальных странах.

Можно сказать, что положение о прохождении ускоренным темпом капиталистической фазы развития целым рядом стран, поскольку это положение должно рассматриваться с точки зрения практической политики, представляет собой пока отдаленную перспективу, однако, по справедливому замечанию Бухарина, эту перспективу надо уже теперь иметь в виду, тем более, прибавим мы от себя, что, как показал опыт работы наших восточных палат и наших хозяйственных трестов, поскольку речь идет о практической политике в меру и в соответствии с теми ресурсами, которыми мы обладаем, уже теперь кое-что делается в данном направлении. Конечно, было бы утопией ставить в данный момент вопрос о практической политике в широком масштабе, но в более узких рамках в меру наших экономических средств и промышленных возможностей данная политика проводится уже на деле несколько лет. Уже в 1923 г. Российско-Восточная Торговая Палата в своих тезисах о торговых взаимоотношениях с Востоком формулировала свой взгляд на задачи нашей торговой политики на Востоке в следующих словах: «Наша торговля с Востоком имеет целью вызвать к жизни потенцию национальных сил Востока как сил, сопротивляющихся проникновению империалистических держав». Мы не должны забывать, что между нашей торговой политикой по отношению к странам Востока и политикой по отношению к странам Запада не может быть проведено знака равенства.

Чтобы не дать восточным странам попасть в кабалу к иностранному капиталу, мы всеми возможными для нас средствами должны содействовать восточным странам превратиться в самостоятельные экономические организмы, которые будут в союзе с нами в борьбе против империализма. Соблюдая, естественно, принцип монополии внешней торговли, наши коммерческие и валютные интересы, стремясь по возможности к активному

балансу со странами Востока, мы должны вести такую политику, которая содействовала бы росту народного хозяйства стран Востока и эволюции их к более прогрессивным формам хозяйства, а это при данных условиях обозначает содействие ускоренному прохождению этими странами капиталистической фазы развития.

Тов. Сталин указал, что на наш Союз Республик весь Восток смотрит как на опытное поле. Вот почему экономические и культурные достижения народностей союзного Востока играют колоссальную роль в деле нашей смычки с зарубежным Востоком и одновременно в деле освобождения последнего от пережитков феодально-теократического строя во всех областях жизни. Кто может отрицать, что та решительная революционная борьба, которую передовые элементы Турции повели против светской и духовной реакции, против всех пережитков феодально-крепостнического режима не в малой степени стимулировалась примером народов Советского Востока и великими экономическими и культурными достижениями последнего. Когда по инициативе наших восточных народностей был поставлен в порядок дня вопрос о латинском алфавите и созван Первый Тюркологический Съезд, противники нового алфавита уверяли, будто введение латинского алфавита в странах Советского Востока выроет пропасть между нашим Востоком и зарубежным. Тот отклик, который Первый Тюркологический Съезд в Баку встретил в Турции среди передовых элементов всего населения, т.-е. тех, кому принадлежит будущее, ясно показывает, что каждый шаг вперед Советского Востока в области как экономического, так и культурного строительства является лучшим элементом скрепления уз дружбы между зарубежным Востоком и Советским Союзом.

Великая Октябрьская революция, превратившая бывшую царскую империю, тюрьму народов, палача всего Востока, в непобедимую крепость, опираясь на которую угнетенные восточные страны сумели повести тяжелую, но победоносную борьбу за свое экономическое, политическое и культурное освобождение, вдохнула новую жизнь и в наше востоковедение как науку.

Систематическое научное изучение Востока в социально-экономическом и политическом отношении начинается в России только с Октябрьской революции. Велики заслуги Академии Наук, Русского Географического Общества, Московского Археологического Общества и других центральных и местных учреждений в деле изучения языка восточных народов, природных богатств и производительных сил Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока, и в этой области мы имели блестящие работы и ценнейшие материалы, обязанные трудам наших академиков. Однако, в силу целого ряда условий, русская литература о политическом, экономическом, социальном положении стран Востока была в эпоху царизма крайне малоценна.

Этот факт признается всеми объективными учеными, как, например, известным академиком Сергеем Ольденбургом. В небольшой рецензии,

напечатанной в «Научном работнике» (№ 1, 1925 г.), С. Ольденбург пишет следующее:

«Ясно, что в революционные периоды на первый план жизнь старается выдвинуть все наиболее практически, жизненно необходимое и что зачастую в этом совершенно понятном увлечении забывается, что практика без опоры теории скоро жиреет и слабеет.

«Так было и с востоковедением. Что сейчас нужнее для революции? Естественно, знание современного Востока, его политической и экономической жизни. Что в этом отношении могло дать ему дореволюционное востоковедение. Очень мало, и, понятно, почему.[1]

«Вопросы экономические очень трудны и сложны и требуют для правильного исследования очень большой предварительной подготовки; она особенно была трудна за почти полным отсутствием или малой доступностью источников. Поэтому востоковедение в первую голову изучало языки, историю и литературу Востока, создавая твердый базис для его понимания; чтобы до конца понять народ, надо понять его язык».

Соглашаясь вполне с академиком С. Ольденбургом насчет необходимости изучения восточных языков для понимания жизни народов Востока, мы должны заметить, что его замечание насчет важности теории в качестве опоры практики не имеет отношения к вопросу о заслугах дореволюционного востоковедения. Ясно, что ни Академия Наук, ни Азиатский Музей, ни факультет Восточных языков Петербургского Университета, ни Восточное Отделение Русского Археологического Общества, одним словом, ни одно из этих востоковедных учреждений, о деятельности которых упоминает академик Ольденбург, абсолютно ничего не сделали, да и не могли сделать в области теории, которая объясняла бы нам политическую и экономическую жизнь нового Востока. Все прошлое старого Востока, его экономическая, политическая и духовная жизнь с ее застывшими в течение веков формами, — все это может быть объяснено только с точки зрения теории исторического материализма. К несчастью, марксисты, за незнанием восточных языков, очень мало изучали Восток и потому его история, прошлая экономическая и духовная жизнь остались до сих пор неосвещенными. Ныне начинается новая эпоха в изучении не только старого, но и современного Востока. С одной стороны у нас растет кадр молодых востоковедов, изучивших тот или другой восточный язык и вооруженных марксистским методом, с другой стороны, что еще важнее, в самих странах Востока: в Китае, Турции и т. д., в рядах молодежи растет число марксистов, внимательно изучающих русскую марксистскую литературу. Мы имеем уже в переводе на японский и китайский языки сочинения Ленина, Бухарина и т. д. Даже многие работы автора этих строк удостоились перевода на восточные языки. Интерес к нашей марксист-

[1] Курсив наш. *М. П.*

ской литературе лучше всего свидетельствует о том, что марксистская точка зрения находит не мало сторонников в Японии и Китае.

Первым великим востоковедом, уже в 1905 г. предугадавшим неизбежность мощного национально-освободительного движения на Востоке, мы считаем т. Ленина, посвятившего, начиная с русско-японской войны, ряд блестящих статей новой Азии, новому Востоку. С этого момента начинается изучение нового Востока в русской социалистической литературе. Однако, до Октябрьской революции кадр русских писателей, занимавшихся изучением нового Востока, был численно ничтожен и определялся несколькими единицами.

После Октябрьской революции в России создаются учебные и ученые учреждения в целях изучения нового Востока в языковом, географическом, политико-экономическом и историко-революционном отношениях. В создании этих учреждений виднейшая роль принадлежит т. Ленину. Тов. Ленин был духовным отцом Всесоюзной Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК'е СССР, учрежденной в 1921 г. бывшим Народным Комиссариатом по национальным делам. Ныне по образцу этой Ассоциации создана Всеукраинская Научная Ассоциация Востоковедения. Далее тов. Ленин в качестве председателя Совета Народных Комиссаров оказал мощное содействие созданию двух новых учебных востоковедных Институтов, именно Московского Института Востоковедения и Ленинградского Института Живых Восточных Языков. Собственно говоря, идея создания Востоковедного Института в Москве была впервые формулирована Максимом Горьким в его письме т. Ленину. Тов. Ленин положил обширную резолюцию на письме Горького с заданием Наркомнацу немедленно приступить к организации Института.

В своем докладе на XV конференции тов. Бухарин указал, что «мы сравнительно мало ориентированы по отношению ко всему Востоку и колониальному движению, в том числе и по отношению к такому огромному движению, как теперешняя национальная революция в Китае».

«Если для разных стран Западной Европы у нас хорошо известны основы экономики и политики, настолько хорошо известны, что мы знаем персональный состав руководителей и буржуазных кругов, и социал-демократии, и руководителей Коммунистической партии, то мы должны открыто сказать, что в неизмеримо меньшей степени мы знакомы даже с самыми основами и экономической, и политической структуры восточных стран. Между тем без этого знания чрезвычайно трудно намечать какую бы то ни было правильную политику».[1]

Однако, если мы сравним то литературное наследие о всем Востоке, об экономической и политической структуре восточных стран, которое мы получили от дооктябрьской эпохи, с тем громадным литературным богатством, которое мы создали и накопили за последнее пятилетие, мы увидим как ценны наши достижения за этот период.

---

[1] Пятнадцатая конференция Всесоюзной Коммунистической Партии (б). Бюллетень № 1, стр. 25 — 26. ГИЗ. Москва, 1926.

Мы глубоко убеждены в том, что благодаря существованию ученых учреждений, как Всесоюзная Научная Ассоциация Востоковедения и возникшая недавно Всеукраинская Научная Ассоциация Востоковедения, благодаря нашим учебным востоковедным институтам, число которых будет расти, мы в скором времени будем иметь целую плеяду ценнейших работников востоковедов, как на почве практической деятельности, так и на почве востоковедения как науки.

Мы не сомневаемся в том, что не далеко то время, когда востоковедение в СССР будет стоять выше, чем в какой бы то ни было другой стране, и когда всесторонне углубленное изучение Востока будет немыслимо без изучения русских источников. Мы уже теперь видим, как многие западно-европейские востоковеды усердно изучают русскую послеоктябрьскую литературу о Востоке и тщательно следят за всем, что выходит в СССР в этой области.

Наш труд о Востоке распадается на две части; вторую часть мы посвящаем Персии, Китаю, Индии. Лежащая перед читателем первая часть распадается на два раздела. В первом разделе под общим заголовком «СССР и Восток» мы освещаем вопрос о наших взаимоотношениях с Востоком прежде всего с точки зрения тезисов Ленина по колониальному и национальному вопросам (статьи: «Ленин и Восток», «СССР и Восток», «Ленин и национальный вопрос»), устанавливаем принципы нашей торговой политики по отношению к странам Востока (ст. «Восточные торговые палаты»), затрагиваем вопрос о новом тюркском алфавите и культурных достижениях тюрко-татарских народностей со времени Октябрьской революции, наконец, останавливаемся на задачах и работе наших востоковедных вузов и Научной Ассоциации Востоковедения, учреждений, которым суждено сыграть крупную роль в развитии нашего востоковедения. Во втором разделе мы останавливаемся на Турции, при чем уделяем особое внимание той роли, которую в истории новой Турции сыграл Советский Союз.

Работа о Турции была опубликована впервые в 1921 г. в издании Коминтерна. Работа эта дополнена двумя новыми главами, изучающими экономическое и политическое положение Турции за период 1922 — 1927 гг.

М. Павлович.

Запис ст. Ч 6063
Львів. Бібліотека АН. УРСР

Львівська державна наукова бібліотека № 4558

СССР И ВОСТОК

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 г. И ВОСТОК.

Революция 1905 г. Русско-японская война и Восток. Ленин о последствиях русско-японской войны.

В пророческой статье «Падение Порт-Артура», напечатанной во «Вперед» за несколько дней до 9 января, — именно 1 января 1905 года, т. Ленин так объяснял роль неудачной войны с Японией, как могучего агитационного средства, как крупнейшего революционного фактора:

«Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным. Царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела, которому царизм отдавался всей душой, которым он все более гордился, которому он приносил безмерные жертвы, не стесняясь никакой народной оппозиции. Гроб поваленный, — вот чем оказалось самодержавие в области внешней защиты, наиболее родной и близкой ему, так сказать, специальности.

«Но почему и в какой мере падение Порт-Артура является действительно исторической катастрофой?

«Прежде всего бросается в глаза значение этого события в ходе войны. Главная цель войны для японцев достигнута. Прогрессивная передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе. Десять лет тому назад эта реакционная Европа (с Россией во главе) обеспокоилась разгромом Китая молодой Японией и объединилась, чтобы отнять у нее лучшие плоды победы. Европа охраняла установившиеся отношения и привилегии старого мира, его предпочтительное право, веками освященное, исконное право на эксплуатацию азиатских народов. Возвращение Порт-Артура Японией есть удар, нанесенный реакционной Европе. Россия шесть лет владела Порт-Артуром, затратив сотни и сотни миллионов рублей на стратегические железные дороги, на создание портов, на постройку новых городов, на укрепление крепости, которую вся масса подкупленных Россией европейских газет прославила неприступной. Военные писатели говорят, что по своей силе Порт-Артур равнялся шести Севастополям. И вот, маленькая, всеми до тех пор презираемая Япония в восемь месяцев овладевает этой твердыней после того, как Англия и Франция вместе возились целый год со взятием одного Севастополя».

И мы знаем, что события оправдали прогноз (предсказание) Ленина. Тот факт, что маленькая Япония могла победить гигантскую Россию, этого страшного дотоле врага всех азиатских народов, произвел сильнейшее впечатление на население всей Азии. Маленькие японцы побеждают сильнейшую военную державу в Европе. Каким образом достигают они этого? Они брали уроки у самой Европы и заимствовали европейские учреждения.

Еще большее впечатление на народы Востока произвела русская революция 1905 г. В жизни азиатских народов русская революция сыграла такую же громадную роль, какую некогда в жизни европейцев сыграла Великая Французская Революция.

После русско-японской войны и русской революции 1905 года мы видим подъем освободительного движения в Персии, всеобщую забастовку в августе 1906 г. в Тегеране, созыв первого меджилиса (парламента) в октябре того же года, затем усиление младо-турецкого движения в Турции, закончившееся революцией 1908 г., разбившей в щепы устои деспотической власти кровавого султана Абдул-Гамида, далее революционное движение в Китае, завершившееся свержением династии манчжуров и провозглашение республики в 1911 году.

После русско-японской войны и русской революции 1905 г. национально-освободительное движение на всем Востоке начинает развиваться усиленным темпом под знаком борьбы как против внутренней реакции и деспотического режима в собственной стране, так и против гнета со стороны империалистических европейских государств, превративших весь Восток в колонию мирового капитализма.

В течение многих столетий азиат с трепетом смотрел на европейца, считая последнего злым и коварным, но в то же время непобедимым врагом, бичом божьим, борьба с которым заранее обречена на неудачу и связана с жестокой карой. Ляойян и Мукден, отступление, казалось, бесчисленных армий белого царя, могущественнейшего из владык Европы перед желтолицыми солдатами маленькой Японии открыли глаза азиатам и показали им, что борьба с Европой возможна и при надлежащей организации и упорном натиске желтых масс должна привести к победе. В тот момент, когда страшный дотоле двуглавый орел оказался неожиданно побежденным и «на забаву желтым детям даны» были, по выражению Вл. Соловьева, «клочки от его знамен», сонная дотоле Азия сразу пробудилась к новой жизни.

Политические и экономические предпосылки национально-освободительного движения на Востоке в XX веке.

Десятилетие, предшествовавшее русско-японской войне и русской революции 1905 г., было эпохой особенно усиленного натиска капиталистических держав на черный и желтый континенты.

Так, по отношению к Срединной Империи период, начиная с японо-китайской войны 1894 г., оторвавшей от Китая ряд его территорий, может быть охарактеризован, как период усиленного расчленения Китая мировыми хищниками. Германия захватывает провинцию Киао-Чоу с портом Циндао, Россия — Порт-Артур и Дайрен, Англия отрывает от Китая Вейхавей и территорию, лежащую на материке против острова Гонконга, Франция присоединяет к своим владениям Гуань-Чжоу-Вань и округляет свои территории за счет Китая, чтобы не быть опереженной в борьбе за раздел Китая другими хищниками. С. Штаты в 1898 году объявляют войну Испании и захватывают не только Кубу, ключ к Панамскому каналу, кратчайшему пути от берегов восточной Америки к китайскому побережью Тихого океана, но и Филиппины, базу на подступах к Китаю. Это наступление мирового капитала на Китай вызывает со стороны народных масс Китая отпор в форме боксерского восстания 1900 — 1901 гг.

Вслед за испано-американской войной 1898 г. начинается англо-бурская война 1899 — 1901 гг., война за гегемонию Англии не только в южной Африке и во всей восточной половине черного континента, но и Индийском океане и на морском пути вдоль западного побережья черного континента в Азию. После того, как Англия утверждает свою гегемонию в южной части Африки, империалистическая Франция в интересах сохранения «равновесия сил» в Африке начинает свое наступление в северо-западной части Африки. Подписав тайные договоры с Испанией, Италией, Англией, Франция обеспечивает себе свободу действий в Марокко и приступает к завоеванию этой области. В то время как разыгрываются эти события в Китае, в южной и северной Африке, Германия, «утверждая свое влияние» в западной и восточной Африке, принимая участие в грабеже Китая, усиленно проводит в Малой Азии свою багдадскую рельсовую колею, долженствующую приковать Турцию с ее громадными естественными ресурсами к победной колеснице Германской империи, и вопрос о Багдадской дороге становится одним из главнейших стержней, вокруг которого начинает вращаться вся международная политика. Одновременно идет натиск на Персию с севера, со стороны царской России, с юга — со стороны Англии и по турецкой границе — со стороны Германии, которая создает план проведения ветви от багдадской магистрали (Багдад — Ханикин — Керманшах — Хамадан) подчинить своему экономическому и политическому влиянию Персию.

Само собой разумеется, что на ряду с захватом африканских и азиатских территорий, созданием здесь военных баз, сооружением рельсовых путей идет усиленное проникновение европейского и американского капиталов в колониальные и полуколониальные страны. Усиленно строятся рельсовые пути, шоссейные дороги, воздвигаются порты, набережные, европейские товары все в большем количестве проникают в самые отдаленные пункты Персии, Турции, Индии и т. д., разрушая местную кустарную промышленность, и страны Востока с каждым днем все более и более превращаются в сырьевые и

продовольственные базы, в так называемую «хозяйственную территорию», в «хинтерланд», на который опираются индустриальные страны. За период с 1901 г. по 1906 г. внешняя торговля Британской Индии возрастает с 3081 миллионов марок до 3928, Китая — с 1376 миллионов марок до 2294, Персии — с 149 миллионов марок до 251. Таким образом, только за первое пятилетие нынешнего столетия торговля трех азиатских стран возрастает почти на 2 миллиарда марок. Одновременно под влиянием финансового капитала, который создает в Индии, Китае, Турции фабрики и заводы, эксплуатирует угольные копи и т. д., в странах Востока начинает создаваться вначале очень немногочисленный, но затем все более растущий численно железнодорожный и фабричный пролетариат.[1] Этот пролетариат естественно подпадает в Индии, Китае, Турции под влияние оппозиционно настроенной туземной торговой буржуазии, недовольной засилием иностранного капитала и опасающейся в Турции, Персии, Китае окончательного уничтожения последних остатков независимости своих стран.

Так создается база для национально-освободительного движения на всем Востоке. Этому движению дают первый могучий толчок русско-японская война и революция 1905 г.

Персия.

Из всех стран Востока особенно близко была связана с царской Россией в экономическом отношении Персия. Во внешней торговле последней Россия по импорту и экспорту занимала первое место среди других держав. Русский экспорт в Персию составлял в 1886 г. 6,1 млн. руб., в 1896 г. — 14,5 млн. руб., в 1907 г. — 28,3 млн. руб. Русский импорт из Персии выражался в следующих цифрах: в 1886 г. — 10,3 млн. руб., в 1896 г. — 17,7 млн. руб., в 1907 г. — 20,3 млн. руб. Но связь Персии с Россией выражалась не только в возраставших из года в год торговых связях. В течение пятнадцати лет, предшествовавших 1905 г., из Персии ежегодно отправлялись десятки тысяч бедняков на Кавказ, где они работали на нефтяных промыслах в Баку, в Грозном, где на каждой фабрике, в каждом промышленном учреждении в Тифлисе, в Эриване, во Владикавказе, в Новороссийске, в Дербенте, Темир-Хан-Шуре были представители персидских трудовых масс. И в общении с русскими и кавказскими пролетариями, в работе под общим фабричным сводом или в четырех стенах одной общей душной мастерской, персидский труженик в лице его наиболее сознательных элементов приобщался к великому революционному движению, волны которого бушевали по всей Российской империи.

[1] В Индии мы имеем в 1905 г. служащих и рабочих на железных дорогах и в железнодорожных постройках около 350 000, в хлопчатобумажной и в джутовой промышленности около 300 000, в каменноугольных копях около 70 000, а в общем в крупных предприятиях, имеющих более 50 рабочих, около 800 000 человек, включая и железнодорожный персонал.

События русской революции — 9 января, всеобщая забастовка, московское вооруженное восстание — произвели потрясающее впечатление на население Персии. Нелегальная персидская литература проникла во все города, повсюду происходили демонстрации против шаха и его сатрапов, клич «да здравствует конституция» разносился по всей стране. Наконец, в августе 1906 года началась знаменитая всеобщая забастовка в Тегеране, в которой приняло участие все духовенство столицы, закрывшее все мечети, все купечество, закрывшее все лавки и базары, далее ремесленники, рабочие, одним словом, все классы населения. Результатом этой всеобщей забастовки и явилось провозглашение конституции в августе 1906 г. и созыв первого меджилиса (парламента) в октябре того же года.

Недолго просуществовал первый персидский меджилис. Но и за короткое время своего существования он успел многое сделать. Были вотированы новые законы, наносившие страшный удар экономическому господству мюлькадаров (крупных помещиков), было приступлено к коренной реформе податной и административной системы Персии. Новая эра как будто открывалась перед измученной страной. Но перспектива возрождения Персии не могла не пугать русских черносотенцев и английскую буржуазию.

Первоначально Англия поддерживала персидское национальное политическое движение.

Так как русское политическое, экономическое и военное влияние в Тегеране было очень сильно, благодаря тяготению реакционного шаха к царскому правительству, поддерживавшему старый персидский режим силой казачьей бригады, обученной и руководимой русскими офицерами, Англия, чтобы подорвать влияние России в Персии, вступает как бы в тайный союз с персидским народом, пользуется пробуждающимся в стране конституционным движением и, оказывая энергичную поддержку населению, борющемуся за свободу, в необычайной мере подымает свой престиж в Северной Персии и этим самым создает себе в 10-миллионном персидском народе верного союзника в борьбе против агрессивной политики России в Средней Азии. Но дружба английской дипломатии с персидским освободительным движением длится недолго. Англия поддерживала конституционное движение в северных областях Персии, пока нужно было противодействие русскому влиянию при дворе шаха, но в то же время Англия всеми силами подавляла освободительное движение в южных провинциях, прилегающих к индийской границе, оказывала в этих областях всяческую поддержку персидским сатрапам, боровшимся против освободительных идей. Рость революционного движения среди 300-миллионного населения Индии не в меньшей мере, чем страх перед Германией, толкнул Англию к сближению с Россией. Именно, опасение, что торжество революции во всей Персии даст сильный толчок революционному движению в Индии, заставило английскую дипломатию круто изменить свой курс по отношению к освободительному движению в Пер-

сии. Таковы основные мотивы пресловутого англо-русского соглашения 1907 г. по персидским делам.

Опубликование англо-русской конвенции, означавшее фактическое уничтожение персидской независимости и учреждение англо-русского протектората над Персией, сильно встревожило сознательные слои персидского общества и внесло большое смятение во внутреннюю жизнь страны, обострив чувство неуверенности в завтрашнем дне. Повсюду усиливается анархия, реакция подымает голову, и шах с особой энергией начинает готовиться к решительному выступлению, ведя в то же время систематическую подпольную войну против новых учреждений.

11 (24) июня 1908 г. начальник персидской казачьей бригады, полковник Ляхов, действуя по плану, выработанному им совместно с русским посланником в Тегеране, Гартвигом, главой персидских реакционеров, эмиром Богадуром Джанком, и с одобрения командующего войсками Кавказского военного округа, подверг бомбардировке персидский меджилис. Многие народные представители были убиты или казнены (мирза Ибрагим, мирза Хан, Мутакалимин и проч.), другие подверглись пыткам и брошены в тюрьмы, третьи изгнаны или бежали сами.

Так русским полковником было временно подавлено движение, которому такой сильный толчок дали русская революция и русско-японская война.

Персидское революционное движение было тесно связано с рабочим движением в России, наоборот, персидская контр-революция черпала свои силы у подножия царского трона. Весьма любопытно, что основателем персидской социал-демократической партии (Ичмаюн Амиюн) был покойный товарищ Н. Нариманов; наоборот, главным вдохновителем персидской контр-революции был русский подданный С. М. Шапшал, возбудивший против себя всеобщую ненависть в Персии. Шапшал кончил восточный факультет Петербургского Университета и был по рекомендации царского правительства назначен воспитателем шаха Мемеда-Али, когда тот был наследником престола. Шапшал и Ляхов были главными вдохновителями и руководителями государственного переворота 23 июня 1908 г., бомбардировки и разгрома персидского меджилиса. В этот исторический момент решительной борьбы с персидским революционным движением «при шахе», как писал корреспондент одного русского военного журнала Н. П. Мамонтов, остались только два верных ему честных человека — по злой для него иронии судьбы — оба русские подданные: Сергей Маркович Шапшал и командир казачьей его величества шаха бригады — полковник Ляхов. С другой стороны, персидская революция нашла вернейших союзников в России. Одна только Бакинская социал-демократическая организация послала в Тавриз 22 дружинника, которые привезли с собою 40 винтовок Бердана и 50 бомб. Одной из этих бомб был убит губернатор Маранда. Кавказский Областной Комитет послал одного своего члена в качестве руководителя кавказскими революционерами в Персии для борьбы против реакции.

Тов. Гурко-Кряжин в очень интересной статье «Нариманов и Восток» [см. «Новый Восток», 1925, № 1 (7)], подчеркивая тот факт, что Нариманов был основателем персидской социал-демократической партии, ставит вопрос: «Как это случилось? Почему закавказский революционер стал основателем персидской политической партии»? На этот вопрос т. Гурко-Кряжин дает следующий ответ:

«Для того, чтобы понять этот факт, необходимо иметь в виду, что Закавказье в годы подъема русского революционного движения жило общей жизнью с соседними странами: Персией и Турцией. Если генерал Алиханов-Аварский громил селения гурийцев в Западной Грузии, а полковник Мартынов расстреливал тифлисских рабочих, то другой царский полковник Ляхов, разгонял и вешал персидских демократов в Тегеране. Этот нажим царизма рождал солидарность интересов, вызывал потребность в общем революционном действии. В особенности это чувствовалось после разгрома революционного движения 1905 — 1906 года: закавказские революционеры и в том числе товарищ Нариманов пришли к совершенно правильному выводу, что все равно, где делать революцию, лишь бы это была революция. И вот мы видим, как кучка кавказцев-«фидаев» под предводительством армянина Ефрема ниспровергает шаха Мемед-Али. Другая горсть героев-кавказцев выдерживает в течение 9 месяцев историческую осаду в Тавризе.[1] Любопытно отметить, что их чрезвычайно воодушевляет известие о младотурецком перевороте. Неудивительно, что русские реакционные круги устами «Нового Времени» требуют «беспощадного искоренения преступников-фидаев», мотивируя это тем, что «и истинная гуманность требует жестокости». Угрозы «Нового Времени», конечно, не напугали кавказских революционеров. Отряды их один за другим проникали в Персию и принимали самое деятельное участие в борьбе с персидской контр-революцией, руководимой царскими агентами».

Турция.

Русско-японская война и русская революция дали толчок национально-освободительному движению и в Турции. Как вынужден был признать в свое время Милюков, турецкие революционеры с большим вниманием следили еще в Париже за развитием революции и сделали отсюда некоторые выводы (П. Милюков: «Балканский кризис и политика А. И. Извольского». С.-Петербург. 1910). Но значение русской революции заключалось, конечно, не столько в ее влиянии на эмигрантские круги, сколько в ее глубоком воздействии на широкие народные массы Турции, на турецкую армию. До 1906 г. турецкое оппозиционное дви-

[1] При обороне Тавриза погибли 22 кавказских социал-демократа (Владимир Думбадзе, Валико Бокрадзе, Нахвиладзе, Георгий Эмушвари, Чита и др.). При взятии Решта в январе 1909 г. кавказские с.-д. потеряли несколько товарищей, в том числе двух с.-д. бомбометателей.

жение как будто сосредоточивалось исключительно за границей, в турецкой эмигрантской среде, в Женеве, в Париже и некоторых других городах Европы. Наибольшее влияние среди турецких эмигрантов в Европе имела младотурецкая партия иттихадистов («Единение и Прогресс»). Начиная с 1905 г. влияние младотурок в самой Турции быстро растет, и скоро партия иттихадистов создает целую сеть подпольных организаций во всей стране, в особенности же среди армии. В 1906 г. младотурецкое движение принимает столь внушительный характер, что Центральный Комитет партии покидает Париж и переносится в Салоники, где образуется главный штаб движения против султанского правительства. В 1907 г. в Париже, по инициативе партии Дашнакцутюн, происходит конгресс всех революционных партий и организаций против Турции. На этом конгрессе решено было начать общее наступление против султанского правительства в тридцатую годовщину восшествия на престол Абдул-Гамида с целью свержения кровавого султана.

Англо-русский проект македонских реформ, последовавший за историческим свиданием английского и русского государей в Ревеле, 9 июня 1908 г., ускорил взрыв. Младотурецкая партия решила не откладывать дела в долгий ящик и немедленно поднять знамя восстания против султана.

Роль турецкой армии в освободительном движении была велика, однако, не следует умалять роль остальных элементов турецкого населения в конституционном движении, как это делали многие. Можно считать уже вполне установленным тот факт, что турецкое освободительное движение отнюдь не явилось движением, захватившим, прежде всего и главным образом, армию, как изображали переворот 1908 г. буржуазные писатели Европы и царской России.

Турецкая революция явилась движением общенациональным, в котором самое энергичное участие принимали все слои турецкого населения. И если справедливо, что из двух первых турецких батальонов, поднявших знамя восстания против султана, батальон под командой лейтенанта Энвер-бея состоял в значительной степени из солдат, зато второй более многочисленный отряд, двинувшийся под начальством майора Ниязи-бея, коменданта крепости Реня, состоял почти исключительно из невоенных. Все значение этого факта сразу бросается в глаза. Итак, в первых двух батальонах, начавших совместно восстание, было больше невоенных, чем военных. Таким образом уже этот первоначальный эпизод турецкой революции, представляющий собою один из тех фактов, к которым применим афоризм: «золотник фактов дороже пуда рассуждений», уничтожает представление о турецкой революции 1908 г., как о специфически военном пронунциаменто (восстание, бунт).

Крошечная армия Ниязи-бея и Энвер-бея оказалась непобедимой в войне с Абдул-Гамидом прежде всего потому, что на ее сторону сразу же стало все мусульманское население Македонии, все мусульманское крестьянство европейской Турции.

Во всех турецких деревнях крестьяне безвозмездно снабжали фидаев (волонтеров) провизией, сообщали о передвижениях правительственных отрядов, давали приют фидаям и скрывали их. За голову Энвер-бея была обещана громадная сумма, но последняя никого не соблазнила. Многие деревни открыто отказывались повиноваться правительству и платить подати. После турецких деревень на сторону Ниязи-бея стали переходить и болгарские деревни. Лишь после того, как крестьянская масса решительно изъявила свое сочувствие и готовность оказать поддержку революционным планам Ниязи-бея, последний начал свое победное шествие от одного города к другому. Вообще июньская революция 1908 г. в ее первоначальной стадии может быть с большим основанием охарактеризована, как восстание мусульманского крестьянства европейской Турции против старого абдул-гамидова режима, чем как военное пронунциаменто.

Индия.

В опубликованной в 1919 г. английской «Синей книге» о революционном движении в Индии в период с 1897 по 1918 гг. мы находим часто указания на то влияние, какое русская революция 1905 года и русско-японская война имели на подъем революционного движения в Индии. Именно, после 1905 г. в Индии с особой силой развивается террористическое движение, в различных частях Индии все чаще и чаще происходят противоправительственные демонстрации, все чаще вспыхивают волнения среди племен, туземная печать приобретает все более оппозиционный характер, и англо-индусская бюрократия, напуганная ростом революционного движения в стране, принимает самые жестокие репрессивные меры, чтобы подавить движение, которому дали такой могучий толчок русская революция и русско-японская война. Прежде всего английская бюрократия обрушивается на печать и бросает в тюрьму журналистов, осмелившихся возвысить свой голос в защиту угнетенной страны. Так, в 1908 г. известный индусский публицист Тилак был приговорен к шести годам тюремного заключения за свои статьи о режиме террора, господствующего в угнетаемой английским правительством стране. Одновременно с ним были арестованы и сосланы без суда административным порядком в более или менее отдаленные места восемь вождей национального движения. С той поры, как явствует из английских же официальных документов, много индусских журналистов и владельцев типографий разделили участь Тилака и были присуждены к каторжным работам за напечатание революционных статей. Закон 11 декабря 1905 года восстанавливает исключительное положение 1818 г., введенное в стране разбойничьей индо-британской компанией, и дает возможность правительству Индии бросить в тюрьмы 130 журналистов. Этот закон уничтожает свободу печати и дает право местным административным властям конфисковать все подозрительные произведения печати.

Но все эти репрессивные меры не останавливают движения: 2 ноября 1908 г. в различных частях Индии происходят антиправительственные демонстрации в связи с сожжением трупа индуса Каная, убийцы одного полицейского; 7 ноября — покушение на жизнь Андре Фразера, генерал-губернатора Бенгалии; 9 ноября — убийство комиссара полиции; 25 ноября — покушение на убийство Омма, прокурора в Агарпаре; 22 декабря — вторичное покушение на жизнь того же прокурора; 7 мая 1909 г. — окончание громкого процесса 35 индусов, обвиняемых, в связи с обнаружением бомб в предместьи Калькутты, в заговоре против правительства, при чем двое обвиняемых приговариваются к смерти, а шесть — к вечной каторге; 1 июня — оправдание высшим судом трех индусов по делу о бомбистском заговоре в Миднапуре, сильное волнение, вызванное оправдательным вердиктом в рядах англо-индусской бюрократии, в консервативной прессе метрополии и среди многих депутатов палаты общин; 5 июня — убийство в Дакке индуса Гоббеша, в связи с выдачей членов революционного общества; 1 июля 1909 г. — убийство в самом Лондоне полковника сэра Керзона Уилли молодым индусом Мадар-Лал-Дингрой; 14 ноября 1909 г. — покушение в Амерабаде на жизнь вице-короля Индии лорда Минто и его супруги, при чем под карету наместника брошена была бомба; 17 декабря в Лагоре покушение, тоже посредством бомбы, на жизнь правительственного комиссара; 22 декабря — убийство Жексона, высшего английского чиновника в Назике, при чем в связи с этим убийством арестовано тридцать браминов, обвиняемых в заговоре.

И террористические акты не прекращались в Индии, а повторялись то там, то здесь. Чуть ли не каждый день англо-индусские газеты публиковали сведения о волнениях среди тех или других племен, о казнях, о многочисленых арестах, принимающих порой массовый характер. Так, по сообщениям «Таймса» от 16 сентября 1909 года, в одной только провинции Патиала было арестовано 160 человек в один день. И такие массовые аресты представляли далеко не редкость в Индии. Начались также аресты в войсках. Так, в январе 1909 года было арестовано десять солдат туземного калькуттского полка. По официальному сообщению, арестованные вступили в полк специально с целью агитации.

Китай.

Русско-японская война и русская революция дали сильный толчок реформаторскому и революционному движению в Китае.

Русско-японская война 1904 — 1905 гг. с ее неожиданными результатами — разгромом гигантской, но отсталой России и блестящими победами конституционной Японии — произвела сильное впечатление в правящих кругах Срединной империи. На верхах бюрократии, вокруг трона, тогда определились три правительственные партии: манчжурская реакционная партия, во главе которой стоял принц Цип, самый старший по летам представитель царствующей династии; сюда вошли все мракобесы, бывшие тайными вождями пресловутого боксерского восстания, все

влиятельные китайские черносотенцы и т. д.; манчжурская прогрессивная партия, куда вошли принц Су, вице-король Дуаньфан, герцог Цзай-Цзе и многие другие влиятельные манчжурцы. Эта группа защищала идею уничтожения всяких перегородок между манчжурами и китайцами, настаивала на неотложном проведении других реформ, но указывала на необходимость известной постепенности в этом вопросе, предлагая начать дело реформ, прежде всего с преобразования одной провинции, именно Манчжурии. Наконец, правительственная партия китайских реформистов как бы продолжила дело Кан-Ю-Вея, так трагически прерванное в 1898 г. Главными представителями этой группы были вице-король двух «Х» (Ху-бей и Ху-нань), Чжан-Чжи-Дун, вице-король двух Гуанов, Цэнь-Чунь-Сюян и многие другие бюрократы чистой китайской крови. Оставаясь верными династии, эти чиновники указывали на необходимость введения реформ во всей империи, главным образом, в области образования, защищали идею всеобщей грамотности, введения воинской повинности и т. д.

Стремление к образованию явилось основной чертой китайского общества в период после русско-японской войны.

В 1904 г. китайских студентов в Японии было 2406, в 1906 — 8620, а в 1907 г. их уже насчитывалось более 10 000. Стремление к образованию получило в период после 1905 г. прямо стихийный характер, и частная инициатива в этом отношении шла далеко впереди правительственной. Во время «чумной конференции» немецкие врачи говорили: «Китай за какие-нибудь три — четыре года сделал в интеллектуальном отношении такой шаг вперед, какой другие нации сделали бы в несколько десятков лет».

Движение в сторону реформ, все усиливавшееся после русско-японской войны в рядах китайского купечества, передового чиновничества, профессуры и т. д., заставило и манчжурскую династию пойти на уступки «духу времени».

После японских побед 1904 — 1905 гг., когда сознание необходимости реформ с особой силой стало развиваться даже в правящих кругах Срединной империи, бюрократия устремила свои взоры на Юань-Ши-Кая, как на единственного государственного человека, который мог бы осуществить великое дело преобразования империи, не посягая на привилегии мандаринов и всей господствующей клики. Юань-Ши-Кай был не только вице-королем важнейшей провинции — ему было поручено командование шестью дивизиями преобразованной северной армии и управление министерством финансов и путей сообщения. Именно в 1905 г. Юань-Ши-Кай руководил первыми большими маневрами в Китае, на которые были приглашены иностранные военные атташе и о которых было напечатано много статей и даже отдельных брошюр в Европе и Америке. Эти маневры произвели большое впечатление в Китае, так боявшемся внешних врагов, и немало содействовали подъему престижа Юань-Ши-Кая даже в тех кругах, которые ненавидели его за участие в перевороте 1898 г. После

этих маневров и блестящих отзывов о них европейских атташе, влияние Юань-Ши-Кая при дворе подымается до необычайной степени. Вместе с тем начинается кратковременная эпоха реформ сверху. Прежде всего правительство отправляет в Европу и С. Штаты две чрезвычайные комиссии для ознакомления с государственным строем различных государств, конституционными законами, организацией народного образования, армии и т. д. Объявляется указ об отмене пыток при судебном следствии. Далее объявлен указ о реформе военных училищ, о введении европейской формы в войсках, открыты в различных частях империи новые школы. Приняты меры для борьбы с употреблением опиума. Впервые слово «конституция» стало открыто упоминаться в китайской прессе в 1905 г., а первый императорский декрет, говоривший о скором введении конституции, был объявлен в сентябре 1906 г. Между тем народное недовольство в стране обострялось, повсюду вспыхивали более или менее серьезные волнения. Различные классы населения не желали удовлетворяться правительственными полумерами и требовали немедленного провозглашения конституции. Наконец, весной 1907 г. в шести южных провинциях вспыхнуло грандиозное восстание. В одной только провинции Гуандун образовалась громадная 60-тысячная армия, которая дала целый ряд сражений императорским войскам. Восстание было подавлено; однако, революционерам удалось, несмотря на поражение, спрятать оружие и амуницию в надежных местах. Это восстание вызвало сильное смятение в правительственных кругах и обострило борьбу между придворной партией реакционеров и группой чиновников-«прогрессистов». Террористический акт 6 ноября 1907 года, убийство одного генерал-губернатора директором школы полицейских, китайцем Си-Лином, вооруженное сопротивление будущих полицейских военной силе, признание директора школы, что он принадлежал к революционной партии и занял пост в полиции именно для того, чтобы скорее и легче осуществить свои революционные планы, — все это произвело необычайное впечатление на все китайское общество и вызвало беспримерную панику в высших кругах. Императрица в страхе немедленно призвала во дворец Юань-Ши-Кая. Снова началась комедия реформ. Было объявлено особым декретом об образовании нового бюрократического учреждения — «Высшей Палаты», «Административного и Конституционного контроля», которое должно было выработать конституционные законы; была отправлена новая большая миссия за границу для изучения иностранных конституций; наконец, во всех губерниях были организованы «Провинциальные сеймы». Но при подкупе, взяточничестве, свирепствующих среди китайских мандаринов, всякая новая реформа лишь служила для чиновников средством новых вымогательств.

В начале 1908 г. революционное движение, во главе которого стоял Сун-Ят-Сен, вспыхнуло с удвоенной силой, и после долгой борьбы, тянувшейся с переменным успехом, манчжурская династия была свергнута, и китайская республика провозглашена 16/29 дек. 1911 г. в Нанкине.

Временным президентом республики, вплоть до окончательного ее утверждения во всей империи, был выбран идейный вождь китайской революции, знаменитый агитатор д-р Сун-Ят-Сен.

Мировой империализм в борьбе с пробуждением Востока. — 1905 г. и Октябрьская революция в истории Востока.

Итак, русская революция 1905 г. явилась отправным пунктом великого освободительного движения на всем Востоке. Это движение народов Востока было задушено теми же силами, которые временно восторжествовали над русской революцией: союзом царизма с мировым империализмом. Если международная буржуазия дала царизму возможность после 1905 г. справиться как с рабочим движением, так и с оппозицией Государственной Думы, снабдив царское правительство необходимыми финансовыми ресурсами путем допущения займа на парижской бирже, займа, в распределении которого приняли участие не только французские, но также английские, бельгийские, голландские и др. банки, то та же международная буржуазия оказала впоследствии поддержку в его борьбе с республикой будущему диктатору Китая, претенденту на престол императора — Юань-Ши-Каю, путем предоставления вождю китайской контрреволюции иностранного займа в 25 миллионов фунтов стерлингов.

Поставив пошатнувшийся было в результате русско-японской войны и русской революции царизм на ноги, мировой империализм приобрел в гигантской империи союзника для борьбы с народами Востока. Страх перед революционным движением в Индии в гораздо большей степени, чем страх перед Германией, заставил Англию пойти на сближение с Россией.

Таким образом, это великое освободительное движение народов Востока, которому дала такой могучий толчок русская революция 1905 г., было задержано в своем развитии вместе с торжеством реакции в царской России. Атаковываемые с фланга империалистическими державами Европы и с тылу царской Россией, народы Востока в своей борьбе за освобождение вынуждены были отступить перед натиском внутренней и внешней реакции в своих странах. Так, скоро после торжества персидского конституционного движения, новая Персия подвергается атаке одновременно со стороны России и Англии, подписавших пресловутое соглашение 1907 г. о разделе сфер влияния в Персии между обеими державами.

Не ограничиваясь борьбой против персидского конституционного движения, империалистическая Англия и царская Россия ведут борьбу и против новой Турции. Не желая допустить возрождения этой страны, Англия и Россия при содействии Франции вооружают с ног до головы балканские государства: Болгарию, Сербию, Черногорию, Грецию, и бросают их против новой Турции.

Торжество реакции в России, империалистические планы Англии, Франции, Америки, Японии ставят под угрозу и все завоевания китайской революции за период 1905 — 1912 гг. Это революционное движение

привело к свержению династии манчжуров и провозглашению республики в Китае в 1912 г., но скоро глава контр-революции Юань-Ши-Кая, энергично поддерживаемый и субсидируемый мировыми державами, в том числе Америкой, один из представителей которой в Китае профессор Колумбийского университета Гудноу являлся главным советником Юань-Ши-Кая, разгоняет парламент, уничтожает все завоевания революции и ставит вопрос о восстановлении монархии в Китае.

Одной из основных причин, обусловившей как поражение русской революции 1905 г., так и временный разгром освободительного движения народов Востока, явилось отсутствие серьезной поддержки этим движениям со стороны рабочих масс Западной Европы, в то время как буржуазия капиталистических стран оказала самую энергичную помощь контр-революции в России и во всех восточных странах для победы над революционным движением.

Всеобщая забастовка, московское вооруженное восстание, вообще рабочее движение в России нашли на Востоке, среди угнетенных масс Турции, Персии, Индии, Китая, свой отклик. Эти два могучих потока революционного движения среди пролетарских масс России и крестьянских масс Востока явились, несомненно, теми фактами, которые легли в основу гениальной теории Ленина о необходимости создания единого фронта индустриального пролетариата передовых промышленных государств с угнетенными массами колониальных и полуколониальных стран для борьбы против капитализма.

К моменту Октябрьской революции положение главнейших стран Востока было глубоко трагическое. Турция после империалистической войны была уже накануне своей гибели. Персия, фактически разделенная на две зоны влияния между Россией и Англией, влачила жалкое существование. Афганистан стонал под гнетом английского капитала. Китаю грозила опасность окончательного расчленения между участниками победоносной Антанты.

Торжество Октябрьской революции явилось поворотным пунктом в истории Востока. Обращение Советского правительства к народам Востока с призывом к освобождению от цепей европейского капитализма, знаменитые тезисы Ленина по национальному и колониальному вопросам, принятые на II конгрессе Коминтерна, съезд народов Востока в Баку, последовавший за этим конгрессом, — все это сыграло роль набата, зовущего эти народы на новую борьбу с угнетателями. «Народы Востока, ваш тыл свободен. Вставайте на борьбу. Советская Россия обещает вам свою помощь» — вот что обозначал призыв советского правительства, и вот что влило новые силы в измученные народы. Имея отныне свой тыл обеспеченным, избавленные от роковой необходимости бороться на два фронта, встретив с момента Октябрьской революции в многомиллионной рабоче-крестьянской России не врага, а наоборот, друга и союзника

всего Востока в борьбе с мировым империализмом, угнетенные народы желтого и черного континента с удесятеренной энергией встали на борьбу с угнетателями. Ныне весь колониальный и полуколониальный мир от Аджира (крошечной столицы маленького государства риффов, борющегося успешно против двух сильных держав) до Кантона, Шанхая и Мукдена представляют единый фронт огромного восстания угнетенных народов против гнета мирового капитализма.

Великая Октябрьская революция довершила в истории Востока дело, начатое революцией 1905 г. Вот почему двадцатилетие революции 1905 г. является праздником не только русского и международного пролетариата, но в той же мере праздником всех угнетенных и эксплуатируемых народов Востока, именно после этой революции, под влиянием заразительного примера героической борьбы русского пролетариата, поднявших знамя борьбы против своих притеснителей.

ЛЕНИН И НАРОДЫ ВОСТОКА.

Если верно, что гигантская фигура Ленина стоит и вечно будет стоять на рубеже двух эпох в развитии человеческого общества, то вдвойне верна эта истина по отношению к истории Востока. Один из основных принципов, формулированных и завещанных трудящимся массам всего мира великим вождем международного пролетариата, т. Лениным, заключается в том, что пролетариат каждой страны, — и это относится, прежде всего, к трудящимся массам европейских государств и Америки, равно как и империалистической Японии, — должен не на словах, а на деле солидаризоваться с революционно-освободительным движением всего Востока, понимая под последним угнетенное население всего колониального и полуколониального мира, т.-е. черного и желтого континентов. Приняв за основу своей программы по национальному и колониальному вопросам тезисы, вычеканенные т. Лениным в знаменитых пунктах, которые отныне в глазах всего угнетенного Востока являются своего рода скрижалями завета, III Интернационал поставил в обязанность коммунистическим партиям всех стран, особенно же стран угнетающих, оказывать самую активную помощь национально-революционному движению в государствах и нациях более отсталых.

Глава грузинских меньшевиков Жорданиа противопоставлял большевистскую азиатскую политику так называемой европейской линии меньшевиков, линии II Интернационала; меньшевики, дескать, европейские социалисты, а большевики азиатские социалисты; мы, говорит о себе Жорданиа, — носители культуры и цивилизации, а Москва — Азии, ее косности и фанатизма.

Мы можем теперь ответить Жорданиа, что весь III Интернационал стал теперь на точку зрения большевиков, что все коммунисты — рус-

ские, французские, английские, итальянские и др. — сделались теперь азиатами, т.-е. попросту союзниками всего борющегося колониального и полу-колониального мира и решили всеми силами содействовать всякому революционному движению на Востоке. Сознательные рабочие, объединенные вокруг Коминтерна, теперь знают, что, когда в Англии решается вопрос о Персии, Индии или Афганистане, или хотя бы об одной из провинций Китая; когда во Франции идет ли речь о Марокко, Алжире, Транссахарийском пути, — это непосредственно отражается на судьбе французского, итальянского, английского, американского и всего мирового рабочего движения, и что уже по одному этому все эти вопросы требуют непосредственного вмешательства и активных действий международного пролетариата. Французские, английские, итальянские рабочие, идущие под знаменем коммунизма, не должны допускать отправки европейских войск в Анатолию, Сирию, Месопотамию, в Константинополь, в Египет, Афганистан, Марокко и т. д., и можно надеяться, не за горами тот день, когда весь международный пролетариат будет также энергично бороться против удушения Востока, как он боролся с начала Октябрьской революции против удушения и блокады Советской России, и как он борется теперь за признание последней. III Интернационал, коммунисты всего мира, ставят своей основной задачей разъяснение той простой истины, что, пока черный и желтый континенты угнетены, пока европейские наемники угнетают турок, персов, арабов, египтян и др., европейский рабочий не может сбросить своих собственных цепей и будет оставаться рабом капиталиста. Поэтому III Интернационал призывает европейских рабочих к борьбе за освобождение Востока.

Не так относился к колониальному вопросу II Интернационал, не так действует теперь желтый предательский Интернационал, возглавляемый Каутским, Реноделями, Вандервельде и другими агентами империализма.

Второй Интернационал по самой природе своей не был способен поддерживать революционное движение среди угнетенных народов в Марокко, Алжире, Тунисе, Малой Азии, Персии, Индии, Египте и т. д. Тем более был неспособен он взять на себя инициативу в деле революционизирования черного и желтого континентов и даже попросту в деле пропаганды освободительных идей среди многострадальных народных масс Азии и Африки. Второй Интернационал не хотел и не хочет знать Востока с этой стороны. Конечно, на словах деятели II Интернационала позволяли себе осуждать колониальную политику своих правительств и выпускали даже порой в Париже, Лондоне или Берлине книги и брошюры на эти темы, в роде книг Шарля Дюма и т. п., но никогда все эти господа не переводили все эти книги на туземные языки и писали на колониальные темы просто для того, чтобы обратить на себя внимание в метрополии, в парламентских кругах, вообще, или в социалистической партии, в частности. На деле все эти ярые защитники туземцев поддерживали колониальную политику своих правительств. Когда получались известия об армянских погромах в Турции, социалисты европейские охотно устраивали демонстрации, организовывали грандиозные митинги протеста

Ленин и народы Востока.

против кровавого султана. Но когда французское правительство год за годом посылало новые войска в Марокко и вырезывало мусульманские племена, социалисты II Интернационала молчали. Так же поступали английские социалисты по отношению к зверствам в Индии, к удушению Персии, к порабощению Египта, к массовому избиению и кровавым оргиям английских войск на Черном континенте.

Более того, находились специалисты, в роде Лагрозирьера и др. членов партии, делегаты всяких социалистических национальных и интернациональных конгрессов, открыто защищавшие колониальную политику, оправдывавшие последнюю необходимостью приобщения туземцев к благам цивилизации и прогресса.

Совершенно неосновательно накануне образования в Англии рабочего правительства во главе с Макдональдом желтая «Дейли Мейль» пугала в передовой статье, от 3 января 1924 г., английского обывателя гибельными последствиями для сохранения английского господства в Индии в результате перехода власти в метрополии в руки одного из виднейших представителей II Интернационала. Газета напоминает, что Макдональд 26 июня 1923 г. на конференции британских доминионов поддерживал проект об особом статуте для Индии, который повел бы за собой «индианизацию» армии и правительственных учреждений, лишив, таким образом, службы английское население в Индии. «В Индии, — говорит в заключение газета, — накопилось столько взрывчатого материала, что допустить к власти в нашей стране социалистическое правительство было бы то же самое, что бросить огонь в пороховой погреб».

Однако, мы видим, что, как только вчерашний генеральный секретарь II Интернационала Макдональд стал во главе правительства Англии, он счел долгом открыто выступить с прямыми угрозами по адресу индийских революционеров. В телеграмме, посланной им в Индию и напечатанной в «Таймс» от 26 января 1924 г., мы читаем:

«Временами я с немалой тревогой слежу за ходом событий в Индии. В течение всей моей политической деятельности я основывался на твердом убеждении, что прочный базис для прогресса может быть обеспечен только конституционным путем. Наше поколение пережило разные виды революционного движения, на первый взгляд казавшиеся успешными, которые порвали было все узы с прошлым, но которым впоследствии, после многих тяжелых испытаний, пришлось восстановить расторгнутые узы и вернуться к тем же принципам, которые они сами отвергли.

«Я могу сказать, что для Индии не будет никакой надежды, если она станет ареной борьбы между конституционализмом и революцией. Ни одна партия в Великобритании не поддается угрозам насилия или политике, которая желает привести правительство к параличу; если некоторые группировки в Индии находятся под ложным впечатлением, то события их весьма горько разо-

чаруют. Я настойчиво рекомендую всем лучшим друзьям Индии притти к нам поближе, вместо того, чтобы оставаться в стороне.

«Я с горечью констатирую наличие отсталости во взглядах у некоторых групп, но пусть никто не смешивает причины и следствия. Обращение к революционным методам, будь это методы активные или пассивные, обычно влечет за собой реакцию, которая сметает со сцены людей и партии с самыми искренними намерениями, между тем как обе борющиеся между собой формы реакции, левая и правая, грызут друг друга, покуда они обе не покажут свою полную несостоятельность.

«Я знаю, что сближение и благожелательность должны быть взаимными. Мое обращение направлено, поэтому, не только к индийцам, но также и к английским властям».

Заметим, что другой член «рабочего правительства», видный представитель и теоретик Независимой партии, канцлер казначейства (министр финансов) в кабинете Макдональда, Сноуден, еще до образования первого рабочего правительства в Англии пытался обосновать права Англии господствовать над Индией, африканскими колониями и т. д. В своей книжке «Если рабочие будут править» Сноуден доказывал, что «Британская империя — это факт», а потому о расчленении империи могут говорить только экстремисты. Рабочее правительство должно обеспечить всем народностям, подвластным Великобритании, гуманное правление под руководством Англии до приведения их в культурное состояние, когда они смогут сами собой управляться. Долго же придется угнетенным народам ждать освобождения, если они будут возлагать какие-либо надежды на II Интернационал.

Лозунги, провозглашенные Лениным на II конгрессе Коминтерна, сыграли роль поворотного пункта в истории Востока.

К моменту Октябрьской революции положение главнейших стран Востока было глубоко трагическое. Турция после империалистической войны была уже накануне своей гибели. Персия, фактически разделенная на две части по сферам влияния между царской Россией и Англией, влачила жалкое существование. Афганистан стонал под гнетом английского капитала.

В это время прозвучало обращение советского правительства к угнетенным народам Востока с призывом к освобождению от цепей европейского капитализма. Впечатление от обращения было огромное. Призыв Ленина звал дерзать на борьбу с угнетателями. Начало было положено. Какой же лозунг, какие слова могли воодушевить народы Востока в описываемую мрачную пору их жизни? Для Турции заявление советского правительства об отказе от притязаний на Константинополь, для Персии заявление об уводе русских войск с персидской территории и для Афганистана осуждение Советской Россией агрессивной политики царизма сыграли роль набата, зовущего эти народы на новую борьбу с угнетателями. Прав был т. Нариманов в своей речи о Ленине, когда он сказал: «Тыл свободен. Новая Россия разрывает все договоры старой России

Советская Россия обещает помощь», — вот что обозначал призыв советского правительства и — вот что влило новые силы в измученные народы. И, убедившись, что заявления эти не одни только обещания, народы Востока начали борьбу за национальное освобождение.

Восток XX столетия уже не тот, каким он был в XIX столетии. XX век — пробуждение революционного духа в азиатских странах.

В восточных странах — в Турции, Персии, Китае, Афганистане, нет промышленного пролетариата, нет обширных фабричных зданий, под сводом которых десятки и сотни тысяч людей объединяются в одном классовом чувстве ненависти к своим эксплуататорам и призываются к солидарным действиям. Но душа угнетенного и униженного восточного человека, крестьянина и рабочего, порой даже мелкого или среднего лавочника, разбуженная громом революционных событий в России, воспламененная геройской борьбой русского народа со всем капиталистическим миром, проникнута самоотверженным настроением, действенной революционной энергией.

В лице Ильича трудящиеся Востока потеряли своего горячо любимого и общепризнанного вождя. Недаром «Чен-Пао», китайская газета, писала: «Ленин умер, но душа его живет в советском строе и будет жить вечно. Весь мир поражен известием о его кончине, но никто его так не оплакивает, как слабые, угнетенные народы. Единственная наша надежда и утешение в том, что угнетенные народы, следуя заветам Ленина, будут продолжать борьбу за свое освобождение».

Е-Чин-Бен пишет: «Народы многих называют славными героями, но в сущности только малое количество людей заслуживает этого названия. Таким был Ленин, пользовавшийся всеобщей любовью. Ленин — «яркая звезда человечества» и может быть сравнен с Сакия-Муни и с Христом. Небеса безжалостны, он ушел из нашего мира, но идеи его будут жить вечно».

Китайская партия Гоминдан, собравшаяся на Всекитайскую партийную конференцию, при известии о смерти Ленина, объявила трехдневный траур, прервала свои заседания на три дня и эти три дня использовала для заслушания специальных сообщений и докладов о Ленине.

Знает ли история пример, подобный этому, когда по случаю смерти какого бы то ни было самого великого государственного деятеля, писателя или мыслителя в чужой стране в такой трогательной форме выразилась бы скорбь по покойнике.

Поистине, начинается невиданная эпоха в истории трудового человечества, стонавшего под бременем правящих классов во тьме мракобесия, религиозного фанатизма, национальной обособленности и ненависти к другим народам и расам. В измученной международным империализмом стране, где сравнительно недавно было мыслимо боксерское восстание, призывавшее к истреблению всех «белых дьяволов» без различия пола, возраста и социального положения, на наших глазах складывается новый строй идей и чувствований. И тот же процесс развивается во всех странах колониального и полу-колониального мира.

Во время грандиозного восстания мусульманских племен в Марокко против испанского владычества испанская и французская пресса констатировала небывалый в истории восстаний отсталых народов факт, «экстраординарный» факт, как писала «Тан», а именно: повстанцы не убивали ни женщин, ни детей, ни даже военно-пленных, а, наоборот, позволяли мирным испанским жителям покидать места военных действий.

Этот экстраординарный факт, который вынуждена была признать даже буржуазная пресса, свидетельствует лишь о том, что великое революционное пролетарское движение послевоенной эпохи, что учение Ленина о братстве угнетенных народов всех стран не прошло бесследно даже для отсталых и темных горцев, населяющих неприступные твердыни испанского Рифа.

Китайские революционеры на три дня прервали свою конференцию, на которую съехались делегаты из самых отдаленных уголков многомиллионной страны. Мы тоже прервали заседания происходившего в тот момент съезда Советов Союза Социалистических Республик при известии о смерти нашего дорогого вождя. Но Ленин ведь не только наш. Ленин не чужой для народов Востока. Он свой, он родной человек, брат, вождь и пророк для угнетенных народов Китая, Персии, Индии, Афганистана, всего желтого и черного континентов.

Пройдут века, забудутся имена Сакия-Муни, Будды, Магомета, Христа, но память о титанической фигуре Ленина будет жить вечно в сердцах народов Востока, как память о великом человеке, легендарном герое, который первый поднял знамя борьбы, горящий факел свободы во имя всего угнетенного, стонавшего под гнетом империализма, многомиллионного населения Азии и Африки.

Ленин умер, он лежит в гробу, там медленно тлеет труп его, но дух его будет жить вечно и будет звать народы Востока к борьбе за окончательное освобождение рука об руку с международным пролетариатом.

ЛЕНИН И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

Одной из величайших заслуг т. Ленина перед мировым социальным движением и международной Коммунистической партией является правильная постановка т. Лениным столь сложного вопроса, как национальный, в котором не могли разобраться даже столь сильные в теоретическом отношении революционные умы, как Роза Люксембург. Между тем, как вполне основательно указывает т. Зиновьев, в своем предисловии к напечатанной в первом номере петроградского журнала «Звезда» статье В. И. Ленина, статье, написанной в 1916 г., именно «правильная политика партии в национальном вопросе — можно это сказать

смело, нисколько не преувеличивая — облегчила нам победу над эсерами и меньшевиками, над Деникиным и Колчаком, по крайней мере, на 50%».

§ 1. Ленин и Михайловский.

Впервые у т. Ленина мы встречаем упоминание о нации, национальности, национальных связях в опубликованной недавно работе: «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократии» (изд. «Московский Рабочий» и «Новая Москва», 1923), работе, написанной тридцать лет назад, в апреле 1894 г., и пролежавшей с той поры в тайниках охранных отделений.

Эта замечательная работа направлена против корифеев тогдашнего народничества: Михайловского, Южакова, Кривенко, Николай — она, безбожно искажавших взгляды русского марксизма в целом ряде злостных и невежественных статей, напечатанных в «Русском Богатстве».

Критикуя исторический материализм, Михайловский коснулся, между прочим, работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Михайловский считал национальные связи продолжением и обобщением связей родовых и трактовал национальное чувство, как самостоятельный фактор, в роде полового чувства. По поводу этого замечания, показывающего, какими профанами в области понимания общественных явлений были даже самые выдающиеся народнические писатели, т. Ленин писал следующее:

«Есть у г. Михайловского и еще одно указание — и опять-таки это в своем роде перл: «Что касается родовых связей, — продолжает он исправлять материализм, — то они побледнели в истории цивилизованных народов отчасти действительно в лучах влияния форм производства (опять увертка, еще только более явная. Каких же именно форм производства? Пустая фраза), но отчасти распустились в своем собственном продолжении и обобщении — в связях национальных». Итак, национальные связи это — продолжение и обобщение связей родовых. Г. Михайловский заимствует, очевидно, свои представления об истории общества из той детской побасенки, которой учат гимназистов. История общественности, — гласит эта доктрина прописей, — состоит в том, что сначала была семья, эта ячейка всякого общества (это — чисто-буржуазная идея: раздробленные, мелкие семьи сделались господствующими только при буржуазном режиме; они совершенно отсутствовали в доисторические времена. Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы), затем, дескать, семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство. Если г. Михайловский с важным видом повторяет этот ребяческий вздор, так это доказывает только помимо всего другого, что он не имеет ни

---

[1] См. «Звезда» № 1, 1924 г., стр. 108.

малейшего представления о ходе хотя бы даже русской истории. Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в Средние века, в эпоху московского царствования, никаких родовых связей уже не существовало, т.-е. государство основывалось на связях совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто-территориальными союзами. Однако, о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. п. Только новый период русской истории (примерно с XVII века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями (постепенно растущим товарным обращением), концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных.[1] Обоими своими фактическими указаниями г. Михайловский только побил самого себя и не дал нам ничего, кроме образцов буржуазных пошлостей, — «пошлостей» потому, что объяснял институт наследства детопроизводством и его психикой, а национальность — родовыми связями; «буржуазных» — потому, что принимал категории и надстройки одной исторически определенной общественной формации (основанной на обмене) за категории настолько же общие и вечные, как воспитание, детей, и «непосредственно» половые связи».

Критикуя далее Михайловского, т. Ленин указывает, что в основе национальной розни, национальной ненависти лежат реальные интересы торговой и промышленной буржуазии, и что толковать о национальном чувстве, как о самостоятельном факторе, как это делает Михайловский, значит только замазывать сущность дела. Михайловский никак не может понять той простой истины, — писал Ленин в цитируемой работе, — что нет иного средства борьбы с национальной ненавистью, как организация и сплочение класса угнетенных для борьбы против класса угнетателей в каждой отдельной стране, как соединение таких национальных рабочих организаций в одну международную рабочую армию против международного капитала.

Уже из этих беглых строк видно, какое значение национальному вопросу придавал т. Ленин тридцать лет назад.

---

[1] Курсив наш. *М. П.*

§ 2. Карл Маркс о национальном вопросе.

Общая, так сказать, декларативная постановка национального вопроса дана т. Лениным в статье «Рабочий класс и национальный вопрос», напечатанной в «Правде» от 18 мая 1913 г. (См. Собрание сочинений т. XIX, стр. 28 — 29.)

В этой статье т. Ленин говорит, между прочим, следующее:

«Национальный вопрос требует ясной постановки и решения со стороны всех сознательных рабочих.

«Когда буржуазия боролась за свободу вместе с народом, вместе с трудящимися, она отстаивала полную свободу и полное равноправие наций. Передовые страны, — Швейцария, Бельгия, Норвегия и др. дают нам образец того, как мирно уживаются вместе или мирно отделяются друг от друга свободные нации при действительном демократическом строе.

«Теперь буржуазия боится рабочих, ищет союза с Пуришкевичами, с реакцией, предает демократизм, отстаивает угнетение или неравноправность наций, развращает рабочих националистическими лозунгами.

«Один только пролетариат отстаивает в наши дни истинную свободу наций и единство рабочих всех наций.

«Чтобы разные нации свободно и мирно уживались вместе или расходились (когда это им удобнее), составляя разные государства, для этого необходим полный демократизм, отстаиваемый рабочим классом. Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка. Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству — вот принципы рабочей демократии».

Само собой разумеется, что, отстаивая полную свободу и полное равноправие наций, т. Ленин исходил не из побуждений «справедливости» и «гуманности» к угнетенным народам, а в первую голову из интересов пролетариата и мировой революции.

Полемизируя с Розой Люксембург по вопросу о праве наций, о самоопределении, т. Ленин ссылается на Маркса, который в 1869 г. доказывал, что прямой абсолютный интерес английского рабочего класса требует разрыва его связи с Ирландией. Несчастие для народа, если он поработил другой народ. Не освободиться рабочему классу Англии, пока не освободится Ирландия от английского гнета. Реакция в Англии укрепляет и питает порабощение Ирландии.

10 декабя 1869 г. Маркс писал Энгельсу, что его доклад по ирландскому вопросу в Совете Интернационала будет построен следующим «образом (Н. Ленин. Полное собрание сочинений, т. XIX, стр 138):

«... Совершенно независимо от всякой «интернациональной» и «гуманитарной» фразы о «справедливости к Ирландии» — ибо это само собой разумеется, в Совете Интернационала — прямой абсолютный интерес английского рабочего класса требует разрыва его теперешней связи

с Ирландией. Таково мое самое глубокое убеждение, основанное на причинах, которых я отчасти не могу раскрыть самим английским рабочим. Я долго думал, что возможно ниспровергнуть ирландский режим подъемом английского рабочего класса Я всегда защищал этот взгляд в «Нью-Иоркской Трибуне» (американская газета, в которой Маркс долго сотрудничал). Более глубокое изучение вопроса убедило меня в обратном. Английский рабочий класс ничего не поделает, пока он не избавится от Ирландии... Английская реакция в Англии коренится в порабощении Ирландии» (курсив Маркса).

Комментируя точку зрения Маркса по ирландскому вопросу, т. Ленин пишет в той же статье («Утопист Карл Маркс и практическая Роза Люксембург»):

«Маркс и Энгельс и в ирландском вопросе вели последовательно-пролетарскую политику, действительно воспитывавшую массы в духе демократизма и социализма. Только эта политика способна была избавить и Ирландию, и Англию от полувековой затяжки необходимых преобразований и от изуродования их либералами в угоду реакции.

«Политика Маркса и Энгельса в ирландском вопросе дала величайший, доныне сохранивший громадное практическое значение, образец того, как должен относиться пролетариат угнетающих наций к национальным движениям; — дала предостережение против той «холопской торопливости», с которой мещане всех стран, цветов и языков спешат признать «утопичным» изменение границ государства, созданных насилиями и привилегиями помещиков и буржуазии одной нации.

«Если бы ирландский и английский пролетариат не принял политики Маркса, не поставил бы своим лозунгом отделения Ирландии, это было бы злейшим оппортунизмом с их стороны, забвением задач демократа и социалиста, уступкой английской реакции и буржуазии».

§ 3. Параграф девятый программы РСДРП и Роза Люксембург.

Как мы видим из заглавия цитируемой статьи, Ленин опирается на Маркса, полемизируя с Розой Люксембург, считавшей утопией независимость Польши и иронически восклицавшей: «Почему бы не ставить требование независимости Ирландии?».

Параграф девятый программы российских марксистов, говорящий о праве наций на самоопределение, вызвал, как писал Ленин, целый поход оппортунистов, опиравшихся в своей аргументации на доводы Розы Люксембург. Вот почему т. Ленин все острие своей критики направляет против последней.

Совещание Центрального Комитета РСДРП с партийными работниками летом 1913 г. приняло резолюцию по национальному вопросу, в которой мы читаем следующие пункты о самоопределении наций:

«Что касается до права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т.-е. на отделение и образование самостоятельного государства, то с.-д. партия безусловно должна отстаивать это право. Этого

требуют как основные принципы международной демократии вообще, так и в особенности неслыханное национальное угнетение большинства населения России царской монархией, которая представляет собой самый реакционный и варварский государственный строй по сравнению с соседними государствами Европы и Азии. Этого требует, далее, дело свободы самого великорусского населения, которое неспособно создать демократическое государство, если не будет вытравлен черносотенный великорусский национализм, поддерживаемый и воспитываемый систематически не только царской монархией и всеми реакционными партиями, но и холопствующим перед монархией великорусским буржуазным либерализмом, особенно в эпоху контр-революции.

«Вопрос о праве наций на самоопределение (т.-е. обеспечение конституцией государства вполне свободного и демократического способа решения вопроса об отделении) непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм.

«Социал-демократия должна при этом иметь в виду, что помещики, попы и буржуазия угнетенных наций нередко прикрывают националистическими лозунгами стремления разделить рабочих и одурачить их, заключая за их спиной сделки с помещиками и буржуазией господствующей нации в ущерб трудящимся массам всех наций».

Чтобы понять великую историческую заслугу В. Ленина в деле правильной постановки национального вопроса, необходимо остановиться несколько на взглядах Розы Люксембург, имевшей многочисленных сторонников по национальному вопросу как в самой Польше, так особенно в России.

9-й пункт программы Российской Социал-Демократической партии, подвергшийся критике Розы Люксембург, гласил, что партия требует демократической республики, конституция которой обеспечивала бы, между прочим, «всем национальностям, входящим в состав государства, право на самоопределение».

Критикуя эту формулу, Роза Люксембург находила, что признание права наций на самоопределение является повторением старого лозунга буржуазного национализма во всех странах и во всякую эпоху: «Право народов на свободу и независимость» Роза Люксембург указывала, что в Польше, например, «прирожденное право народов на свободу» было классической формулой для народовцев от Демократического Товарищества до «Побудки» Лиманского и от социалистическо-национальной «Побудки» до анти-социалистической «Лиги Народов», до момента отречения последней от программы независимости». Таким образом, — доказывала Роза Люксембург, — в признании права на самоопределение нет ничего, специфически связанного ни с социализмом, ни с рабочей политикой, а между

тем позиция рабочего класса в национальном вопросе, как и во всяком ином должна отличаться своим методом, своим принципиальным подходом к вопросу от точки зрения самых радикальных буржуазных, а также псевдо-социалистических мелкобуржуазных партий

Более того, Роза Люксембург пыталась доказать будто аргументация защитников 9-го параграфа программы Российской Социал-Демократической партии, справедливо доказывавших, что этот 9-й пункт является лишь применением, перифразой пункта резолюции по национальному вопросу, принятой в 1895 г. на международном конгрессе в Лондоне, основана на чистейшем недоразумении. Лондонская резолюция гласит: «Конгресс высказывается за полное право на самоопределение наций и выражает свои симпатии рабочим каждой страны, которая страдает в настоящее время от военного, национального или всякого иного гнета; конгресс призывает рабочих всех этих стран вступить в ряды сознательных пролетариев всего мира, дабы совместно с последними бороться за уничтожение международного капитализма и осуществление целей международной социал-демократии». Если этот пункт Лондонской резолюции говорит против чего-нибудь, то, конечно, против Розы Люксембург, а отнюдь не против 9-го параграфа программы РСДРП.

Уже «слишком общий и шаблонный характер» 9-го пункта программы РСДРП, — утверждала Роза Люксембург, — указывает на то, что подобного рода решение вопроса чуждо марксистского духа. Право наций, относящееся в одинаковой мере ко всем странам и эпохам, есть не что иное, как метафизическая фраза в роде «прав человека и гражданина». Диалектический материализм, будучи основой научного социализма, порвал раз навсегда с такими «вечными» формулами. Ибо историческая диалектика доказала, что «вечных» истин, а следовательно и «прав» нет, что, говоря словами Энгельса, «что здесь и теперь является хорошим, то там и в другое время — плохим и, наоборот, то, что правильно и разумно при одних обстоятельствах, становится несправедливостью и нелепостью при других». Эта наклонность к наделению всех народов, стран, групп и всех человеческих созданий правом на независимость, равенство и тому подобные благодеяния при помощи одного росчерка пера характеризует, именно, младенческий период социалистического движения, а, в особенности, фразеологическое удальство анархизма.

Социализм современного рабочего класса, именно, научный социализм, не прельщается, — иронизировала Роза Люксембург, — радикальными и благородно звучащими решениями общественных и национальных вопросов, а рассматривает прежде всего реальные условия этих проблем.

Формула о «праве наций» недостаточна для обоснования положения социалистов в национальном вопросе не только потому, что не принимает во внимание всей разнородности исторических условий (места и времени) в каждом отдельном случае, равно как и не считается с общим направлением развития всемирных отношений, но и потому, что совершенно игнорирует основную теорию современного социализма — теорию классового общества.

Говоря о «правах на самоопределение наций» мы разумеем под понятием «нация» — народ как его целое, как неделимую общественную политическую единицу. Но именно такое понятие о «народе» является одной из тех категорий буржуазной идеологии, которые марксистская теория подвергла радикальной критике, указывая на то, что под такими туманными определениями, какими являются понятия о «гражданской свободе», «равенстве перед законом» и т. д. кроется всякий раз определенное историческое содержимое.

В классовом обществе «народ», как неделимое общественно-политическое целое, не существует, а вместо этого в каждом народе существуют классы с антагонистическими интересами и «правами».

О совокупной и нераздельной воле, о самоопределении «нации» в таким образом сформированном обществе не может быть и речи. Если мы находим в истории современных обществ «национальные движения» и борьбу за «национальные интересы», то это — обычные движения господствующих слоев буржуазии, которая в данном случае может постольку представлять интересы и других народных слоев, поскольку под видом «национальных интересов» защищает прогрессивные формы исторического развития, и поскольку трудящийся класс не выделился еще из массы этого предводительствуемого буржуазией «народа» в самостоятельный сознательный политический класс. Французская буржуазия в этом отношении имела право выступать как третье сословие в Великой Революции от имени французского «народа», и даже немецкая буржуазия 1848 г. могла еще считать себя до известной степени представительницей немецкого «народа», хотя Коммунистический Манифест и отчасти Новая Рейнская Газета были уже форпостами особой классовой политики пролетариата в Германии. Оба эти случая доказывают, что революционное классовое дело буржуазии было одновременно, в тогдашней стадии общественного развития, также и делом всей массы народа, образующего еще с буржуазией, в виду господства феодализма, единую в политическом отношении массу.

Уже это обстоятельство доказывает, — аргументировала Роза Люксембург, — что оперирование «правами наций» не может быть приемлемым с точки зрения социалистической партии в национальном вопросе. Само существование такой партии является, именно, доказательством того, что буржуазия перестала быть представительницей целой массы народа, что класс пролетариата не прячется за спину буржуазии, но отделился от нее, в качестве самостоятельного класса с особыми общественными и политическими стремлениями. Так как понятие о «народе» и о «правах» и «воле народа», как о едином целом, является, как мы уже сказали, наследием от времен незрелого и несознательного антагонизма между пролетариатом и буржуазией, то поэтому применение классово-сознательным и самостоятельно организованным пролетариатом этого понятия было бы поразительным противоречием, притом не школьной логики, а историческим противоречием.

Относительно национального вопроса в современном обществе социалистическая партия прежде всего должна считаться с классовыми противоречиями. Чешский национальный вопрос имеет иное значение для младочешской мелкой буржуазии и иное для чешского пролетариата; точно так же мы не можем искать решения национального вопроса одновременно и для г-на Костельского, и для его батрака в Милославле, для варшавской и лодзинской буржуазии, равно как и для сознательных польских рабочих, а еврейский вопрос совершенно иначе отражается в умах еврейской буржуазии и иначе в сознании революционного еврейского пролетариата. Национальный вопрос, так же, как и всякие иные общественные и политические проблемы, является для социал-демократии прежде всего вопросом классовых интересов.

Социал-демократия есть классовая партия пролетариата. Ее историческая задача — быть выразительницей классовых интересов пролетариата и вместе с тем и интересов революционного развития капиталистического общества в целях осуществления социализма.

Следовательно, социал-демократия призвана осуществить не право на самоопределение наций, а право самоопределения трудящегося класса, класса эксплуатируемого и угнетаемого — пролетариата. С этой точки зрения социал-демократия рассматривает все без исключения общественные и политические вопросы и с этой точки зрения формулирует свои программные требования.

Критикуя параграф девятый программы русских марксистов, Роза Люксембург договаривается, как выразился тов. Ленин (т. XIX, стр. 98), вплоть даже до совсем забавного умствования о том, как узнать волю нации.

«Нация должна иметь право на самоопределение», — иронически восклицает Роза Люксембург. Но кто же составляет «нацию», кто в состоянии и кто имеет «право» быть призванным выразителем «нации» и ее воли?

Каким образом узнать, чего, собственно, желает «народ». Существует ли хотя бы одна политическая партия, которая бы не утверждала, что она, вопреки всем прочим, является истинной выразительницей воли «народа», в то время как все остальные — извращенным и ложным проявлением воли «народа». Все буржуазно-либеральные партии в сущности считают себя воплощением воли народа, взяв для себя исключительную монополию на представительство «народа». Но не менее ссылаются на волю и интересы народа консервативные и реакционные партии, и в известной степени с не меньшим правом. Несомненным проявлением воли французского народа была Великая Французская Революция, но Наполеон, который ловко сфальсифицировал 18-е Брюмера, в основу всей своей государственной реформы положил буквально принцип: «La volonté générale» (всеобщая воля).

В 1848 г. «воля народа» сначала выдвинула республику и временное правительство, затем Национальное Собрание и, наконец, Людовика Бонапарта, который уничтожил и республику, и временное правительство,

и Национальное Собрание. Во время революции в России либерализм требовал от имени «народа» кадетского министерства, абсолютизм во имя того же народа устраивал еврейские погромы, а революционное крестьянство проявляло свою народную волю, поджигая помещичьи усадьбы. В Польше волю народа взяла в аренду черносотенная партия «Народная Демократия», которая во имя «самоопределения нации» подстрекала рабочих-националистов к тайным убийствам рабочих-социалистов. С истинной «волей народа» происходит то же, что и с настоящим перстнем в драме Лессинга «Натан Мудрый»: она пропала и, кажется, почти невозможно ее и отличить от лжи и подделки. Демократический принцип с виду как будто дает способ отличить истинную волю народа, способ этот — определение мнения большинства. Народ желает того, чего желает большинство народа. Однако, горе социал-демократической партии, которая когда-либо сочла бы этот принцип для себя приемлемым! — Это равнялось бы смертному приговору для самой социал-демократии как революционной партии. Социал-демократия по своему характеру является партией, представляющей интересы громадного большинства народа. Тем не менее, однако, она является, поскольку вопрос касается сознательной воли, в буржуазном обществе временно партией меньшинства, которое стремится только стать большинством, хотя она отражает в своих стремлениях, в своей политике, в своей программе волю большинства народа, но, благодаря тому, что она становится выразительницей сознательной воли вовсе не всего народа, а лишь класса пролетариата и в пределах этого класса, социал-демократия не является и не предъявляет претензий на то, чтобы быть выразительницей воли большинства. Она выражает лишь волю и сознательность передового, наиболее революционного слоя промышленного пролетариата больших городов; она старается развить именно эту волю, проторить ей путь к большинству рабочего народа, раскрывая последнему его собственные интересы. «Воля народа», или его большинство, совершенно не является кумиром для социал-демократии, перед которым она благоговейно преклоняется. Напротив, все историческое назначение социал-демократии заключается прежде всего в революционизировании и выработке воли «народа», т.-е. его трудящегося большинства.

Те же традиционные формы сознательности, — продолжает Роза Люксембург, — которые большинство народа, а следовательно и трудящиеся классы проявляют в буржуазном обществе, являются обычно формами буржуазной сознательности, враждебной идеалам и стремлениям социализма. Даже в Германии, где социал-демократия является уже самой могущественной политической партией, она представляет еще теперь со своими тремя с четвертью миллионами избирателей меньшинство, при восьми миллионах выборщиков буржуазных партий и тринадцати миллионах обладающих избирательным правом. Статистика парламентских выборов дает, правда, хотя неточное, но все же до известной степени понятие о соотношении сил в мирное время. Итак, немецкая нация самоопределяет себя теперь таким образом, что из своего большинства изби-

рает консерваторов, клерикалов и свободомыслящих, и отдает им в руки свою политическую судьбу. То же самое, но лишь в большей степени, происходит во всех других странах.

* * *

Одним из главных аргументов Розы Люксембург в критике формулы «право наций на самоопределение» являлось указание на «абстрактный», «метафизический», лишенный всякого практического значения характер этой формулы.

Политические программы современных рабочих партий, — рассуждала Роза Люксембург, — ставят себе целью не распространение абстрактных принципов социалистического идеала, а формулирование тех практических, общественных и политических реформ, в которых нуждается и которых требует сознательный пролетариат в среде буржуазного общества для облегчения своей классовой борьбы и своей окончательной победы. Пункты их политической программы сформулированы с той определенной целью, чтобы дать непосредственное практическое и осуществимое на почве буржуазного строя решение насущных вопросов политической и общественной жизни, вопросов, входящих в область классовой борьбы пролетариата, чтобы они служили руководством для повседневной политики и ее нужд, чтобы они вызывали и направляли надлежащим образом политическую деятельность рабочих партий, чтобы, наконец, они отделяли революционную политику пролетариата от политики буржуазных и мелкобуржуазных партий.

Формула о «праве наций на самоопределение», — доказывала Роза Люксембург, — не имеет этого свойства. Она не дает никакого практического руководства для повседневной политики пролетариата, равно как и никакого практического решения национального вопроса. Эта формула, например, не указывает российскому пролетариату, каким образом должен он требовать решения польского национального вопроса, финляндского, кавказского, еврейского и т. д., она является скорее лишь неограниченным полномочием для всех заинтересованных «народов», дабы они решили национальные вопросы по своему усмотрению. Единственный практический вывод, который можно сделать из вышеуказанной формулы для повседневной политики рабочего класса, это — указание на то, что его обязанность состоит в борьбе со всякими проявлениями национального гнета. Если мы признали право каждой нации на самоопределение, то, следовательно, логически рассуждая, мы должны порицать всякую попытку одной нации решать судьбу другой, навязывание силой одной нацией другой тех или иных форм национального быта. Однако, обязанность протеста и борьбы с национальным гнетом для классовой партии пролетариата вытекает вовсе не из специального «права наций», так же, как, например, стремление его к социальному и политическому равноправию полов следует вовсе не из специальных «прав женщины», на которые ссылается движение буржуазных эмансипанток, а обусловлено

*

общим отрицанием классового строя, отрицанием всякой формы общественного неравенства и господства, словом, обусловлено самими принципами социализма. Но, кроме того, упомянутое указание для практической политики имеет часто отрицательное свойство. Обязанность бороться со всяким проявлением национального гнета вовсе не является еще разъяснением, к каким условиям, к каким политическим формам должен стремиться сознательный пролетариат в России в настоящее время для решения польского, латышского, еврейского и др. национальных вопросов, какую программу он должен противопоставить в нынешней борьбе классов и партий различным буржуазным, националистическим и псевдосоциалистическим программам. Словом, формула о «праве наций на самоопределение» в сущности является не политической и программной директивой в национальном вопросе, а своего рода обходом этого вопроса.

Конечно, мы ныне не найдем у нас среди марксистов людей, которых могла бы убедить аргументация Розы Люксембург. Однако, было время, когда подобные взгляды на национальный вопрос имели многочисленных сторонников среди русских и польских марксистов. Тов. Ленин указывает, между прочим (т. XIX, стр. 206 — 207), что в 1915 г. даже такой товарищ, как К. Радек, восставал против самоопределения, выдвигая в числе других такой аргумент: самоопределение питает ту мысль, «будто обязанностью социал-демократии является поддержка всякой борьбы за независимость», ныне только в литературных произведениях социалистов и «марксистов» 2-го и $2^1/_2$ интернационалов мы встретим отрицание «права наций на самоопределение», с повторением аргументов, почерпнутых из статей Розы Люксембург, не предвидевшей, конечно, как используют ее критику предатели пролетариата.

Совершенно правильно т. Зиновьев указывает, что в своих статьях по национальному вопросу т. Ленин показал себя не только глубоким теоретиком, но и великим государственным деятелем, учителем и вождем нашей партии, указующим ей верный путь. В. И. Ленин — теоретик подготовлял работу В. И. Ленина — руководителя государства.

§ 4. Ленин о самоопределении наций.

Критикуя точку зрения Розы Люксембург, т. Ленин прежде всего ставит вопрос: «Что такое самоопределение наций?». Искать ли ответа в юридических определениях, выведенных из всяческих «общих понятий права», — спрашивает тов. Ленин. — Или ответа надо искать в историко-экономическом изучении национальных движений.

«Роза Люксембург, много декламирующая по поводу будто бы абстрактности и метафизичности данного параграфа, сама впала именно в этот грех абстрактности и метафизичности. Именно, Роза Люксембург постоянно сбивается на общие рассуждения о самоопределении (вплоть до совсем забавного умствования о том, как узнать волю нации), не ставя нигде ясно и точно вопроса: в юридических ли определениях суть дела, или в опыте национальных движений всего мира.

Точная постановка этого, неизбежного для марксиста, вопроса сразу подорвала бы девять десятых доводов Розы Люксембург. Национальные движения не впервые возникают в России и не одной ей свойственны. Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территории с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, — наконец, условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином и хозяйчиком, продавцом и покупателем.

Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей Западной Европы — более того: для всего цивилизованного мира,—типичным, нормальным для капиталистического периода, является поэтому национальное государство.

Следовательно, если мы хотим понять значение самоопределения наций, не играя в юридические дефиниции, не «сочиняя» абстрактных определений, а разбирая историко-экономические условия национальных движений, то мы неизбежно придем к выводу: под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства».

Мы видели, что Роза Люксембург не жалеет крепких словечек против § 9 программы РСДРП, объявляя его «огульным», «шаблонным», «метафизической фразой» и так далее, без конца. Естественно было бы ожидать, — замечает т. Ленин, — что писательница, так превосходно осуждающая метафизику в марксовском смысле, т.-е. антидиалектику и пустые абстракции, даст нам образец конкретно-исторического рассмотрения вопроса. Речь идет о национальной программе марксистов одной определенной страны — России, одной определенной эпохи — начала XX века. Вероятно, Роза Люксембург и ставит вопрос о том, какую историческую эпоху переживает Россия, каковы конкретные особенности национального вопроса и национальных движений данной страны в данную эпоху.

«Ровнехонько ничего об этом Роза Люксембург не говорит. Ни тени разбора вопроса о том, как стоит национальный вопрос в России в данную историческую эпоху, каковы особенности России в данном отношении, вы у нее не найдете...

«В западной континентальной Европе эпоха буржуазно-демократических революций охватывает довольно определенный промежуток времени, примерно с 1789 по 1871 год. Как раз эта эпоха была эпохой национальных движений и создания национальных государств. По окончании этой эпохи Западная Европа превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств по общему правилу при этом национально-единых государств. Поэтому теперь искать права самоопределения в программах западно-европейских социалистов, значит не понимать азбуки марксизма.

«В восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году. Революция в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах — вот цепь мировых событий нашей эпохи, нашего «Востока». И в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждения целого ряда буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств. Именно потому и только потому, что Россия вместе с соседними странами переживает эту эпоху, нам нужен пункт о праве наций на самоопределение в нашей программе.

... «Россия — государство с единым национальным центром — великорусским. Великороссы занимают гигантскую сплошную территорию, достигая по численности приблизительно 70 миллионов человек. Особенность этого национального государства, во-первых, та, что «инородцы» (составляющие в целом большинство населения, 57%) населяют как раз окраины, во-вторых, та, что угнетение этих инородцев гораздо сильнее, чем в соседних государствах (и даже не только в европейских), в-третьих, та, что в целом ряде случаев живущие по окраинам угнетенные народности имеют своих сородичей по ту сторону границы, пользующихся большей национальной независимостью (достаточно вспомнить хотя бы по западной и южной границе государства финнов, шведов, поляков, украинцев, румын), в-четвертых, та, что развитие капитализма и общий уровень культуры нередко выше в «инородческих» окраинах, чем в центре государства. Наконец, именно в соседних азиатских государствах мы видим начавшуюся полосу буржуазных революций и национальных движений, захватывающих частью родственные народности в пределах России.

Таким образом, именно исторические конкретные особенности национального вопроса в России придают у нас особую насущность признанию права наций на самоопределение в переживаемую эпоху».

Другой довод, который Роза Люксембург повторяет очень часто, это, как мы видели, указание на то, что лозунг «право на самоопределение» не содержит-де в себе ничего практического. Ленин разбивает этот довод следующей аргументацией:

«Вся задача пролетариев в национальном вопросе «непрактична» с точки зрения националистической буржуазии каждой нации, ибо пролетарии требуют «абстрактного» равноправия, принципиального отсутствия малейших привилегий, будучи враждебны всякому национализму. Не поняв этого, Роза Люксембург своим неразумным воспеванием практи-

цизма открыла настежь ворота именно для оппортунистов, в особенности для оппортунистических уступок великорусскому национализму.

«Почему великорусскому? Потому что великороссы в России — нация угнетающая, а в национальном отношении, естественно, оппортунизм выразится иначе среди угнетенных чем среди угнетающих наций.

Буржуазия угнетенных наций во имя «практичности» своих требований будет звать пролетариат к безусловной поддержке ее стремлений. Всего практичнее — сказать прямо «да» за отделение такой-то нации, а не за право отделения всех и всяких наций.

Пролетариат против такого практицизма: признавая равноправие и равное право на национальное государство, он выше всего ценит и ставит союз пролетариев всех наций, оценивая под углом классовой борьбы рабочих всякое национальное требование, всякое национальное отделение. Лозунг практицизма есть на деле лишь лозунг некритического перенимания буржуазных стремлений.

Если мы не выставили и не проведем в агитации лозунга «права на отделение», мы сыграем на руку не только буржуазии, но и феодалам и абсолютизму угнетающей нации. Этот довод Каутский давно выдвинул против Розы Люксембург, и этот довод неоспорим. Боясь «помочь» националистической буржуазии Польши, Роза Люксембург своим отрицанием права на отделение в программе российских марксистов помогает на деле черносотенцам-великороссам. Она помогает на деле оппортунистическому примирению с привилегиями (и хуже, чем привилегиями) великороссов.

Увлеченная борьбой с национализмом в Польше, Роза Люксембург забыла о национализме великороссов, хотя именно этот национализм и страшнее всего сейчас, именно он — менее буржуазен, но более феодален, именно он — главный тормоз демократии и пролетарской борьбы. В каждом буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание против угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем, строго выделяя стремление к своей национальной исключительности, борясь со стремлением польского буржуа давить евреев и т. д.»

«Гоняясь за «практицизмом», Роза Люксембург просмотрела главную практическую задачу и великорусского и национального пролетариата: задачу повседневной агитации и пропаганды против всяких государственно-национальных привилегий, за право — одинаковое право — всех наций на свое национальное государство; такая задача — наша главная (сейчас) задача в национальном вопросе, ибо лишь таким путем мы отстаиваем интересы демократии и равноправного союза всех пролетариев всяческих наций.

«Пусть эта пропаганда «непрактична» и с точки зрения великороссов-угнетателей, и с точки зрения буржуазии угнетенных наций (и те, и другие требуют определенного «да» или «нет», обвиняя с.-д. в неопре-

деленности). На деле именно эта пропаганда, и только она, обеспечивает действительно демократическое и действительно социалистическое воспитание масс. Только такая пропаганда гарантирует и наибольшие шансы национального мира в России, если она останется пестрым национальным государством, и наиболее мирное (и безвредное для пролетарской классовой борьбы) разделение на разные национальные государства, если встанет вопрос о таком разделении».

§ 5. Государственный язык (письмо Шаумяну).

Тов. Ленин боролся против всякого элемента принудительности в национальном вопросе в отношениях одной нации к другой. Так, он резко критиковал точку зрения кадетов насчет обязательности государственного языка.

«Что означает обязательный государственный язык? Это значит практически, что язык великороссов, составляющих меньшинство населения России, навязывается всему остальному населению России. В каждой школе преподавание государственного языка должно быть обязательным. Все официальные делопроизводства должны обязательно вестись на государственном языке, а не на языке местного населения».

«Русский язык велик и могуч, — говорят нам либералы, — так неужели же вы не хотите, чтобы каждый, кто живет на любой окраине России, знал этот великий и могучий язык? Неужели вы не видите, что русский язык обогатит литературу инородцев, даст им возможность приобщиться к великим культурным ценностям» и т. д.

«Все это верно, господа либералы, — отвечаем мы им. — Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

«Мы не хотим только одного: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай дубиной.[1] Ибо сколько красивых фраз о «культуре» вы ни сказали бы, обязательный государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием. Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его из-под палки».

Тот же вопрос товарищ Ленин затрагивает в любопытном письме к тов. Шаумяну, не вошедшем в XIX том и опубликованном в «Сборнике статей, тезисов, докладов и проч. по национальному вопросу», изданном

---

[1] Курсив везде наш. *М. П.*

Закрайкомом РКП (Тифлис, 1922. См. стр. 170 — 172). В этом письме тов. Ленин говорит:

«Дорогой друг! Очень рад был вашему письму от 15-го ноября. Вы должны знать, что в моем положении страшно ценим отзыв товарищей из России, особенно — вдумчивых и занимающихся данным вопросом. Ваш быстрый ответ был потому для меня особенно приятен. Чувствуешь себя менее оторванным, когда получаешь такие письма. Перехожу к делу.

1. Вы — за государственный язык в России: «он необходим; он имел и будет иметь крупное прогрессивное значение». — Решительно не согласен. Я писал об этом давно в «Правде», и пока не встретил опровержения. Ваш довод совсем меня не уверяет, — напротив. Прогрессивное значение русский язык имел для тьмы жалких и отсталых наций — бесспорно.

Но неужели вы не видите, что он имел бы прогрессивное значение еще в большем размере, если бы не было принуждения.

Что же, разве «государственный язык» не означает палки, отбивающей от русского языка? Как вы не хотите понять той психологии, которая особенно важна в национальном вопросе и которая при малейшем принуждении поганит, пакостит, сводит на-нет бесспорное прогрессивное значение централизации единого языка больших государств. Но еще важнее экономика, чем психология: в России уже есть капиталистическая экономика, делающая русский язык необходимым. И вы не верите в силу экономики и хотите костылями полицейской швали подкрепить экономику. Неужели вы не видите, что этим вы уродуете экономику, тормозите ее. Неужели отпадение паршивой полицейщины не удесятерит (утысячерит) вольные союзы охраны и распространения русского языка. Нет, абсолютно не согласен с вами и обвиняю вас в кенигли-прейсицпер социализмус»...

§ 6. Пролетарско-революционная постановка вопроса.

Следя за аргументацией Ленина, мы видим, что в основу своей точки зрения по национальному вопросу Ленин кладет признание за каждой нацией права на государственное отделение от чуженациональных коллективов, права на образование самостоятельного национального. При этом такую постановку вопроса Ленин считает единственно разумной, прежде всего, в интересах пролетариата угнетающей нации.

«Возьмем позицию угнетающей нации, — говорит тов. Ленин. — Может ли быть свободен народ, угнетающий другие народы? Нет. Интересы свободы великорусского населения требуют борьбы с таким угнетением. Долгая история, вековая история подавления движений угнетенных наций, систематическая пропаганда такого подавления со стороны «высших» классов создали громадные помехи делу свободы самого великорусского народа в его предрассудках и т. д.

Великорусские черносотенцы сознательно поддерживают эти предрассудки и разжигают их. Великорусская буржуазия мирится с ними или подлаживается к ним. Великорусский пролетариат не может осуществить своих целей, не может расчистить себе путь к свободе, не борясь систематически с этими предрассудками.

Создание самостоятельного и независимого национального государства остается пока в России привилегией одной только великорусской нации. Мы, великорусские пролетарии, не защищаем никаких привилегий, не защищаем и этой привилегии. Мы боремся на почве данного государства, объединяем рабочих всех наций данного государства, мы не можем ручаться за тот или иной путь национального развития, мы через все возможные пути идем к своей классовой цели.

Но итти к этой цели нельзя, не борясь со всяким национализмом и не отстаивая равенства различных наций. Суждено ли, напр., Украине составить самостоятельное государство, это зависит от 1000 факторов, неизвестных заранее. И, не пытаясь «гадать» попусту, мы твердо стоим на том, что несомненно: право Украины на такое государство. Мы уважаем это право, мы не поддерживаем привилегий великоросса над украинцами, мы воспитываем массы в духе признания этого права, в духе отрицания государственных привилегий какой бы то ни было нации».

В статье, напечатанной в первом № «Звезды», т. Ленин снова возвращается к вопросу о праве на самоопределение наций, входящих в состав России, и говорит:

«Для украинцев и белоруссов, например, только человек, в мечтах живущий на Марсе, мог бы отрицать, что здесь нет завершения национального движения, что пробуждение масс к обладанию родным языком и его литературой (а это — необходимое условие и спутник полного развития капитализма, полного проникновения обмена до последней крестьянской семьи) здесь еще совершится. «Отечество» здесь еще не спело всей своей исторической песни. «Защита отечества» еще может быть здесь защитой демократии, родного языка, политической свободы против угнетающих наций, против средневековья, тогда как англичане, французы, немцы, итальянцы лгут теперь, говоря о защите своего отечества в данной войне, ибо не родной язык, не свободу своего национального развития защищают они на деле, а свои рабовладельческие права, свои колонии, «сферы влияния» своего финансового капитала в чужих странах и пр.».

В той же статье, резко критикуя взгляды т. П. Киевского (Ю. Пятакова), т. Ленин пишет (цитируем по предисловию тов. Зиновьева к этой статье, см. «Звезда», № 1, стр. 108):

«Через всю статью П. Киевского красной нитью проходит основное недоумение: к чему проповедывать и — когда мы будем у власти — осуществлять свободу отделения наций, раз все развитие идет к слиянию наций. К чему же, — ответим мы, — к чему проповедуем и, когда будем у власти, осуществим диктатуру пролетариата, хотя все развитие идет к уничтожению насильственного господства одной части общества над другой. Диктатура есть господство одной части общества над всем обще-

ством, и притом господство, опирающееся непосредственно на насилие. Диктатура пролетариата, как единственного до конца революционного класса, необходима для свержения буржуазии и отражения ее контр-революционных попыток. Вопрос о диктатуре пролетариата имеет такую важность, что не может быть членом с.-д. партии (напоминаем читателю, что статья писана в 1916 г., когда все мы называли себя социал-демократами. — *Г. З.*), кто не отрицает или только словесно признает ее. Но нельзя отрицать того, что в отдельных случаях, в виде исключения, например, в каком-нибудь маленьком государстве, после того, как соседнее большое уже совершило социальную революцию, возможна мирная уступка власти буржуазией, если она убедится в бесполезности сопротивления и предпочтет сохранить свои головы. Гораздо вероятнее, конечно, что и в маленьких государствах без гражданской войны социализм не осуществится, и потому единственной программой интернациональной социал-демократии должно быть признание такой войны, хотя в нашем идеале нет места насилию над людьми. То же самое (с соответственными изменениями) применимо к нациям. Мы стоим за слияние их, но от насильственного слияния, от аннексий ныне не может быть перехода к добровольному слиянию без свободы отделения».

В этих словах — весь Ленин, как политик великих годов революции 1917 — 1923 гг., как вождь и учитель нашей партии, указывающий ей правильный путь.

Между тем, на апрельской конференции 1917 г., после падения царизма, т. Ленин и его ближайшие единомышленники вновь скрестили шпагу по национальному вопросу с тем же т. Ю. Пятаковым и несколькими другими близкими нашими друзьями, которые продолжали делать доктринерские ошибки в национальном вопросе. Партия стала на точку зрения т. Ленина.

Тов. Ленин неоднократно возвращался в своих статьях к вопросу о самоопределении наций. В статье «Пролетарско-революционная постановка вопроса о самоопределении наций» т. Ленин пишет (т. XIX, стр. 172):

«Пролетариат угнетающих наций не может ограничиться общими, шаблонными, повторяемыми любым пацифистским буржуа, фразами против аннексий и за равноправие наций вообще. Пролетариат не может обходить молчанием особенно неприятного для империалистической буржуазии вопроса о границах государства, покоящегося на национальном гнете. Пролетариат не может не бороться против насильственного удержания угнетенных наций в границах данного государства, а это и значит бороться за право самоопределения. Пролетариат должен требовать свободы политического отделения колоний и наций, угнетаемых его нацией. В противном случае, интернационализм пролетариата останется пустым и словесным, ни доверие, ни классовая солидарность между рабочими угнетенной и угнетающей нации невозможны; лицемерие реформистских и каутскианских защитников самоопределения, умалчивающих о нациях,

угнетаемых их «собственной нацией» и насильно удерживаемых в «их собственном» государстве, остается неразоблаченным».

В другом месте т. Ленин говорит:

«Мелкие буржуа дают себя запугать призраком запуганной буржуазии — в этом вся суть политики с.-д. меньшевиков и с.-р. Они «боятся» отделения. Сознательные пролетарии не боятся его. И Норвегия, и Швеция выиграли, когда Норвегия свободно отделилась от Швеции в 1905 году, выиграло доверие между обеими нациями, выиграло добровольное сближение между ними, исчезли нелепые трения, укрепилось экономическое и политическое, культурное и бытовое тяготение обеих друг к другу, усилился братский союз рабочих обеих стран.

«Товарищи рабочие и крестьяне. Не поддавайтесь аннексионистской политике русских капиталистов: Гучкова, Милюкова, Временного Правительства по отношению к Финляндии, Курляндии, Украине и пр. Не бойтесь признать свободу отделения всех этих наций. Не насилием надо привлекать другие народы к союзу с великороссами, а только действительно добровольно, действительно свободным соглашением, невозможным без свободы отделения.

«Чем свободнее будет Россия, тем решительнее признает наша республика свободу отделения невеликорусских наций, тем сильнее потянутся к союзу с нами другие нации, тем меньше будет трений, тем реже будут случаи действительного отделения, тем короче то время, на которое некоторые из наций отделятся, тем теснее и прочнее в конечном счете братский союз пролетарско-крестьянской Республики Российской с республиками какой-угодно иной нации».

§ 7. Национальный вопрос и Коминтерн.

Тов. Ленин доказывал, что без правильной постановки национального вопроса пролетариату не удастся свергнуть господство буржуазии и осуществить социальную революцию. Вот как тов. Ленин определяет значение национально-освободительных движений, в роде ирландского, в деле торжества мировой социальной революции.

«Ибо думать, что мыслима социальная революция без восстаний ционер, либо доктринер, безнадежно неспособный представить себе социальную революцию, как живое явление.

«Ибо думать, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движений несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, — думать так, значит отрекаться от социальной революции.

«Должно быть, выстроится в одном месте одно войско и скажет: «мы за социализм», а в другом — другое и скажет: «мы за империализм», и это будет социальная революция. Только с подобной педантски-смешной точки зрения мыслимо было обругать ирландское восстание «путшем».

«Кто ждет «чистой» социальной революции, тот никогда ее не дождется, тот революционер на словах, не понимающий действительной революции».

В статье, напечатанной в первой книжке «Звезды», т. Ленин повторяет:

«Пока пролетариат передовых стран свергает буржуазию и отражает ее контр-революционные попытки, неразвитые и угнетенные нации не ждут, не перестают жить, не исчезают. Если они пользуются даже таким, сравнительно с социальной революцией, совсем маленьким кризисом, кризисом империалистической буржуазии, как война 1915 — 1916 гг., для восстаний (колонии, Ирландия), то не подлежит сомнению, что великим кризисом гражданской войны в передовых странах они воспользуются тем более для восстаний.

«Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях».

В этих немногих строках, — правильно указывает т. Зиновьев, — вся алгебра революционно-марксистской тактики Коминтерна в национальном вопросе. В эти слова В. И. Ленина особенно обязаны вдуматься работники компартий таких стран, как Англия, Франция, Америка, Япония — тех вообще стран, буржуазия которых угнетает чужие нации и грабит колонии и полуколонии.

Эта точка зрения на значение пролетарско-революционной подготовки национального вопроса в деле торжества мировой социальной революции лежит в основе знаменитых тезисов по колониальному и национальному вопросам, принятых II конгрессом III Интернационала.

Одним из важнейших вопросов, стоявших перед этим конгрессом, было точное определение взаимоотношений между Коммунистическим Интернационалом и революционным движением в политически угнетенных странах, находящихся под игом капиталистических стран, как-то: в Китае, Индии, Корее, отчасти Турции, Персии, Сиаме и т. д. Второй конгресс признал, что европейский капитализм черпает свою силу не столько из промышленных европейских стран, сколько из своих колоний, что сверхприбыль, получаемая с колоний, является главным источником средств современного капитализма, что Коммунистический Интернационал должен находиться в тесном контакте с теми революционными силами, которые в настоящий момент принимают участие в деле свержения империализма в политически и экономически угнетенных странах.

Основные идеи тезисов т. Ленина по колониальному и национальному вопросам, легшим в основу всей политики Коминтерна на Востоке, были намечены т. Лениным еще до мировой войны, когда он писал «Пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом знаменуют открывшуюся в начале XX века новую полосу всемирной истории».

Самой важной основной идеей тезисов тов. Ленина по национальному и колониальному вопросам — тезисов, принятых на втором конгрессе III Итернационала, является идея о различии между нациями угнетенными и угнетающими. «Мы, — говорит тов. Ленин, — подчеркиваем это различие в противоположность II Интернационалу и буржуазной демократии. Для пролетариата и Коммунистического Интернационала особенно важно констатировать конкретные экономические факты и при решении всех колониальных и национальных вопросов исходить не из абстрактных положений, а из явлений конкретной действительности».

«Буржуазной демократии, по самой природе ее, свойственна формальная или абстрактная постановка вопроса о равенстве вообще, в том числе о равенстве национальном.

«Характерная черта империализма состоит в том, что весь мир разделяется в настоящее время на большое число угнетенных, зависимых, неравноправных народов и ничтожное число народов угнетающих, располагающих колоссальными богатствами и могучей военной силой.

«Буржуазная демократия с присущим ей лицемерием затушевывает свойственное эпохе империализма колониальное и финансовое порабощение громадного большинства населения земли ничтожным меньшинством богатейших передовых капиталистических стран».

Лет сорок тому назад, — говорит Ленин, — считалось немного больше четверти миллиарда населения колоний, которое было подчинено шести капиталистическим державам. Перед войной 1914 года в колониях считалось уже около 600 миллионов населения и, если прибавить такие страны, как Персия, Турция, Китай, которые уже тогда были на положении полуколоний, мы получим в круглых цифрах миллиард населения, которое было угнетено богатейшими цивилизованнейшими и свободнейшими странами, посредством колониальной зависимости.

Мировая война 1914 — 1918 гг. шла из-за того, чтобы переделить весь мир. Война шла из-за того, какой из ничтожных групп крупнейших государств — английской или германской — получить возможность и право грабежа, удушения, эксплуатации всей земли. Война решила этот вопрос в пользу английской группы.

До войны, — как формулировал тов. Зиновьев в своей книге «Война и кризис социализма» (ч. II), — шесть великих империалистических держав, с населением в 437 миллионов, угнетали колонии и полуколонии с 933-миллионным населением. В результате войны, державы-победительницы с населением в одну четверть миллиарда, т.-е. вдвое меньшим, чем прежде, эксплуатируют уже большее число людей, именно: один с четвертью миллиард населения стран, из которых одни и прежде были колониями или полуколониями, другие же попали в положение последних в результате мировой войны. Следствием этой новой экономической картины является дальнейшее обострение всех капиталистических противоречий. С одной стороны, нужда, разорение масс возросли неслыханно и прежде всего по отношению к старым колониям и к побежденным державам с одной четвертью миллиарда людей, т.-е. с 70-ю процентами всего

населения земли. С другой стороны, внутри каждой страны-победительницы развились противоречия более острые, все капиталистические противоречия обострились. В Англии, Франции, Америки жизнь с каждым днем дорожает, производительность труда падает, деньги теряют свою ценность, государственные долги растут не по дням, а по часам, народные массы все глубже и глубже ввергаются в пучину нищеты и окончательного разорения. И в этом, как говорит тов. Ленин, лежит источник того глубочайшего революционного брожения, которое разрастается по всей Европе, и даже в странах-победительницах, как, например, в Англии, рабочий класс которой, после российского, — в авангарде революционного движения.

Это значительно облегчает борьбу народов Востока за свое освобождение. Восток XX столетия уже не тот, каким он был в XIX столетии. XX век — пробуждение революционного духа в азиатских странах. Первый сигнал к борьбе против старого мира, против капиталистического строя подняла в 1905 году Россия. Россия сама является полуазиатской страной. Она страдала от царского ига, от эксплуатации отечественной буржуазии и от эксплуатации международного иностранного капитала. Ведь, уже до войны Россия была полуколонией англо-бельгийско-французского капитала. Наши угольные шахты, наши металлургические предприятия, наша электро-техническая промышленность, наши трамваи, — все это находилось в руках иностранных трестов. Наш царизм, вся наша военно-полицейская система поддерживались заграничными капиталами и, прежде всего, французской биржей, которая ссудила Романовым около 12 миллиардов франков золотом на защиту тронов и старых порядков.

Многие утверждали, будто восточные страны обязательно должны пройти через капиталистическую стадию развития народного хозяйства. III Интернационал признает, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые народы могут перейти к советскому строю и через определенные ступени к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития.

Весь Восток насыщен бактериями революции. Многомиллионные, многострадальные массы восточных стран охвачены духом протеста против векового насилия, горят жаждой мести и борьбы. Если мы в этот, густо насыщенный революционными элементами, раствор введем кристалл в форме крестьянских советов — советов трудящихся, соответствующая кристаллизация пойдет быстрыми шагами, и мы значительно подвинем вперед дело революционного воспитания и революционной организации народных масс Востока в борьбе за новый социальный строй.

Идея же советской организации, как доказывал тов. Ленин на Втором конгрессе III Интернационала, проста и может быть применена не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям. Крестьянские советы — советы трудящихся являются средством, пригодным не только для капиталистических стран, но и для стран с докапиталистическими отношениями. Поэтому безусловным долгом

коммунистических партий и примыкающих к ним элементов является пропаганда идеи крестьянских советов — советов трудящихся всюду и везде, и в отсталых странах, и в колониях.

Образование советов трудящихся облегчит восточным народам борьбу за свое освобождение от внутренних и внешних врагов, от угнетения со стороны Франции, Японии, Америки и особенно Англии, которая держит в тяжелом рабстве сотни миллионов людей.

Мы знаем, что европейский капитализм черпает свою силу, главным образом, не из промышленных европейских стран, а из своих колоний. Могучий промышленный организм Великобритании покоится на эксплуатации ее безграничных колоний. Отнимите последние у Англии и вы переломите позвоночный хребет у великобританского капитализма и империализма.

Как доказал тов. Зиновьев в своей книге «Война и кризис социализма», накануне войны на сто жителей метрополии в таких странах как Англия приходилось 850 жителей в колониях. В переводе на простой язык, это значит: если из ста жителей метрополии, скажем, 5% представителей крупного капитала эксплуатируют остальные 95%, те же 5% эксплуатировали, кроме того, еще в той или иной форме громадное количество населения в колониях. На каждые пять человек крупных английских капиталистов работает не только 95 чел. англичан, живущих в метрополии, но еще 850 человек, населяющих Индию, Канаду, Египет.

Теперь, в результате мировой войны, число колониальных рабов, приходящихся на каждого английского капиталиста, еще более возросло. Эти цифры лучше всяких рассуждений показывают все значение колоний для капитализма.

Отделение колоний от метрополии нанесет смертельный удар капитализму, перешибет позвоночник последнего.

Вот почему такое громадное революционное значение имеет победа Турции Кемаля над английским империализмом. Значение этой победы усугубляется тем откликом, который она находит во всех угнетенных странах желтого и черного континента: в Индии, Персии, Сирии, Афганистане, Египте, Марокко, Тунисе, Алжире и т. д. Объективно Турция Кемаля играет в данный момент роль величайшего революционного рычага в деле поднятия на воздух и сокрушения всего капиталистического строя. Раз начавшись, национальное революционное движение на всем Востоке не может кончиться так, как кончилась великая французская революция, т.-е. низвержением власти помещиков, с заменой ее длительным господством буржуазии.

Исторический момент, вся мировая конъюнктура, в обстановке которой развивается могучее национальное освободительное движение на Востоке, не имеет ничего общего с международной обстановкой в эпоху Великой Французской Революции. Тогда во всей Европе господствовал полуфеодальный строй, существовало крепостное право, и капитализм только зарождался. Ныне мы присутствуем при крахе капитализма во всем мире и быстром усилении организованности и мощи пролетариата,

как могильщика погибающего строя. Вот почему, независимо от воли и желаний Кемаля и других победоносных вождей турецкого национального движения, революция в Турции и на всем Востоке пойдет не старым проторенным путем к утверждению господства буржуазии, а к восхождению к власти и в угнетенных полуколониальных странах миллионов рабочих и крестьян. «Миллионы и сотни миллионов людей, фактически большинство населения земного шара, выступают, как самостоятельные активные революционные факторы», — говорит т. Ленин на III конгрессе о могучем движении в колониальных и полуколониальных странах.

СССР И ВОСТОК.

«Миллионы и сотни миллионов людей, фактически большинство земного шара, выступают, как самостоятельные, активные революционные факторы».

Ленин.

«Передовая и цивилизованная Европа не интересуется обновлением Китая. Четыреста миллионов отсталых азиатов добились свободы, проснулись к политической жизни. Четвертая часть населения земного шара перешла, так сказать, от спячки к свету, движению, борьбе.

Ленин. Собрание сочинений, т. XIX, стр. 20.

«Трудящиеся СССР живо откликнулись на призыв вступить в члены общества «Руки прочь от Китая». Число членов общества быстро растет»...

«В Одессе организовалось отделение общества «Руки прочь от Китая». Инициатором возникновения этого общества является губпрофсовет. Общество послало телеграмму ВЦСПС, в которой просит от имени всего рабочего класса СССР заявить горячий протест против покушения на независимость народно-революционного Китая». (Одесса, 10 сентября 1924 г.)

«Общее собрание командного и политического состава красноармейских частей, заслушав доклад о событиях в Китае, вынесло резолюцию протеста против наглого вмешательства капиталистов в дела борющегося за самостоятельность китайского народа». (Уфа, 10 сентября 1924 г.)

«События в Китае вызвали горячий отклик в среде киевского пролетариата. На многих заводах и в вузах вынесены резолюции протеста против новой авантюры капиталистов в Китае. В резолюциях выражается уверенность, что Коминтерн, вскрывший эту очередную авантюру европейских капиталистов, сумеет предотвратить ее развитие». (Киев, 10 сентября 1924 г.)

«Рабочие Либкнехтовских соляных рудников постановили коллективно вступить в общество «Руки проч. от Китая». (Бахмут, 10 сентября 1924 г.)

В знаменитом стихотворении Лермонтова «Спор», написанном в 1841 г., мы читаем следующую характеристику тогдашнего Востока:

Не боюся я Востока, —
Отвечал Казбек, —
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.

Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин.
И, склонясь в дыму кальяна
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.
Вот у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.
Дальше: вечно чуждый тени
Моет желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров.
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Все, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя,
Нет, не дряхлому Востоку
Покорить меня.

Много воды утекло с той поры, как были написаны эти удивительные по своей силе и художественной красоте строки, но многое изменилось с той поры. Кто назовет теперь Восток «дряхлым», кто скажет, что «все, что здесь доступно оку, спит, покой ценя», кто охарактеризует теперь как «дремлющий» современный Тегеран, столицу пробудившейся к новой жизни Персии, о движении которой вперед газета «Шефаре Сорх» (№ 74, от 17 янв. 1924 г.) пишет: «Это не Сердар Сепах (Реза-хан) ведет нашу страну к республике... К республике ее ведут требования теперешнего века... Нас зовет к ней та красная заря, которая зажглась в России, то зрелище, которое являет нам молодая Турция... Величайшие империи мира — Германия и Австрия — стали республиками... Их пример увлекает и Персию... А то разорение и ничтожество, в которое нас повергло правление Каджаров, и то безразличие, которое проявляет к государству теперешний шах, только и помышляющий, как бы погулять в Европе, еще более отталкивает нас в этом направлении...» («Новый Восток», № 5, стр. 113.)

Кто назовет безглагольной, недвижимой и мертвой современную Палестину, где среди широких слоев арабского населения мощно развивается национально-освободительное движение, где среди пришлого европейского пролетариата растет Коммунистическая партия.

В Египте и всей стране, орошаемой Нилом и его притоками, Лермонтов ничего не видел, кроме «могильной тишины»:

Дальше, вечно чуждый тени,
Моет желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.

А теперь открываю наугад газету («Красную Звезду» от 27 августа 1924 года) и читаю там следующее сообщение:

«В столице Египта — Каире — состоялся митинг и манифестации, привлекшие многочисленных сторонников, с лозунгами соединения с Суданом. На Атбаре (приток Нила) произошли кровавые столкновения рабочих партий, собравшихся на такой же митинг, с английскими колониальными войсками. В Порт-Саиде (Судан) полиция оружием разогнала манифестации портовых рабочих и носильщиков. В Хартуме (гл. город Судана) молодые египетские офицеры военного училища напали на пост британских войск. К северу от Хартума навигационные рабочие, при попытке устроить демонстрацию, вошли в столкновение с английскими войсками и т. д., и т. д.

«Макдональд имел по этому поводу совещание с британским комиссаром в Египте, правителем Судана и командующим туземной армией. После этого совещания британский флот, направлявшийся на восток, получил приказание итти в Порт-Саид и Александрию. Английские гарнизоны в Судане усилены. В Хартум вылетела эскадрилья британского воздушного флота. Полиция производит массовые аресты и высылки из страны даже египетских граждан, заподозренных в антибританских настроениях».

В другой телеграмме из Лондона (от 24 авг. 1924 г) читаем следующее:

«Из Хартума (Судан) сообщают об усилении арестов среди египетских граждан, служащих в суданских войсках, в связи с распространением антибританских прокламаций, призывающих суданцев к восстанию. Али-Маласи младший, который руководил восстанием египетского рабочего батальона в августе, приговорен к тюремному заключению на шесть лет».

Даже бедуины, о которых упоминает великий поэт, давно уже перестали считать звезды и, сосчитав вместо этого число патронов в своих сумках, двинулись походом против вчерашнего ставленника Англии, геджасского короля Хусейна. В течение последних лет в странах арабского Востока не прекращаются восстания бедуинов, растет и ширится национально-освободительное движение среди всех почти племен Аравии, во всех четырех углах которой мы видим вспышки надвигающегося пожара.

Важным районом беспорядков оказывается Мосульский вилайет, являющийся одним из главных нефтяных районов. Здесь давно уже идут волнения на почве вмешательства англичан в дела местного самоуправления арабов и национальной вражды с турками.

Следующим пунктом волнений намечается персидский Курдистан. Хотя он этнографически и выделяется из арабского Востока, но англичане здесь своими вооружениями курдов пытаются возбудить среди них движение в связи с мосульским вопросом.

Наконец, нужно отметить повторяющиеся нападения вахабитов на Палестину, на управление которой мандат выдан Лигой Наций Англии.

Но национально-освободительное движение не ограничивается только теми странами, спячку населения которых в первой половине XIX сто-

*

летия изобразил нам Лермонтов. Восток XX столетия уже не тот, каким он был в XIX столетии. XX век — век пробуждения революционного духа во всех странах черного и желтого континентов, начиная от северо-западного побережья Африки и кончая Тихоокеанским побережьем Срединной Империи.

Телеграммы за сентябрь 1924 г. сообщали нам о новом восстании марокканцев в районе Гибралтарского пролива против испанцев и о полном разгроме испанской армии. Испания, которая держит в Марокко 160 000 солдат, очутились перед необходимостью посылать туда ежедневно все новые и новые полки. Тем не менее, положение испанских войск в Марокко остается отчаянным. Все попытки диктатора Примо де Ривера улучшить положение остаются безуспешными. Полная неудача испанского военного выступления в июле 1921 г. грозит повториться в 1924 г.

Мы рассказывали уже в нашей книге «Борьба за Азию и Африку» об этом восстании 1921 г. Во время этого восстания мусульманских племен испанского Марокко против своих поработителей армия ген. Сильвестра была разбита на-голову, и сам генерал убит или покончил с собой.

Вооруженный испанский лагерь в районе Мелиллы был эвакуирован испанскими войсками и занят повстанцами. Как вынужден был признать испанский военный министр с представителями испанской прессы, «восстание племен было полное и всеобщее. Крепость Мелиллы была отрезана от внешнего мира. Крепость Сиди Идрис, находящаяся недалеко от Средиземного побережья, очутилась в критическом положении. Попытка под прикрытием испанских военных судов эвакуировать гарнизон крепости не удалась, благодаря усиленному неприятельскому огню». Несколько испанских военных судов было пущено ко дну огнем артиллерии мятежников, что свидетельствует о прекрасном вооружении последних. Испанское правительство оказалось вынужденным объявить мобилизацию новых классов для усиления армии и подавления восстания.

Известия о событиях в Марокко произвели сильнейшее впечатление во всей Европе, особенно в Испании, равно как во Франции, ибо понятно, что движение, разразившееся в испанском Марокко, не могло не отразиться рано или поздно на Марокко французском и вообще на всем Средиземном побережье Черного континента. Буржуазная печать Испании, Франции и Англии с особой и вполне понятной тревогой констатировала тот факт, что наемные туземные войска, находившиеся под командой испанских офицеров и генералов, присоединились к восставшему населению, и крепость Мелила, эта твердыня испанского господства на северо-западном побережье Африки, бомбардировалась восставшими, очевидно, прекрасно вооруженными войсками.

Испанская и французская пресса с изумлением констатировала опять-таки небывалый в истории восстания африканских племен факт, «экстраординарный факт», как писало «Тан» («Temps»), и именно, что повстанцы не убивали ни женщин, ни детей, ни даже военнопленных, а, наоборот, позволяли мирным испанским жителям покидать места воен-

ных действий, далее, что дикие горцы, не желавшие признавать никакой дисциплины, никакого подчинения кому бы то ни было, действовали, как послушные и дисциплинированные солдаты («Temps», 27 июля 1921 г.), повинуясь чьей-то указке. Ключ к разгадке этого необъяснимого на первый взгляд поведения диких мятежников, равно как их прекрасно разработанного плана военных действий, образцовой военной организации наступающих повстанческих отрядов, их прекрасного вооружения вплоть до артиллерии и громадного количества снарядов, дававшей возможность мятежникам бомбардировать испанские крепости и пускать ко дну испанские военные суда, буржуазные газеты, правда, немногие, находили в участии в этом восстании большевистских агентов, другие — таких газет особенно мало — немецких офицеров. Вспомним, что прекрасную организацию и дисциплинированность наших красных войск европейская печать также объясняла наличностью в нашей армии тех же мифических немецких офицеров и генералов.

На самом деле, факт гуманного отношения «диких племен» к мирным жителям, «экстраординарный факт», который вынуждена была признать даже буржуазная пресса, свидетельствует лишь о том, что конгрессы III Интернационала, пресловутый съезд народов Востока в Баку и все великое революционное пролетарское движение послевоенной эпохи, развившееся под знаком великих идей III Интернационала, не прошло бесследно даже для бокойсов и буниурнагенов, отсталых горцев, населяющих неприступные твердыни испанского Рифа. Революционный крот делает свое дело и хорошо роет почву под ногами у капитализма даже на африканском берегу.

«Угнетенные народы всего мира и пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — этот великий лозунг, провозглашенный на историческом съезде в Баку, съезде, который так осмеивал за границей Мартов, нашел свой отклик в сердцах горцев северо-африканского побережья. Самые отсталые племени Черного и Желтого континентов начинают понимать, что их освобождение может быть достигнуто только при условии дисциплины и организации в их собственной среде, с одной стороны, при условии симпатий к ним трудящихся масс европейского континента — с другой. Восставшие племена Марокко не желали давать лишнего оружия в руки испанской буржуазии и затруднять этим положение испанского пролетариата, который с особым мужеством, идя в этом отношении впереди всего западно-европейского пролетариата, всегда боролся против колониальных авантюр своей буржуазии и который при первых же известиях о событиях в Марокко обнаружил, по словам французского официоза «Тан», необычайное волнение и нервозность и проявлял готовность к активным действиям для борьбы с империалистическими планами правящих классов Испании. Рабочие всей Испании были крайне возбуждены отправкой новых отрядов в Марокко. 1-го августа 1921 г. в Бильбао вспыхнула всеобщая забастовка, которая перекинулась в Сарагоссу и другие города. Во многих городах Испании были произведены массовые аресты.

Только после страшного напряжения своих сил империалистической Испании удалось удержаться в Африке. [1]

И вот ныне, в 1924 г., мы присутствуем при новом восстании в испанском Марокко, восстании, в котором принимают участие все почти племена испанской колонии. Поражения испанских войск превратились в полный разгром. По последним сведениям, Тетуан и Танжер окружены повстанцами. Испанские войска отступили по всей линии, несмотря на то, что в течение сентября в Марокко были направлены значительные подкрепления (50 000 солдат). Насколько марокканская авантюра истощает силы Испании, видно хотя бы из манифеста, с которым диктатор де Ривера, по случаю годовщины захвата власти директорией, обратился к офицерству и армии. В этом любопытном манифесте де Ривера сознается, что директория не сумела выполнить в течение года поставленной перед нею задачи, так как война в Марокко поглотила все ее силы.

Парламентская фракция, центральный комитет французской компартии, всефранцузский комитет союза коммунистической молодежи приветствуют блестящую победу марокканских повстанцев над испанскими империалистами и надеются, что вождь повстанцев Абдель-Керим продолжит совместно с французским и европейским пролетариатом борьбу против всех империалистов, включая и французских, до полного освобождения Марокко.

Восстание в испанском Марокко не осталось изолированным.

Французы констатируют у себя также возникновение волнений в Марокко среди пограничных племен, особенно в долине Верда, вследствие чего они должны были отправить в этот округ значительные подкрепления из Феца. [2] Одновременно, как мы видели, волнения распространяются и на Судан.

Излишне нам останавливаться на характеристике национального и рабочего движения в Индии и в Китае. Журнал «Новый Восток» посвятил достаточно статей этой теме. Напомним лишь сейчас, что писал Ленин еще в 1913 году о пробуждении Азии:

«Давно ли Китай слыл образцом страны полного застоя. А теперь в Китае кипит политическая жизнь, ключом бьют общественное движение и демократический подъем. Вслед за русским движением 1905 года демократическая революция охватила всю Азию, Турцию, Персию, Китай. Растет брожение в английской Индии.

---

[1] См. нашу книгу «Борьба за Азию и Африку», стр. 207 — 209.

[2] Эти строки были написаны до вмешательства Франции в войну с риффами, до мобилизации ею 200-тысячной армии для разгрома риффов. О франко-риффской войне см. нашу книгу «Французский империализм». Собр. соч., т. VII, стр. 193 — 257.

Интересно, что революционно-демократическое движение охватило теперь и Голландскую Индию, остров Яву и другие колонии Голландии, имеющие населения до 40 миллионов человек. . .

Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию».

С той поры, как были написаны эти строки великим вождем Коминтерна, освободительное движение на всем Востоке значительно развилось, и теперь действительно, как указал Ленин на III Конгрессе Коминтерна, в колониальных и полуколониальных странах «миллионы и сотни миллионов людей, фактически большинство населения земного шара, выступают, как самостоятельные активные революционные факторы».

* * *

Дряхлому, сонному Востоку Лермонтов противоставлял николаевскую Россию, север, где видно было движение, где слышен был звон и шум.

От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки.
Веют белые султаны,
Как в степи ковыль.
Скачут легкие уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамена,
В барабаны бьют;
Батареи медным строем
Между них гремят;
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И, испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки, могучи,
Шумны, как поток,
Страшно-медленны, как тучи,
Прямо на Восток.
И, томим зловещей думой,
Полон черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый
И не счел врагов...
Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку на брови надвинул
И навек затих.

Если бы, кроме стихотворения Лермонтова, у нас не осталось других документов о Николаевской эпохе, мы все же были бы в состоянии на

основании этого произведения представить себе картину взаимоотношений между царской Россией и спящим Востоком. Царская Россия была главным и наиболее опасным врагом всего Востока. Подобно Казбеку весь азиатский континент затих навек от непрерывного движения могучих и шумных как поток русских полков, шедших как тучи, в течение ряда десятилетий прямо на Восток.

«Все изменилось с того момента, как в России восторжествовала Советская власть. Рабоче-крестьянская Россия, могучая, непобедимая в лице ее Красных армий, сказочно чарующая в своем новом облике, являлась уже в глазах азиатских народов не вековым мучителем всего мусульманского мира, не врагом, не конкурентом Англии, Германии или Франции в борьбе за раздел Желтого континента, а, наоборот, добрым гением, искренним другом всех угнетенных народов Востока, в борьбе с мировым империализмом» («Борьба за Азию и Африку», стр. 74).

Что сталось бы с Персией, Китаем, Турцией, если бы СССР помогал мировому империализму в его попытках полного уничтожения самостоятельности восточных стран? Имея возможность атаковать Персию, Турцию, Китай с тылу, в то время как Антанта атаковывала бы эти страны с фланга, Россия могла бы поставить пробуждающийся Восток в самое критическое положение. Если Антанта имела силы, хотя бы и временно, превратить могучую Германию в свою полуколонию и сумела захватить в свои руки все жизненные ресурсы последней, то чего могла бы достигнуть Антанта при содействии России по отношению к Востоку, какая судьба постигла бы Персию, Турцию, Китай, атакованные одна за другой с севера, юга, запада, востока.

Что может лучше иллюстрировать глубокое различие между старой и новой Россией, чем отношение СССР к событиям, разыгрывающимся ныне в Китае? В период боксерского восстания царская Россия играла роль главной скрипки в оркестре держав, напавших на Китай. Ныне, в момент новой интервенции, в Срединной Империи СССР выступает, как единственный верный друг китайского народа. По всему СССР во всех городах организуются отделения общества «Руки прочь от Китая», и наши профсоюзы обращаются к трудящимся массам всех стран и в первую очередь к рабочим Франции, Англии, Америки, Японии с призывом выступить со всей решительностью против бандитского набега английского, американского, французского, японского правительств на мирное население Китая против вмешательства капиталистических хищников в дела китайского народа. Не только в столичных и провинциальных городах нашей республики — в Москве, Ленинграде, Харькове, Одессе, Уфе, Луганске, Павлограде и сотнях других более или менее крупных центров созываются собрания, и организуются филиалы общества, которые совершенно стихийно, без всяких директив из центра, выносят резолюции против интервенции в Китае и начинают производить всевозможные сборы и отчисления в пользу трудящихся Китая, — даже в сравнительно маленьких пунктах, как Кадиевка, Брянский рудник и другие местности Донбасса, которые мне пришлось недавно посетить, в свою очередь, наблю-

дается глубокий интерес ко всему, что происходит в Китае и горячее желание притти, по мере сил, на помощь китайскому народу в борьбе против вековых угнетателей последнего.

Могучие батальоны Красной армии, шумные как поток, медленные как тучи, более грозные, чем царские армии, тесно в ряд идут не для того, чтобы броситься на пробуждающийся Восток. И фитили орудий дымятся, как перед боем, не для того, чтобы ядра наших пушек разрушали твердыни освободительного движения на Востоке.

Иные фитили, другие факелы несет СССР на Восток.

Джиованолли в романе «Спартак», посвященном описанию известного восстания рабов в древнем Риме, так описывает начало этой гражданской войны, чуть было не приведшей победоносные вначале армии рабов под стены Рима.

Спартак наделяет несколько сот безоружных гладиаторов, — неожиданно окруженных подоспевшими римскими легионами, узнавшими о готовящемся восстании, зажженными факелами и бросает горсть своих храбрецов на вооруженных с ног до головы римских солдат. Гладиаторы с громадными зажженными факелами, этим импровизированным оружием, в руках, пробираются через ряды римских солдат и образуют ядро гладиаторской армии, к которой со всех концов Италии стекаются новые и новые отряды рабов, начинающих победоносную войну с грозными армиями рабовладельческого Рима.

В этом эпизоде с зажженными факелами как бы символизируется сущность народных восстаний, объясняется причина неоднократных в истории побед плохо вооруженных народных армий в борьбе с многочисленными и лучше их вооруженными армиями, защищающими интересы господствующих классов.

Весь буржуазный мир объединился против Советской России. Английская, французская, американская, японская буржуазия поддерживали Колчака, Деникина, Врангеля, Юденича, эстонских, финляндских, польских, румынских белогвардейцев и захватчиков, вооружали врагов Советской власти винтовками, пулеметами, танками, снабжали их деньгами, провиантом, военной амуницией. Тем не менее Советская Россия вышла победительницей в борьбе со всем капиталистическим миром.

Советская Россия защищалась против несметных врагов, держа острый меч в одной руке, зажженный факел в другой. Этот факел — факел социальной революции, факел войны крестьян и рабочих против капиталистов и помещиков и вместе с тем факел войны всех угнетенных народов против угнетателей. Ярко горел этот факел, и его лучи проникали в сознание не только крестьян и рабочих СССР, обманом или силой согнанных в армии Деникина, Колчака, Родзянко, но и солдат иностранных войск, крайне неохотно сражавшихся против Красных армий.

Вступая по всей СССР в члены общества «Руки прочь от Китая», обнаруживая искреннюю пролетарскую солидарность и сочувствие борющемуся в тисках империализма за свою самостоятельность Китаю, призывая весь международный пролетариат начать кампанию против интер-

венции капиталистических правительств в Китае, трудящиеся СССР своим образом действия, весть о котором дошла уже до самых глухих уголков Китая, воодушевляют миллионы и миллионы китайцев к самой энергичной борьбе против вмешательства империализма во внутренние китайские дела. Вдохновляя широчайшие массы Китая к решительной борьбе с мечом в руке против бесстыдного вмешательства мировой буржуазии в дела китайского народа, мы одновременно нашим призывом к солидарности международного пролетариата, нашей агитацией в пользу активного и самого решительного выступления рабочих всех стран и прежде всего Англии, Америки, Франции, Японии, против интервенции их правительства в дела Китая, вооружаем борющийся за свою независимость Китай тем факелом, который помог и Советской России разбить все вражеские армии, двинутые против нее.

ВОСТОЧНЫЕ ТОРГОВЫЕ ПАЛАТЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ СССР В СТРАНАХ ВОСТОКА.

(Доклад на открытии Украинской Восточно-Торговой Палаты, 27 апр. 1925 г.)

Позвольте приветствовать вас от имени правления Союзной Торговой Палаты. Факт образования Украинско-Восточной Торговой Палаты есть лучший показатель оживления нашей торговой связи с Востоком. Я не буду останавливаться на многих цифрах, приведу лишь цифры относительно двух стран: Персии и Турции. В 1920 году наш товарооборот с Персией равнялся 28 милл. кран, в 1923/24 году мы имеем уже товарооборот в 268 милл. кран. Увеличение в десять раз за эти три года. Мы еще не достигли довоенного уровня, но это значительный прогресс. Если возьмем Турцию: в 1920 г. мы имели оборот в 1,5 милл. т. л., теперь 17 милл. И здесь мы не дошли до довоенного уровня, но прогресс несомненен.

За последующие два года мы, возможно, дойдем до довоенного уровня. Представители Украинского правительства тт. Булат и Буценко указали на значение официально открываемой сегодня Палаты. Тов. Буценко высказал пожелание о том, чтобы интересы и роль Палаты во всесоюзном масштабе не были отодвинуты на задний план. Этого не может быть.

Что представляет собой Украинская Советская Социалистическая Республика в экономическом отношении! С точки зрения наших интересов, наших взаимоотношений с Востоком Украинская Республика — это есть великий транзитный путь из Белоруссии, из центральных областей России, из Урала, Западной Сибири в порты Черного моря, а отсюда на Балканы, Египет, а с другой стороны — через Кавказ на Восток в Персию и восточные области Турции. Именно потому, что Украина играет роль такого транзитного пути, она должна иметь свое выдающееся

место в наших взаимоотношениях экономических и торговых с Востоком, но, с другой стороны, именно потому, что Украина играет такую роль, необходима тесная связь Союзной и Украинской Палат.

Необходимо согласование действий обеих Палат, как части и целого. У нас существует единый Наркомат Внешней Торговли, существует единый Наркоминдел, представитель которого, т. Шлихтер, говорил перед вами и ясно, что в вопросах связи с Востоком необходима единая политика. В этом отношении нужно избегать разнобоя во чтобы то ни стало.

Наши торговые сношения с Востоком накануне мировой войны были очень оживленны. Они развивались не по годам, а по дням. Накануне мировой войны наш товарооборот с Востоком равнялся $^1/_2$ миллиарда руб. золотом, и был целый ряд экономистов, которые доказывали, что через 2 — 3 года наш товарооборот с Востоком превысит сумму 1 миллиарда рублей золотом. Таким образом оправдался гениальный прогноз Ленина, который во время господства у нас народнических идей о невозможности превращения России в капиталистическую страну, в виду-де того, что Россия слишком поздно выступает на арену борьбы за мировые рынки, доказал в своем замечательном труде «Развитие капитализма в России», неизбежность превращения России в капиталистическую страну и полную возможность отвоевания молодою капиталистическою страною рынков у могучих промышленных государств. Прошло какое-нибудь десятилетие с того момента как Ильич написал эту работу, и уже экономическое влияние России стало чувствоваться во всех странах Востока. Накануне мировой войны фабрикатам английской, американской и германской промышленности становилось уже порой не под силу бороться с русским сахаром, ситцем, русскими резиновыми изделиями и т. д. в прилегающих к русским границам восточных странах.

И мы действительно видим, что в период, предшествовавший мировой войне, Россия господствовала на персидском рынке, что она захватила $^3/_4$ персидского товарооборота.

Мировая война, а затем гражданская, разорвали наши торговые связи с Востоком. Само собою разумеется, что в эпоху интервенции, когда на Украине свирепствовали банды Петлюры, когда на Украине находились германские войска, когда образовались фронты: Деникинский, Врангелевский и Колчаковский, когда Англия господствовала на Каспийском и Черном морях, невозможно было думать о вывозе наших товаров в страны Востока. Да и у нас товаров не было в эту эпоху. Но кое-что мы вывозили па Восток. И то, что мы вывозили, сыграло колоссальную роль в истории Востока и в деле нашей смычки с трудящимися массами последнего.

Что мы вывозили на Восток? Что экспортировали? Мы импортировали в страны Востока идеи Ленина по национальному и колониальному вопросам, и Восток с восторгом откликался на нашу пропаганду.

Мы организовали знаменитый съезд народов Востока в Баку, на котором был провозглашен великий лозунг неразрывного союза трудящихся масс Советской республики с народами Востока для борьбы против стер-

вятников мирового капитализма и прежде всего против особенно опасного в тот момент врага Востока, именно Великобритании. Но затем, когда наше народное хозяйство начало устанавливаться, мы решили подкрепить эту нашу идейную пропаганду пропагандой экономической, и в 1922 году была учреждена Российская Торговая Восточная Палата.

Учредительное собрание РВТП состоялось 10 дек. 1922 г. в конференц-зале Наркоминдела при участии более ста представителей Наркоматов, хозорганов, послов и полномочных представителей Турции, Бухары, и др. стран Востока.

Это учредительное собрание сыграло в истории советской торговли в области нашей экономической связи с Востоком в известном смысле такую же роль, какую съезд народов Востока в Баку сыграл в деле нашей идейной смычки с трудящимися Востока для борьбы с империализмом.

Две идеи легли в основу создания Торговой Восточной Палаты. Первая идея, что Восточная Торговая Палата не должна быть ведомственным учреждением, она не должна быть и институтом между ведомствами. Она должна явиться учреждением общественным. Тов. Буценко уже говорил о том, что успех УВТ Палаты будет зависеть от того, поскольку удастся привлечь все живые силы Украинской Советской Социалистической Республики. Так и мы при организации понимаем задачу нашей торговой Палаты. Это прежде всего общественный орган, общественное учреждение, в котором должны собираться представители трестов, представители синдикатов и всякого рода других общественных организаций для разработки вопросов, касающихся Востока. Там, где есть, нужно привлекать и представителей восточного купечества.

Вторая задача заключалась в пропаганде той идеи, что между нашей торговой политикой по отношению к странам Запада и Востока не может быть проведено знака равенства.

Западно-европейские государства предстают перед нами, как блок империалистических держав, имеющих целью выкачать от нас сырье и завалить подчас гнилыми фабрикатами, тогда как Восток стремится покупать фабрикаты и давать свое сырье. Это основное различие и диктует политику наших взаимоотношений с Востоком и Западной Европой, из которой вытекают все дальнейшие последствия.

Наши политико-экономические торговые отношения с различными странами исходят из деления этих стран на группы: во-первых, мы имеем восточные республики наши; во-вторых, имеем империалистические государства как европейские, так и некоторые восточные как Япония; в-третьих, мы имеем колонии как Индия, Мадагаскар, территории — протектораты; в-четвертых, мы имеем восточные государства, объединенные и добившиеся независимости, и продолжающие бороться за эту независимость как Персия, Турция, Афганистан; в-пятых, мы имеем восточные государства, необъединенные, борющиеся за свою независимость, не вышедшие из периода гражданской войны, как, например, Китай. И с каждой отдельной группой государств мы имеем свою политику. Если

мы возьмем восточные наши республики, то еще до того, как эти восточные наши республики вошли в состав Советского Союза как, например: Азербайджан, Бухара, Хива, как они тогда назывались, у них были определенные отношения с нами. У нас была единая экономическая политика, единый экспортно-импортный план, и был единый принцип согласованной борьбы с империалистическими державами и проникновением на их территории хищнического промышленного капитала иностранной буржуазии.

В отношении империалистических государств мы держимся противоположной политики. Против империалистических государств мы боремся путем монополии внешней торговли.

Промежуточную линию занимают восточные государства, находящиеся за рубежом. При чем здесь необходимо определенное различие в отношении к этим государствам. Персия, Афганистан, Турция, — мы их третируем как государства, в отношении которых основной принцип нашей политики — развивать потенцию национальных сил, всеми силами способствовать этим государствам превратиться в самостоятельные экономические организмы, которые будут в союзе с нами в борьбе против империализма. Но, если мы возьмем некоторые из государств, например, Турцию, то ее не всю мы можем третировать одинаково. Например, если мы возьмем Константинополь. Константинополь сырья не вывозит.

Что такое Константинополь? Это складочное место европейских товаров. Константинополь делает попытки перевезти к нам английские и французские фабрикаты. Значит, в отношении Константинополя у нас другой режим, режим внешней монополии. Если мы возмем восточные области Турции, которые стремятся к тому, чтобы вывозить сырье и покупать фабрикаты, в этой области мы должны их третировать, как Персию и Афганистан. [1]

Если возьмем колонии: Индию, Египет, Ирак и т. д., то здесь вопрос очень сложный, потому, что эти области находятся вполне во власти английского империализма. Значит, здесь нужно принять во внимание это и ограждаться таким образом, чтобы они не могли служить плацдармом, опираясь на который английский или американский империализм вел бы против нас экономическую борьбу.

В отношении к пятой категории стран, к которым относится Китай, страна политически необъединенная, находящаяся еще в состоянии гражданской войны, мы не можем еще дать ответа, какие организационные формы наиболее удобны для нашей торговли, ибо ответ будет зависеть от того, кто явится победителем в гражданской войне в Китае. Если победит партия Гоминдан и поддерживающие ее социалистические группы, наша торговая политика будет носить один характер, если победят дуд-

---

[1] Подробно о принципах торговли со странами Востока смотри статьи т. С. Иранского: «Тенденции в развитии организационных форм торговли СССР со странами Востока». Журнал «Торговля России с Востоком» № 1—2, 1925 г.

зюны — военные диктаторы Китая — политика будет другая. Пока же приходится варьировать методы нашей торговли в зависимости от условий, установившихся в той или иной провинции Китая. Так, например: на Западный Китай можно распространить ту же форму организации, какую мы применяем в отношении Турции и Персии. В нашей торговой политике по отношению к странам Востока мы должны исходить из тех принципов, что в таких странах, как Турция, Афганистан, Персия, мелкое и среднее купечество является элементом прогресса, носителем освобождения, будущим сторонником сближения с Советской властью.

Единственный класс, на который мы должны опираться в нашей торговой политике, это есть мелкое и среднее купечество. Мы должны всячески покровительствовать ему и должны нашу торговую политику вести таким образом, чтобы она совпала с интересами этих слоев населения. Если мы введем в Персии, Турции и Афганистане свой собственный торговый аппарат, тогда персидские купцы, турецкие купцы скажут: «Вы у нас отнимаете хлеб, вы заставляете нас умирать с голода», и на этой же точке зрения стоит масса населения этих стран.

Мы должны поставить мелкое и среднее купечество Персии, Турции, Афганистана в такие условия, чтобы они могли свободно приезжать к нам, покупать то, что они хотят, и продавать, что хотят. Мы не должны им делать никаких стеснений.

В отношении к угнетенным странам Востока все наши восточные торговые палаты должны руководиться той центральной идеей, которая была формулирована в тезисах Российско-Восточной Торговой Палаты в 1923 г. в следующих словах:

«Наша торговля с Востоком имеет целью вызвать к жизни потенцию национальных сил Востока, как сил, сопротивляющихся проникновению империалистических держав».

Только такой экономической политикой мы сможем развить смычку с Востоком. Нужно добиться увеличения экспорта наших товаров на Восток и ввоза к нам восточных товаров. Вместе с тем, мы должны на Востоке вести пропаганду идей кооперации, в этом отношении нашим полпредствам принадлежит огромная роль.

Почва для этого есть, мы имеем в Монголии потребкооперацию, организовывается сельскохозяйственная кооперация, затем имеем сельскохозяйственную кооперацию в Турции, начинает создаваться кооперация в Персии. Мы не должны ставить никаких препятствий торговле мелкого и среднего купечества с нами и никакого принуждения с нашей стороны не должно быть. Тот, кто знает, какую роль в революции Персии и революции Турции сыграло мелкое и среднее купечество, которое когда-то организовывало массовые забастовки против старого режима, тот понимает, что наша политика в этом отношении должна быть очень осторожна и должна исходить из учета интересов именно этих слоев населения, которые являются прогрессивным элементом и в странах Востока.

Все наши таможенные перегородки на границах Афганистана, Персии, Западного Китая, Монголии, Манчжурии должны быть сведены к минимуму, таможенные пошлины по восточным границам как для вывоза, так и для ввоза, должны быть сняты на началах взаимности с нашими соседями. Надо предоставить торговым организациям наших восточных соседей возможность проводить свои экспортно-импортные операции на нашем внутреннем рынке, а нашим торговым государственным и кооперативным предприятиям с своими торговыми операциями в эти восточные страны не выходить. По поводу этих принципов нашей восточной торговой политики высказываются соображения, будто такое раскрепощение восточной торговли противоречит тому международному договору, который у нас существует с западными соседями. По поводу этих возражений председатель Совета Палаты тов. Лежава правильно указал, что эти аргументы не имеют под собой никакой почвы. «Мы могли бы совершенно беспрепятственно, — указывает тов. Лежава, — издать даже закон о беспрепятственном ввозе в наши страны определенной номенклатуры сырья, например: шерсть, козлина, овчина, пушнина, волос, щетина и, с другой стороны, беспрепятственном вывозе из нашей страны изделий нашей мануфактуры, резиновой и металлической промышленности и т. д. И, конечно, никакой немец, ни англичанин не воспользовались бы этим, и в нашу страну не ввозили бы невыделанной овчины и козлины, и не стали бы нашей мануфактурой заваливать свои рынки».

Пусть восточные купцы сами за свой страх и риск привозят к нам свои сырые продукты. Пусть продают их по тем ценам, по которым найдут для себя выгодным. Равным образом пусть восточные купцы покупают на наших фабриках наш сахар, нашу посуду, наш ситец и везут к себе на родину на свой страх и риск. От этого мы только выигрываем. В отношении многих товаров, избыточное производство которых не должно быть избыточным на нашем внутреннем рынке, как например, в отношении нефти, мы находимся в несколько иных условиях. Пусть восточные купцы покупают на нашем внутреннем рынке любое количество необходимого им керосина. Но вместе с тем мы можем в этой области промышленности выйти со своим аппаратом на восточный рынок, чтобы выбить оттуда английские нефтяные синдикаты путем удешевления нашей цены на керосин и улучшения его качества.

Только в этих исключительных случаях мы можем выходить на восточные рынки с нашими торговыми аппаратами.

Теперь я перейду к отчету о деятельности Всесоюзной Палаты за этот год. [1]

Наша деятельность за этот год носила крайне оживленный характер. В связи с экономическим оживлением работа Палаты охватывала интересы торговли в целом ряде стран: Персии, Турции, Афганистане, Греции, Египте

---

[1] Председателем Совета Палаты являются зампред Совнаркома РСФСР т. Андрей Матвеич Лежава, председателем правления — М. П. Павлович, зам. председателя правления — А. Е. Ходоров.

и т. д. Как была организована эта работа? Проработка вопросов прошла в процессе коллективной работы. Представители трестов, — члены правлений самой Палаты. За один год мы имели 169 заседаний. Основная работа велась по секциям. Мы имеем 3 секции: дальне-восточную, средне-азиатскую и турецкую. Дальне-восточная охватывает интересы Японии, Китая, Манчжурии и Урянхая. Мы имеем отделения на местах: отделение Восточной Палаты в Ростове н/Д., в состав которого входят 18 организаций; 17 октября было организовано средне-азиатское отделение. Открытие средне-азиатского отделения было поставлено в план организованного строительства одним из важнейших моментов. Средне-азиатские республики нуждались не только в центре развития восточной торговли, но в связи с СССР, Афганистаном и Зап. Китаем. Эти республики нуждались в органе, который бы привлекал купечество западных стран.

Круг деятельности палаты.

Истекший год, отмеченный в истории советского строительства большим оживлением в области внешних сношений как политических, так и экономических, отразился особенно в области внешней торговли СССР. Деятельность РВТ Палаты отражала это общее явление. Круг ее работы за отчетный период охватывал интересы торговли с целым рядом восточных стран, как Персией, Турцией, Афганистаном, Монголией, Китаем, Палестиной, Грецией, Египтом, а также с Бухарой и Хорезмом.

Проработка различных вопросов торговли прошла в процессе коллективной работы членов Палаты.

Всего за истекший год Палата имела 169 заседаний.

Со времени общего годичного собрания Российско-Восточной Торговой Палаты, состоявшегося 15-го февраля, деятельность Российско-Восточной Торговой Палаты развивалась в направлении, утвержденном общим собранием, согласно предъявленного правлением Палаты плана деятельности на 1924 г.

Планом деятельности перед Палатой поставлен ряд новых задач с уточнением методов работы, с углублением ее достижений, с организационной крепкой увязкой не только центра, но и периферии СССР со странами Востока, с удовлетворением одновременно текущих повседневных вопросов хозяйственных организаций. В плане деятельности была указана задача организационного строительства Палаты, при чем предложено произвести работу по открытию отделений в Закавказье, Туркестане и на Дальнем Востоке и разрешить также организационную увязку с Сев.-Зап. областью (Ленинград), с Юго-Восточной областью (Ростов) и Украиной. Особо поставлен был вопрос о более тесной увязке с Азербайджанской Палатой. Как исключительная задача была поставлена организационная увязка с центрами самих восточных стран.

Организационная работа велась Палатой за отчетное время с особой интенсивностью.

Основная работа по выполнению программы Палаты выполнялась правлением. Проработка проблем торговли с определенными странами осуществля-

лась в комиссиях и секциях. Секций было в истекшем году три: Дальне-Восточная, Средне-Азиатская и Турецкая. Дальне-Восточная охватывала торговые интересы ДВО, Японии, Китая, Манчжурии, Урянхая; Средне-Азиатская — Средне-Азиатские Республики, Зап. Китай, Афганистан; Турецкая — Турцию и Ближний Восток.

За отчетное время было открыто Юго-Восточное Отделение РВТ Палаты в г. Ростове на Дону (ныне Северо-Кавказское). Отделение приступило к практической деятельности 18-го февраля 1924 г. В состав его входят 18 организаций, представители ведомств и хозорганов, работающих в Юго-Восточном районе (ныне Сев. Кавказе).

17-го сентября 1924 года при участии представителей ведомств, местных хозорганов, представителей персидского, афганского и западн. китайского купечества состоялось учредительное собрание Средне-Азиатского Отделения Российско-Восточной Торговой Палаты, на котором был избран организационный комитет в составе представителей Внешторга, Внуторга, Наркоминдела, Текстильного Синдиката, Ср.-Азиатского Банка, Туркхлопка, Упсырзага и представителей персидского, зап.-китайского и афганского купечества, а 21-го на заседании организационного комитета под председательством зам. пред. Сред.-Аз. Экосо тов. М. Н. Бурова было избрано бюро отделения, и принят предложенный и разработанный РВТ Палатой проект положения Сред.-Аз. Отделения Российско-Восточной Торговой Палаты.

Бюро Сред.-Аз. Отделения РВТ Палаты приступило к деятельности 15-го октября.

Открытие Средне-Азиатского Отделения было поставлено в план организационного строительства одним из важнейших моментов в своих достижениях, так как Средне-Азиатские Республики не только нуждались в том, чтобы иметь руководящий общественный центр, увязывающий их с общественным центром СССР по направлению работ, по развитию восточной торговли с СССР и по поднятию их народного хозяйства, но, связывая СССР с Персией, Афганистаном и Зап. Китаем, эти республики нуждались в органе, который бы мог привлекать купечество указанных стран Востока к задачам торговли СССР и давать необходимые разъяснения и указания по ряду вопросов торгово-экономического характера.

17-го декабря состоялось торжественное открытие Одесского Отделения РВТ Палаты с участием представителей восточных стран. На открытии зам. председателя правления Палаты тов. А. Е. Ходоров прочел доклад о ближайших задачах РВТ Палаты в отношении развития экономических взаимоотношений со странами Ближнего Востока. С установлением постоянных ближневосточных рейсов, открывшихся 19-го декабря, роль Одессы, как центра нашей морской торговли с ближневосточными странами, сильно возросла. Открытие Отделения в Одессе является моментом, завершающим период организационной деятельности по развитию и закреплению торговых отношений с ближне-восточными странами. Одесское Отделение должно установить связь с ближне-восточными купцами, оказывать им содействие, изучать формы торговли с Востоком, содействовать созданию благоприятных условий торговли.

Палата, имея в виду наметившееся оживление в торговле на Д.-Востоке, открывающиеся прямые сообщения между портами Черного моря и Дальнего Востока, возрождающуюся промышленность нашу на этой окраине, оживленные торговые взаимоотношения с Монголией и Манчжурией, соглашение с Китаем о Китайско-Восточной железной дороге и, наконец, договор с Японией, открывающий широкие перспективы новых торговых взаимоотношений, нашла необходимым организацию Отделения РВТ Палаты на Дальнем Востоке, в виду чего и возбудила соответствующее ходатайство.

Все отделения развивали свою деятельность на основе тождественных уставов (положение о комитетах), определяющих круг их прав, обязанностей, задач и условий работ, а также взаимоотношений с РВТ Палатой. Поскольку скрещивались вопросы и интересы рынков Ближнего и Среднего Востока, постольку между всеми отделениями и РВТ установилась определенная деловая связь. В истекшем году во главе комитетов в качестве председателей состояли: в Средне-Азиатском — т. М. Н. Буров (зам. упол. СТО Сред.-Аз. Республик); в Северо-Кавказском — тов. А. Я. Штилер (пред. Ростовской товарной биржи); в Одесском — тов. И. О. Гольденберг (Губвнуторг и председатель Биржевого Комитета Одесской товарной биржи).

За истекшее время удалось также закончить и осуществить задачу открытия руководящего общественного центра по торговле с Востоком для Закавказья.

Цель Закавказской Палаты формулирована первым пунктом Устава следующим образом: «ЗВТ Палата имеет целью содействовать экономическому сближению Закавказья с Персией и Турцией на почве торгово-промышленных интересов». Поскольку в задачи РВТ Палаты входит экономическое сближение СССР со странами Востока, а Закавказье входит в ССР, постольку организационно устанавливается единство цели и единство методов работы.

В связи с развитием работ по установлению торговли с Турцией и того значения, которое эти работы имеют в развитии экономической жизни Закавказья, РВТ Палата передала ряд вопросов краевого характера для разработки Закавказской Восточной Палате. Поскольку в основу первых работ Палатой помимо вопросов экономики Закавказья были поставлены вопросы торговли с Турцией, поскольку при РВТП существует турецкая секция, постольку совершенно естественен самый тесный контакт между РВТП и Закавказской Восточной Палатой.

За короткое время работы Закавказская Восточная Торговая Палата успела обследовать условия турецкого рынка в отношении восточных вилайетов и персидских рынков — в направлении Сев.-Зап. части Персии в отношении экспорта спичечной и силикатной промышленности. Кроме того, Палата проработала ряд вопросов по лесо-экспорту, также вопрос о табачной промышленности.

При содействии П/Отдела Ближнего Востока НКИД Зак. Восточн. Торг. Палата установила непосредственную информационную связь с торгпредствами и консульствами соседних восточных стран. Работой Зак. Палатой руководит Совет, председателем которого в истекшем году состоит Л. К. Гамкредидзе (зам. Наркомвнуторга ЗСФСР).

Кроме того РВТ Палата находится в постоянной живой связи с Азербайджанской Палатой.

Бакинская ярмарка проводилась РВТ Палатой в полном контакте с Азербайджанской Палатой, принявшей на себя корреспондентские обязанности и выполнение поручений по заданиям РВТ Палаты. Кроме того Азербайджанская Палата согласовывала с РВТ Палатой продвижение выдвигаемых ею вопросов, касающихся режима торговли с Персией, в том числе вопрос о смягчении налоговых обложений в отношении персидских купцов, работающих в Азербайджане, далее вопрос о свободном в Баку Дворце Торговли и т. д.

Последнее время возник вопрос о том, чтобы с оставлением у Азербайджанской Палаты ее функций местного характера в масштабе АССР, передать ей также представительство РБТ Палаты на предмет обслуживания интересов торговли с северными провинциями Персии на правах Отделения РВТП, каковой вопрос находится в процессе разрешения.

В порядке организационного строительства Палаты необходимо отметить достижение в отношении широко раскинутой сети корреспондентских пунктов Палаты. Имея в виду необходимость своевременной и возможно полной информации о состоянии рынков и цен на экспортно-импортные товары, а также общей конъюнктуры народного хозяйства восточных стран, Палата учредила корреспондентские пункты в большинстве восточных государств, как например, в Персии (Тегеран, Тавриз, Мешхед, Ардебиль, Энзели, Казвин, Астрабад, Бушир, Урмия, Хой). В Турции (Константинополь, Смирна), в Палестине (Яффа), в Монголии (Урга), в Афганистане (Герат-Меймене), Зап. Китае (Кульджа, Урумчи, Чугучак), в Манчжурии (Харбин).

В истекшем году Палата продолжала принимать деятельное участие в проработке конкретных вопросов торговой политики Республики Советов в отношении стран Востока. Палатой был возбужден ряд ходатайств о расширении списка товаров, ввозимых без лицензий из Персии. В результате проработки вопроса Палатой в отношении режима торговли с Персией была представлена записка в НКВТ с приложением списков импортных и экспортных товаров.

По ряду вопросов, возбужденных купцами, Палата возбуждала ходатайства перед Народн. Комиссар. Внешней Торговли о разрешении ввоза персидскими купцами товаров персидского происхождения. Палатой в отношении Персии поддерживалось также ходатайство о разрешении ввоза без лицензий апельсин. Это ходатайство было удовлетворительно разрешено приказом НКВТ за № 225/а.

Проблема восстановления торговли с Турцией нашла себе практическое выражение в организации Российско-Восточной Торговой Палатой торговой делегации в Турцию в составе группы хозяйственников, представительствовавших интересы наиболее крупных отраслей народного хозяйства СССР. По возвращении делегации, при Палате была учреждена во главе с председателем делегации, тов. А. М. Ивановым, Турецкая секция, которая и подвергла обсуждению вопрос о списке товаров турецкого происхождения, разрешенных к безлицензионному ввозу из Турции в СССР, и дала оценку списку с точки зрения интересов развития русско-турецкой торговли. В приказах НКВТ №№ 193

*

и 228/а безлицензионный режим торговли с Турцией был установлен. Палата оказывала содействие хозорганам в ряде отдельных случаев в увязке отношений с афганским купечеством и при заключении отдельных торговых сделок. Так, Палата оказала содействие акционерному О-ву «Шерсть» в закупке у афганского купечества 24 тысяч пудов шерсти и возбудила ходатайство о предоставлении лицензии на вывоз товаров, приобретенных афганскими купцами на средства, вырученные от продажи шерсти.

Особого внимания Палаты потребовал ряд вопросов, возникших в связи со стремлением афганских купцов Герагского и Месаршерифского районов установить льготные условия импорта из Афганистана различных сырьевых товаров и экспорта из СССР изделий советской промышленности.

Палатой был поставлен вопрос об условиях торговли с Афганистаном, и на совещаниях с участием представителей ведомств и хозорганов были приняты пожелания о создании благоприятных условий по широкому товарообмену СССР с Афганистаном.

В результате разработки вопросов Палатой возбуждены были ходатайства об установлении безлицензионного вывоза из Афганистана продуктов сельского хозяйства и животноводства и свободного экспорта из СССР изделий советского происхождения путем издания соответствующего приказа.

Палатой было обращено внимание на необходимость облегчения условий по ввозу сырья из Зап. Китая и представлена записка в НКВТ об установлении безлицензионного ввоза из Зап. Китая разных видов сырья.

Вместе с тем Палата также продолжала работу по рассмотрению вопросов, связанных с увеличением торговых оборотов, оказывая содействие ввозу зап.-китайского сырья и вывозу изделий союзной промышленности.

Значительное внимание было уделено Палатой режиму торговли на ярмарках, при чем НКВТ было удовлетворено ходатайство РВТ Палаты, о чем и был издан приказ № 70, значительно расширивший права торгующих на Бакинской ярмарке восточных купцов и наших госорганов. Благоприятные результаты приказа № 70 по режиму торговли в период Бакинской ярмарки побудили Палату возбудить ходатайство в НКВТ о переиздании № 70 для Нижегородской ярмарки со внесением в него ряда поправок в отношении импорта грузов из стран Востока и свободного вывоза товаров российского происхождения.

В отношении таможенных вопросов Палата продолжала развивать работу по созданию наиболее льготного таможенного режима по границам со странами Востока, имея в виду, что облегчение условий торговли вполне отвечает интересам СССР и его восточных соседей.

Для развития торговли с Персией, Палатой возбуждены ходатайства об увеличении сети таможен, а также принят ряд мер для облегчения таможенных формальностей при экспорте и импорте товаров.

Выяснялась также возможность участия союзной советской промышленности в торговле с южными районами Персии и Персидским заливом. Указанный вопрос приобретает особое значение при условии создания благоприятных соотношений в таможенных ставках на товары персидского происхождения из южных районов.

Выявившийся спрос на некоторые виды брака пушнины в Персии побудил Палату изучить условия вывоза этого товара. Палатой был возбужден вопрос об установлении вывозного тарифа на указанные виды пушнины.

После тщательной проработки вопроса о восстановлении торговых отношений с Турцией, на совещаниях хозяйственных организаций с участием генерального турецкого консула г-на Фуат-Бея выяснилось, что торговля с Турцией в первую очередь будет развиваться в направлении экспорта леса; при этом, однако, выяснилось и препятствие развитию лесо-торговли в виду высокой ввозной пошлины в Турции на лес. Это обстоятельство побудило Палату добиваться снижения ввозной пошлины на лес в Турции.

Останавливаясь на торговых взаимоотношениях с Египтом, Палата уделила внимание вопросу о ввозе через порты Черного моря египетского хлопка и возбудила ходатайство об освобождении его от ввозной пошлины в 1 руб. с пуда, что обеспечивает условия ввоза хлопка через Одессу из Египта до 1 миллиона пудов.

При рассмотрении таможенных вопросов Палатой была установлена необходимость снижения тарифов по ввозу из Афганистана кожсырья, и в силу этого были возбуждены ходатайства о снижении ввозной пошлины на мерлушку, овчину.

Палатой был также рассмотрен вопрос, возбужденный представителем зап.-китайского купечества, о разрешении ввоза маты и кирпичного чая без взимания соответствующей пошлины, при чем вопрос этот Палатой был разрешен безусловно отрицательно.

Параллельно разработке вопроса о таможенных ставках Палата продолжала изучать вопрос о жел.-дор. и водных тарифах следующих из СССР в страны Востока и обратно товаров, придавая благоприятному разрешению этих вопросов огромное значение в отношении возобновления торговых взаимоотношений. В первую очередь Палатой выдвигались вопросы о снижении фрахтов, в виде льготных мер для успешного развития Нижегородской ярмарки и Бакинской. В других случаях аналогичные меры выдвигались применительно к тому или иному товару, выход которого на внешний рынок не выдерживал существующих ставок, либо в случаях необходимости снижения тарифов для сырья, направлявшегося в СССР из стран Востока.

Так при проработке номенклатуры товаров для торговли с Турцией, Палатой был проработан также вопрос о фрахтах. При обсуждении турецкой секцией при РВТ Палаты условий экспорта лесо-материалов было принято постановление о возбуждении ходатайства о снижении железнодорожных тарифов по линии Царицын — Новороссийск, каковое ходатайство было также поддержано Наркомвнуторгом и ВСНХ.

В связи с возникшим по инициативе Торгпреда СССР в Турции тов. Юрьева вопросом о выступлении нашей цементной промышленности на конкуренции в турецких правительственных торгах на поставку цемента, Палатой был выдвинут перед Госторгфлотом вопрос о необходимости снижения фрахта на перевозку цемента из Новороссийска в турецкие порты.

В совещаниях по вопросу о торговых взаимоотношениях с Персией, Палата подвергла разработке вопрос о приближении тарифов Каспийского и Волжского пароходств к тарифам довоенного времени.

Установленные в результате указанных совещаний пароходствами тарифы создали весьма благоприятные условия для оборота товаров массового потребления и импорта в СССР из Персии сырья.

Палатой были возбуждены ходатайства и о снижении железнодорожных тарифов в отношении грузов, идущих в Монголию, и обратно.

С переходом Китайско-Восточной жел. дороги в общее владение СССР и Китайской Республики, Палата принимала деятельное участие в разработке вопросов и перспектив, вытекающих из этого факта; так, как это будет видно ниже, она проводила большую работу по организации участия российской промышленности в поставках на КВЖД.

Палата также уделяла внимание вопросу о возможности усиления грузооборота Китайско-Восточной жел. дор. в сторону Владивостока, имея в виду, что маршрут стан. Манчжурия — Владивосток представляет значительные преимущества в тарифе и времени по сравнению с маршрутом Манчжурия — Дайрен.

Одновременно Палата интересовалась и уделяла внимание вопросу автомобильных сообщений как в Монголии, так и в Персии; и с учреждением О-ва «Автоиран» прорабатывала вопрос о предоставлении Ювстрою ремонтов на шоссейных дорогах, обслуживаемых автомобильным движением.

Полная унификация денежной системы по всему Союзу и успех денежной реформы в Союзе Сов. Соц. Республик создали устойчивое положение червонца и обусловили его престиж за границей. Кредитование восточной торговли, предоставление восточным купцам, привозящим в СССР товары, права частного вывоза валюты, содействие в учете восточным купечеством векселей хозорганов, побуждали Палату уделять внимание и этим моментам.

Считаясь с той ролью, которую в товарообороте СССР с Персией играют валютные соотношения между червонцем, фунтом стерлингов и персидским кроном, Палатой были устроены совещания по вопросу об урегулировании указанных взаимоотношений с привлечением к означенному делу Русско-Персидского Банка и заготовляющих в Персии русских организаций. Совещания вынесли ряд пожеланий, которые затем были проведены в жизнь и внесли серьезные улучшения, облегчающие условия торговли с Персией.

Учитывая роль кредитования в развитии торговли между СССР и Персией, Палатой было обращено внимание хозорганов на необходимость тесной увязки с Русско-Персидским Банком.

Одновременно Палатой был рассмотрен вопрос о выдаче ссуд под коносаменты Каспийского пароходства и Доброфлота и поддержано ходатайство о выдаче ссуд под эти документы.

Был также поставлен вопрос перед Наркомфином о кредитовании торговли с Персией на Бакинской и Нижегородской ярмарках.

Внимание Палаты было также сосредоточено на вопросе о вывозе иностранной валюты персидским купечеством. По этому поводу Палатой была представлена соответствующая записка в Особое Валютное Совещание. Валют-

ное Управление с своей стороны обычно направляло на заключение Палаты заявления от отдельных восточных фирм о предоставлении права на вывоз валюты. Палата лишь в крайне необходимых случаях поддерживала ходатайство о вывозе части валюты, не превышающей 30% суммы сделки, принципиально держась той линии, чтобы восточные фирмы на вырученную сумму или векселя приобретали себе фабрикаты союзной промышленности, в то же время принимала на себя содействие в приобретении восточным купечеством продукции советского производства. Ряд совещаний Палаты был посвящен вопросу увязки перекупцов с нашими кредитными учреждениями, главным образом, с Банком для Внешней Торговли. Палатой же было оказано содействие к привлечению кредитов от этого банка к кредитным сделкам по шерсти, хлопку и проч. Как Банк для Внешней Торговли, так и Русско-Персидская контора в таких случаях шли навстречу путем принятия к учету векселей по товарообороту с Персией и с другими восточными государствами.

В отношении торговли с Турцией, турецкая секция организовала совещание по вопросу о вывозе валюты турецкими купцами при вывозе ими своих товаров в СССР. Кроме того Палатой были возбуждены ходатайства о разрешении приема в портовых конторах Госбанка турецких денежных знаков и обмена их на русскую и иностранную валюту.

В процессе работы Палата систематически сталкивалась с вопросом о влиянии на развитие торговых операций всевозможных налоговых обложений, при чем ей приходилось констатировать как случаи несоответствия обложений харатеру торговых операций, так и случаи вредного влияния их широким государственным интересам; поэтому по примеру предшествующего года, Палата продолжала работу в направлении облегчения способов расчетных обложений и возбуждала соответствующие ходатайства пред НКФ СССР.

Осуществляя поставленные общим собранием задачи, Палата стремилась в течение истекшего года, с одной стороны, выдвигать принципиальные вопросы восточной торговли и, с другой стороны, стремилась к удовлетворению повседневных текущих вопросов хозяйственных организаций, путем сосредоточения в Палате сведений о ценах, ассортименте, конъюнктуре рынков, спросе и проч. В этой работе Палата стремилась проводить систему и план, утвержденные общим собранием прошлого года.

Палата стремилась в основу торговых взаимоотношений между Россией и Персией положить начало товарообмена, привлекая персидских купцов к развитию их деятельности в смысле не только ввоза персидского сырья, но и вывоза изделий союзной промышленности. Палата устраивала с персидскими купцами преимущественно во время ярмарок совещания, выясняя нужды персидской торговли. В отдельных случаях Палата вступала в сношения с Тегеранской торговой Палатой.

В течение 1924 г. Палатой поставлен был вопрос об усилении экспорта спичек в те страны Востока, в которые экспорт начался, и о проникновении спичек был поставлен главным образом в отношении Персии, куда наши спички проникли, но где не имели значительного сбыта, вследствие перехода Персии к потреблению английских спичек в маленьких коробках. Палата установила, что экспорт наших спичек замедлился также вследствие того, что первые

партии спичек были невысокого качества с несоответствующей требованиям персидского потребителя упаковкой. Палатой были созваны совещания с участием представителей спичечной промышленности, и проработан вопрос об улучшении качества экспортных спичек и о приспособлении упаковки, а также этикеток к рыночному спросу в Персии. Было установлено, что экспорт спичек возможен в больших размерах при условии экспорта спичек Северо-Западного и Полесского трестов. Был рассмотрен и одобрен проект новой этикетки и постановлено о соответствующей упаковке.

В связи со строительными планами стран Ближнего Востока РВТ Палатой было обращено внимание на необходимость продвижения нашего цемента на рынки Ближнего Востока, емкость которых сильно возросла в результате значительных строительных работ. Палата оказывала содействие получению поставки на цемент на торгах, имевших место в Константинополе, и кроме того, вместе с представителями Новороссцемента и Смешанного Русско-Турецкого О-ва «Руссотюрка», прорабатывала вопрос об экспортной калькуляции на цемент, накладных расходах на цемент и о перспективах размещения цемента на турецких рынках. В указанной работе приняло также участие Северо-Кавказское Отделение Палаты, и Новороссцементом был послан специальный уполномоченный для выяснения условий турецкого рынка и продажи цемента при непосредственном участии нашего Торгпредства. Руссотюрком были заключены сделки на продажу 30 000 тонн, а Новороссцементом были заключены сделки на продажу 5000 тонн, при чем установлены возможности экспорта и цемента фабрикатов. Одновременно с продвижением цемента в Турцию Палатой были приняты меры к продвижению цемента в Грецию, к установлению торговой связи с Египтом. Работа эта перешла за период отчетного года и остается еще незаконченной.

Вопрос об экспортных операциях с чаем ставился Палатой в двух направлениях: с одной стороны, Палатой прорабатывался вопрос об условиях импорта из Китая чая в СССР, с другой стороны — о снабжении чаем сопредельных восточных стран, которые за время войны стали снабжаться чаем европейскими импортерами. В первую голову вопрос об экспорте из СССР чая был поставлен в отношении Персии, так как во время войны СССР не только потерял этот рынок, но Персия, куда стал ввозиться чай из Индии, стала снабжать чаем, вывозимым по лицензиям СССР, главным образом, Ср.-Аз. Республики. Разрешение этой проблемы косвенно должно было отразиться на прекращении контрабанды в Ср.-Аз. Республиках. Вопрос этот не получил еще своего разрешения, но он поставлен Палатой, и разрешение его подготовляется заинтересованными организациями. Положительных результатов Палате удалось добиться в вопросе об усилении завоза чая в Ср.-Азиатские Республики с установлением пониженных акцизов и в вопросе о вытеснении ввозимого из Афганистана и Персии контрабандного чая. Палатой принимались меры к увеличению завоза чая также в Монголию, при чем Палатой устанавливалась связь между Чаеуправлением и заготовительными органами, работающими в Монголии и нуждающимися в чае для товарообмена в Монголии на шерсть и проч. продукты скотоводства. Палатой поставлен был вопрос о безакцизном тран-

зите чая, ввозимого Чаеуправлением или Центросоюзом и Акц. О-вом «Шерсть» в Монголию.

В части экспорта нефтепродуктов в страны Востока задачи Нефтесиндиката, несмотря на то, что экспорт на Восток во много раз меньше экспорта на Запад, ставились РВТ Палатой в полном контакте с Нефтесиндикатом. Палатой рассматривался вопрос об условиях, при которых может быть увеличено количество сбываемого в Персию керосина, и Палатой представлялись в ведомства соответствующие сведения. По отношению к Турции в связи с приездом торговой делегации Палатой представлена была записка о необходимости непосредственного выхода наших нефтепродуктов на турецкие рынки без участия каких-либо европейских организаций, играющих роль посредников. Емкость турецких рынков достаточно значительна, чтобы создать организацию, которая могла бы вести конкуренцию с европейскими организациями и тем содействовала бы удешевлению цены на керосин, а, с другой стороны, увеличивала бы самый сбыт керосина. Эта точка зрения встретила сочувствие в турецких кругах и намечена была к проведению Нефтесиндикатом. Торговая делегация выяснила емкость турецкого рынка, определив его в 75 000 тонн керосина, 3500 тонн бензина и 5500 тонн смазочных масел. Нефтесиндикатом вместе с Аркосом был поставлен вопрос об устройстве инсталляций для непосредственной продажи нефтепродуктов турецкому потребителю. Сбыт керосина, в виду его качества, вполне обеспечен. До 1-го октября было вывезено в Константинополь наливом до 15 000 тонн, а в другие турецкие порты до 1000 тонн бидонами. Особо стоял вопрос о снабжении восточных вилайетов Турции керосином, при чем вопрос этот прорабатывался Закавказской Восточной Палатой и нашел свое положительное разрешение в доставке керосина. Палатой рассматривался также вопрос об экспорте керосина в Афганистан с тем, чтобы при экспорте был возвращен акциз. Такое ходатайство было возбуждено и было удовлетворено. В связи с возобновлением торговых отношений с Китаем перед Палатой поставлен был вопрос об экспорте нашего керосина на манчжурские рынки и дальнейшего его продвижения.

Палата оказывала содействие разрешению этого вопроса и привлекала Нефтесиндикат к участию на Объединенной Русско-Китайской Выставке.

Особого внимания Палаты заслуживали вопросы по экспорту лесоматериалов в страны Ближнего Востока, которые испытывают нужду в лесе, как в связи со своими строительными, в результате войны, задачами, так и вследствие необходимости иметь тару для экспортируемых фруктов. Уже в торговую делегацию был включен Палатой, по соглашению с ведомствами, представитель лесных трестов, председатель Волгокаспийлеса тов. Лавров, который не только обследовал турецкие рынки, но и, оставив делегацию, отправился в Палестину и Египет для обследования Ближневосточных рынков. Тов. Лавровым не только были обследованы Ближневосточные рынки, и завязаны сношения с импортирующими фирмами, но и была продана с согласия Наркомвнешторга партия леса в Палестину на сумму до 30 000 фунтов стерлингов. С приездом тов. Лаврова, Палатой были разработаны условия, при которых возможен значительный сбыт наших лесоматериалов в страны Ближнего Востока. В результате проработки вопроса Палатой были возбуждены ходатайства о снижении попенной

платы, об отводе лесосек не позднее 1-го августа, об установлении льготного расчета за древесину и о снижении тарифа по линии Царицын — Новороссийск. Палатой также к проработке вопроса о транспорте леса привлечен Госторгфлот, и созданы условия, благоприятствующие переброске лесоматериалов на Ближневосточные рынки. С осуществлением поставки, принятой Волгокаспийлесом от ряда фирм Палестины, Египта, Сирии, Греции и Турции, стали поступать заявки на значительное количество леса, главным образом сосны, а в последнее время на шпалы. Палатой установлено, что в оперативном 25-м году СССР мог бы получить поставки на сумму до двух милл. рублей, при условии создания благоприятного положения по финансированию лесных трестов.

Считаясь с тем, что восточные страны переживают в настоящее время процесс машинизации сельского хозяйства и перехода к более культурным формам обработки земли, а также улучшения разведения специальных культур и садоводства, РВТ Палата обратила особое внимание на необходимость снабжения восточных стран нашими сельскохозяйственными машинами. Вопрос этот был острее поставлен в отношении Персии, при чем в этом направлении Торгпредом СССР в Персии тов. Шумяцким были приняты меры к созданию благоприятных условий для сбыта наших машин. Тегеранская выставка, где были экспонированы наши сельскохозяйственные машины, начиная от плуга и кончая трактором, создала благоприятную атмосферу для получения заказов Министерства Земледелия. Сельмашсиндикатом были, при помощи Торгпредства, переведены прейскурант и каталог машин, и получен заказ Министерства Земледелия на ряд машин. Кроме того, отдельные персидские купцы стали закупать сельскохозяйственные машины и приборы.

Тот же процесс индустриализации и городской жизни в странах Востока поставил перед РВТ Палатой задачи по оказанию содействия к выходу изделий нашей электрической промышленности в страны Востока. В ряде заседаний Палата сосредоточила внимание наших электротрестов на необходимости продвижения электроматериалов и электроустановок в страны Востока. В отношении Персии, при содействии торгпреда СССР в Персии тов. Шумяцкого, Эльмаштрестом были взяты установки радиостанции, кроме того индустриализация кустарной промышленности в Персии вызвала спрос на наши небольшие электрические двигатели. Палатой переданы были для разработки и составления смет заявления персидских муниципалитетов, а также составление сметы на устройство водопровода. Также работа при более тяжелых условиях конкуренции с европейскими импортерами ставилась и по отношению к некоторым установкам в Турции. Палата имела запрос на установку электростанции в Инеболи, и разработанная смета была представлена по принадлежности, но установку не удалось получить. В связи с возобновлением торговых отношений с Китаем, Палатой велась работа по привлечению наших электротрестов к участию на выставке в Харбине и к выяснению Манчжурских рынков в отношении их спроса и цен на электроматериалы.

Наименее разработанной надлежит считать задачу проникновения наших металлоизделий на рынок Востока. До сего времени на рынки Востока сопре-

дельных с нами стран главным образом шел лом нашего железа, из которого мелкая туземная кустарная промышленность работала необходимые для местного рынка изделия. Такова картина в Персии, Афганистане, Зап. Китае и отчасти в Монголии. Металлоизделия почти не проникали в указанные страны, и вопрос этот не был поставлен перед металлическим трестом.

Наступающий 1925 г. обещает систематическую работу со стороны металлических трестов при участии Палаты для выступления на всех восточных рынках.

Установлением ВТС связи с персидскими рынками, путем открытия своих отделений, Палата сосредоточивала внимание текстильных трестов на ассортименте товаров, потребных для Персии, и принимала меры к установлению в отношении персидского рынка льготных условий по отпуску ситцевой группы. Надлежит указать, что итоги по сбыту текстиля в Персии значительно меньше тех, которые можно было ожидать. Это объясняется не только отсутствием ассортимента, но и отсутствием свободных количеств мануфактуры, которая запродавалась на 2 — 3 месяца вперед за наличный расчет в ассортиментах более выгодных, чем того требовали персидские купцы, спрашивавшие не менее 70% ситцу. Даже на ярмарках Бакинской и Нижегородской сделки на текстиль были весьма незначительны и Палате приходилось считаться с условиями внутреннего рынка. Палата исходила из необходимости обеспечения за нашей мануфактурой восточных рынков, и ею поставлен был вопрос о снабжении мануфактурой Афганистана, Зап. Китая, Монголии, восточных вилайетов Турции, а с установлением торговых отношений с Китаем и Манчжурией Палате удалось получить из Афганистана образчики ходких тканей, и Палатой устроены были совещания по ознакомлению текстильных трестов с ассортиментами, имеющими сбыт в Афганистане; то же было проделано в отношении Зап. Китая, Монголии. Палата оказывала содействие афганским купцам в покупке наших хлопчатобумажных тканей и ею были представлены необходимые ходатайства о применении в отношении Зап. Китая и Афганистана льготных условий по экспорту мануфактуры, установленных в отношении Персии. Палатой в связи с устройством Русско-Китайской Выставки были приняты меры к выяснению потребности манчжурского рынка, и были посланы образцы изделий мануфактуры нашему торгпреду в Китае для демонстрирования среди манчжурских купцов. Вопрос об экспорте мануфактуры в восточные вилайеты Турции был разработан с участием представителя Закгосторга и Текстильного Синдиката, и представлена записка в НКВТ и ВСНХ по указанному вопросу.

Истекший 1924 год надлежит считать годом закрепления позиции наших стекольных и фарфоровых изделий на персидских, афганских и западно-китайских рынках и годом попытки нашего Продасиликата проникновения на рынки Турции, южной Персии и к концу года на рынки Манчжурии. В отношении Персии экспорт наших стекольных, фарфоровых и фаянсовых изделий нуждался лишь в улучшении ассортимента товаров, улучшении упаковки и кредитования. Палата устраивала совещания с участием представителя Продасиликата, Гусь-

хрустального Комбината и персидских купцов и принимала меры к восстановлению в полной мере ходкого ассортимента товаров. Такие же совещания Палата устраивала с участием афганских и западно-китайских купцов и удалось в результате указанных совещаний договориться об ассортименте товаров для указанных рынков. Вследствие ряда снижений на отпускаемые Продасиликатом товары затруднение представлялось лишь с точки зрения тарифов на дальние расстояния. Палатой возбуждено было ходатайство об уменьшении как тарифов, так и накладных расходов по перевозке стекольных, фарфоровых и фаянсовых изделий для того, чтобы сделать более конкретно способными товары Продасиликата. Ходатайства Палаты были удовлетворены. Положительно были разрешены ходатайства относительно кредитования по векселям персидских купцов. Емкость рынка Персии, Афганистана и Зап. Китая нельзя, однако, считать исчерпанными теми количествами, которые в настоящее время экспортируются в указанные страны, и 1925 г. должен пройти под знаком усиления экспорта стекольных и фарфоровых изделий в указанные страны.

В 1925 году в результате поездки торговой делегации в Турцию удалось крепко связаться с турецкими рынками и при содействии Палаты осуществить отправку первых партий резиновых галош в Константинополь, куда послан представитель Резинотреста для участия в постоянной работе при торгпредстве по сбыту резиновых изделий. Палата продолжала работу по увеличению сбыта галош в Персии и оказывала содействие заключению договоров на поставку резиновых изделий в Афганистан. Участие Резинотреста на Русско-Китайской Выставке и спрос на резиновые изделия в Манчжурии обеспечивают на 1925 год экспорт наших резиновых изделий не только на ближневосточные, но и на дальневосточные рынки.

В связи с укрепившейся работой Русперсхлопка в Персии, Палата сосредоточила свое внимание на выяснении возможности импорта хлопка из других восточных стран и по Персии оказывала лишь содействие отдельным персидским купцам в их ходатайствах, связанных с реализацией доставленного хлопка. Палатой проработан был вопрос о вывозе хлопка из Зап. Китая и в ряде докладов, сделанных уполномоченными НКИД и НКВТ, прибывшими с Западного Китая, установлены были условия, при которых возможен импорт хлопка из указанной страны. Палата рассматривала также вопрос и о ввозе хлопка из Афганистана, а также ею прорабатывался вопрос о возможности импорта хлопка из Южной Персии. О южно-персидском хлопке вопрос был поставлен в связи с работой по восстановлению ближневосточных рейсов с обеспечением обратного груза для пароходов Госторгфлота. В связи с этим вопросом, Палатой рассматривался и вопрос об экспорте хлопка из Египта непосредственно из Александрии на Одессу. Вопрос этот требовал уменьшения ввозной пошлины на хлопок, привозимый в порты Черного моря, до 50 коп. с пуда. Ходатайство Палаты по этому поводу было удовлетворено, и СТО издано соответствующее постановление.

С усилением развития нашей суконной промышленности вопрос об импорте шерсти принял особое значение в 1924 г., и Палата вела работу по устано-

влению самого тесного контакта Акц. О-ва «Шерсть» с рынками Персии и Зап. Китая, Афганистана и Монголии, откуда привозилась шерсть. Затруднения были как в определении цен на шерсть, так и в самой поставке ее, в транспорте и т. д. Особенно серьезным был вопрос, еще неразрешенный окончательно и ныне, о кредитовании сделок по закупке шерсти в странах Востока. Операции по покупке шерсти довольно значительны по своим размерам и требуют помещения капитала на долгий срок. Персидские, афганские и западно-китайские купцы, охотно идя на продажу по векселям на 4 — 5 месяцев, поставили через РВТ Палаты вопрос об учете указанных векселей, так как вне учета указанных векселей они не могут вести свои операций. Эти вопросы подымались в течение года, и Палата постепенно разрешала их при содействии Наркоматов и Госбанка, а также Банка для Внешней Торговли.

Особое внимание Палаты было уделено вопросу об импорте из стран Востока, в частности Зап. Китая и Монголии, живого скота и лошадей для надобностей сельского хозяйства Средней Азии, а также для целей Наркомзема СССР по улучшению сельского хозяйства. Палатой принимались меры к созданию благоприятных условий к импорту из Турции валанеи, козлины и овчины из Афганистана, кожсырья из Монголии.

Заключение.

Торговая связь с Востоком играет колоссальную роль в нашей восточной политике. Самая крепкая цепь не может быть крепче самого слабого своего звена. Мы связаны с Востоком одной общей цепью. Эта цепь имеет несколько звеньев, звенья политические, культурные, звенья торговые.

Против нас выступает единый империалистический мир, который своим оружием будет бить по всей этой цепи и каждому звену ее. И, если одно из этих звеньев окажется слабым, стальная цепь дружбы, связывающей нас с Востоком, распадется.

Будем же укреплять твердые звенья этой цепи, чтобы никакие удары по ним не могли прорвать нашей экономической смычки с возрождающимся Востоком, — нашим верным союзником в борьбе с мировым империализмом.

Я твердо верю, что УВТ Палата своей деятельностью укрепит нашу экономическую связь со странами Востока и этим самым укрепит ту цепь союза, которая связывает нас с угнетенными массами Востока, борющимися против капитализма.

Да здравствует Украинско-Восточная-Торговая Палата!

К ВОПРОСУ О НОВОМ ТЮРКСКОМ АЛФАВИТЕ.

К истории и задачам Тюркологического Съезда.

Вопрос о созыве Всесоюзного Тюркологического съезда был впервые поставлен Всесоюзной Научной Ассоциацией Востоковедения в начале 1924 г.[1] В апреле этого года, по инициативе заинтересованных национальностей, была создана при ВНАВ комиссия для подготовки этого съезда. На заседаниях этой комиссии под председательством члена президиума ВНАВ т. Гурко-Кряжина принимали участие т. Тюрякулов, проф. И. Н. Бороздин, проф. А. Н. Самойлович, проф. Поливанов, профессора Института Востоковедения Жирков и Яковлев, З. Навширванов и представители Ойратской, Азербайджанской и Якутской республик.

На втором заседании комиссии было поручено проф. Самойловичу организовать отделение комиссии в Ленинграде с приглашением следующих ученых специалистов: академика Бартольда, акад. Ольденбурга, акад. Марра, проф. Пекарского, Малова, Владимирцева, Поппе и других лиц, привлечение которых он найдет целесообразным.

Президиум ВНАВ одобрил постановление комиссии о желательности устройства Тюркологического Съезда и поручил председателю ВНАВ проводить вопрос в высших партийных и советских органах. В частности решение ВНАВ было сообщено мною т. Чичерину, который в обстоятельном письме высказал свое мнение по данному вопросу. В том же 1924 г. вопрос о созыве съезда был поднят в Азербайджане, где также было принято решение внести вопрос в высшие партийные и советские органы.

Само собой разумеется, что вопрос о неудовлетворительном состоянии и несовершенстве алфавитов, письменности, терминологии, орфографии, метода преподавания и других основных элементов культуры тюрко-татарских языков не мог не стать в порядок дня во всех советских республиках и областях с тюрко-татарским населением с момента окончания гражданской войны и разгрома контр-революции, когда настала эпоха мирного строительства, и задача просвещения широких народных масс с помощью их родного языка приобрела первостепенное значение. На ряде педагогических и научных конференций Татарии, Крыма, Туркестана и т. д., на первом Азербайджанском краеведческом съезде была в свою очередь выдвинута идея о необходимости созыва специального

---

[1] Первый Всесоюзный Тюркологический Съезд происходил в Баку с 27 февраля по 6 марта 1926 г. Съезд был созван обществом изучения Азербайджана и Научной Ассоциацией Востоковедения по инициативе наших автономных республик и областей. Организационная работа по созыву съезда была проведена, главным образом, обществом изучения Азербайджана. Из отдельных товарищей, главная заслуга в деле созыва съезда принадлежит т. Агамалы-Оглы, неутомимому борцу за новый тюркский алфавит.

Данная статья была напечатана в сборнике «В борьбе за новый тюркский алфавит», изданном Всес. Научн. Асс. Востоковедения к Первому Тюркологическому Съезду.

съезда для совместного обсуждения представителями тюркских республик, при активном участии деятелей науки всего Советского Союза, спорных проблем тюркологии.

Вполне естественно, что с самого начала одним из вопросов, привлекших к себе особое внимание сторонников Тюркологического Съезда, явился вопрос о реформе тюркского алфавита. Вопрос о замене старого арабского алфавита новым, построенным на латинской основе, был поставлен еще в 1922 г. тов. Агамалы-Оглы в его беседе с т. Лениным. Но особенно усиленно вопрос этот стал обсуждаться с 1924 года. Уже Второй всероссийский съезд татаро-башкирских просвещенцев, состоявшийся 11 — 17 февраля 1924 г., поставил в порядок дня вопрос о новом алфавите и постановил, между прочим, перейти окончательно к обозначению латинскими буквами научных формул. В том же 1924 г. в журнале «Жизнь Национальностей»,[1] органе Народ. Комисс. по делам Нац. была открыта дискуссия, и опубликован ряд статей по вопросу о замене арабского алфавита латинским, при чем в пользу этой замены высказались тт. Назир Тюрякулов[2] и З. Навширванов,[3] против же т. Г. И. Бройдо.[4] Однако, уже на заседаниях комиссии при ВНАВ по созыву Тюркологического Съезда вопрос о новом тюркском алфавите рассматривался лишь как один из вопросов, подлежащих рассмотрению будущего съезда. Рядом с этим вопросом были намечены для обсуждения на будущем съезде вопросы о научной терминологии, орфографии, методах преподавания тюркских языков и т. д.

17 июня 1925 г. ВНАВ обратилась в Президиум ЦИК'а Союза ССР с следующим ходатайством:

«В виду неоднократных обращений партийных, советских и научных учреждений с предложением созвать Всесоюзный Тюркологический Съезд, Научная Ассоциация Востоковедения СССР просит разрешить таковой в г. Баку с широким представительством от тюркских народов нашего Союза.

Съезд предполагает созвать в декабре с. г. со включением в программу дня следующих вопросов:

1) проблема реформы тюркского алфавита; 2) вопросы научной и практической терминологии; 3) учет научных и просветительных работ среди тюркских народов и др.

Научная Ассоциация по соглашению с заинтересованными учреждениями выдвигает в качестве представителя Организационного Комитета

---

[1] «Жизнь Национальностей», под редакцией Г. И. Бройдо и М. П. Павловича, книга I. Москва, 1924 г.

[2] См. его статью: «К вопросу о латинском алфавите среди тюрков СССР», стр. 38 — 40.

[3] См. его статью: «Почему мы стремимся перейти к латинскому алфавиту», стр. 41 — 44.

[4] См. его статью: «К замене арабского алфавита латинским» (стр. 34 — 37) и «Моим оппонентам» (стр. 163 — 167). Все эти статьи приводятся ниже.

по созыву съезда председателя ЦИК АССР тов. Агамалы-Оглы и заместителем тов. Павловича».

Вопрос был передан Президиумом ЦИК'а на рассмотрение Совета Народных Комиссаров, принявшего в августе 1925 г. следующее постановление:

«Разрешить Научной Ассоциации Востоковедения при Президиуме ЦИК'а СССР созвать в декабре 1925 г. в г. Баку Всесоюзный Тюркологический Съезд без отпуска в сверхсметном порядке средств на расходы, связанные с созывом съезда».

Таким образом, был разрешен вопрос в центральных учреждениях Союза. Оставалось провести в жизнь желание целого ряда советских и партийных организаций тюркских народов о скорейшем созыве съезда. Задачу эту выполнило «Общество обследования и изучения Азербайджана», благодаря работе которого съезд созывается в Баку в феврале 1926 года.

15 сентября 1925 г. во время пребывания председателя ЦИК'а Азербайджана т. Агамалы-Оглы в Москве было созвано под его председательством предварительное совещание, на котором было принято следующее постановление (пункт 1):

«Установить, что съезд созывается Научной Ассоциацией Востоковедения Союза ССР совместно с Обществом Изучения Азербайджана на 15/XII с. г. в г. Баку. Вопрос о приглашении иностранных гостей решить положительно, число их будет зависеть от средств организационного комитета по созыву съезда».

Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что Всесоюзный Тюркологический Съезд, созываемый в Баку, явится величайшим событием в истории культурного развития тюрко-монгольских народов. Проф. Чобан-Заде даже констатирует, что съезды востоковедения, созывавшиеся до сих пор, ни в смысле содержания, ни в смысле метода работ не могут быть сравниваемы с созываемым в Баку съездом тюркологов.

«Востоковедческие съезды, — говорил проф. Чобан-Заде, — прежде всего обращали внимание на изучение и исследование стран Востока, имеющих непосредственную связь с историей Европы, с цивилизацией Средиземного бассейна, т.-е. с цивилизациями египетской, ассирийской, вавилонской, финикийской и индусской.

«Кроме того, ни один из этих многочисленных съездов не дал более или менее крупных результатов с точки зрения организации, метода и последовательности. Вся работа этих съездов заключалась в расследовании нескольких абстрактных и теоретических вопросов и в издании нескольких научных трудов.

«Тюркологический съезд, созываемый в указанных условиях, будет отличаться от прежних востоковедческих и тому подобных конгрессов по следующим пунктам:

«1. Поставив в свой порядок дня только вопросы, касающиеся тюркологии, съезд даст возможность востоковедам специально заняться этой областью и быстрее подвинуть вперед дело научных расследований.

«2. В первый раз тюркские ученые, учителя и культурники встретятся с европейскими и русскими учеными и совместно обсудят вопросы практические и теоретические, т.-е. тюрко-татарская интеллигенция, занятая до сего времени исключительно журналистикой и педагогикой, перенесет свою деятельность на арену научно-исследовательской работы. Этот съезд положит начало истории научной жизни на Советском Востоке.

«3. Практические и общественные вопросы, стоящие в повестке дня съезда, напр., алфавит, терминология, литературный язык, — выведут общий минимум культурной жизни среди тюрко-татарских народов, что является необходимым для нашего участия в общечеловеческом строительстве и цивилизации.

«4. Вопросы тюрко-татарской академической жизни, организация Всесоюзного Тюркологического Института, изучения и обследования «Кружка Нэваи», по случаю празднования 500-летия Али-Шир-Нэваи, и ряд других вопросов получат разрешение на съезде.

«5. Этот съезд будет первым дружественным и товарищеским общением между учеными Европы и Востока; историческое и общественное значение этого факта весьма велико.

«Главное значение съезда следующее:

«Тюркология, служившая до сих пор в руках западных империалистов, пользовавшихся темнотой Востока, оружием эксплуатации и колонизаторской политики, отныне станет ценным сборником результатов мышления честных и серьезных людей, совместно работающих над самыми неведомыми и вместе с тем интересными документами истории цивилизации человечества. Съезд тюркологов является новым шагом к интернационализму, соединяющим отсталую часть человечества с лучшей частью современной цивилизации, и займет место в истории человеческой культуры». [1]

В порядок дня Тюркологического съезда поставлены следующие вопросы, окончательно утвержденные оргкомиссией съезда на совещании 3 — 4 января: современное состояние и ближайшие задачи изучения истории тюркских народов; современное состояние и ближайшие задачи изучения тюркских народов в этнографическом отношении; родственные связи тюркских языков между собой с монгольскими, тунгузскими, с финно-угрскими и яфетическими языками; современное состояние и ближайшие перспективы изучения тюркских языков; основы построения алфавита с точки зрения лингвистической и технической; реформа алфавитов тюркских народов; система научной терминологии, терминология на тюркских языках; развитие литературного языка у тюркских народов; общие основы орфографии, орфография тюркских языков; новейшие течения в методике преподавания родного языка, методы преподавания тюркских языков; итоги и перспективы изучения литератур тюркских народов; методы краеведческой работы среди тюркских народов; последние куль-

[1] См. «Бакинский Рабочий» № 256 от 9 ноября 1925 г. «К Всесоюзному тюркологическому съезду».

турные достижения тюркских народов; организационные вопросы: выработка плана для всестороннего изучения тюркских народов, создание фонда для изучения тюркских народов, вопросы издательства.

Из этого порядка дня мы видим, что вопрос об алфавите тюркских народов является лишь одним из целого ряда важнейших вопросов, которые будут обсуждаться на съезде. Между тем, некоторые иностранные газеты, боящиеся этого съезда, как мощного фактора объединения тюркских народов СССР и, стало-быть, укрепления Советского Союза, изображают дело так, как-будто бы единственным вопросом, который будет обсуждаться на съезде, явится вопрос о новом алфавите, при чем-де съезд собирается вынести постановление об обязательном введении латинского алфавита у всех тюркских народов СССР. Эмигрантский журнальчик «Ени Кавказия», издаваемый в Турции муссаватистом Рассул-Заде, напечатал даже, будто председатель Всесоюзной Научной Ассоциации Востоковедения высказался за обязательное введение латинского алфавита, между тем мы в целом ряде статей и заметок, равно как в публичных выступлениях о Тюркологическом съезде, указывали, что съезд не собирается вынести какую-либо обязующую резолюцию по данному вопросу, а имеет лишь в виду выявить все точки зрения и всесторонне осветить вопрос с научной стороны.

В настоящее время возможны и законны самые разнообразные точки зрения по вопросу о предпочтительности того или другого алфавита, реформированного арабского или нового тюркского алфавита, построенного на латинской основе. Мы знаем, что алфавит должен быть настолько прост, чтобы дети, если не в несколько дней, во всяком случае максимум в течение месяца, могли научиться правильному чтению. Тов. Бройдо утверждает, что арабский алфавит можно выучить в два дня. Наоборот, османский автор Омар Тахсим, на которого ссылается тов. Агамалы-Оглы, говорит: «чтобы соблюсти правильную форму чтения, изложенную арабским шрифтом, арабским и турецким мальчикам нужно ряд лет беспрерывно изучать арабский «серф» (этимолотия) и «нерф» (синтаксис)».

Мы надеемся, что съезд, где вопрос этот будет освещен всесторонне, даст возможность даже не лингвистам ориентироваться в этом вопросе. Однако, мы понимаем, почему вопросу об алфавите придается такое значение. Реакционеры, в роде Рассуль-Заде, желали бы, чтобы все в жизни восточных народов оставалось по-старому как в области экономической, так и в области политической и культурной. Враги всякого движения вперед, приверженцы классового гнета и культурного невежества народных масс, эти мракобесы боятся съезда, как могучего фактора в деле пробуждения тюрко-монгольских масс не только в пределах Советского Союза, но и за рубежом последнего. Муссаватистские агенты утверждают, будто, стремясь поднять культурный уровень тюркских народов, СССР преследует-де коварную цель уничтожить турецкое влияние, которое очень сильно среди мусульманских народов, входящих в состав Советского Союза. Противники контр-революции в Турции, истинные друзья

турецкого народа, ответят на эти инсинуации муссаватистских агентов указанием на то, что более высокая культура СССР, естественно, не может не влиять на мусульманские народы, входящие в состав Советского Союза, и что новой Турции, руководимой прогрессивными деятелями, стоящими во главе великого освободительного турецкого движения, остается только итти безостановочно по намеченному пути, чтобы сохранить и укрепить свою связь с тюркскими народами СССР. Вполне естественно, что если бы Турция оставалась во власти реакционеров, ее влияние на тюркские народы СССР, как и на всем Востоке, было бы сведено к нулю. Однако, новая Турция, освободившаяся от султаната, халифата, фесок и т. д., не стоит на месте, не пятится назад, а идет вперед.

Крайне интересно сообщение трапезундской газеты «Ени Иол», от 7 ноября 1925 г. о докладе, прочитанном известным турецким ученым, профессором Константинопольского университета Кепрюли-Заде Мамед-Фуад-Беем в местном клубе «Тюрк-очаги». В своем докладе о своей поездке по России, о состоянии науки, искусства, литературы в СССР турецкий ученый сказал, по словам «Ени Иол», между прочим, следующее:

«Самое сильное стремление, бросающееся в глаза — это стремление народа к образованию. Вы не увидите ни одного русского без книги и карандаша. В публичной библиотеке там имеется два миллиона книг, в университете 600 тысяч, в библиотеке Академии Наук два с половиной миллиона томов книг. Кроме этого, по России разбросаны тысячи библиотек, при чем в каждой из них имеется, по меньшей мере, 100 тысяч томов книг.

«Недавно русские основали особый институт, занимающийся изучением ядовитых газов.

«Что больше всего поражает человека, это их музеи. Особенно богат музей художественный (картин), каковых мало во всем мире. Обращает на себя внимание вновь открытый музей, где двенадцать комнат заполнены предметами, относящимися к памяти Пушкина. В отношении картин и редких вещей вряд ли этот музей может отстать от любого европейского музея. Вы можете видеть в этом музее произведения Пушкина на разных языках, его переводные произведения и множество предметов, относящихся к его жизни.

«Вы себе представить не можете, как работают русские для того, чтобы изучить свою культуру и привить ее другим.

«Русские нас изучили гораздо лучше, чем мы сами себя. Среди тюрок, проживающих в России, мы имеем моральный вес. Для устранения этого морального веса русские энергично борются. Если только наше духовное (моральное) развитие станет на точку замерзания, в котором оно пребывает в настоящее время, мы потеряем всякое значение в глазах тюрок России.

«Если тюрки России в своем научном и общественном развитии будут итти теми же колоссаль-

*

ными шагами, а мы будем итти по этому пути так, как шли по сие время, то не пройдет и десяти лет, как тюрки России станут руководителями нашего умственного движения».

Если отчет правильно передает содержание доклада уважаемого турецкого ученого, мы понимаем мотивы, которые побудили Кепрюли-Заде говорить о какой-то несуществующей в СССР борьбе с турецким влиянием.[1] Турецкому профессору, может-быть, кажется, что, приписывая СССР подобные намерения, можно скорее сломить сопротивление реакционных кругов Турции распространению просвещения в стране. Однако, мы можем указать, что Советский Союз содействует подъему культурного уровня не только тюркских народов, но и не тюркских. Ведь если мы распространяем просвещение среди чисто русского населения, если стараемся пробудить к новой жизни даже отсталые и вырождавшиеся при царском режиме маленькие племена отдаленного севера (чукчи, ламуты, самоеды и т. д.), — не делаем же мы этого из боязни турецкого влияния. Более того, мы горячо желаем осуществления заветных стремлений Кепрюли-Заде. Мы желаем, чтобы в дружественной и братской нам Турции, с которой мы связаны самыми крепкими узами общей борьбы против мирового империализма, наука, искусство, просвещение быстрыми шагами шли вперед, и чтобы скоро настало то время, когда не только наши тюркские, но и не тюркские народы могли многому научиться у новой Турции. Мы надеемся, что это время скоро настанет. Во всяком случае, не о конкурентной борьбе между СССР и Турцией за влияние на те или другие народы может итти речь, а о совместном воздействии своим примером, своей внешней и внутренней политикой на все народы Востока в борьбе за освобождение от внешнего насилия со стороны мирового империализма и от внутренней реакции и контр-революции, в каких бы формах не проявлялась и какими бы масками ни прикрывалась последняя.

Важнейшими препятствиями на пути к дальнейшему развитию культуры и просвещения тюркских народов СССР являются несовершенства алфавита, терминологии, орфографии, методов преподавания и т. д. Само собой разумеется, что враги народных масс, приверженцы рутины, защитники господствующих в прошлом классов боятся устранения этих препятствий, страшатся прорыва этих проволочных заграждений, мешающих свободному и быстрому распространению всеобщей грамотности и просвещения среди отсталых народов. И боятся в особенности, как заразительного примера для всех народов Востока. Если восточные народности СССР смело пойдут по новому пути, как не бояться европейским и азиатским мракобесам, что не только турки, персы, афганцы, монголы,

[1] Из письма проф. Кепрюлю-Заде-Фуада в редакцию «Нового Востока» (кн. XII, стр. 354—355) явствует, что «Ени Иол» совершенно исказила мысли Кепрюлю-Заде. Очевидно, редакция трапезундской газеты попросту приписала известному турецкому ученому, другу СССР, свои собственные мысли. Наши замечания сохраняют свою силу по адресу «Ени Иол» и единомышленников этой газеты.

но и китайцы, после того или до того, как последние свергнут окончательно гнет мирового империализма и своих дудзюнов (генерал-губернаторов, проводящих политику иностранного капитала), примутся за реформу своего алфавита, своей грамматики и т. д. Ведь китайские иероглифы, китайская грамматика являются важнейшим препятствием к распространению грамотности среди народных масс 400-миллионной страны, а стало-быть, и самым могучим орудием в руках китайских реакционеров и поддерживающих последних хищников мирового империализма для порабощения Китая.

Вот что говорит великий китайский революционер Сун-Ят-Сен об изучении китайской азбуки:

«Если мы будем давать детям учить по 10 знаков иероглифов в день и объяснять им их значение, — они будут знать 3000 знаков в год; но если вы захотите, чтобы они составили самое простое сочинение, — они не будут в состоянии это сделать. Так как они, не зная грамматики, не могут найти кратчайшего способа для правильного письма, им приходится итти ощупью, в потемках в течение нескольких лет. Это то же, что переходить реку. Если нет моста или лодки под рукой, путешественник должен долгое время ходить кругом, прежде чем найдет кратчайший путь для переправы на другой берег. Воистину несчастная судьба китайцев».[1]

Но беда в том, что в Китае нет грамматики, в современном смысле этого слова. Отдельные попытки создать «китайскую грамматику» не дали положительных результатов. Поэтому все такого рода труды, как пишет Сун-Ят-Сен, могут служить лишь справочной книгой для опытных уже писателей, но не руководством для начинающих. Неудивительно, что вождю китайской революции приходится в своих «Записках революционера» объяснять, что такое грамматика. Как формулирует Сун-Ят-Сен: «В Китае до сих пор нет такой науки, как грамматика. Те, кто учатся писать, если они только не придерживаются повторения или пересказа примерных и классических образцов, чтобы таким образом изучить их стиль, не могут правильно писать по-китайски. Поэтому-то, кто уже трудится над этим очень усердно и уже вошел в курс дела, могут писать хорошо. Те же, кто не знает, как приступить к этому изучению, даже если они будут рыться по десяти лет в книжных лавках, не достигнут никакого результата и будут продолжать также неправильно писать по-китайски».

Однако же, естественно поставить вопрос: как же такой великий народ, как китайский, создавший несколько тысячелетий тому назад письмена, имеющий богатейшую литературу и даровитейшие литературные произведения, до сих пор не имеет грамматики? Объясняется это

---

[1] См. Сун-Ят-Сен: «Записки китайского революционера». Перевод с китайского, под редакцией и с предисловием В. Виленского-Сибирякова. См. стр. 43. Государственное Издательство, 1925.

ненормальное явление именно особенностями китайской письменности. Если для изображения каждого понятия необходимо начертать особый знак, который должен иметь сходство с изображаемой им вещью, при чем это начертание должно быть так составлено, чтобы можно было угадать его значение, проанализировав его составные части; если, далее принять во внимание, что таких начертаний (иероглифов) бесконечное множество, понятно, как трудно создать грамматику языка, где каждое слово изображается своим особым знаком.

С полным основанием Сун-Ят-Сен пишет:

«В истории китайской литературы есть много первоклассных писателей; но все же я спрашиваю наших китайских писателей, знали ли они все правила китайской письменности, прежде чем они начали свою литературную карьеру. Ответ будет — «нет». У нас нет грамматики».

Пример с китайской грамматикой указывает на тесную связь между характером письмен данного языка и грамматикой, орфографией, терминологией и т. д. этого языка. Чем сложнее начертание слов в данном языке, тем труднее составить грамматику языка, тем больше работы с его орфографией, терминологией и т. д. Конечно, нельзя сравнить арабский шрифт с китайскими иероглифами, однако, некоторые авторитетные ученые указывают на такие недостатки арабского алфавита, которые его, по утверждению этих ученых, делают настоящей «китайской грамотой». Так, проф. Парижского университета Ж. Дени, составивший объемистый труд о тюркской грамматике по 1200 источникам, говорит о том, что арабская письменность не дает почти представления о характере и структуре языков. Употребление арабского алфавита совершенно извращает вид слов. Отсюда выходит, что изучение тюркского языка без помощи транскрипции невозможно. Другой ученый, проф. Жузе, говорит: «Редко кто из природных арабов, даже получивших высшее образование, может без ошибок прочесть ту или иную научную книгу. Многие студенты Аль-Азхара (мусульманский университет и духовная академия в Каире) проводят десять и даже пятнадцать лет в стенах названного учебного заведения и все же по окончании делают ошибки при чтении произведений древних поэтов и писателей. Когда думаешь, как много непроизводительного труда и времени тратится арабской и вообще мусульманской учащейся молодежью на усвоение только техники чтения, начинаешь тогда понимать одну из главных причин культурной отсталости этих народов».[1] Читая эти строки, невольно сопоставляешь их с тем, что пишет Сун-Ят-Сен о китайских иероглифах. Результаты как-будто получаются одни и те же при пользовании китайскими иероглифами или старым арабским алфавитом,

---

[1] См. С. Агамалы-Оглы: «Неотложные культурные нужды тюрко-татарских народов». Издание Комитета нового тюркского алфавита. См. стр. 25. Баку, 1925.

который проф. Чобан-Заде сравнивает с испорченным фотографическим аппаратом, плохо запечатлевающим предмет.

Вот почему от вопроса об алфавите нельзя отмахнуться, ссылаясь на преждевременность постановки этого вопроса. Всесоюзный тюркологический Съезд в Баку, которому суждено сыграть крупнейшую роль в культурном развитии многомиллионных тюркских народностей СССР, на ряду с другими вопросами, поставленными в порядок дня, всесторонне исследует вопрос о старом и новом тюркском алфавитах. Тюрко-монгольские народы СССР сами решат, кто прав в этом споре, и примут то или другое решение, которое, конечно, не останется без влияния на весь зарубежный Восток.

ПЕРВЫЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД.

(Торжественное открытие съезда под председательством т. Агамали-Оглы, 26 февраля 1926 г.) [1]

Т. Павлович. Позвольте, товарищи, приветствовать, прежде всего, Съезд от имени Всесоюзной Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК'е СССР, а также от имени Московского Института Востоковедения имени Нариманова. (Аплодисменты.)

Нынешний Тюркологический Съезд явится величайшим событием в истории тюрко-татарских народов. Как мощный удар набатного колокола, отзвуки которого разнесутся далеко за пределы не только Баку и Азербайджанской Республики, но и всего Советского Союза, Тюркологический Съезд призван обратить внимание не только интеллигенции, но и широких народных масс до низов, на ту несовершенную терминологию, орфографию, алфавит и т. д., которые мешают приобщению тюрко-татарских народных масс к культуре и цивилизации, являвшимся до сих пор достоянием лишь европейских народов. Этот Съезд явится началом великого наступления, великой атаки революционных батальонов тюрко-татарских народностей против тех Гибралтаров и Порт-Артуров мракобесия и невежества, которые мешали ликвидации безграмотности, распространению просвещения среди народных масс. И то обстоятельство, что этот Съезд созывается в пределах Азербайджанской Республики, входящей в великий Советский Союз, является доказательством величия принципов национальной политики Советской власти, Рабоче-Крестьянской власти, ибо разве мог бы быть такой Съезд созван в какой-нибудь другой стране. Разве вы видели где-нибудь вне Советского Союза такой съезд, где величайшие представители науки, светила науки, как академик Бартольд, как представители Академии Наук Ольденбург, Крымский и дру-

---

[1] См. стенографический отчет, стр. 11 — 14. «Первый Всесоюзный Тюркологический Съезд». Общество изучения и обследования Азербайджана. Баку, 1926 г.

гие собирались вместе с представителями трудовых масс, чтоб сообща обсудить все те пути, которые помогут ликвидировать неграмотность. Этот Съезд явится лишь одним из этапов национальной политики Советской власти. Национальная политика — это очень сложная вещь: из-за неправильной или правильной национальной политики сохранялись или гибли целые государства. Пример — Австро-Венгрия.

В своих мемуарах министр Австрии говорит о том, что, если бы даже не случилась мировая война, то все равно Австрия в результате разрывного действия неразрешенных национальных вопросов — распалась бы. Таких неразрешенных национальных вопросов в Советской республике, в Советском Союзе нет. Наша национальная политика отнюдь не ограничивается знаменитой декларацией, подписанной товарищами Лениным и Сталиным в первую же неделю Октябрьской революции. Эта декларация говорила, во-первых, о равенстве и суверенности всех народов России, во-вторых, о праве всех народов на самоопределение, вплоть до права на отделение, а в-третьих, об отмене всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. Однако, ясно, что никакая декларация о праве народов на суверенность, никакие голословные заявления о равенстве прав всех народов не имеют никакого значения, пока сохраняется экономическое и культурное неравенство между различными народами. У нас такое экономическое и культурное неравенство существовало в эпоху царизма, и оно составляло фундамент политики царизма по отношению к национальностям. Мы видели, что наши окраины были превращены в сырьевые базы; лишенные фабрик и заводов и промышленных центров, они были поставщиками сырья для промышленных районов России. Советская власть поставила своей целью уничтожить это экономическое неравенство. Второй пункт третьего раздела знаменитых тезисов товарища Сталина, принятых на X Съезде партии, говорит о тридцати миллионах тюркского населения, которые страдают в результате этого экономического неравенства, в результате того, что их районы являлись исключительно сырьевыми базами. Советская власть имеет основной задачей своей экономической политики по отношению к окраинам — уничтожение экономического неравенства путем планомерного насаждения промышленности в отсталых областях, путем переноса фабрик к источникам сырья. В области индустриализации отсталых районов мы достигли громадных успехов. Как объяснить эти гигантские успехи? Многие иностранцы, с которыми мне приходилось беседовать, ставят вопрос, как объяснить то, что Советский Союз, лишенный всякой финансовой поддержки со стороны окружающих государств, блокируемых ими, тем не менее, имеет великие достижения в области экономического строительства. Это, товарищи, объясняется очень просто. В эпоху царизма громадные силы русского народа тратились на покорение и угнетение так называемых отсталых народов. Наоборот, колоссальные резервы энергии этих народов растрачивались на борьбу против этого угнетения и против этого притеснения. Таким образом, колоссальные запасы сил парализовали друг друга: одни, иду-

щие на угнетение, другие—на борьбу против этого угнетения. Теперь эти самые гигантские резервуары источают из себя силу, которая целиком идет на экономическое культурное строительство. Я был всего несколько лет назад в Азербайджане. Я вижу здесь гигантские успехи в гор. Баку. В Азербайджане мы имеем новый промышленный центр — Ганджу. Посмотрите на то, что делается в соседнем с вами, вчера только патриархально-феодальном, экономически отсталом Дагестане. В этой стране, которая 60 лет боролась против царизма, теперь вы увидите, что горные орлы Дагестана — представителя их мы видим здесь в лице товарища Коркмасова (аплодисменты), когда-то стоявшие во главе народных масс в борьбе против царизма и тратившие на это энергию, направляют теперь силы на великие экономические и культурные задачи Дагестана: на прорытие Октябрьского канала в 85 *кл*, на создание фабрик и заводов. Вот это уничтожение в нашем государстве борьбы национальностей, борьбы, которая кипит во всем мире за пределами СССР и поведет скоро к гибели многих империалистических государств, считающих себя сильными, как, например, Британской империи, это содружество всех национальностей СССР, немыслимое ни в каком капиталистическом государстве, освободило на дело мирного строительства громадные запасы энергии, которые растрачивались в эпоху царизма на взаимную борьбу, и является основным фактором, который обусловил наши гигантские успехи в области хозяйственного строительства, в борьбе с экономическим неравенством — наследием пооктябрьской эпохи. Экономическое неравенство постепенно отходит в область прошлого, но в области культурной также недопустимо неравенство. Если мы вводим у нас тракторы, если мы этими тракторами хотим заменить старые плуги, если даже в отсталом Дагестане, на заводе Дагогни, мы применяем усовершенствованные машины Фурко, точно так же в области культурной мы не должны сохранять старых методов преподавания несовершенных алфавитов, несовершенной орфографии, никуда негодной терминологии и т. д., ибо если бы сохранилось такое положение вещей, при котором один народ обладает алфавитом, который можно изучить в два-три дня, а другой вынужден пользоваться алфавитом, на изучение которого необходимы месяцы, немыслимо культурное равенство. Если один народ имеет совершенную терминологию, совершенную орфографию и т. д., а другой остается при старой, негодной терминологии, культурное равенство тоже недостижимо. Поэтому, в интересах культурного равенства, в интересах приобщения народных масс до самых глубоких низов их к живительному источнику знания, науки и искусства, нужно повсюду вводить совершенные методы, совершенные орудия производства и усвоения науки. Мы не желаем, чтобы наука оставалась достоянием привилегированных. Мы желаем, чтобы к этому источнику науки приобщались миллионы и миллионы вчерашних рабов,

и совершенно прав Заккрайком, когда он в своем приветствии говорит о том, что Тюркологический Съезд должен поставить своей задачей дать темным миллионам Востока, жаждущим света и культуры, легкую, усвояемую, упрощенную письменность и т. д., что достигнуть этого, значит совершить величайшую революцию, которая поднимет трудящиеся массы Востока на небывалую в истории высоту.

Да здравствует Тюркологический Съезд, который явится важнейшим этапом в истории культурного развития тюрко-монгольских народов.

Да здравствует Азербайджанская Советская Республика, в центральном городе которого созывается Съезд.

Да здравствует рабоче-крестьянская Советская Социалистическая Власть. (Продолжительные аплодисменты.)

КУЛЬТУРНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ НАРОДНОСТЕЙ СО ВРЕМЕНИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.[1]

В мрачную эпоху царизма и Временного Правительства культурное развитие тюрко-татарских народностей, как и всех других угнетенных народов безграничной империи Романовых, находилось в самом отчаянном положении. Царская политика в деле культурного развития тюркских и других угнетенных национальностей России представляла собой сплошное издевательство и глумление над элементарными правами человека, направленное к тому, чтобы систематически вытравлять у угнетенных национальностей всякую возможность к сохранению и развитию своей родной культуры.

Революция расковала цепи духовного угнетения национальностей. Но, если краткий период от Февральской до Октябрьской революции был использован буржуазно-демократической интеллигенцией, руководившей тогда тюркскими массами, не столько для широкой культурно-просветительной работы, сколько для того, чтобы организовать массы под своим влиянием и опираться на них в борьбе против центра, то дальнейшее развитие Октябрьской революции вызвало наружу все томившиеся внутри каждой нации творческие и духовные силы, возбудив в них неутомимую жажду просвещения.

С тех пор мы являемся свидетелями необычайного и грандиозного культурного процесса, охватившего всю советскую федерацию с ее многоплеменным и многоязычным составом.

Среди мусульман Приволжских областей во главе этого нового культурного движения с самого начала Октябрьского переворота шли татары, культурный расцвет которых принял особо грандиозные размеры, выходя далеко за границы Татарской республики.

---

[1] Доклад на Первом Тюркологическом Съезде в Баку 6/III 1926 г. См. стенографический отчет, стр. 371 — 386.

Татары первые принесли факел просвещения на Восток — в Башкирию, Киргизию, Туркестан и т. д., зажигая окружающих тем революционным огнем, которым горели сердца трудящихся мусульманских национальностей в самые тяжелые моменты гражданской войны. Большую роль в культурной жизни Востока сыграли татарские военные части Красной армии, победоносно прошедшие от Волги до персидской границы, освещая на своем пути густую тьму, царившую среди мусульманского населения, подход к которому им был знаком и доступен более, чем другим.

Чтобы проследить рост культурного прогресса Татарии, достаточно привести следующие цифры, опубликованные Татнаркомпросом: школ I ступени в 1920 г. 2857 с 257 381 учащихся; в 1921 г. — 3065 с 282 707 учащихся; школ II ступени в 1920 г. — 117 с 9432 учащихся; 1921 г. — 123 с 10 697 учащихся; народных домов в 1920 г.— 123, в 1921 г. — 135, клубов в 1920 г. — 54, в 1921 г. — 75, библиотек-читален в 1920 г. — 110, в 1921 г. — 203.

	1917 г.	1920 г.
Библиотечных работников	282	732
Других внешкольников	354	1181

В 1920 г. в Кирреспублике при 5 000 000 населения имелось 425 000 учащихся. В республике насчитывалось 5200 школ первой ступени и 105 второй.

То же можно отметить и относительно Башкирии, культурное развитие которой сводилось самодержавием почти к нулю. Несмотря на ряд крайне неблагоприятных условий и на то, что, начиная с 1917 г., Башкирия долгое время оставалась ареной ожесточенной гражданской войны, все же к 1 января 1920 г. там имелось 1285 татаро-башкирских школ с количеством учащихся около 80 000.

Приблизительно такими же грандиозными скачками шел рост культуры в Туркестане.

Параллельно с этим шло развитие национального искусства, главным образом, театра, который стал подлинно народным не только потому, что он обслуживал широкие народные массы равных национальностей, но и потому, что непосредственно представители этой массы сами стали творцами в области театрального искусства.

Кипучая работа в области экономической и культурного строительства среди национальностей, главным образом, восточных началась лишь приблизительно с конца 1920 г. (западные еще раньше развили широкую работу). Большинство начинаний было, однако, прервано наступившими голодными 1921 — 22 гг., — особенно чувствительно отразившимися на национальностях Поволжья и Заволжья.

Голодные годы прервали просветительную работу среди тюрко-татарских народностей, но скоро после 1922 г. снова начинается лихорадочная работа в данном направлении.

Раньше, чем перейти к достижениям отдельных республик, я скажу несколько слов о работе центральных учреждений в области просвещения и культуры тюрко-татарских народностей.

Прежде всего необходимо отметить работу в области тюркологии высшего научного учреждения СССР — Академии Наук.

Якутский словарь Пекарского значительно подвинут вперед и скоро будет кончен. Это один из наиболее полных словарей восточных языков. Печатаются материалы по якутскому фольклору и обычному праву якутов. Произведена большая работа по изучению коренного состава тюркских народов СССР, часть которых нашла себе отображение на приведенной племенной карте. Материалы комиссии все время печатаются. Во главе тюркологического отдела стоят академик В. В. Бартольд и член-корреспондент профессор А. Н. Самойлович. С 1924 года ведется всестороннее исследование Якутской Республики. В 1925 году летом будет происходить многостороннее исследование отдельных частей Казакстана, по его желанию академическими экспедициями.

В академических периодических изданиях напечатан за эти годы ряд статей по языкам и литературам турецких народов. Выпускается труд Радлова по уйгурским рукописям под редакцией профессора С. Е. Малова. Готов к печати и частью напечатан уйгурский словарь В. Радлова. Готовится под редакцией профессора С. Е. Малова к печати ряд уйгурских текстов. Все эти годы Академия усердно снабжает главнейшие библиотеки тюркских республик своими специальными изданиями.

Таким образом, мы видим, что Академия Наук много сделала в области тюркологии, но работала в этом направлении не она одна. Работала и Украинская Академия Наук.

Для изучения Востока Украинская Академия имеет отдельную кафедру, во главе которой стоит академик А. Е. Крымский. При кафедре имеется специальная ориенталистическая библиотека из ценнейших книг и рукописей в 20 000 томов. За последнее время Академией изданы труды А. Е. Крымского «История Турции», печатается и отчасти вышла «История турецкой литературы» (блестящего периода XV — XVI вв.), работы по персидской литературе, как «Общая история Персии» т. I, так и исследование о Хафизе и его свободомыслящие песни о персидском театре (мистерии) и др. Как совершенно новую черту в организации Академии надо отметить образование Социально-Экономического Отдела. Вся огромная территория УССР покрыта сетью ячеек Академии в форме научных обществ, краеведческих этнографических организаций и т. д.

Из других научных учреждений отмечу работу Всесоюзной Ассоциации Востоковедения при ЦИК'е СССР, которая выпустила уже одиннадцать больших книг журнала «Новый Восток», где вы найдете ряд статей о тюрко-татарских республиках, Дагестане, Казакстане, Татаристане, Туркестане и т. д. Я должен воспользоваться своим докладом, чтобы просить представителей тюрко-татарских национальностей, находящихся на этом Съезде, снабжать нас статьями и материа-

лами по всем вопросам жизни своих народов, и таким образом в скором времени мы будем иметь в «Новом Востоке» полное освещение не только зарубежного, но и нашего тюрко-татарского советского Востока. (Аплодисменты.)

Говоря об Ассоциации Востоковедения, нельзя не упомянуть об экспедициях, организованных ею в Крым под руководством проф. Бороздина и Башкирова, наконец, о работе Ассоциации в помощь Обществу Обследования и Изучения Азербайджана в деле созыва Первого Тюркологического Съезда.

Интересно остановиться на работе наших центральных восточных ВУЗ'ов. В первую голову идет знаменитый КУТВ.

Коммунистический Университет Трудящихся Востока сыграл историческую роль в деле подготовки работников для тюркских национальностей. Плоды деятельности этого очага революции налицо. Достаточно указать, что КУТВ уже дал восточным республикам до 1-го января 1926 года более 500 работников, и что в настоящее время в этом университете состоит более 300 студентов тюркских национальностей. Это громадное достижение.

Немалую роль в деле подготовки тюркских работников играет и Московский Институт Востоковедения имени Н. Нариманова. В этом высшем учебном заведении, где под руководством выдающихся лингвистов — Гордлевского, Миллера, Жиркова, Колоколова и др. преподаются зарубежные восточные языки: персидский, турецкий, китайский, японский, где изучается основательно экономика и политическая жизнь стран Востока, обучается в настоящее время около 50 тюрок.

Большую работу по подготовке квалифицированных работников для наших восточных республик проделывает Ленинградский Институт живых восточных языков. В этом институте обучается сейчас 27 представителей тюркских национальностей СССР.

Изучение тюркских языков и вообще занятия по тюркологии в Ленинградском институте ведутся в двух совершенно различных аспектах с различными целевыми установками. На основных разрядах Института — Османском и Туркестанском — изучаются с практическим уклоном анатолийское наречие (османский язык), узбекский, казакский, туркменский, киргизский, таранчинский (уйгурский) языки; означенные языки изучаются, главным образом, по новейшим литературным образцам, газетным текстам и официальным документам, с уделением этой работе не менее 10 — 12 недельных часов по плану, в том числе не менее 6 — 8 недельных часов работы лекторов данной турецкой национальности.

Наконец, говоря о работе центра, нужно отметить грандиозную работу Центроиздата, который со времени Октябрьской революции выпустил на всех тюрко-татарских языках 6 000 000 брошюр, оттисков и различных других изданий. Так, например, на татарском языке

выпущено 95 брошюр, средний тираж 10 000; на казакском языке 78 брошюр, средний тираж 5000; на узбекском языке 57 брошюр, средний тираж 5000 и т. д. Это все я опубликую в специальном докладе.

* * *

Прежде, чем перейти к дальнейшему, позвольте в нескольких словах остановиться на политике Советской власти в национальном вопросе. Многие ставят вопрос: в какой связи находится наша пролетарская коммунистическая политика с национальной политикой, отрицает ли пролетарская политика политику национальную? Нет, ни в коем случае! Пролетарская по содержанию, национальная по форме, такова та, как формулирует тов. Сталин, общечеловеческая культура, к которой идет социализм. Пролетарская культура не отменяет национальной, а дает ей содержание. (Аплодисменты.) В эту эпоху, когда у власти стояла буржуазия, национальная политика носила буржуазный отпечаток, т.-е. отпечаток насилия и угнетения, но в пролетарском государстве национальная политика означает освобождение национальностей от всякого вида угнетения.

Перейдем теперь к вопросу об языке. Каутский когда-то высказал ту мысль, будто развитие национальностей приведет к уничтожению языков отдельных народностей и созданию всеобщего интернационального языка. Тов. Сталин совершенно правильно указал, что исторический процесс идет в обратном направлении, что развитие пролетарской культуры, развитие пролетарского просвещения будет содействовать развитию национальных языков отдельных народностей, хотя бы самых маленьких.

Мы только-что видели представителя маленького народа хакасов в 43 000 душ, и вы видели, что национальная политика Советской власти идет не к уничтожению этого маленького народа и его языка, а наоборот, к расцвету его языка и созданию литературы даже у этого маленького народа. (Аплодисменты.)

Как мы подходили к вопросу об языке? Тов. Ленин говорил, что русский язык — это великий язык, это язык, на котором написаны величайшие произведения, но с помощью этого языка — подчеркивал наш великий вождь — распространять культуры и цивилизацию среди народностей путем насилия ни в коем случае невозможно. Самое лучшее средство распространения культуры и цивилизации среди отсталых народностей — это их родной язык; родной язык — это величайшее орудие революционной пропаганды и революционного просвещения. (Аплодисменты.)

Бедность и отсталость данного языка являются лишь отражением примитивности и несложности жизни, конкретной обстановки, в которой вырос и боролся за свое существование данный народ. Уже одним фактом насаждения централизованной фабрично-заводской промышленности на наших окраинах, уже одним фактом перенесения фабрик и заводов в районы, служившие лишь сырьевыми базами для центральных обла-

стей бывшей царской империи, мы производим колоссальный переворот в экономике и всем укладе жизни отсталых народов, а вместе с тем и в языке этих национальностей, языке, который является органическим продуктом окружающей среды, идеологической надстройкой на совершенно определенном экономическом базисе. Мы не говорим уже о том, какой переворот в структуре языка, в его обогащении новыми и новыми словами и терминами, а иногда целыми, до той поры неслыханными, оборотами речи вносят правовые отношения, ломка старого, патриархального и семейного уклада, новые классовые отношения. Таким образом вчера еще бедный язык, в условиях новой конкретной обстановки, рождающей новые впечатления, обогащается новыми словами, буквально не по дням, а по часам, и становится все более и более совершенным орудием для выражения новых мыслей, новых понятий. Недалеко то время, когда сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, когда произведения величайших поэтов и художников слова смогут быть переведены на языки самых отсталых народов СССР.

Считаясь с колоссальной ролью национального языка, как самого могучего орудия просвещения, культуры, пропаганды идей международного братства, Советская власть отказалась от всяких проектов ассимиляторства и поставила вопрос о грамоте на родном языке в основу своей политики просвещения среди национальностей нерусского языка.

Эта правильная национальная политика Советской власти не могла не привлечь на сторону последней все живые силы тюркских национальностей. Как правильно подчеркнул уже тов. Тюрякулов в своем докладе 17 января 1925 г., национальное учительство в тюркских республиках явилось в основной своей массе детищем Октябрьской революции.

Здесь я скажу несколько слов по поводу вопроса о латинском алфавите. Когда мы, немногие, присутствующие на этом съезде, русские ученые, коммунисты и беспартийные русские профессора, голосуем здесь вместе с вами за латинский алфавит, мы это делаем потому, что мы злейшие враги руссификаторства, что мы желаем развития родного языка каждого самого маленького народа (аплодисменты) потому, что мы стремимся помочь развитию этого языка, мы хотим, чтобы маленькие народы имели свой развитой язык. И так как мы убеждены, что латинский алфавит облегчит распространение просвещения среди широких народных масс, то мы за латинский алфавит, как за самое могучее орудие создания и развития языка данного народа. (Аплодисменты.) И мы уверены в том, что наши дорогие товарищи, Ибрагимов, Сабиров, Максудов и другие, которым дороги интересы культуры и интересы развития родного языка, если сегодня они в силу объективных условий, конкретной обстановки в Татарстане высказываются против введения латинского алфавита в данный момент, то через несколько лет, мы убеждены, они будут находиться в наших рядах. Именно потому, что для них на первом плане стоит развитие родного языка, как фактора огромного революционного значения

После этих общих замечаний я перейду к рассмотрению достижений отдельных республик в деле культуры, в деле просвещения. Конечно, для того, чтобы дать ясную картину грандиозных достижений тюрко-татарских народностей с момента Октябрьской революции, понадобился бы мне, может-быть 3 — 4-часовой доклад, но я ограничен временем и поэтому постараюсь быть кратким. Приведу вам всего только несколько цифр.

Начну с той республики, в столице которой мы заседаем сейчас, а именно с Азербайджана. Каковы достижения Азербайджана за короткий период? Мы имели в 1919 — 20 годах школ первой и второй ступени 654, учащихся в них 57 629, а в 1925 — 26 г. мы имеем уже 1483 школы, в которых обучается 164 787, т.-е. повышение на 185%. Если мы возьмем ВУЗ'ы, то здесь мы имеем процент повышения 145 к числу учащихся. Заслуживает внимания издательская деятельность АССР. Здесь выходит 13 периодических изданий, газет 8, журналов 26, бюллетеней 5, театров 18.

Развитие просвещения в Азербайджане выражается не только в увеличении числа школ, ВУЗ'ов и т. д.; вы сами видели театры в Баку и видели новую оперу «Шах Санем». Вы видите, что и в области искусства, в области музыки Азербайджан идет вперед, не стоит на месте, и его культурные достижения можно формулировать как очень большие.

Если мы перейдем к соседней маленькой республике Дагестану, то мы здесь увидим тоже колоссальные достижения.

В Дагестане во времена царизма в мечетях и медресах допускалось только преподавание закона божьего и арабского языка. Воспрещалось преподавание всяких светских наук. Преподавание светских наук разрешалось только в открываемых с руссификаторской целью школах, при чем языком обучения обязательно был русский. Лица, которые под предлогом паломничества ехали в Турцию и Египет, где получали скудное светское образование, по возвращении в Дагестан преследовались царской полицией. Часто таких лиц высылали за пределы Дагестана.

После революции 1905 года среди дагестанцев пробуждается интерес к светским наукам. Создаются нелегальные школы светского типа, где преподавание ведется на родном и тюркском языках.

Полиция всячески препятствовала пропуску в Дагестан азербайджанских и казакских газет. Читатели таких газет всегда были под надзором полиции.

Несмотря на неоднократные ходатайства общественных деятелей, не разрешалось издание газет на кумыкском языке. Единственный правительственный орган «Губернский вестник» издавался на русском и непонятном для массы арабском языке.

Только после установления Советской власти в Дагестане началось открытие школ на родном языке и издание газет на разных наречиях Дагестана (тюркском, кумыкском, аварском и даргинском).

Советская власть укрепилась в Дагестане только в 1920 году, поэтому приходится говорить о культурных достижениях Дагестана только за пять лет, в историческом масштабе срок, конечно, очень короткий. До

Октябрьской революции Дагестан, в полном смысле этого слова, не имел почти никаких культурных достижений. При своем более чем миллионном населении, имея в своем составе до восьми основных различных народностей, Дагестан не имел ни для одной из этих народностей национальной школы.

В 1914 году в Дагестане имелось 89 школ, которые обслуживали почти исключительно русское население и прилагали все усилия к руссификации нерусских народов. Школы эти совершенно пустовали, туземцы их не посещали. Можно смело утверждать, что даже один процент населения аулов не обслуживался этими школами. Не было создано культурной базы школьных занятий, не было приготовлено учительство, не создавалась соответствующая литература и учебники. В данный момент народы Дагестана имеют до 300 школ, в которых обучаются дети на родных и тюркских языках. Школы обслуживают до 20% населения. Создан кадр нацучительства до 500 человек. В различных городах наших республик насчитывается до 600 дагестантских стипендиатов, обучающихся в ВУЗ'ах. Все они находятся на полном государственном иждивении.

Перейдем теперь к народностям Северного Кавказа. Из данных, полученных мною от тов. Алиева, мы видим следующее: в 1908 — 1912 гг. по официальным данным попечителя Кавказского учебного округа, мы имели в городских начальных школах 3725 детей, а в 1924 — 25 гг. в начальных школах 30 964 детей. Таким образом, имеем увеличение на 850%.

Если мы возьмем количество горцев, получавших среднее образование в то время и сейчас, то разница будет еще более поразительная. В 1909 г. обучалось горцев в средних школах — 536 чел., а теперь обучается, считая семилетку, девятилетку и другие подобные школы — 4961 чел., т.-е. увеличение на 800%. Особенно скудно было поставлено профессионально-техническое образование: в 1909 г. обучалось в профессиональных и технических учебных заведениях только 44 горца, а в 1924 — 25 г.— 1219 — увеличение — 2700%.

Во всех областях Северного Кавказа мы имеем в 1925 г. газеты на местных языках: «Карахалк» («Беднота»), на кабардинском языке со страничками на балгарском; на гор. еврейском и друг. языках на латинской основе в Кабарде; «Таулу Чашау» («Городская Жизнь») на карачаевском языке; «Адыре-Рсагу» на черкесском языке; «Горская Жизнь» в Кар. — Черкесск. обл.; «Ростзинат» («Правда») в Осетии (на лат. основе); «Сердало» в Ингушетии (на лат. основе); журнал «Советская Адыгея» — бюллетень, в виде сборника на русском языке; «Серлу» в Чечне (на арабск. основе). Все означенные печатные органы стали регулярно выходить и основываться в отчетный период, т.-е. за 24 — 25 г.

Перейдем теперь к Приволжскому краю и к Татарстану. Нужно сказать, что достижения в Татарстане поразительны. Можно даже сказать, что Татарстан идет в авангарде культурного движения

тюркско-татарских народов. Мы имели русских министерских школ накануне революции 383, татарских всего 19; русских земских школ — 531, татарских всего — 16; средне-учебных заведений русских — 21, татарских — 0. *В итоге мы имеем 1148 русских школ и всего только 35 школ для татар.* В этих двух цифрах вам вся политика царизма, политика руссификаторства, недопущения создания национальных школ.

Теперь мы имеем грандиозные достижения, мы имеем число детей школьного возраста: татар — 240 706, русских — 160 441, нацмен — 59 976, а всего — 460 973.

Мы видим, что в Татарстане революция привела к созданию национальных школ, к увеличению в сотни раз числа татарских детей, обучающихся грамоте на своем национальном языке, и одновременно к увеличению числа русских детей, обучающихся на своем русском языке.

Кроме школ, Татарстан имеет шесть ВУЗ'ов, 2 рабфака, 23 техникума, 8 профессиональных технических школ, 8 школ фабзавуча, 10 учебно-показательных мастерских, 5 профтехнических курсов. Очень важно указать на то, что в Татарстане мы наблюдаем громадное развитие художественной литературы. Появился ряд выдающихся писателей, создавших прекрасные литературные произведения. Мы имеем удовольствие среди делегатов видеть здесь известного татарского романиста Ибрагимова Галимджана. Им написан роман «Наши дни» («Безнен-Кунляр»). Это большое художественное произведение рисует гражданскую борьбу пролетариата против царизма. Мы имеем еще другое его произведение «Дочь степи», где рисуется процесс внедрения капитализма в эту отсталую первобытную среду. Кроме того, необходимо отметить, что литературная деятельность тов. Галимджана Ибрагимова не ограничивается романами. Тому же автору принадлежит прекрасная книга «Татары и революция 1905 г.».

Дальше в той же татарской литературе мы видим описание рабочешахтерской жизни в поэме «Эшче» поэта М. Гафурова, описание жизни грузчиков у Ф. Сейфи, каспийских промысловых рабочих татар у Шариф Камала, а также описание татарских красных отрядов у Ш. Усманова. Многие молодые писатели с новыми направлениями, с новыми подходами к жизни работают над созданием татарской художественной литературы нового периода. Здесь все проникнуто духом классовой борьбы, выражением марксистского отношения к вопросам жизни и изысканием новых путей, например, Тулумбайской, Кавы Наджми, Максуд, Такташ и др.

Не имея возможности дать обстоятельную характеристику достижений татарской литературы за последнее время, отсылаю всех интересующихся этим вопросом к интересной статье проф. Бороздина «Красный Татарстан», напечатанной в «Новом Востоке», № 10 — 11. Укажу на последние новинки, вышедшие в текущем году: Г. Ибрагимова—«Вопросы орфографии, языка и литературы», Газиза Губайдуллина — «История татарских классов», Губайдуллина и Али Рахима — «История татарской литературы эпохи феодализма», Кудоярова — «Экономическая политика»,

сборник под редакцией Кази Наджми — «Татары и башкиры в рядах Красной армии».

Вы видите, что татарская литература развивается во всех областях. Периодическая печать Татреспублики представлена восемью газетами на татарском языке, шестью на русском языке и двумя на языках нацменьшинств. Из девяти журналов пять выходят на татарском языке.

Мне, как латинисту, позвольте танцовать от печки. Я говорю: если Татарстан достиг таких грандиозных результатов при реформированном арабском алфавите, каких же колоссальных результатов достигнет Татарстан, когда там через некоторое время будет введен латинский алфавит? (Аплодисменты.)

Перейдем теперь к соседней с Татарстаном республике, именно к Казакстану.

Вопрос о просвещении в Казакстане занимает одно из главных мест в строительстве. При царском строе казакский народ не имел возможности свободно развивать свою культуру и строить школы.

В начале, в Казакстане насаждались школы или татарскими, или сартовскими муллами, или самой царской администрацией. В туземных школах (мектебах) муллы преподавали почти исключительно религиозные предметы, и только перед революцией начали преподаваться в некоторых группах школ по реформированному методу религиозные и светские предметы. Русская школа в Казакстане возникает с самого начала завоевания края, сперва для обслуживания русского населения, но потом создаются русские школы для туземцев (русско-туземное начальное училище и др.), где казакские дети воспитываются в духе защиты царского строя и выработки в будущем из казаков чиновников царской администрации, и даже в этих школах проводится миссионерская политика.

В 1900 году на территории нынешней КССР было всех школ — 797, а к 1911 г. насчитывалось 1246. В сравнении с 1911 г. к 1921 г. школы увеличились на 200 с лишним процентов. Русско-туземные школы особенное распространение имели в Туркестане. Например, в Сыр-Дарьинской области, по данным 1912 года 56 русско-туземных училищ, где (включая городские училища) обучалось 3033 детей туземцев. Всего же в школах обучалось 95% русского населения и лишь 2,02% детей туземцев. Такая же картина наблюдается в Джетысуйской области.

В данное время положение просвещения рисуется в Казакстане в следующем виде. Всех школ I ступени в 22 году числилось — 2001, в 24 г. количество возросло до 2643 с числом учащихся в 156 865 чел. В 1924 — 25 г. общее число обучающихся в краевых учебных заведениях равнялось 1238, из них казаков было 222. В различных ВУЗ'ах в СССР обучалось 908 чел. и командировано в 1925 г. до 600 чел., из них казаков в составе всех вузовцев около 600 — 700 человек.

К концу 1924 года в КССР имелось до 45 000 беспризорных детей. Около 16 000 из них содержалось в 218 детдомах.

Профтехнические учреждения были следующие: Институт нар. образ. казакский — 1 (учащихся — 192), педагогических техникумов — 11

(учащихся 1341), сельхозтехникумов и школ — 8 (учащихся — 758), медтехникум — 1 (учащихся — 217), фабзавучей — 9 (учащихся — 254), профтехшкол — 4 (учащихся — 532), профкурсы — 1 (учащихся — 57).

Дело печати с каждым годом улучшается. В данное время в Казакстане имеется около 41 названий разных изданий, а в прошлом году было 28. В 1920 г. всего 3 газеты, а в 1925 г. уже выходит 13 газет и 5 журналов. Тираж к началу 25 г. казакских газет равнялся 15 000 экземпляров, а к маю того же года равнялся 34 800 экз. Общий тираж всех изданий достигает 80 650, из изданий: партийных — 32, советских — 1, женских — 1, комсомольских — 1 и ведомственных — 6.

Издаются следующие газеты и журналы на казакском языке: «Энбекшил-Казак» (в г. Кызыл-орде), центр. орган «Бостандык-туы» (Петропавловск), «Казак-тли» (в Семипалатинске), «Кзыл-ту» (в Уральске), «Ак-жол» (в Чимкенте), «Тльчи» (Алмата), а также журналы «Кзыл-Казакстан» и другие.

На русском языке: «Советская степь» (главн. орган), «Красный Урал», «Мир и Труд» (Петропавловск), «Степная Правда» (в Семипалатинске) и журналы.

Кроме того, по Казакстану издается около 100 стенных газет. Одной из хороших связей с местами являются сельские и аульные корреспонденты. В 1924 году всех корреспондентов было 1778, а в 1925 году — 2841 человек.

Перейдем теперь к Крымской республике. Передо мной лежат доклад наркомпросвещения Крыма т. У. Балича «Национальная политика Соввласти и народное просвещение в Крыму» и его же статьи: «Местный бюджет и народное образование в Крыму» и «Состояние народного просвещения в Крыму». По этим материалам можно получить яркое представление о культурных достижениях Крымской республики со времени торжества Соввласти в этом краю.

Что имели мы в Крыму в области татпросвещения до Октябрьской революции? — Только 68 русско-татарских (земских и министерских) училищ с 2000 учащихся, ряд конфессиональных (церковно-приходских) школ и больше ничего, если не считать «Тержимана», издаваемого небольшой группой прогрессивной интеллигенции с Измаилом Гаспринским во главе.

Русско-татарские школы имели обычную программу земских, но преподавание велось на русском языке, за исключением первого года обучения, вследствие чего из этого обучения ничего кроме муки для учителя и для учеников не получалось. Население относилось к этим школам недоверчиво, справедливо усматривая в них руссификаторские тенденции, зато оно очень охотно посылало своих детей в мектебы. Но что могла дать детям безжизненная насквозь пропитанная религиозным духом, схоластическая программа этих школ? Позвольте вместо ответа привести выдержку из статьи Гаспринского в «Тержимане» (1902 г.): «Преподавая русский язык своим сородичам, пишет он, я имел возможность

хорошо изучить положение и значение мусульманского мектеба. Мусульманские дети почти поголовно проходят через мектеб, но, потеряв столько времени и труда, что же они приобретают? Почти ничего. Между тем, проходит самый дорогой учебный возраст, и дети призываются из школы родителями на работу в семье».

Это отзыв о школе, а вот отзыв о состоянии татобразования того же Гаспринского в том же 1902 году:

«По умственному состоянию и мировоззрению, мусульмане наши находились, а масса и сейчас находится, в XIV столетии, застыв на Птоломеевой системе, не признавая Кеплера, не зная Ньютона, при невозможных понятиях об отношениях народов и государств».

Что имеет татарское население сейчас? Из 794 школ I ступени по Крыму, татарских — 348 или 43,9% количества. Работников в них — 538 или 40,3% общего количества. При этом школа получает новую рациональную программу, близкую к жизни и построенную на началах труда, а не на мертвой религиозной догме. Преподавание ведется на родном языке и притом не только во всех группах I ступени, но и на всем протяжении II ступени. Обычная у нас четырехлетка, в целях педагогических, для детей татар удлиняется на один год. Если общее количество этих татарских школ сопоставить с числом татарского населения Крыма — 147 889 душ или 26% общего количества, то следует признать положение вполне удовлетворительным, ибо одна школа приходится здесь на 432 жителя, в то время как в РСФСР одна школа I ступени приходится на 921 человек.

В области школ повышенного типа вместо прежних уродливых медресе мы имеем для татарского населения сейчас десять правильно организованных школ II ступени с обычной для всех школ II ступени программой и интернатами при большинстве этих школ, поскольку все они носят районный характер.

В области методической работы необходимо отметить работу Татсекции Академического Совещания, подразделяющегося на несколько комиссий: школьная, обществоведческая, сельскохозяйственная и по гигиене. Здесь разрабатываются основные принципиальные вопросы методического характера, а также подготовительные работы по изданию учебников на татарском языке.

В этой последней области, т.-е. в области издательства, сделано чрезвычайно мало. Вот перечень изданий только за последний год: 2-я книга для чтения — 5000 экз., 5-я книга — 3000 экз., география — 6000 экз., природоведение — 2529 экз., геометрия — 10 000 экз., программа на татарском языке — 1000 экз., о комплексном методе — 1000 экз., краеведение — 1000 экз., устав трудовой школы — 1000 экз., заветы Ильича — 1000 экз.

Печатается обществоведение Вольфсона — 3000 экз. и учет работы — 1000 экз.

Готовятся к печати: география Февзи — 6000 экз., научная грамматика Чобан-Заде и математика Мухитдинова.

Всего в Крыму изб-читален в настоящее время 149, до 400 ликпунктов и 44 школы политграмоты, ряд библиотечных передвижек по деревням.

Выходит на татарском языке: «Ени Дуньян» («Новый Мир»), ежедневная и «Яш Куввет», выходящая в неделю два раза (комсомольский орган), два ежемесячных журнала — «Асры Мусульманлык» и «Чолпан».

Крайне интересна и заслуживает внимания работа Крымохриса (Крымского Отдела по охране памятников искусства и старины). В области татарской культуры был выработан план исследования татарской культуры с распределением между отдельными музеями. В силу этого плана Бахчисарайский музей исследует историю и быт татар эпохи Крымских ханов, художественную и кустарную промышленность татар, Центральный музей Тавриды изучает общетатарскую этнографию, Евпаторийский музей изучает этнографию степных татар (ногайских), Восточный музей в Ялте, помимо общей задачи сравнительного изучения культур народов Востока, специально изучает этнографию южно-бережных татар.

При посредстве Крым. СНК и Крым. ЦИК'а организованы две экспедиции в 1925 г.: 1) по раскопкам древнейшей столицы Салхата при участии Ассоциации Востоковедения во главе с профессором Бороздиным и 2) по исследованию этнографии степных татар во главе с завед. Бахчисарайским музеем Боданинским. Обе экспедиции дали большой и интересный материал, переданный в Бахчисарайский и отчасти Центральный Музей Тавриды.

Разработан план археологической и этнографической экспедиций на 1926 г. (продолжение работ 25 г.).

Разработана программа по созыву татароведческого съезда, осуществить который не удалось из-за отсутствия средств.

Итак, мы видим, что и Крым не отстает от других передовых тюрко-татарских республик. Я лишен возможности сделать хотя бы самый краткий доклад о положении средне-азиатских республик. Вина падает не на меня. В Москве я неоднократно обращался к представителям всех наших республик. То, что я здесь докладываю, это на основе официальных цифровых данных из Казакстана, Крыма, Азербайджана и Якутии. Если я о некоторых тюрко-татарских республиках не скажу ни слова, ответственность падает на представителя этих республик.

Перейдем теперь к отдаленной Якутии. В 1922 — 23 гг. в Якутии было 115 школ I ступени с 5418 учащихся, в 1923 — 24 г. — 132, с 6402 учащихся, в 1924 — 25 г. — 145, с 7808 учащихся. В текущем году имеется школ I ступени 160. Накануне мировой войны в 1912 г. в Якутской области было 85 школ с 2766 учащихся. Библиотек было в 1923 г. — 4, в 1924 — 13, в 1925 — 16.

30 лет тому назад я отбывал ссылку в Якутской области. Смешно было бы говорить тогда о беллетристических произведениях на якутском языке, об учебниках на этом языке и т. п. Всего этого в помине не было. Теперь мы видим начало создания якутской литературы. Так, в одном

1924 — 1925 г. появились следующие литературные произведения на якутском языке:

1) Сборник стихотв. «Ырыа-Хосан», соч. Ойунского.
2) Стихи и поэмы в 2-х книгах, соч. А. Кулаковского.
3) Пьеса «Бедный Яков» (Цацаны Цокып), бытов. в 4-х д., соч. А. Софронова.
4) Сборник стихотв. разн. авторов.
5) Поэма «Алексей оксокулах и хорогор Григорий», соч. В. Попова.
6) Поэма «Красный Шаман» (Кыдлы ойун), в 6 част., соч. А. Ойунского.
7) Перевод революционных песен.
8) Литературный сборник «Искра» («Кыым»).

Печатаются:

1) Сборник стих. А. Иванова.
2) » рассказов и стих. — его же.
3) Ноты якутских песен.
4) Поэма «Манчары», в 6 ч., А. Софронова.
5) Пьеска в стих. «Отъезд невесты», — его же.
6) Пьеса «Любовь», в 4-х действ. » »
7) » «Тина жизни», в 4-х действ. » »
8) » «Упавши не встанешь», в 5 д. » »
9) » «Подражает русским», в 1 д. » »
10) » «Скупой», в 2-х д. » »
11) 3 пьесы, соч. Сокольникова.
12) Сборник рассказов, соч. Оросина и Давыдовой.

Готовятся к печати:

1) Пьесы . . . Н. Неустроева.
2) » . . . А. Игнатьева.
3) » . . . П. Оросина.
4) Поэмы и рассказы Г. Байшева.
5) Рассказы и стих. А. Софронова.

Изданы в Ленинграде Акад. Наук образцы народной литературы, собр. акад. Э. К. Пекарским и Худяковым.

Печатается учебник по грамматике якутского языка, по арифметике, «Книги для чтения взрослых», различные издания по сельскому хозяйству (о луговодстве, удобрении земли и т. д.), по медицине и санитарии и т. д. Значит, и в этом отдаленном суровом краю, в этом унылом краю морозных дней мы видим новую весну жизни, начинающийся расцвет культуры, создание поэзии, литературы, рождающейся науки на родном языке.

Подводя итоги культурным достижениям тюркских народов со времени Октябрьской революции, мы приходим к заключению, что эта великая Революция выдержала проверку не только военно-экономическим

оружием, отбив нападение российской и международной контр-революции и подчинив всю экономику страны интересам трудящихся масс. Эта революция выдержала несравненно более трудную проверку на поле культурно-просветительной работы, приобщив миллионные массы тюркского населения, искусственно удерживавшегося в эпоху царизма во мраке невежества и суеверий, к живительному источнику знания и свободной мысли. Культурные достижения тюркских народов за протекший краткий период поистине громадны. Эти достижения являются всецело продуктом Октябрьской революции и созданных ею совершенно новых условий жизни рабоче-крестьянских масс СССР, условий, немыслимых ни в одном капиталистическом государстве. В заключение я позволю себе закончить мой доклад отрывком из моей речи, произнесенной здесь же, в Баку, пять лет тому назад на I Съезде Народов Востока.

«Советское рабоче-крестьянское государство, создавшееся в результате Октябрьской революции 1917 г., является первым государством в мире, где разрешение национального вопроса поставлено на новых началах, ведущих к ликвидации национальной вражды национального антагонизма между бесчисленными народностями, входящими в состав бывшей царской империи, наконец, экономического и культурного неравенства.

Кому не очевидна разница между нашей рабоче-крестьянской социалистической федерацией и разбойничьими капиталистическими империями? На одном полюсе, в капиталистических странах, зверское подавление национальных меньшинств, а порой национальных большинств, там, где национальное меньшинство держит бразды правления в своих руках. На другом полюсе, в республике Советов — самое бережное, самое братское чувство по отношению не только к более или менее крупным, но и к самым малочисленным национальным единицам, получившим возможность самоопределиться в рамках советской федерации».

Я думаю, что выскажу убеждения всех делегатов Съезда, если скажу: пройдут два-три десятилетия, и мы увидим, как вместе с распространением народного образования в Республике Советов, вместе с открытием тысяч и тысяч школ, вечерних курсов, академий и т. д., вместе с полной ликвидацией безграмотности, на ряду с удивительными по своей художественной красоте старыми памятниками русской и украинской литературы, с произведениями Пушкина, Лермонтова, Толстого, Гоголя, Шевченко, появятся новые великие произведения новых гениальных поэтов, беллетристов и т. д. выходцев из рабочей и крестьянской среды всех народов СССР, и в том числе тюрко-татарских. (Аплодисменты.) Пышным цветом расцветут еще только-что пробуждающиеся к жизни татарская, башкирская, киргизская, ингушская и др. поэзии и литература, и все эти отдельные ручьи, притоки, речки, большие реки, причудливо и гармонично переплетаясь, вливаясь и питая своими живительными водами один общий океан поэзии и науки впервые освобожденного от национального и классового гнета трудящегося человечества, будут сверкать такой невиданной, несравненной красотой, подобно которой не могли дать миру ни классическая Эллада со всеми ее дивными произведениями, ни цивили-

зация Европы средневековой и капиталистических эпох со всей созданной этой цивилизацией плеядой бессмертных поэтов, художников, мыслителей и ученых.

Мы думаем, что Тюркологический Съезд, который высказал определенно свою точку зрения относительно латинского алфавита, будет мощно содействовать этому обогащению поэзии и искусства тюрко-татарских национальностей.

И я позволю себе здесь повторить слова, сказанные мною на-днях: латинский алфавит это не мрачный верстовой столб на кровавом пути конфликтов между отдельными тюркскими народностями, и этими народностями в СССР, с одной стороны, и зарубежным Востоком — с другой. Нет, это яркий маяк, ослепительно сверкающий указательный столб на великой дороге к завоеванию тюрко-татарскими народами культуры, цивилизации, всех благ прогресса, которыми до сих пор пользовались только европейские народы.

Да здравствует Первый Тюркологический Съезд!

Да здравствует вождь движения в пользу латинизма тов. Агамали-Оглы! (Аплодисменты.)

Да здравствует Общество Обследования и Изучения Азербайджана, которое явилось организатором этого Съезда!» (Аплодисменты.)

ИСТОРИЯ И ЗАДАЧА НОВЫХ ВОСТОКОВЕДНЫХ ВУЗОВ.[1]

В ноябре 1925 года оба востоковедных ВУЗ'а, Московский и Ленинградский, состоящие при ЦИК'е СССР, праздновали свой пятилетний юбилей.

Институт Востоковедения имени Нариманова возник на развалинах бывшего Лазаревского Института Восточных Языков. Свое название Лазаревский Институт получил по имени его основателя, богатого армянина, действительного статского советника Ивана Лазарева, пожертвовавшего в 1800 году 200 000 руб. ассигнациями на сооружение учреждения «для воспитания и обучения бедных детей из армянской нации». Потомки Ивана Лазарева взяли на свое попечение созданное им учреждение.

Учреждение, созданное Лазаревым, было возведено в ранг первоклассного учебного заведения и получило титул Института Восточных Языков в 1848 г.

О направлении и характере Института можно судить по тому, что сам пресловутый граф Аракчеев, одна из самых мрачных фигур царской эпохи, соблаговолил принять на себя в 1825 г. главное начальство над Институтом. В 1827 г., когда граф Аракчеев сложил с себя начальство и обязанности по Институту, Лазаревы и армянский архиепископ ходатайствовали перед царем о назначении главноначальствующим над Институтом генерал-адъютанта шефа жандармов графа Бенкендорфа.

[1] Помещено в № 10 — 11 журн. «Новый Восток». 1925 г.

Как видим, армянские богачи и филантропы Лазаревы непрочь были дать воспитание и образование нескольким стам армянским детей, но это образование обязательно должно было быть дано под руководством таких друзей науки, какими являлись мрачный палач Аракчеев и шеф жандармов Бенкендорф. Этим именам вполне соответствовали и имена почетных попечителей Института. В длинном списке почетных попечителей этого учреждения со дня его основания мы встречаем имена патриархов, митрополитов, архиепископов, архимандритов, тайных советников, прокуроров святейшего Синода, генерал-майоров, полковников и т. п. высоких особ, но ни одного имени какого-либо армянского писателя или поэта.

Что преподавалось в старом Лазаревском Институте? В первую голову, конечно, закон божий, затем предметы: русская словесность, математика и физика, география и т. д. Из языков преподавались в Институте латинский, французский и немецкий, а из восточных языков — армянский, грузинский, арабский, турецкий и персидский. Дальне-восточные языки в Институте не преподавались, и это вполне понятно. Институт должен был обслуживать интересы армянской буржуазии, которая стремилась взять на себя роль главного агента и проводника захватной политики царизма в прилегающих к русской Армении странах, именно: в Турции и Персии. Китай, Монголия, Япония не интересовали армянских капиталистов, лежали далеко за пределами зон их влияния. И, действительно, все студенты, окончившие Лазаревский Институт и определившиеся по министерству иностранных дел, работали исключительно на Ближнем и Среднем Востоке драгоманами или секретарями при посольствах и консульствах в Константинополе, Тегеране, Каире, Бомбее, Багдаде, Астрабаде, Дамаске, Мешхеде и т. д. Те же студенты, которые поступали на службу по министерству внутренних дел, работали на различных административных постах в Средней Азии, на Кавказе и в Крыму. Итак, Лазаревский Институт дал много верных слуг царизму в его внутренней и внешней политике подавления восточных народов; этот Институт не сыграл крупной роли в истории русского революционного движения и дал лишь одиночек революционеров. При своем чисто практическом уклоне Институт не мог создать также и научной школы в области востоковедения. Это откровенно подчеркнул директор Лазаревского Института В. Ф. Миллер в речи, произнесенной на торжественном собрании 24 октября 1902 г. по случаю 30-летия со дня создания в Институте специальных классов в целях правильной постановки восточного языкознания: «надежды, возлагавшиеся на преобразование Института, не оправдались, число занимавшихся серьезно восточными языками было весьма ограничено, многие смотрели на них, как на повинность, связанную со стипендиями, и потому преподавание восточных языков было не вполне успешно».

Преподавание восточных языков было введено в Институте в 1848 г., между тем Институт очень мало дал в области подготовки ориенталистов, хотя в числе преподавателей Института были такие выдающиеся знатоки своего предмета, как академики Ф. Е. Корш и В. Ф. Миллер и профессора

А. Е. Крымский, А. С. Хаханов, Г. А. Халатьян, Кастаньян, В. Гордлевский, Б. В. Миллер, Л. С. Мсерианц, как покойный Аттая, о котором сохранили добрую память студенты нынешнего Института. Очевидно, в эпоху царизма атмосфера Института не благоприятствовала углубленному изучению восточных языков.

Первые веяния революции коснулись старого Лазаревского Института в виде реформ академика Н. Я. Марра: основной целью Института предполагалось поставить научное изучение языков, истории культур Передней Азии, отчего и Институт стал именоваться Передне-Азиатским.

«Специальные классы» б. Лазаревского Института Восточных Языков (преобразованные в 1872 г. из б. лицейских классов ЛИВЯ) после некоторых несостоявшихся попыток преобразования (в смысле расширения программы как в области гуманитарных, так и политико-экономических знаний) были окончательно реформированы во второй половине 1918 г. в этнологическо-историко-филологический факультет Лазаревского Передне-Азиатского Института. В его уставе значилось: «Вновь учрежденный факультет есть российская автономная высшая специальная школа, обслуживающая общие культурные востоковедные интересы России и армянского народа». Факультет, состоя из двух отделений: научно-теоретического и научно-практического, должен был преследовать следующие задачи:

а) разработку востоковедения по письменным и неписьменным живым и мертвым языкам, литературе, истории и памятникам искусства народов Передней Азии;

б) сообщение учащимся систематического востоковедного образования по соответствующим отраслям знания;

в) ознакомление народных масс с достижениями науки по специальности Института.

В Институте должны были преподаваться языки: арабский, армянский (древний и новый), грузинский, сирийский, тюркские (османский, азербайджанский), персидский (древне-средне-и ново-персидский), сравнит. языковедение, история литератур (армянской, османской и др.); вводные курсы по филологии (иранской, тюркской, сирийской и др.), по исламоведению; археология и этнология; толкование текстов восточных писателей (армянских, арабских, тюркских, персидских, сирийских); история Востока (древнего и нового).

В марте 1919 г. Лазаревский Передне-Азиатский Институт был преобразован в Армянский Институт с переименованием этнологическо-историко-филологического факультета в историко-филологический.

Для осуществления программы Института были приглашены специалисты-востоковеды из Петрограда — профессора местного университета. Однако, ряд объективных условий повлек неизбежное расхождение программы с действительностью: трудность регулярных поездок из Петрограда в Москву (к которым были вынуждены профессора, работавшие одновременно в обоих городах), топливный голод, тяжелые жилищные

условия, материальная необеспеченность студентов, а также слишком яркая, по тому времени, академичность программ. Некоторые курсы остались на бумаге, другие читались при поразительно малом количестве полуголодных слушателей.

Государственная жизнь ставила иные требования: нужны были практические работники, знающие Восток и его языки. В целях подготовки таких работников был, постановлением Совнаркома от 7/IX 1920 г., создан Институт Живых Восточных Языков вместо Армянского Института.

Языки являлись центром программы вновь открытого Центрального Института Живых Восточных Языков. Впервые в Москве было приступлено к преподаванию языков Дальнего Востока и Индии. Это был крупный шаг вперед. Однако, общественно-востоковедные предметы терялись в общей массе лекций по восточным и западно-европейским языкам.

27 октября 1921 года постановлением Президиума ВЦИК'а за подписью т. М. Калинина и А. Енукидзе, во изменение упомянутого выше постановления Совнаркома, существующие в Москве востоковедные учебные заведения были слиты в одно высшее учебное заведение — Институт Востоковедения. Это название указывало, что центром учебной и ученой деятельности Института должно было стать изучение живого Востока, а не живых восточных языков самих по себе. Изучение последних должно было отныне явиться могучим средством к углубленному познанию живого Востока, к общению с последним.

Первая чистка, произведенная комиссией при ректоре т. Гисматуллине, под председательством тов. Бройдо, выбросила часть неподходящего новым задачам студенчества. Кроме того, эта комиссия произвела отбор для вновь открывающегося Коммунивера народов Востока, куда были переведены туземцы восточных республик, нуждавшиеся в общем политическом образовании. После того были проведены еще три чистки под моим председательством, вначале как члена коллегии Наркомнаца и затем, как ректора Института. Все эти чистки значительно уменьшили число слушателей, достигавшее внушительной цифры 420 в январе 1922 г.

1921 — 22 учебный год прошел в обстановке, более соответствовавшей положению высшего учебного заведения. Дело, видимо, налаживалось. Весной этого года был произведен первый выпуск студентов, только концом своей учебной деятельности примыкавших к Институту Живых Восточных Языков. Это были преимущественно бывшие лазаревцы, которые были оторваны от занятий службой в царской и Красной армиях (в 1915 — 20 гг.).

С 1922 г. Институт Востоковедения вступил в условия новой жизни и более планомерной работы. Однако, не могло быть и речи о коренном улучшении в условиях жизни и работы Института, пока он ютился в полуразрушенных подвалах здания бывшего Лазаревского Института.

10 октября 1921 года было опубликовано нижеследующее постановление Центрального Исполнительного Комитета:

«В виду свержения буржуазно-национального правительства и установления Рабоче-Крестьянской власти в Армении, Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

«Бывший Лазаревский Институт, построенный на средства армянской буржуазии, переименовать в «Дом Культуры Советской Армении» и передать его со всеми материальными и культурными ценностями в распоряжение рабоче-крестьянского правительства Армении».

Переход в новое помещение явился историческим событием в жизни Института. С этого момента Институт начинает работать в новых условиях.

Институт в современном его виде ставит своей задачей дать советской стране работников, теоретически и практически усвоивших восточный и один западный языки, изучивших политический и экономический строй определенной восточной страны, достаточно усвоивших марксистский метод и подход ко всем явлениям жизни, чтобы, таким образом, выполнить те громадные и трудные политические и экономические задачи, которые нам приходится выполнять в странах зарубежного Востока.

За истекшие пять лет Институту пришлось проделать громадную и трудную работу; в первые годы приходилось ощупью наметить путь, схематично указанный декретом от 7/IX, преодолевая косность лазаревских традиций, непонимание большинством профессуры новых задач советского востоковедения, полной непригодности для этой цели шедшего тогда в Институт студенчества, создавать новые дисциплины, перестраивать старые, создавать новые организационные формы и т. д., и т. п. Работа, однако, даром не прошла. Мы имеем теперь Институт с вполне выявившейся физиономией, как в смысле своих задач, так и в смысле учено-учебном и соцсостава студенчества (350 ч.), громадная часть которого состоит из рабоче-крестьянской молодежи (партийных 75%). При Институте организованы научные кабинеты, создалась большая востоковедная библиотека, куда вошло много книг из старой библиотеки б. Лазаревского Института, и к ним добавлено очень много книг, приобретенных уже самим Институтом. Намечается организация научно-исследовательских институтов. Институт успел доказать свою жизнеспособность и необходимость для всех учреждений, так или иначе соприкасающихся в своей деятельности с зарубежным Востоком.

Каковы задачи Института?

Наши современные задачи в области лингвистики ясно и четко формулированы в статье т. Карахана, замнаркома по иностранным делам и полпреда в Китае в следующих словах:

«Можно относиться с большим уважением к китайской археологии, тысячелетним китайским рукописям, но, при недостатке китаеведов, мы не можем позволить себе роскоши уходить в мертвое прошлое, когда мы не знаем живого, страдающего народа, бок-о-бок с которым, на протяжении тысяч верст, мы живем и на судьбу которого мы можем иметь первостепенное влияние. Наши синологи должны обратить внимание не только на изучение живого Китая, но также на обучение даже в средне-учебных

заведениях истории, географии Китая и даже китайского языка, в особенности в Сибирских и дальне-восточных учебных заведениях. При нынешних реформах современного китайского языка изучение его не должно страдать. Не современный китайский язык пугает и представляет трудности, а древне-китайский — мертвый язык. . .

«Мой совет востоковедам — не углубляйтесь в мертвое прошлое, ближе к живому народу, если вы хотите быть на уровне мировых задач, стоящих перед СССР».

Этими принципами мы руководимся при изучении всех восточных языков: китайского, персидского, турецкого, японского и т. д. В соответствии с этим мы в наших учебных учреждениях не желаем изучать памятников литературной старины. Подобно тому, как в наших рабфаках, в наших университетах мы не изучаем русского языка по «Слову о полке Игореве», по сочинениям Державина, Сумарокова, Карамзина и т. д.: мы не желаем всей этой мертвечины и в наших востоковедных ВУЗ'ах. Мы считаем, что лучшее средство изучения живого восточного языка — это, с одной стороны, персидская, китайская, турецкая, японская и т. д. газета, с другой стороны — литературные произведения последних десятилетий.

Переименовав Центральный Институт Живых Восточных Языков в Институт Востоковедения, мы этим самым сказали, что создание только школы живых языков это — не решение вопроса. Понятно, что нашим работникам нужно прежде всего знание языков и, конечно, живых языков. Им, конечно, не нужен санскрит, не нужны древне-еврейский, финикийские и арамейские языки. Но нужен арабский язык, язык всего мира ислама. Нужны живые, персидский, турецкий, японский, китайский, языки. Но живые языки только как средство к познанию живого Востока. Нам нужен живой Восток, в союзе с угнетенными массами которого мы будем бороться против общих врагов. И вот почему мы назвали наше учреждение Институтом Востоковедения, отбросив прежнее название Института Живых Восточных Языков.

Мы должны поневоле урезывать лингвистические задачи, ставя на ряду с ними общественные востоковедные дисциплины. Это не значит, что мы хотим выпускать недоучек в области языкознания. Чтобы дать возможность нашим студентам лучше усвоить языки на ряду с общественными дисциплинами, мы вводим четырехгодичный курс, в то время как в Германии существуют двухгодичные востоковедные школы. Если нужно будет, мы будем бороться за пятигодичный курс. Думаю, однако, что четырехгодичный курс окажется достаточным.

Главное внимание Института Востоковедения должно быть сосредоточено на изучении восточных языков и стран Востока в географическом, социально-экономическом и, прибавлю, в историко-революционном отношении. Употребляя этот общеизвестный термин, «историко-революционный», я хочу этим сказать, что недостаточно изучать современные революционные движения в странах

Востока. Необходимо заглянуть и в революционное прошлое народов Востока. На русском языке существует богатейшая литература по истории революционных движений на Западе, между тем у нас, например, нет почти ничего, за исключением переводной книжки Шпильмана о великих крестьянских движениях в Китае, о знаменитом восстании тайпингов, нет ничего о восстании сипаев в Индии, мы имеем очень мало о революционных движениях в Персии. Более того, мы даже не имеем в нашей литературе никаких работ о влиянии нашей революции 1905 г. на пробуждение народов Востока. Это уже совсем плохо. Ассоциация Востоковедения, являющаяся фактически Всесоюзной Академией Востоковедения, много делает в этом отношении, но ее сил недостаточно для этой работы. Наши молодые преподаватели, наши слушатели, знающие восточные языки, должны обратить внимание на эту сторону вопроса и при помощи Всесоюзной Научной Ассоциации Востоковедения, членами которой многие из них являются, пополнить громадный пробел, существующий в нашей и западно-европейской литературе по вопросу об истории революционного движения на Востоке. Допустим, что эта история не так богата, как западно-европейская или наша, пусть все революционные попытки народов Востока кончались полными поражениями, — все же эту историю необходимо нам написать и изучить. Я решительный враг диллетантизма, настаивающего в этом отношении лишь на изучении того, что произошло в самые последние годы. В нашем Институте Востоковедения, как и в Ассоциации Востоковедения, будем изучать в этом отношении Восток не хуже, а лучше, чем Запад, и не будем обвинять в резком историческом уклоне, как это сделал один рецензент в ненапечатанной, впрочем, заметке,— автора одной книги о Востоке за то, что он в работе (вышедшей, скажем, в 1925 г.) недостаточно обстоятельно писал о том, что произошло в этом предшествующем году, подробно останавливаясь на событиях революционной истории последних двух десятилетий. Именно по отношению к Востоку гораздо легче писать о том, что происходит теперь, чем о том, что было десять или двенадцать лет тому назад. А между тем ясно, что знание революционной истории Востока последних десятилетий более чем необходимо для нас и особенно для самих народов Востока. Я надеюсь, что через несколько лет из рядов наших слушателей, из рядом молодых членов Ассоциации Востоковедения выделится какой-нибудь молодой преподаватель, который, на ряду с имеющимся у нас курсом «История революционных движений на Западе в XIX и XX вв.», будет читать нам новый курс: «История революционных движений Востока в XIX и XX вв.». Я мечтаю о том, что этот курс будет созданием Института Востоковедения. Это будет лучшим памятником великому революционеру Востока — т. Нариманову, именем которого назван наш Институт.

В отношении изучения стран Востока в чисто учебном порядке, Институт Востоковедения разделяется на три факультета: Ближне-Восточный, Средне-Восточный и Дальне-Восточный.

Ближне-Восточный факультет объединяет изучение современной Турции, Персии и великого Арабистана. Средне-Восточный объединяет изучение Афганистана и Индии. Современем необходимо будет включить на этом факультете изучение Западного Китая (Син-Цзяна) и Тибета. Дальне-Восточный объединяет изучение Китая и Японии. Я думаю, недалеко то время, когда мы приступим на этом факультете и к углубленному изучению Сиама, Индо-Китая, Голландской Индии (Индонезии).

Выбор западно-европейского языка для каждого из этих факультетов обусловливается следующими двумя моментами: какой язык наиболее распространен в данной стране, и на каком языке имеется более богатая литература по странам, изучаемым на факультете.

В связи с этим в отношении ближне-восточного разряда приходится установить следующее: для изучающих турецкий язык обязательно изучение французского языка, как языка, наиболее распространенного в Турции. Кроме того, надо отметить, что на этом языке имеется богатая литература о Турции, нисколько не уступающая английской. Для изучающих персидский язык обязателен по тем же соображениям английский язык. Для изучающих урду, китайский и японский языки, равным образом, обязателен английский, как язык разговорный и как язык, на котором написаны главнейшие труды об Афганистане, Индии, Китае и Японии.

Под Востоком мы разумеем весь колониальный и полу-колониальный мир, т.-е. не только Желтый, но и Черный континент.

Стало-быть, надо будет думать о том, чтобы в более или менее близком будущем приступить, если не в языковом отношении, то во всяком случае, в географическом, социально-экономическом и историко-революционном к углубленному изучению Черного континента, в первую голову Северной Африки, от Египта и Судана через Триполи, Тунис, Алжир, Марокко до области риффов. Это будет наш четвертый Северо-Африканский факультет, на первое время в урезанном виде. Во всяком случае, на этом факультете в языковом отношении можно будет положить в основу арабский язык, а из европейских — английский и французский.

На ряду с языками японским, китайским, урду, персидским, турецким, арабским и западно-европейским (французский, немецкий, английский), на ряду с физической и экономической географией аграрным вопросом, народным хозяйством, политическим строем и историей стран Востока, — одним словом, с предметами востоковедения в Институте преподаются следующие предметы: политическая экономия, исторический материализм, история РКП, империализм и колониальная политика, ленинизм и национально-колониальный вопрос, послевоенная экономика империалистических держав, международное право, консульская служба, внешняя торговля СССР, экономическая политика СССР, статистика.

При Институте организованы деканаты: Ближнего Востока, Дальнего Востока, Среднего Востока, открываются 12 кабинетов: страноведения

(Япония, Китай, Турция, Персия, Арабистан), языков (персидского, турецкого, арабского, китайского, японского), общие (экономический и историко-социологический).

Институт дал уже два выпуска студентов, поступивших после Октября. В нынешнем 1925 — 26 г. Институтом принято 138 человек, из коих членов партии, кандидатов и комсомольцев 91%. Большая часть студентов — 66%, командированы ЦК ВКП. По классовому признаку принятые студенты делятся следующим образом: рабочих 45%, крестьян 22%, прочих 43%.

Многие из окончивших Институт студентов, равно как и командированных из неокончивших еще Инситута, работают в различных странах Востока в наших советских учреждениях в качестве очень полезных сотрудников, ценность которых признается руководителями наших зарубежных учреждений. Чтобы это мое утверждение не показалось голословным, разрешите в заключение привести нижеследующую телеграмму, полученную только-что от нашего полпредства в Китае по случаю нашего пятилетнего юбилея:

«Задачи, стоящие перед народами СССР в деле изучения, взаимного ознакомления с культурой и народами Востока, приобретают особо важное значение сейчас на фоне роста национально-революционного движения на всем Востоке.

«Велика, благодарна в этом отношении роль Института Востоковедения, который уже дал ряд работников, в частности, для Китая.

«Эти дни, когда национальный Китай вступает в новую борьбу со ставленниками иностранного империализма, полпредство СССР с особой радостью шлет привет Институту Востоковедения ко дню его пятилетней годовщины. Поверенный делами СССР Соловьев».

Таких телеграмм и приветствий мы имеем немало. Можно быть твердо уверенным, что будущие выпуски Института, благодаря как своему социальному составу, так и лучшей постановке учено-учебной работы в нашем учреждении, дадут целую плеяду полезных работников в области Востока как на почве практической деятельности, так и на почве востоковедения как науки.

ЗАДАЧИ И ДОСТИЖЕНИЯ СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ.

(К пятилетию Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК СССР.)

В эпоху царизма Восток являлся для России исключительно объектом завоевательной политики и экономической эксплуатации. И в сущности вся внешняя политика и военная история России в течение прошлого столетия была прежде всего историей борьбы с другими империалистическими державами, в начале с Францией и, главным образом, с Англией,

а в течение последнего двадцатипятилетия, накануне мировой войны, и с Германией — за овладение Востоком. И уже при первом взгляде на историческую карту расширения территориальных границ обоих государств — России, стремившейся по направлению к Индии, и Англии, форсированным маршем двигавшейся вперед в северном направлении от Индийской границы, было очевидно, что оба эти империалистических государства, подобно двум поездам, мчащимся по одной линии, но в противоположном направлении, неизбежно должны столкнуться. И действительно, в целом ряде кровавых эпизодов нашей внешней истории, в Крымской кампании, в русско-турецких войнах 1828 — и 1877 гг., в войнах с Кавказом, наконец, в войне 1904 — 1905 г. с Японией, старая Россия, Россия Невельских, Черняевых, Скобелевых, Игнатьевых, Алексеевых, Безобразовых, всегда имела перед собой Англию Джон-Буля, империалистическую, драчливую Англию Пальмерстона, Биконсфильда, Чемберлена, Сесиль Родса, Керзона и др. в качестве явного или тайного врага.

Одновременно с продвижением по направлению к Персидскому заливу и английским границам, царская Россия стремилась на Дальнем Востоке к овладению тихо-океанским побережьем, к территориальному расчленению Китая, а на Ближнем — к захвату Константинополя с Босфорским и Дарданельским проливами.

Неудивительно, что царская Россия в глазах всех азиатских народов, особенно в глазах всего мусульманского мира, стала рисоваться, как самый главный, вековой, непримиримый враг всего Востока.

Англия сохраняла прочное положение в Индии, не столько благодаря своей прекрасно организованной индусской армии, своим эскадрам, своему золоту и мировому влиянию, не столько благодаря естественным преградам и непроходимым высотам Гималаев и Каракорума, не столько благодаря грозным укреплениям Хайберского и Боланского проходов, сколько благодаря тому, что среди этих гор, в узких долинах жили фанатические мусульманские племена, которые были верными стражами Англии и оберегали высокие горные переходы от ненавистной всему мусульманскому миру царской России.

Равным образом, все успехи германской дипломатии в Турции, немецкая гегемония в Оттоманской Империи накануне мировой войны объясняются в значительной мере страхом Турции перед завоевательными планами северной державы, ненавистью всего мусульманского населения Турции к России.

Все изменилось с того момента, как в России восторжествовала Советская власть.

Новая политика Советской России по отношению к Востоку, противоположная по своим целям и задачам как традиционной русской политике в Восточном вопросе, так и политика великих и малых европейских держав по отношению к Востоку и всему колониальному миру, — наложила особые задачи на учрежденную декретом ВЦИК от 12 декабря 1920 г. Всероссийскую Научную Ассоциацию Востоковедения. В отличие от многочисленных научных обществ по изучению Востока, существующих в Гер-

мании, Англии, Франции и т. д., обществ, для которых часто научные задания по изучению Востока являлись и являются лишь второстепенной задачей, а главной целью служила и служит посильная помощь правительствам своих стран в деле политического и экономического завоевания стран Востока,[1] Всероссийская Ассоциация Востоковедения, на ряду со специально научными задачами, может преследовать лишь цели экономического и духовного раскрепощения Востока.

Конечно, многие европейские ученые и исследователи искренно увлекались мечтой о том, что их глубокие исследования, их рискованные, сопряженные с большими опасностями, экспедиции в глубины Африки или Азии послужат не только благу их родины, но и всего человечества и прежде всего тех отсталых народов, на прошлую или современную жизнь которых исследователь пролил свет, но увы, действительность разбила эти мечты. Мы рассказывали уже в нашей книге «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего» к каким, например, результатам для чернокожего населения Африки привели великие научные экспедиции в глубину Черного континента, которыми так увлекалась научная европейская мысль во второй половине XIX столетия:

«После подвигов Спика, Бэртона, Ливингстона, Стенли, Саворьяна Брацца, Маршана, после удивительно смелых экспедиций знаменитых немецких путешественников Барта и Нахтигаля — перед поразительными научными результатами работ которых преклоняются даже такие, шовинистически настроенные, французы, как генерал Ниокс, бывший министр Ганото, Поль Леруа-Болье и др., — африканский сфинкс открыл одну за другой свои тайны. В то время как Бэртон, Спик, Самуэль Бакэр и другие открыли источники Нила, Стенли и Ливингстон первые проникли в тайну «Африканского мрака» (Tenebres de l'Afrique) и разрешили географическую проблему Конго, а Барт и Нахти-

[1] Такие цели, несомненно, преследовала чисто научная экспедиция в Монголию, организованная американским музеем естественной истории. Во главе этой экспедиции, выехавшей в сентябре 1921 г. из Калгана в Монголию, стоял Р. С. Андрьюс, который уже руководил двумя экспедициями в Монголию (в 1916 и 1919 гг.) Вторая экспедиция в Монголию описана Андрьюсом в его книге: «Roy Charman Andrews. Across Mongolian plains» (Через Монгольские равнины), Нью-Йорк, 1921 г. Работы последней экспедиции рассчитаны на пять лет и охватили не только Монголию, но также Камчатку и северную часть центральной Азии. В состав этой научной экспедиции вошли не только геологи, топографы, зоологи, палеонтологи, но также специалисты по транспорту и дорожному делу, очевидно, в целях изучения вопросов о доступности страны для автомобильного движения, перспектив железнодорожного строительства и т. д. Несомненно, что в состав экспедиции вошли и представители военного ведомства. Любопытно, что правительство Монголии просило нашего уполномоченного в Угре прикомандировать к американской экспедиции знающего человека для наблюдения за ней и установления определенных рамок ее работы. Еще более резко выраженный политический и экономический характер носят японские научные экспедиции, например, в Китайский Туркестан, где японские ученые ведут себя самым варварским образом по отношению к памятникам старины, отбивают фрески и увозят в Японию. О характере большинства научных экспедиций на Восток см. статью И. Бороздина: «Проблема научных экспедиций на Восток», Новый Восток, № 8 — 9.

*

галь, прорезав всю Сахару и посетив самые глухие и наиболее опасные места этой пустыни, сняли завесу с мистического Томбукту. Барт проник в Судан, когда Борну уже с трудом отстаивало свою территориальную целость против туарегов, когда империя султана Белло находилась уже накануне окончательного развала и гибели. Однако, в свите могучих африканских султанов были еще живы последние чернокожие историки и ученые. Их рассказы, их манускрипты дали возможность Барту в результате четырехлетнего пребывания в Африке подарить человечеству такую работу, которая является самым замечательным документом для изучения социального и политического быта и истории народов, среди которых, рискуя каждую минуту своей жизнью, скитался смелый ученый.

«По следам гениальных и порой безумно-отважных исследователей и ученых являвшихся, увы, в большинстве случаев, бессознательным орудием в руках дипломатов и, стоящих за спиной последних, финансистов, двинулись в глубь Африки форсированным маршем, вперегонку, военные отряды различных европейских государств. За мирным шелестом страничек записной книжки, в которую Барт, скрывавшийся в интересах личной безопасности под видом араба 57 суток, заносил по ночам, чутко прислушиваясь к малейшему шороху, свои невинные метеорологические наблюдения во время обратного путешествия через Сахару, — послышалось скоро бряцание европейского оружия в таких местах, куда до сих пор не проникала нога белого человека, и не прошло десятилетия, как те же наивные оптимисты, которые доказывали, что будто геройскими подвигами и мученичеством Ливингстона, Барта и др., белая раса, поощрявшая до сих пор торговлю неграми во всей Африке, искупит свои преступления перед черными братьями, — увидели, что час отпущения грехов не только не приблизился, а наоборот, отодвинулся в даль грядущих времен. Скоро почти все независимые африканские государства были уничтожены и превратились в европейские колонии, африканские вожди, князья, короли, многие после упорной и геройской борьбы были убиты или низложены, троны их низвергнуты, а их функции, в порядке «усиленной охраны», «осадного или военного положения», как полагается в завоеванной стране, возложены на европейских чиновников, с предоставлением последним диктаторской власти, права жизни и смерти по отношению к приведенному в покорность огнем и мечом населению. Скоро весь цивилизованный мир узнал о беспримерных зверствах бельгийцев в Конго, о подвигах немецких культуртрегеров: Петерса, Аренберга, Велана, ген. Тротта, о французских героях Гуде и Токэ — двух колониальных администраторах, которые взрывали на воздух провинившихся в каком-нибудь пустяке негров, подкладывая под них динамитные патроны, а затем заставляя других негров пить бульон из мертвых голов их убитых и замученных соплеменников... Так продолжала Европа великое дело, начатое Ливингстоном, Нахтигалем, Бартом и другими героями и мучениками науки.»

Современным русским востоковедам, инициаторам и организаторам научных экспедиций в страны Желтого континента не придется переживать душевной драмы в роде той, которая выпала на долю гуманного Ливингстона — при виде тех ужасов, театром которых была Африка по вине соотечественников великого путешественника, последовавших по стопам последнего лишь для того, чтобы силой оружия поработить население новооткрытых Ливингстоном областей и наложить на чернокожих иго принудительного труда в болотистой местности под ударами кнута и под аккомпанимент револьверных выстрелов — или знаменитого английского ориенталиста, знатока Персии, Эдвина Брауна, тщетно протестовавшего против политики английского правительства в Персии и сотрудничества с царским правительством в борьбе с пробуждающимся национально-революционным движением в стране шаха.

До Октябрьской революции наша востоковедная наука не интересовалась изучением нового Востока. Если не говорить о нескольких журнальных статьях и брошюрах, о двух, трех монографиях, у нас не было литературы, посвященной экономике стран современного Востока, политической и социальной жизни последнего, тем более начавшемуся с 1905 г. вслед за русской революцией национально-освободительному движению в Персии, Турции, Китае и т. д., движению, которому суждено было сыграть такую колоссальную роль в изменении всего уклада жизни Востока и во всей мировой истории. В этом отношении востоковедение на Западе стояло далеко выше, чем у нас, и мы имеем сотни книг на английском, французском, немецком языках, посвященных новому Востоку. Правда, вся эта западная литература, за редкими исключениями, носит глубоко реакционный, а потому не научный, характер. Авторы всех этих работ о новом Востоке относились с глубокой враждой к великому культурному, политическому и социальному движению, начинавшемуся в странах Востока и предсказывали неизбежность крушения этого движения, как движения «искусственного», «беспочвенного» и т. д.

Великая заслуга правильной оценки значения и перспектив революционного движения в странах Востока, принадлежит т. Ленину, которого по справедливости можно назвать величайшим востоковедом современности.

В области изучения нового Востока, русская наука не может похвастаться какими-либо заслугами. Зато велики достижения нашей науки в области изучения естественных богатств, археологии, этнографии, языка восточных народов Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока. В этом отношении востоковедение значительно продвинулось вперед, как теоретическими исследованиями Радлова, Успенского, Корша, Васильева, Василевского, Тураева, Марра, Бартольда, Розена и др., так и многочисленными экспедициями в различные страны Востока, экспедициями, совершавшимися под руководством Академии Наук, Русского Географического Общества, Московского Археологического Общества и других центральных и местных научных учреждений. Академия Наук сделала очень много для изучения Дальнего Востока, Тибета и Монголии. Достаточно отметить экспедиции Пржевальского, Потанина, знаменитую Орхонскую экспедицию (1891) под руководством Радлова. В результате этих экспедиций Академия Наук собрала ценнейшие рукописи и материалы. Академия плодотворно поработала не только в деле изучения языка народов, населяющих страны, прилегающие к границам России, но и народов, живущих в странах, лежащих далеко от этих границ. Академия издала санскритскую хрестоматию и знаменитый санскритский словарь академ. Бетлинга.

Однако, несмотря на все эти достижения в области изучения производительных сил, археологии, этнографии, языка народов Востока, русское востоковедение при старом режиме находилось в трагическом положении. Тяжелое положение востоковедения в эпоху царизма нашло свое отражение в жалобах знаменитейших русских ориенталистов, справедливо

приобревших мировую известность, как, например, в статьях Бартольда.

«Молодое русское востоковедение, горячо желавшее работать на пользу страны, — рассказывает известный ориенталист В. Бартольд в интересной статье «Россия и Восток», напечатанной в «Русской Мысли» (1905 г., август), — встречало или отпор или такое сочувствие, от которого еще больше опускались руки. Еще в 1865 г. Восточным факультетом, по инициативе синолога В. П. Васильева, был выработан проект издания «Азиатского Обозрения», предназначавшегося не только для специалистов, но и для широкой публики, но средств для этого издания не нашлось. Самому В. П. Васильеву пришлось пережить, по выражению автора некролога С. Ф. Ольденбурга, — полное трагизма положение ученого, не находящего для своих работ ни издателя, ни читателей: поставленные им на очередь научные задачи на его глазах выполнялись, независимо от него, западно-европейскими учеными. Тем же В. П. Васильевым еще в начале 70-х годов и снова в конце 80-х годов был поднят вопрос о необходимости расширить преподавание языков, литературы и истории Дальнего Востока и Индии: ввести новые кафедры для преподавания нескольких языков, в том числе японского, и к преподаванию языка древней индийской культуры, санскрита, присоединить преподавание языка современной индии — Индустани». [1]

С той поры прошло более трех десятилетий к моменту русско-японской войны, однако, как констатирует В. Бартольд: «Россия, при наступлении событий 1904 — 1905 г., не имела вполне подготовленного специалиста по японоведению».

Столь же мало соответствовало достоинству России и русской культуры положение других отраслей русского востоковедения. Русское научное востоковедение нашло приют в археологических обществах Петрограда и Москвы, при чем органы этих групп ориенталистов, несмотря на трудности, связанные для иностранцев с изучением русского языка, имеют едва ли не большее число читателей за границей, чем в России, писал в 1915 г. В. Бартольд. Появление на русском языке (в 1912 г.) журнала по исламоведению было встречено с сочувствием во Франции и в Германии, в России существование журнала уже к концу первого года было признано излишним; его бывшему редактору пришлось выслушать от сановника с чисто русской фамилией, слова: «Если нам нужно что-нибудь научное, мы находим это в заграничных изданиях». [2]

То, что многие наши авторитетные востоковеды подчеркивали о положении науки Древнего Востока, именно, что у нас нет еще ни науки, ни вообще литературы о древнем Востоке, что «она вся в будущем», —

---

[1] Памяти В. П. Васильева и его трудам посвящены три статьи С. Ф. Ольденбурга, В. В. Бартольда и А. И. Иванова в «Melanges Asiatiques» (Азиатский Сборник) за 1918 г., стр. 531 — 566.

[2] «Русская Мысль», 1915, август, стр. 10 — 11.

приложимо тем более к литературе о новом Востоке. В докладе, прочитанном от имени Московского Археологического Общества на заседании Восточной комиссии этого общества, мы читаем следующие строки: «У нас нет науки Древнего Востока; у нас есть несколько отдельных ученых, самостоятельно усвоивших ту или другую из отраслей и по собственной охоте и на собственный страх введших ее в состав университетского преподавания в качестве необязательных предметов и подаривших нашей науке несколько ценных, но разрозненных трудов, но у нас нет ни кафедры в университетах по языкам и литературам Древнего Востока, ни ученых обществ, посвятивших себя, главным образом, этой задаче, ни музеев, поставивших своей непременной задачей приобретение драгоценных памятников древнейших культур человечества, ни специальных изданий, посвященных разработке таковых памятников. Это все еще в наших мечтах». [1]

У нас не было науки древнего Востока и тем более не было литературы о новом Востоке, не потому, конечно, что наши правящие круги, наш финансовый мир, в отличие от Германии, мало интересовались изучением Востока, а прежде всего по той причине, что наши общественные круги не интересовались этими вопросами, поскольку дело не касалось таких острых проблем, как вопрос о присоединении Босфора и Дарданелл, продвижения к Персидскому заливу, Тихому океану и т. д., одним словом, задач империалистической политики. Косность царского правительства не помешала же созданию в России несравненной художественной литературы, приобретшей мировое значение.

Мы стоим накануне эпохи расцвета литературы о Востоке. Этому порукой тот живой интерес к вопросам Востока, который с момента Октябрьской революции с каждым днем все сильнее и сильнее проявляется в широких кругах подрастающей молодежи. Некоторые цеховые ученые в области востоковедения не замечали этого сдвига, и потому они или индифферентно или порой враждебно относились ко всяким новым начинаниям в этой сфере, стремясь старыми рутинными рамками отгородиться от новых властных требований жизни, от общения с новыми отрядами нарождающихся востоковедов и практических работников на Востоке. которым суждено начать новую эру в истории русского востоковедения.

В сознании крайней важности изучения Востока, Президиум ВЦИК утвердил в заседании 12 декабря проект декрета об организации ученого общества «Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедения» при Наркомнаце. [2] Необходимость организации дела изучения Востока в госу-

---

[1] «По вопросу о задачах русской археологической и исторической науки на Переднем Востоке», см. стр. 6 — 7, Москва, 1917. См. там же интересный доклад М. В. Никольского: «Задачи русской археологической и исторической науки в Палестине и Месопотамии в связи с современными мировыми событиями». Стр. 22 — 47.

[2] Постановлением президиума ЦИК'а от 18 апр. 1924 г. «Всеросс. Научн. Ассоц. Востоковедения» была превращена во «В с е с о ю з н у ю Научную Ассо-

дарственном масштабе сознавалась уже давно не только руководителями Наркомнаца, но и ответственными работниками других заинтересованных учреждений как-то: Наркоминдела, Академии Генштаба и т. д. Однако, организация такой ассоциации наталкивалась на целый ряд препятствий. Так, в течение первых лет существования Советской власти, большинство профессоров-ориенталистов, без привлечения которых невозможно было бы создать научное общество по изучению Востока, находились вне Советской России, главным образом, на Востоке, отрезанном от нас. С другой стороны, война с белогвардейскими бандами и поддерживавшей внутреннюю контр-революцию Антантой, отвлекала наше внимание от многих серьезных задач, в том числе и от задачи изучения Востока.

Восток не представляет собой нечто единообразное. Народы Востока отличаются между собой в политическом, экономическом и социальном отношениях. Так, например, Афганистан с его патриархально-родовым бытом, с одной стороны, промышленные области Индии с их крупными фабричными городами, с многомиллионным пролетариатом — с другой, это два различных мира. Да и сама Индия, с ее трехсотмиллионным населением, представляет собой огромную страну, состоящую из областей, из коих некоторые как бы отделены друг от друга в экономическом, социальном и политическом отношениях целыми веками.

Но, как ни многообразен и сложен мир Азии, Ассоциация Востоковедения не может заниматься одним этим континентом. Восток — это не только угнетенный азиатский мир. Восток — это весь колониальный мир, мир угнетенных народов не только Азии, но и Африки и Южной Америки, одним словом, весь тот мир, на эксплуатации которого покоится мощь капиталистического общества в Европе и С. Штатах. Европейский и американский капитализм черпает свою силу, главным образом, не из промышленных европейских стран, а из своих колониальных владений.

И в настоящий момент, когда весь этот мир, в значительной мере в результате Октябрьской революции, вышел из состояния косности и неподвижности, когда Персия, Индия, Турция охвачены мощным национально-революционным движением, и каждое сотрясение почвы в Азии вызывает землетрясения не только на африканском континенте, в Египте, Триполи, Марокко и т. д., но даже в Америке, среди чернокожего населения С. Штатов и порабощенных народов Южной и Центральной Америки, изучение Востока представляет особый интерес и имеет громадное значение.

Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедения, — писали мы в первом номере «Нового Востока», — должна явиться высшим научным органом, изучающим Восток, распространяющим в широких народных массах научные знания о Востоке и одновременно помогающим Советской

циацию Востоковедения при ЦИК'е СССР». С той поры Ассоциация работает под руководством президиума, в составе: М. Павловича (председатель Ассоциации) и членов президиума: И. Бороздина, Н. И. Вавилова, П. И. Воробьева, С. Вельтмана, В. Гурко-Кряжина, Б. Кульбишерова, Л. З. Мсерьянца, Б. Мельникова, Д. Мышковского, Н. Тюрякулова.

власти в установлении правильной политики по отношению к народам Востока. Ибо такая правильная политика возможна лишь постольку, поскольку эта политика опирается на точное знание всей совокупности социального, хозяйственного и политического быта народов Востока. Отсутствие этого знания и незнакомство наше с современными политическими партиями и экономическим укладом жизни, даже в таких близких к РСФСР, соприкасающихся с нашими границами, странах, как Персия, Турция, с которыми дооктябрьская Россия была связана оживленными торговыми отношениями, было причиной многих роковых ошибок в нашей ближневосточной политике за самые последние годы. Тем более неизвестны нам Афганистан, Тибет, Корея, обширнейшие области Китая, Индии. Что же сказать о северных областях африканского континента, омываемого Средиземным морем, этой великой военно-морской и торговой дорогой, ведущей от имеющего для нас такое первостепенное значение Черного моря к Атлантическому океану.

Наши советские дипломатические представители, отправляясь в Срединную Империю или какую-либо другую страну Азии, напрасно рыщут перед отъездом по библиотекам, ища каких-нибудь серьезных работ о современном положении в интересующей их стране, и уходят с пустыми руками. «В общем вся современная Азия является для нас терра-инкогнита — «неизвестной страной». А между тем, с недавнего времени Россия называется Евразией (Европой-Азией), и, действительно, ни одна страна европейского континента не связана, даже в самой малой степени в экономическом, политическом и духовном отношениях так глубоко с Азией и со всем Востоком, как современная Россия», — писали мы в 1921 г. в программной статье о задачах Ассоциации Востоковедения.

Мы отметили выше, что в эпоху царизма изучение современного Востока стояло на очень низкой ступени развития. Даже во Франции, Германии, мало связанных с Персией, Китаем, Кореей, Тибетом, имелось несравненно больше капитальных научных трудов об этих странах, чем в России, литература которой об этих вопросах была нищенски бедна. Мы не говорим уже об Англии, литература которой, например, о Персии, крайне богата и не может даже итти в сравнение с нашей, хотя в течение последних десятилетий накануне мировой войны русские торговые сношения с Персией были крайне оживленны, и Россия экономически вытесняла Англию с персидского рынка. И, тем не менее, изучать Персию приходилось не по русским источникам и не в наших библиотеках, а по английским, в Британском музее.

Формулируя наш взгляд на задачи Ассоциации Востоковедения, мы писали в 1921 г.:

> Настал момент, когда, более, чем когда-либо, необходимо создать правильно организованное изучение Востока. Царская Россия являлась по отношению к народам Востока одновременно завоевателем и купцом. Современная Россия — Евразия — это прежде всего учитель, руководитель стонущего в цепях духовного

и экономического рабства, борющегося за лучшее будущее Востока. Москва — это Мекка и Медина для всех порабощенных народов. И если даже грубому завоевателю - насильнику и жадному купцу необходимо для сохранения своего господства в данной стране изучить последнюю, знать экономический и социальный уклад и весь быт эксплуатируемых народов, — тем более такое знание необходимо тому, на кого история возложила ответственную миссию быть учителем, вождем отсталых народов в борьбе за раскрепощение всех видов рабства.

Необходимо создание такой организации изучения Востока, при которой возможно было бы планомерное собирание материалов и обработка их в государственном масштабе для правильной ориентации во всех многообразных вопросах Востока.

Единственным органом, в котором может быть налажено всестороннее изучение Востока, должна явиться Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедения, к работе в которой должны быть привлечены наши ориенталисты, интересующиеся современным Востоком в политическом и экономическом отношениях.

Ассоциация Востоковедения должна взяться в первую голову за изучение статистики зарубежного Востока и всех связанных с последним стран, статистики за последнее десятилетие и, особенно, за 1921 — 1922 г., национально-революционных движений на Черном и Желтом континентах и в странах Южной Америки, далее, рабочего движения, классовых взаимоотношений, земельного вопроса, политических партий и группировок во всем колониальном и полуколониальном мире.

Работая над этими заданиями, Ассоциация Востоковедения будет мощно содействовать познанию Востока и, пробуждению, с одной стороны, усилению авторитета и мощи РСФСР во всем мире — с другой.

Однако, в этой области еще ничего не сделано, и грандиозные задачи встают перед молодыми востоковедами. Современное положение Востоковедения в интересующей нас области может быть охарактеризовано в грубых штрихах следующим образом:

1) Мы не имеем до сих пор основных статистических данных относительно большинства стран Востока. Так, до сих пор неизвестно количество народонаселения Персии, одни считают его в десять милл., другие в семь и даже в шесть. В Китае недавно была произведена перепись народонаселения, но, по словам бывшего английского резидента Rockhill'a, с пренебрежением основных статистических методов.

2) До сих пор даже отсутствуют основные этнические данные: неизвестно, например, точное деление курдов на племена, статистика их, расселение, быт и пр.

3) Нет основных экономико-статистических данных; в Персии кадастр был произведен при Фехт-Али-шахе, т.-е. в начале

XIX в. В Турции настоящая земледельческая статистика отсутствует; существуют так называемые полуофициальные данные, публикуемые министерством земледелия, но по утверждению знатока Сирии, д-ра Руппина, и др., последние отличаются лишь приблизительным характером.

Благодаря же недавно отмененной системе сдачи налога в откуп отсутствует и податная статистика.

4) Отсутствуют также данные о длине железных дорог и шоссейных путей. Так, по меткому наблюдению лорда Керзона, даже относительно единственной железнодорожной линии Персии Тегеран — Шах-Абдул-Азим, европейцы-путешественники сообщают противоречивые цифры.

5) В государствах Востока почти отсутствуют официальные ежегодные статистические публикации, по которым мы могли бы судить о социальной и экономической жизни страны. Лишь в Турции издается ежегодный альманах «Сал Наме», но он дает сведения почти исключительно политико-административные, финансовые и притом, главным образом, ведомственные. В Китае издается несколько английских ежегодников (в Шанхае, Пекине), но они посвящены или морской торговле («Chinese Imperial Maritime Customs») или железнодорожной статистике.

6) Лучше дело обстоит в Индии и в Индо-Китае, где ежегодно выходят официальные статистические публикации. В Индии «Agricultural», «Finance», «General Statistics Reports» и др. В Индо-Китае «Bulletin Economique de l'Indochine» и т. п. Однако, как показал опыт и работа по этим источникам, они часто являются тенденциозными и сообщающими в интересах колониальной политики подтасованные цифры и сведения.

7) Что касается до европейских работ в этой области, то в большинстве случаев они носят или естественно-научный, или историко-археологический характер. Объясняется это, главным образом: а) безразличием европейских ориенталистов к социально-экономическим вопросам, например, русские экспедиции Ольденбурга в Китайский Туркестан, Козлова — в Харахота или б) невозможностью во время кратковременной экспедиции изучить сложный незнакомый быт страны (путешествие Керзона в Персию). Лишь в последнее время начали посылаться специальные торгово-промышленные экспедиции. Такова, например, итальянская экспедиция коммерческой географии в Анатолии в 1906 году и, главным образом, немецкие довоенные экспедиции и миссии.

8) Дипломатические агенты, в особенности британские, на Востоке сообщают богатейший цифровой материал, но к сожалению, главным образом, по коммерческой статистике, что объясняется их пребыванием в портовых городах и их специфическими заданиями и интересами. См. английские «Consular Reports».

9) Большой материал дают также статистики европейских таможен и др. органов в Персии (бельгийские), в Китае и отчасти в Турции (Dette publique), но опять-таки они характеризуют исключительно торговлю стран Востока.

10) Русские консулы, мало подготовленные, почти никогда не занимались и не занимаются собиранием этих сведений. Доказательством могут служить все публикации министерства инд. дел, носящие исключительно дипломатический и политический характер, а теперь информ. беллютени, составляемые нашими дипломатическими представителями исключительно газетно-переводного характера.

11) Итак, задача составить основные труды по социальному строю и экономике для большинства стран Востока (отчасти исключая Индию и Египет) является для настоящего времени задачей крайне трудной.

12) Если бы и можно было это сделать, нельзя упускать из виду, что и Персия, и Турция, и Китай уже в течение ряда лет находятся в состоянии перманентной революции, сопровождающейся ломкой всех старых социально-экономичеких институтов и связей и нарождением новых.

Работа политико-экономического отдела должна итти в двух следующих направлениях:

А. Чисто научно-лабораторная работа по выработке правильных методов для изучения общей социально-экономической конъюнктуры стран Востока (империализм).

Б. Составление предварительных очерков, обзоров и монографий статистическо-экономических и социально-политических, по заранее разработанному плану, с привлечением всех имеющихся материалов.

Г. Разбивка и разработка этого материала применительно к основным рубрикам. Например, по экономике:

А. а) Земледелие и аграрный строй, б) кустарная промышленность, в) добывающая промышленность, г) крупно-обрабатывающая промышленность, д) процесс капитализации страны, е) кооперация, ж) внутренняя торговля, з) внешняя торговля и т. д.

В. По социальным отношениям: а) крестьянство, б) ремесленники, в) духовенство и т. д.

Необходимо выработать, на основе указанных предварительных работ схему, по которой собирали бы сведения и сообщали их представителям РСФСР на Востоке.

На базе этой же предварительной работы необходимо создать и те конкретные программы сбора сведений и изучения страны, которые давались бы как руководство всем отправляемым экспедициям.

Лишь при накоплении достоверного и притом постоянно обновляющегося материала и после обработки его, мы будем научно

знать экономические отношения, социальный строй и вырастающие на них политические процессы, развивающиеся в странах Востока.

Что касается ближайших задач ассоциации в области историко-этнологической работы, то ассоциация должна носить характер как исследовательский, так и подытоживающий специальные штудии. Исследования должны вестись в области археологии, истории, этнологии, литературы и лингвистики Востока.

В виду крайней трудности организовывать в настоящее время большое количество раскопок, экспедиций, разведок, поездок и т. д., придется обратить особое внимание на работу подытоживающего характера. Теперь вполне современно обернуться на пройденный путь и подвести итоги сделанному. Такие итоги, выводы и возможные обобщения — работа важная и существенно нужная. На ряду с этим, конечно, не надо забывать и продвижений вперед. Если нельзя осуществить всех экспедиций, то готовиться к ним надо, работу предварительную вести необходимо. Планы основных восточных организаций должны быть разработаны.

Из чисто исследовательских задач мы указали бы, как одни из основных, следующие:

а) Проблема иранизма, вопрос о происхождении, развитии и различных формах претворения иранской культуры; безусловно это одна из основных задач нашего востоковедения.

б) Хеттско-аллародийская культура и ее экспансия. Здесь опять существенно важны исторические, археологические и лингвистические штудии. Вопрос о влиянии хеттской культуры, могучем и интенсивном, подтверждается, как новейшими археологическими данными (раскопки в Богазкией, Кархемыше, влияния в Майкопе, на ранних скифских курганах и т. д.), так и блестящими лингвинистическими изысканиями академика Н. Я. Марра.

в) Продолжение изысканий в области изучения Ванского царства (Урарту), археологические раскопки и разведки в Закавказье.

г) Работы в области археологии, этнологии, лингвистики Индии и Афганистана. Последний, благодаря возможности доступа туда, должен быть поставлен на первый план.

д) Египтологические штудии при наличии школы Тураева и наших замечательных египетских коллекций должны занимать видное место в работах ассоциации.

е) Подготовка и возможно скорое осуществление экспедиции: 1) в Китайский Туркестан для продолжения счастливо начатых там археологических и этнологических изысканий в области интереснейшей неолитической культуры, могущей пролить свет на древнейшее прошлое европейской и передне-азиатской цивили-

зации (связь с Эламом, нашей Трипольской культурой); и 2) в Монголию.

К числу работ подытоживающего характера мы отнесли бы на первую очередь составление критико-библиографического обзора русских работ по ориенталистике. Труд этот мыслится, конечно, коллективным, при участии ряда специалистов. Такого обобщающего труда на русском языке нет, и в нем чувствуется острая необходимость.

Перед Ассоциацией Востоковедения стоят очень крупные задачи. Однако, мы твердо убеждены в том, что при поддержке наших ученых востоковедов, из коих многие с самого начала отнеслись горячо к нашему начинанию; при содействии молодежи, работающей в Военной Академии и в Институте Востоковедения, уже помогающей нам по мере своих сил в осуществлении наших задач; наконец, с помощью наших практических работников и официальных представителей на Востоке, в Китае, Персии, Турции, Афганистане и т. д. нам удастся кое-что сделать. Ассоциация Востоковедения будет работать в теснейшем контакте с Университетом Трудящихся Востока, с Институтом Востоковедения в Москве и другими учеными и учебными учреждениями, занимающимися вопросами Востоковедения.

Самый факт создания Всероссийской Научной Ассоциации явился серьезным фактором в деле развития успехов нашего востоковедения, вызвав создание новых организаций, которые будут работать в интересующей нас области. Так, по инициативе и под председательством одного из членов-учредителей ассоциации, тов. Сурица, бывшего нашего полномочного представителя в Кабуле, в Ташкенте организовалась специальная Научная Восточная Комиссия при представительствах Наркоминдела и Наркомвнешторга в Средней Азии. Комиссия ставит своей задачей всестороннее изучение сопредельных Туркестану стран Средней Азии, т.-е. Хивы, Бухары, Персии, Китая, Афганистана, а также Индии. В эту комиссию привлечены, между прочим, местные мусульманские ученые и предприняты реальные шаги к изданию в ближайшем же времени работ о Китайском Туркестане, в первую голову Кашгарии, Афганистане, Персии и т. д.

Отдельные ассоциации создаются уже не только в пределах РСФСР, но и за пределами ее. Так, по инициативе одного из членов ассоциации, т. Тардова, назначенного недавно нашим генеральным консулом в Испагани, возник кружок любителей востоковедения в Тегеране, при представительстве РСФСР.

Будем надеяться, что, благодаря нашим усилиям и прежде всего благодаря новым условиям нашей общественной, политической жизни, новое востоковедение выйдет из того трагического

и унизительного положения, в котором оно, по словам такого авторитетного ученого, как академик Бартольд, пребывало при старом режиме.

Таковы были наши задачи, как мы их намечали при основании Ассоциации Востоковедения. Каковы же наши достижения за истекшее пятилетие.

В отличие от многочисленных научных обществ по изучению Востока, существующих в Англии, Франции, Италии и Германии и т. д., обществ, для которых часто научные задачи по изучению Востока являются лишь второстепенными задачами, а главной целью служит посильная помощь правительствам своих стран в деле экономического и политического завоевания стран Востока, наша Ассоциация Востоковедения, на ряду с чисто научными задачами, могла преследовать лишь цели содействия экономическому и духовному раскрепощению Востока. По отношению к советскому Востоку Ассоциация осуществляла последнюю задачу и чисто практически, ставя на обсуждение такие вопросы, как вопрос о новом тюркском алфавите, содействуя созыву Тюркологического Съезда в Баку, а, стало-быть, и осуществлению мер по подъему культурного уровня тюркских народов. Само собой разумеется, что по отношению к зарубежному Востоку то содействие, о котором мы говорили выше, нельзя понимать в смысле какой-либо практической работы в данном направлении. Как чисто научная организация, Ассоциация Востоковедения могла преследовать и преследовала по отношению к зарубежному Востоку прежде всего научные задачи. Однако, само собой разумеется, что всякая научная дисциплина, в зависимости от целей, которые она перед собой ставит, и методов, которыми она пользуется, дает в итоге своей работы различные практические результаты.

Отличительной чертой молодого советского востоковедения, несомненно, является то, что оно стремится объяснить все социальные, политические, культурные процессы, происходящие в странах Востока, характер развития этих процессов, их формы классовой структуры населения этих стран основными чертами хозяйственной жизни их, влиянием прошлой истории и т. д., при чем вся жизнь современного Востока изучается советским востоковедением под углом зрения освободительной борьбы угнетенных народов Желтого и Черного континентов против империализма. Само собой разумеется, что совершенно иначе подходит к изучению Востока современная европейская и американская востоковедная наука, носящая глубоко реакционный характер. Отрицая право колониальных народов на самоопределение, защищая интересы «цивилизации», особую историческую миссию «культурных» народов руководить судьбами отсталых рас, европейские и американские востоковеды помогают лишь правящим классам своих стран вести захватническую политику в Африке и Азии, наряжать новые и новые экспедиции для подавления сирийских, китайских и т. д. «дикарей», не желающих-де признать благ европейско-американской культуры.

Подобно тому, как уже до войны авторы многочисленных работ о новом Востоке относились с глубокой враждой к великому культурному, политическому и социальному движению, начинающемуся в странах Востока, и предсказывали неизбежность крушения этого движения, как движения «искусственного», беспочвенного и т. д., подобно тому и сейчас мы встречаем в самых серьезных востоковедных журналах объяснения причин рифской войны, сирийского восстания или могучего национально-освободительного движения 400-миллионного Китая исключительно интригами большевиков, пользующихся-де «ксенофобией» (ненавистью к иностранцам) со стороны отсталых народов для своих коварных целей. Как до войны, когда для трудного объяснения неожиданного для буржуазных востоковедов национального движения в Турции, Персии, Китае ни один востоковед не имел возможности ссылаться на какие-либо интриги извне, так и ныне, когда налицо столь легкое объяснение, как ссылка на коварный большевизм и козни московских агентов, буржуазное востоковедение обнаружило полное свое банкротство в научном отношении, не дав ни одного ценного научного прогноза. Зато все эти многочисленные английские, американские, французские, итальянские научные общества, занимающиеся изучением Востока, хорошо поработали в деле соответствующей обработки общественного мнения своих стран как изданием соответствующей литературы, так и организацией многочисленных докладов, как обычным путем, так и с помощью радио о великом значении для Франции вопроса о Сирии, о значении Шанхая для Англии, о большевистских кознях и т. д., и т. д. и не мало содействовали правящим классам в проведении «психологической подготовки» более или менее широких слоев населения к самым решительным, в случае нужды, военным действиям по отношению к осмеливающимся мечтать о независимости колониальным и полуколониальным народам. И чем более развивается на азиатском и африканском континентах национально-революционное движение, тем более востоковедение и африкановедение в Европе и Америке, как отрасли знания, теряют всякий научный характер, ставя перед собой в первую голову служебные цели поддержки завоевательных планов империализма в Азии и Африке. При чтении многочисленных французских, английских, американских, итальянских книг и журналов, посвященных специально Азии или Африке, кажется, как-будто все эти писатели по колониальным вопросам, патентованные и непатентованные генералы от востоковедных наук, поставили главной, если не исключительной, целью своих напряжений умственных работ, литературных упражнений со времени Октябрьской революции отыскание наилучших путей к окончательному подавлению с каждым днем все выше и выше поднимающегося национально-революционного движения среди колониальных и полуколониальных народов, к восстановлению того «золотого века», так недавно царившего на Черном и Желтом континентах, когда сотни миллионов населения этих частей света безропотно сносили иго мирового империализма и доставляли своей кровью и потом колоссальные

прибыли европейским капиталистам. Ныне, увы, не только сверхколониальная прибыль, но порой и прибавочная стоимость, выколачиваемая из трудовых масс метрополии, все более и более поглощается колоссальными расходами на борьбу с все разрастающимся революционным движением в Марокко, Тунисе, Египте, Китае и т. д.

Советское востоковедение, понятно, не может ставить своей задачей отыскание наилучших путей к подавлению «бунтовщического» духа, проникающего во все страны Желтого и Черного континента. Освещая марксистски политическую, экономическую и культурную жизнь народов Востока в ее прошлом и настоящем, изучая современное состояние промышленности, торговли, мелкого ремесла, земельных отношений в Китае, Персии, Индии и т. д., советские востоковеды исследуют все хозяйственные и социально-политические процессы, происходящие в этих странах с точки зрения перспектив национально-революционного движения народов Востока и борьбы революционного пролетариата с мировой буржуазией. В отличие от буржуазных востоковедов мы ищем для Востока не путей к движению вспять, к старому проклятому прошлому векового рабства и мракобесия, а, как раз наоборот, путей революционного развития, руководясь при этом тезисами по колониальному и национальному вопросам, вычеканенным т. Лениным в знаменитых пунктах, принятых на II Конгрессе Коминтерна и являющихся ныне своего рода скрижалями завета в глазах всего Востока.

Каковы за истекшие пять лет достижения Ассоциации Востоковедения, которая первая встала во главе нового востоковедения и первая формулировала задачи последнего.

Систематическое научное изучение Востока в социально-экономическом и политическом отношении начинается в России только с Октябрьской революции. Велики заслуги Академии Наук, Русского Географического Общества, Московского Археологического Общества и других центральных и местных учреждений в деле изучения языка восточных народов, природных богатств и производительных сил Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока, и в этой области мы имеем блестящие работы и ценнейшие материалы, обязанные трудам наших академиков. Однако, в силу целого ряда условий, русская литература о политическом, экономическом, социальном положении стран Востока была в эпоху царизма крайне малоценна.

Если мы сравним то литературное наследие о всем Востоке, об экономической и политической структуре восточных стран, которое мы получили от дооктябрьской эпохи, с тем громадным литературным богатством, которое мы создали и накопили за последнее пятилетие, мы увидим, как ценны наши достижения за этот период.

Немалая доля этого литературного богатства, накопленного за истекший период, создана Ассоциацией Востоковедения. Прежде всего мы имеем 16 номеров периодического органа Ассоциации «Новый Восток», общим

объемом до 4000 печатных листов. Ценность этого издания не раз отмечалась в нашей печати. Не было ни одного номера «Нового Востока», о котором «Правда», «Известия», не поместили бы лестного отзыва. Так, «Правда» в ряде рецензий подчеркнула ценность этого издания. В рецензии от 23/IV — 1923 г. мы читаем характеристику «Нового Востока», как одного из самых интересных советских изданий. В рецензии от 16/VII — 1924 г. имеется указание на то, что «он («Новый Восток») является своего рода уникумом. Практика национально-освободительного движения на Востоке преломляется на страницах журнала сквозь призму революционного марксизма. Все многообразие своеобразной жизни пробужденного от вековой спячки Востока, его экономика, национальная и социальная борьба, переплетаемая с борьбой против империализма, — все это находит свое отражение в данном журнале». Рецензия «Правды» от 3/V — 1925 г. отмечает, что «не только в России, но и на Западе нет таких богатых изданий, посвященных Востоку». Такой же характер носят отзывы о «Новом Востоке» в «Известиях», в одном из номеров которых выход первого номера нашего журнала был встречен как «событие, радостное событие, еще одна победа коммунистической России на фронте культуры»; в «Красной Нови», где т. Невский охарактеризовал журнал, как «действительно замечательное явление» («Кр. Новь», 1924 г., № 4).

О «Новом Востоке» писали не только друзья, но и недруги. «Известия» в рецензии от 18/IV — 1925 г. отметили, что «известный французский сенатор де-Монзи недавно в одном из своих парламентских выступлений говорил о «Новом Востоке», говорил, как враг, опасающийся нашего влияния на Востоке». Немалое внимание «Новому Востоку» уделили французские колониальные журналы: «Французская Азия» и другие, английский «Таймс», итальянские «Ориенте Модерно» и т. д.

Внимание, которое уделили «Новому Востоку» наши друзья и недруги, доказывает, что журнал взял правильную линию и действительно преломил на своих страницах всю практику национально-освободительного движения на Востоке сквозь призму революционного марксизма. Удивительно ли, что находящиеся на откупу у империалистов колониальные журналы, отыскивающие на своих страницах наилучшие способы удушения национально-освободительного движения среди угнетенных народов, с пеной у рта критикуют советский орган, изучающий пути революционного развития Китая, Индии, Персии и т. д. «Французская Азия» в одной из статей под заголовком «Большевизм и французские колонии» договаривается до нелепого утверждения, будто «Научная Ассоциация Востоковедения есть одна из специальных организаций, созданных на предмет завоевания Востока».[1] Иными мотивами «Французская Азия» не может объяснить глубоких симпатий, обнаруживаемых нашим журналом к революционному движению на Востоке.

---

[1] Подробнее см. нашу работу «Французский империализм». Сбор. соч., т. XII, стр. 156 — 158.

Из напечатанного в № 16 — 17 «Нового Востока» перечня статей, опубликованных в «Новом Востоке» за истекшее пятилетие, читатель убедится, насколько откликался журнал на все важнейшие вопросы национально-революционного движения на Востоке. На ряду со статьями более общего или теоретически программного характера, как, например, Сафарова — «Национально-колониальный вопрос на IV Конгрессе Коминтерна»; Павловича — «Октябрьская революция и восточный вопрос»; его же — «Задачи Ассоциации Востоковедения»; Карахана — «Задачи востоковедения»; Войтинского — «Октябрьская революция и колониальные и полуколониальные народы»; Тивеля — «Пути и перспективы революции в Индии»; Виленского-Сибирякова — «Перспективы революционного развития Китая»; К. Радека — «Спорные вопросы китайской истории»; статьи Рафаила, Павловича, Нариманова, Ходорова о колониальном и национальном вопросе в работах Ленина; Бороздина — «Проблемы научных экспедиций на Восток»; его же — «Археология и социология», и т. д., — мы имеем многочисленные статьи по таким важнейшим вопросам, как вопрос аграрный (статьи тт. Ивина, Бизыкина, Гребенщикова, Ходорова, Радека, Астахова, Соколова, Султан-Заде, Гурко-Кряжина, Висанова, [1] Ирандуста, Катаямы, Зафар-Хасана; промышленное развитие и индустриализация в странах Востока (статьи Семенова, Канторовича, Ходорова, Гурко-Кряжина, Шморгонера, Ванина и т. д.); национально-революционное движение (статьи Войтинского, Семенова, Рафеса, Китайгородского, Аксельрода, Рейснера, Сперанского и др.); рабочее и профессиональное движение (статьи: Козьмина, Осетрова, Мусина, В. Гурко-Кряжина, Савдера, Иолка и др.); СССР и Восток (статьи Иранского — ряд статей о русско-персидских отношениях; А. Иоффе — Россия и Япония; Семенова, Павловича и др.); советский Восток (статьи Г. Бройдо, Самурского, Рыскулова, Скалова, Худадова, Тахо-Годи, Апухтина, Губайдулина, Бороздина, Яковлева и др.); Восток в русской и иностранной художественной литературе (ст. С. Вельтмана).

Издательская деятельность Ассоциации не ограничилась выпуском 16 номеров «Нового Востока». Ассоциация выпустила серию книг «Восток в борьбе за независимость»; далее, работы Гурко-Кряжина «Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке», «Ближний Восток и державы», Султан-Заде — «Современная Персия», Виленского-Сибирякова — «Китай», «Япония». Сборник «Афганистан», дискуссионные сборники «В борьбе за новый тюркский алфавит» и многие др.

Работа Ассоциации не ограничилась одной издательской деятельностью. Ассоциация Востоковедения организовала в 1923 г. первую кон-

---

[1] Дискуссионные статьи тт. Висанова, Гурко-Кряжина, Ирандуста о Персии были выпущены отдельным изданием с дополнительными статьями С. Иранского и Мирзы: «Проблемы современной Персии». Дискуссионный сборник. Издан. НАВ. 1927 г.

*

ференцию ректоров востоковедных ВУЗ'ов, создала в 1914 г. специальную комиссию под председательством Гурко-Кряжина по вопросу о Тюркологическом Съезде, совместно с Обществом изучения и обследования Азербайджана подготовила этот Съезд и в лице ее членов Павловича, Бороздина, С. Вельтмана и проф. Жиркова и Яковлева принимала деятельное участие на Съезде.

Большое место в деятельности Ассоциации занимают ее секции: ближневосточная, дальневосточная, по Индии, секция по изучению восточных культур Крыма и Кавказа, секция по изучению искусства Востока и др. В секциях идет живая работа, читаются доклады о Китае, Индии, Турции и т. д. Доклады вызывают оживленные прения, и, таким образом, секции превращаются в лаборатории, где прорабатываются важнейшие вопросы экономики и национально-революционного движения на Востоке.

Мы не будем более подробно останавливаться на деятельности Ассоциации, отсылая читателя к печатаемым в номере 16 — 17 обстоятельным докладам: И. Н. Бороздина, В. А. Гурко-Кряжина, С. Вельтмана о работе Ассоциации.

Пятилетний юбилей Ассоциации Востоковедения вызвал сочувственные отзывы нашей печати («Правда», «Известия», «Ленинградская Правда» и т. д.) о деятельности Ассоциации. Было высказано много пожеланий в связи с этим юбилеем. Так, т. Рафаил писал в «Ленинградской Правде»: «Этот юбилей должен привлечь внимание партийной и советской общественности к работе Ассоциации.[1] Нужно добиваться дальнейшего расширения и углубления работ Ассоциации. Нужно бросать знание Востока в широкие массы трудящихся, и на этом пути будет написана еще не одна прекрасная страница Научной Ассоциации Востоковедения». Увы, Ассоциация Востоковедения существует при самом скромном бюджете, она работает, имея в своем распоряжении лишь несколько комнатушек, маленькое помещение, в котором отказалось бы работать московское представительство какой-нибудь хозяйственной организации из провинциального городка. Но работники Ассоциации не теряют мужества и надеются, что призыв «Ленинградской Правды» будет услышан, и наша партийная и советская общественность, обратив большее внимание на работу Ассоциации, даст последней возможность расширить свою деятельность.

Из других пожеланий, выраженных нашей прессой, отметим следующие интересные мысли, высказанные Ирандустом в статье «Пять лет Научной Ассоциации Востоковедения», напечатанной в «Правде» от 16/II — 1927 г.

«За пять лет своей работы Ассоциация сумела сплотить вокруг себя кадры практических работников по Востоку, сделавшись теоретическим центром и школой для молодых советских востоковедов и втягивая их в научную работу. Секции и специальные кабинеты Ассоциации являются в настоящее время основной лабораторией советского востоковедения.

---

[1] Курсив самой редакции. *М. П.*

«Значительным вкладом в советское востоковедение является издаваемый Ассоциацией журнал «Новый Восток», серия книг библиотеки «Восток в борьбе за независимость» и ряд отдельных изданий по вопросам Востока.

Большое накопление фактического и экспериментального материала по ряду восточных стран ставит уже перед советским востоковедением дальнейшую задачу: углубленного теоретического анализа движущих сил и путей развития отдельных стран Востока. Научная Ассоциация Востоковедения должна организовать на основе своего пятилетнего опыта лабораторную работу по изучению и проверке ряда спорных теоретических положений и проблем, выдвигаемых революционным развитием отдельных стран Востока (напр., аграрный вопрос в Китае, пути развития современной Персии и проч.).[1]

«Последующие пятилетия НАВ должно углубить теоретическую востоковедную работу, придав ей большую планомерность и сконцентрировав ее вокруг основных проблем современного Востока. Мы не можем довольствоваться достигнутым уровнем советского востоковедения, которое, однако, уже в настоящее время вызывает весьма высокую оценку на Западе. Общая постановка вопросов революционного движения на Востоке должна уступить свое место тщательному анализу конкретных путей поступательного движения каждой отдельной страны Востока на данном этапе ее развития. Отсюда вытекают и новые задачи Научной Ассоциации Востоковедения.

Важность углубленного теоретического анализа движущих сил и путей развития отдельных стран Востока не подлежит сомнению. В этом мы безусловно согласны с т. Ирандустом и видим главнейшую задачу Ассоциации в такой теоретической работе. Громадное значение имеет и лабораторная работа «по изучению и проверке ряда спорных теоретических положений и проблем, выдвигаемых революционным развитием отдельных стран Востока (например, аграрный вопрос в Китае, пути развития современной Персии и пр.)».

Из сделанного нами выше беглого обзора тем, которые разрабатывались в «Новом Востоке», мы видим, что Ассоциация немало сделала в направлении, указываемом тов. Ирандустом. Ассоциация выпустила специальный сборник статей, посвященный проблемам современной Персии. В «Новом Востоке» был напечатан ряд статей, посвященных аграрному вопросу, и в лежащем сейчас перед читателем номере журнала мы печатаем заслуживающую глубочайшего внимания статью К. Радека «Основные вопросы китайской истории». Равным образом в секциях

---

[1] Курсив наш. *М. П.*

Ассоциации прорабатываются вопросы, на всю важность которых обращает в «Правде» внимание т. Ирандуст.

Мы будем все больше и больше углублять теоретическую востоковедную работу, придав ей большую планомерность и сконцентрировав ее вокруг основных проблем современного Востока. Однако, мы не будем забывать, что в цитированных нами в предисловии словах Бухарина о нашей малой ориентировке по отношению ко всему Востоку, о нашем малом знакомстве даже с самыми основами и экономической, и политической структуры восточных стран, есть значительная доля правды, а потому, на ряду с теоретической проработкой основных проблем современного Востока, будем продолжать накопление фактического материала, ибо, как справедливо замечает т. Бухарин, «без этого знания чрезвычайно трудно намечать какую бы то ни было правильную политику».

Подводя итоги достижениям Ассоциации Востоковедения за истекший период, мы можем смело сказать, что Ассоциация Востоковедения создала базу для углубленного изучения современного Востока в экономическом, социально-политическом и историко-этнологическом отношениях и вместе с нашими восточными торговыми палатами и нашими востоковедными вузами мощно содействовала не только познанию Востока, но усилению влияния СССР и советских идей на всем Востоке.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТУРЦИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПЕРИОД СОЗИДАНИЯ И РАСЦВЕТА СТАРОЙ ТУРЦИИ.

Вопрос о происхождении турок очень сложен. В китайских летописях их имя, писавшееся тогда «ту-киу», появляется впервые в V веке. В VI веке мы встречаем сведения о турках у греков, которые называли их «туркуа». По греческим летописям, в 569 г. римский император Византии отправил посольство к королю народа туркуа, состоявшему из племен Кипчакского, Ойгурского, Канглийского, Калачского и Карлусского.

Это были непобедимые наездники, среднего роста. По словам летописцев, они шли через холодные степи, через мрачные пустыни «Песчаной страны», мечтая о тенистых долинах, о богатых городах, где люди живут в палатках, имея пищу каждый день. В разговоре они употребляли поговорки, которые характеризовали их разудалый, разбойничий нрав: «турок на коне не признает и своего отца», «турок на коне считает себя господином», «когда крошат саблями дом твоего отца, руби и ты заодно с товарищами».

Первоначальная религия турок носила очень примитивный характер. Они боготворили пять элементов, которые воплощались в пяти лицах: земля или желтый император — в центре; дерево или голубой император — на востоке; металл или красный император — на юге; огонь или белый император — на западе; вода или черный император — на севере.

Христианство начало распространяться среди турок в IV веке. Имеются сведения об одном христианском епископе, который в 334 г. стоял во главе паствы среди турок Хоросана. В 420 г. в турецком Мерве, столице Хоросана, имелся уже архиепископ. В 503 г. были основаны епископства в Герате и Самарканде. В 718 г. патриарх Тимофей обратил в христианство турецкого хана в Каракоруме. Все эти несомненные факты дали основание некоторым ученым, придающим большое значение во внутренней и внешней истории народов религиозным влияниям, утверждать, что если бы арабское нашествие произошло веком позже, то мы не знали бы, что такое «Восточный вопрос», ибо турок-христиан никто не помышлял бы изгонять из Европы.

Как бы то ни было, ислам по своему содержанию, как нельзя лучше, соответствовал всему социальному строю жизни и умственному укладу

турецких наездников. Те, кто не приняли еще христианства, сделались мусульманами, остальные последовали скоро их примеру. Они поступили на службу в качестве наемников к арабским калифам и скоро заняли место своих господ, сделавшихся игрушкой в руках грозных преторианцев. Арабская империя среди полного мира была завоевана турками, и багдадский калиф пожалел, но слишком поздно, что призвал к себе на службу турок-сельджуков.

С этого момента начался великий поход в западном и северо-западном направлении. Турецкая волна в своем победоносном течении прошла через

четыре этапа: Малую Азию, Балканы, Константинополь и центральную Европу.

В XI веке прокатился первый вал, который затопил Малую Азию. В 1096 г., когда впервые крестоносцы двигались на освобождение гроба господня, турки владели уже средиземным побережьем Малой Азии от Бейрута до Аданы (см. схему № 1).

Турки врезались, как острый клин, в восточную Римскую империю, и обветшалое здание рухнуло под первым же ударом. Завоеватели шли к морю, которое манило их к себе, к Черному и Эгейскому морям, по берегам которых подымались многочисленные мирные, сверкающие своей белизной города. Но в особенности притягивала к себе турок волшебная Византия, где жил император, которого они хотели покорить себе, Визан-

тия, сделавшаяся столицей мира на место Рима. По словам греческих летописцев, когда купцы встречали турок на мало-азиатских дорогах и спрашивали их: «Куда вы идете?», турки отвечали: «Мы идем к городу», «Eisten polin», и в течение трех столетий завоеватели преследуют заветную мечту овладеть святой Софией.

Скоро, однако, империя сельджуков распалась. Но в начале XIV века один из турецких военоначальников, Отман или Осман, восстановил ее,

и своими победами положил основание Оттоманской империи. В 1356 г. горсть турок, под командой Сулеймана, внука Османа, *впервые* высадилась на европейском берегу и овладела Галлиполи. Оставив Константинополь в стороне, турки начинают завоевывать Балканский полуостров. В 1360 г. они берут штурмом Адрианополь и делают его временной оттоманской столицей. В 1375 г. они завоевывают Ниш, в 1382 — Софию, затем Монастырь. Христианские народы — сербы, болгары, герцоговинцы, валахи, босняки — объединяются, чтобы дать отпор общему врагу, и собирают армию в 200 000 человек. Но турки разбивают эту армию по частям. Вначале Али-паша со всей своей армией бросается на Болга-

рию, берет штурмом Тырново, Шумлу, осаждает Никополь, и болгарский царь Шишман с женой и сыном, босые, покрытые саваном, вынуждены молить победоносного визиря о пощаде.

Покончив с Болгарией, Мурад двинулся на Сербию. 15 июня 1389 г. произошло знаменитое сражение при Коссово, которому славянские поэты посвятили столько чудных произведений.

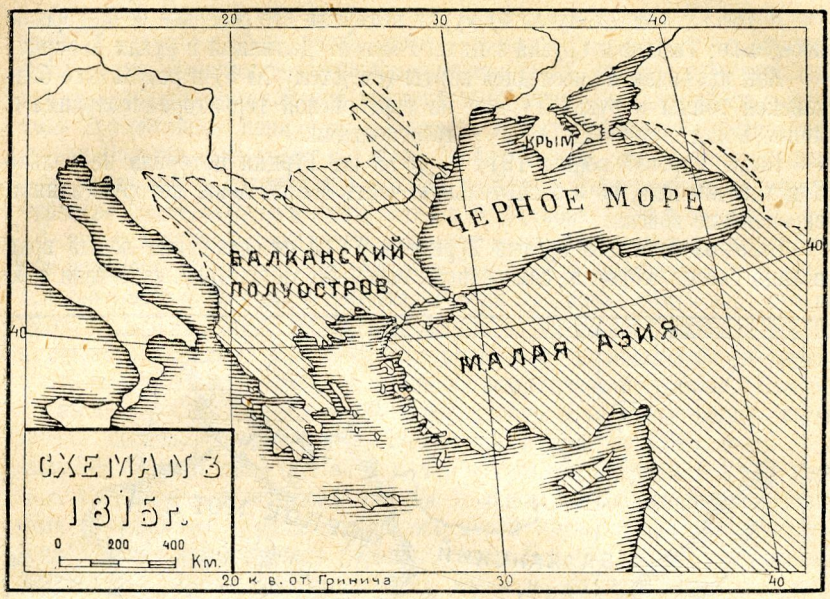
Разгромив Сербию и Болгарию, турки бросились на Венгрию. Тогда по всей Европе пронесся клич о необходимости объединения для борьбы со страшным врагом. Из Франции, Германии, Швеции, Англии, Люксембурга, Венеции двинулись рыцари на помощь своим христианским братьям. Весь Запад объединился, чтобы дать отпор неверным и спасти Венгрию и Византию. 26 сент. 1396 г. произошла страшная битва при Никополе. Христианская армия была уничтожена. Французские летописцы рассказывают между прочим, что в этом роковом сражении был взят в плен знаменитый рыцарь Жан Бесстрашный, которого победитель, султан Баязед, отпустил на волю за выкуп в 200 000 флоринов, сказав ему на прощание: «Я не хочу взять от тебя клятвы не подымать более оружия против меня. Если по возвращении на родину ты почувствуешь желание снова сразиться со мной, я охотно встречу тебя на поле битвы, ибо я *рожден для войны и завоевания*».

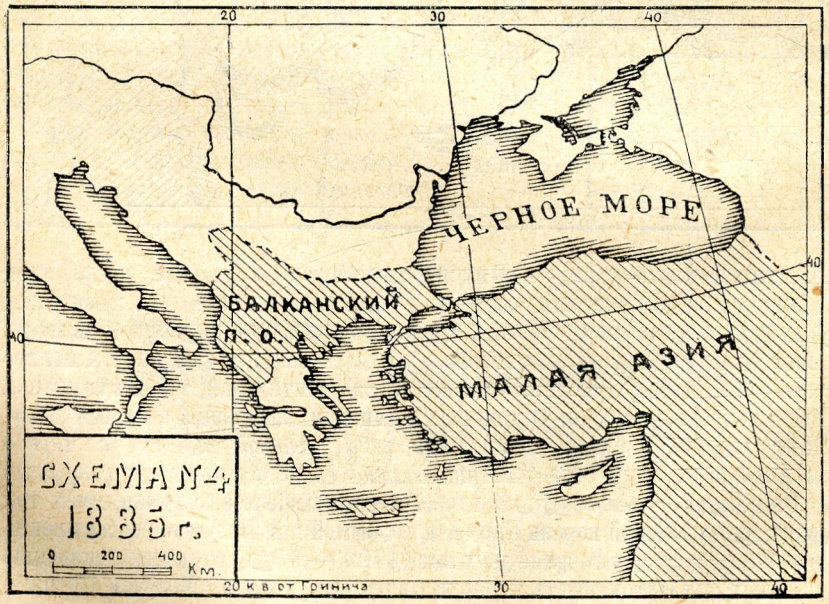
Так, один из главнейших героев турецкой авантюры определил ее сущность. Сражение при Никополе имело решительные последствия. Никто не мог спасти Элладу и Морею.

Закончив завоевание Балканского полуострова, турки направили всю свою энергию против Константинополя, который один, как могучий утес, стоял в мусульманском море и отражал натиски оттоманских волн, затопивших на далекое расстояние все окружающие страны. 29 мая 1458 г., после долгой осады, Константинополь, окруженный 200 000 турецкой армией и блокированный с моря флотом из 480 парусных судов, был взят штурмом. Затем турецкие волны снова начали бушевать в Европе. *Венгрия, Кроация, Славония, Штирия были завоеваны. Вена подверглась осаде. Черное море сделалось турецким озером. Южная Россия вошла в состав Оттоманской империи.* За исключением Черногории и Далматского побережья, находившегося в руках венецианцев, весь Балканский полуостров принадлежал Турции. Прилагаемая карта показывает протяжение Оттоманской империи в 1540 г. (территории Оттоманской империи обозначены темной краской. (См. схему № 2, стр. 155.)

Скоро, однако, начался отлив. Оттоманская империя сохранила свое могущество до XVII века. Упадок ее начался в XVIII веке, а раздел — в XIX в. Уже в 1699 г., по договору в Карловице, вся Венгрия и Трансильвания освободились от турецкого ига. Три нижеследующие карты отмечают важнейшие этапы в падении оттоманского могущества.

Как мы видим по карте (см. схему № 3) в 1815 г. в руках Турции, кроме всей Малой Азии, находились кавказско-черноморское побережье и весь Балканский полуостров (нынешняя Греция, Болгария, Сербия, Черногория, Албания и Румыния).


20
30
40
Крым
ЧЕРНОЕ МОРЕ
БАЛКАНСКИЙ
ПОЛУОСТРОВ
МАЛАЯ АЗИЯ
40
40
СХЕМА № 3
1815 г.
0 200 400
Км.
20 к в. от Гринича
30
40

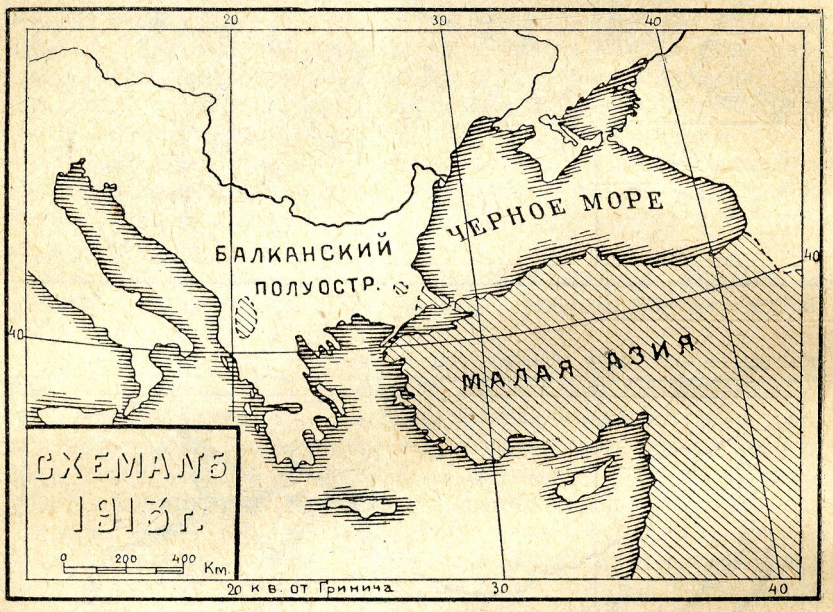

20
30
40
ЧЕРНОЕ МОРЕ
БАЛКАНСКИЙ
П. О.
МАЛАЯ АЗИЯ
40
40
СХЕМА № 4
1835 г.
0 200 400
Км.
20 к в. от Гринича
30
40

К 1885 г. (см. схему № 4) турки потеряли все северное черноморское побережье; Тифлис и Грузия заняты Россией. Далмация в руках Австрии.

Как мы видим из последней карты (см. схему № 5) в результате балканской войны в руках Турции на европейской территории сохранился лишь Константинополь с его окрестностями.

После мировой войны 1914 — 1918 гг. Турция потеряла не только Константинополь, но и значительную часть Малой Азии, которую заняли европейские войска.

Вслед за Австрией против Турции в XVIII ст. выступил новый враг в лице России, которая, как великая европейская держава, завоевала себе



блестящее место в ряду других первоклассных государств после трех кампаний. 1-я кампания, которую Россия вела на север для завоевания выхода к Балтийскому морю, закончилась разгромом Швеции и низведением ее на степень второстепенного государства. 2-я кампания в центре привела к разделу Польши. Наконец, самая длительная, третья кампания была направлена против Оттоманской империи, владевшей южными выходами России. *Страна, важнейшие реки которой впадали в Черное и Каспийское моря, естественно должна была вступить в конфликт с Оттоманской империей.* И глубокое символическое значение имел тот факт, что шведский король Карл XII, разбитый при Полтаве, бежал именно в Турцию, и здесь в течение двух лет (1709 — 1711) старался с помощью военных сил Оттоманской империи сокрушить Россию. Могучая Швеция, господствовавшая когда-то на всем севере Европы, сраженная в поединке

с восточной Русской империей, искала спасения в союзе с Турцией, державшей недавно в своих руках гегемонию на юге и юго-востоке Европы. Вместе с тем слишком очевидна самая тесная связь, которая существовала между судьбами Оттоманской империи и Польши. Государственные деятели Турции скоро поняли, какая участь грозит их стране в результате гибели Польши. Объявляя в 1768 г. войну России, войну, которая длилась шесть лет и закончилась в 1774 г. Кучук-Кайнарджийским миром, турецкое правительство в манифесте от 30 октября 1768 г. заявляло, что «Россия осмелилась уничтожить польские вольности, она заставила поляков признать своим королем человека, который не принадлежит к королевской семье и не избран народом. Россия приказала убить тех, кто не желает признать этого человека польским королем, конфисковала все их имущества и земли». Таким образом, некоторые дипломаты могли писать в ту пору о турках, как о защитниках политической свободы. Как бы то ни было, Сорель имел право подчеркивать в заключительной части своего капитального труда — «Восточный вопрос в XVIII веке» (La question d'Orient au XVIII siècle), что «Восточный вопрос в XVIII веке был, в сущности, и вопросом о судьбе Польши: [1] освобождение христианских народностей Турции покупалось ценой порабощения самой благородной нации христианской Европы. Раздел Польши явился неизбежным результатом Кучук-Кайнарджийского мира, и оба эти акта, как урок и предостережение для всей Европы, остаются нераздельными в истории». После разгрома Швеции и уничтожения Польши должна была притти очередь за Турцией, которая скоро, и прежде всего благодаря ударам со стороны России, была низведена на степень второстепенного государства, увидевшего перед собой призрак окончательной гибели в борьбе с могучим соседом. Начав шаг за шагом выбивать турок из областей, по которым протекали великие русские реки — Днепр, Днестр, Буг, — Россия к началу XIX в. владела уже всем черноморским побережьем: Крымом, Кубанью, Грузией. Одновременно с Россией на Турцию наседали, тесня ее со всех сторон, Австрия и другие противники.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

РАЗЛОЖЕНИЕ ТУРЕЦКОЙ ИМПЕРИИ. ЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ.

§ 1. Открытие новых путей в Индию. Внешние поражения и упадок экономического могущества Турции.

Параллельно с внешними поражениями продолжалось внутреннее разложение империи. Пока военное счастье улыбалось туркам, война была очень прибыльным ремеслом. Все богатства покоренных народов стека-

[1] См. об этом же у Соловьева: «История России», книга IX, стр. 102 и др.

лись в Константинополь и другие турецкие города. О богатстве Оттоманской империи, о роскоши, которой окружали себя султаны в эпоху ее военного могущества, имеются многие свидетельства. Французские летописцы с удивлением рассказывают со слов Жана Бесстрашного и его товарищей о соколиной охоте, на которую султан пригласил своих пленников. 13 000 егерей вели 6000 собак, леопардов и 7000 соколов. Леопарды имели ошейники из драгоценных камней, а собаки были покрыты атласной материей... По вычислениям венецианских послов, султанские доходы в эпоху апогея Оттоманской империи равнялись 140 миллионам франков в монете того времени, т.-е. приблизительно двум миллиардам франков в нынешней монете. Султанам платили дань и посылали им подарки могущественнейшие властелины Европы. В Константинополь, который лежит на великой торговой дороге из Западной Европы в Центральную Азию и Дальний Восток и на пути из России к Средиземному морю, стекались товары из всех стран. Кроме того война явилась важным источником обогащения: так, она доставляла победителям один из важнейших товаров того времени, именно — рабов. Вначале мусульмане не обращали военнопленных в рабов. Ни Магомет, ни калифы не имели таких рабов. В ту эпоху существовали только немногие черные рабы, которые покупались в Африке и служили в качестве евнухов в гаремах. Но скоро, под влиянием крестовых походов и сношения с христианами, мусульмане стали подражать европейцам и превращать военнопленных в рабов (Турмань: «История древнего и современного рабства», Париж, 1880).

Победа над Европой, захват северной Африки дали в руки туркам громадное количество этого ценного товара.

И понятно, что само *создание института рабства должно было толкать турок к дальнейшим завоеваниям*, ибо ислам категорически запрещал превращать мусульман в рабов.

По словам Ламартина («История Турции»), при занятии Константинополя 60 000 уцелевших после резни стариков, женщин, детей, укрывшихся в соборе святой Софии, были увезены в Малую Азию и там проданы в рабство. Последующие победы доставили Турции новые сотни тысяч рабов. Постепенно потребность в рабах сделалась столь настоятельной, что их пришлось покупать. Не мало людей было забрано в плен в наших южно-русских областях, в Украйне, и продано в рабство в Туретчину. Не раз запорожцы, соединяясь с татарами, нападали на Украйну, захватывали в плен тысячи православных и продавали их в неволю басурманам (см. Політичні пісні україньского народу XVIII — XIX ст.». З увагами М. Драгоманов, Женева, 1883 г.). Ту же роль, какую порой по отношению к Восточной Европе играли запорожцы, по отношению к Западной Европе играли венецианцы, продавшие в Турцию не мало жителей Адриатического побережья.

Вообще Оттоманская империя, благодаря своему центральному положению, была очень важным рынком, куда на ряду с другими товарами сбывалась и раба. Хорошо известно, что, в частности из России, даже

в конце XVIII и в начале XIX века, когда турки были уже окончательно отброшены от нашего юга, не мало людей, главным образом крепостных, было вывезено агентами наших помещиков в Турцию и там продано. Не мало рабов было продано в Турцию и из Испании. [1]

По вопросу о военнопленных заметим, что даже в XIX веке военнопленные эксплуатировались в качестве рабочей силы. Так, например, изучая документы, относящиеся к Наполеоновской эпохе, мы видим, что многочисленные пленники, которых Наполеон после каждой кампании отправлял во Францию, предоставлялись в распоряжение муниципалитетов, административных властей и даже *частных лиц*. Многие общественные здания, набережные, мосты, шоссейные дороги были сооружены в Наполеоновскую эпоху, главным образом, с помощью труда военнопленных. К сожалению, этот интересный вопрос не изучен в экономической литературе.

Эпоха военных побед, внешнего могущества была вместе с тем и эпохой экономического блеска Турции. Султаны покровительствовали наукам и искусствам, предпринимали грандиозные общественные работы. Ученые и поэты стекались к султанскому двору и воспевали величие государя и могущество империи. Это был апогей турецкого могущества, «блестящая» страница в истории Оттоманской империи.

Экономическая мощь Оттоманской империи в этот период обусловливалась в первую очередь монополизацией в руках турок-османов всей торговли с Ближним Востоком. Почти вплоть до XV века последняя была сосредоточена в руках приморских итальянских республик — Генуи и Венеции. После того как турки-османы захватили Константинополь, побережья Сирии и Египта, т.-е. все великие торговые пути, ведущие на Восток, торговля с последними стала совершаться исключительно через посредство турок, которые взимали огромный посреднический процент за предоставление европейцам права транзита товаров через морские и сухопутные границы Оттоманской империи. Высоко протекционный характер торговли, установленный турками, приносил турецкому правительству громадные доходы, но эта же торговая монополия, захваченная османами и вызвавшая огромное вздутие цен в XV — XVI веке на восточные товары и утечку золота из Европы, заставила европейских купцов искать новых прямых путей на Восток, главным образом, в Индию. [2]

Господство турок на восточном побережье, препятствовавшее свободной торговле христианских стран с Индией, заставило европейцев искать прямого пути на Индию, минуя Балканский полуостров и переднюю Азию. К этому времени техника судостроения настолько двинулась вперед

---

[1] В отличие от турок, испанцы недолюбливали рабов-иноверцев. Так, в 1558 г., Филипп II приказал изгнать из Испании всех рабов еврейского происхождения, включая и принявших недавно христианство.

[2] Подробнее см. «Новый Восток», № 8 — 9. В. Гурко-Кряжин: «Великие пути в мировой истории».

в западно-европейских странах, что можно было совершать дальние плавания по океану. Открытие новых путей в Азию дало новое направление торговле европейских стран с Востоком. Таким образом, громадные доходы, которые получали турецкие султаны от обложения всякого рода налогами европейской торговли с Востоком, стали уменьшаться. Вместе с падением торговли ослаблялась и экономическая мощь Оттоманской империи. Наоборот, западная Европа быстро двигалась вперед в экономическом отношении, развивая одновременно свою технику, науку, военную силу. Все улучшающаяся организация постоянных армий, усовершенствование огнестрельного оружия, сооружение новых дорог, все это необычайно подымало военную мощь западно-европейских стран, между тем как грозная когда-то сила турецких армий не только не росла, а, наборот, падала, благодаря низкому уровню производства и все уменьшающимся доходам государства, не дававшим возможности содержать постоянную, большую, хорошо вооруженную армию.

Таким образом, переворот, вызванный изменением направления торговли, созданием новых мировых торговых путей, повел к упадку экономического и военного могущества Оттоманской империи. Пока Константинополь был пунктом, которого никак нельзя было миновать в торговле с Малой Азией, Персидским заливом, Индией, пока столица Оттоманской империи не только стратегически, но и экономически господствовала над всей европейской торговлей с Востоком, до той поры всякий тюк европейских товаров был источником доходов для турецкого государства. Эти доходы все более уменьшались с открытием и усовершенствованием новых путей и усилением хаоса, разбойничества, разложения в Оттоманской империи.

Экономический упадок, обеднение государственной казны, в связи с исчезновением прежних доходов от монопольной торговли с Востоком,

Когда военное сча́стье ушло, и поражение стало следовать одно за другим, богатство, явившееся в значительной мере результатом побед, выросшее отчасти на военной базе, стало быстро исчезать. Постоянные отторжения от Оттоманской империи одной территории за другой, на ряду с капитуляциями, о которых мы скажем ниже, окончательно подрывали устои народного хозяйства. В ту эпоху могли успешно развиваться в экономическом отношении только большие хозяйственные организмы. Теряя какую-нибудь часть своей территории, государство испытывало сильный урон. Ведь торговые связи с отторгнутой областью становились в ту пору совершенно или почти невозможными. Потеряв значительную часть своих африканских колоний, северное черноморское побережье, Крым и т. д., Турция потеряла области, с которыми многие провинции государства после долгих усилий и больших жертв установили тесные экономические связи. Отсекались части оттоманского организма, и последний хирел и заживо разлагался. В настоящее время маленькие страны, как Голландия, Бельгия, Дания, могут жить и развиваться в промышленном отношении только потому, что для них весь мир является рын-

ком. Равным образом, не имеющая номинально никаких ценных колоний, Германия, в условиях международной хозяйственной конъюнктуры второй половины XIX века, имела возможность накануне мировой войны фактически превращать самые промышленные страны в немецкие колонии, куда германские товары свободно проникали, несмотря ни на какие таможенные барьеры. Никакая протекционная система не в состоянии помешать, в рамках современного капиталистического строя, экономическим связям между двумя странами. Между тем в предшествующие эпохи всякая отторгнутая область являлась для государства с точки зрения народного хозяйства совершенно потерянной. Экономические связи данной провинции со всей остальной страной, устанавливавшиеся в те эпохи с таким трудом, в виду отсутствия удобных и безопасных путей сообщений, окончательно порвались. И если даже товарооборот между данной провинцией и остальной империей выражался в скромной цифре, с точки зрения нашего нынешнего масштаба, все же, именно, благодаря слабости внешних торговых отношений и ничтожной роли для народного хозяйства, заграничных рынков отторжение той или другой провинции от государства наносило последнему серьезный и часто непоправимый удар.

§ 2. Славянские народности Турции и России. Проекты раздела Оттоманской империи.

Параллельно с ослаблением Турции и упадком ее экономической мощи, с поразительной быстротой нищали массы турецкого населения как христианского, так и мусульманского. В то же время, не по дням, а по часам росло недовольство и революционное настроение христианских народностей, которые не признавали себя составной частью оттоманского народа и мечтали о свержении турецкого ига. Да и сами турки не думали сливаться с побежденными и отделили себя от «неверных» стеной. Подчиняя своему господству какую-нибудь страну, турки, в отличие от северных завоевателей не стремились к ассимиляции побежденного ими населения. Шариат проводит различие между язычниками, безбожниками (мушрик) и «кафир-китаби», т.-е. теми, религия которых изложена в какой-нибудь книге. Первым грозило поголовное истребление, если не примут мусульманства или другой религии, вторые сохраняли свою жизнь, имущество, и под именем «райя» входили в состав населения Оттоманской империи. Турки оставили христианам их язык, их религию, их духовенство, их монастыри, их общинное управление, их муниципальную организацию, наконец, даже их особые законы и т. д. С точки зрения некоторых европейских писателей, это было очевидной нелепостью. С одной стороны, турецкие законы не знали национальностей, они признавали лишь мусульман и подчиненную им райю, с другой стороны, само же турецкое законодательство охраняло и поддерживало свободную церковь, которая, вместе со своей свободной, находившейся вне правительственного контроля, церковной школой, явилась и у греков,

*

и у сербов, и у болгар могучей силой, поддерживавшей национальное чувство в рае и содействовавшей росту национального самоопределения. Целый ряд торжественных фирманов признавал патриархов не только духовными, но и светскими, гражданскими главами и представителями своих единоверцев. В результате этой системы и христианское население группировалось по отдельным религиям в могучие и цельные единицы. Таким образом, каждая отдельная христианская национальность, входившая в состав Оттоманской империи, представляла собой как бы государство в государстве (см., между прочим, капитальный труд—«О легальном положении немусульманских подданных в Турецкой империи», соч. Steen de Ichay, Bruxelles, 1906 г.). Непрерывное усиление России, на помощь которой всегда надеялись христианские народности Турции, и французская революция, дали могучий толчок духовному возрождению славянских национальностей Оттоманской империи.

У Лависса в его книге «Общий взгляд на Европу» имеется следующий образ: «Овладев святой Софией, турки покрыли христианскую мозаику штукатуркой, но с течением времени известь высыхает и падает на пол, и мозаика Юстиниана показывается более блестящей, чем когда бы то ни было, защищенная в течение долгого времени покрывавшим ее слоем. Так и на политической карте Балкан в новом блеске появляются, казалось, уже исчезнувшие христианские государства, сначала Греция и Сербия, потом Румыния, затем Болгария».

Пока продолжался период военного могущества и экономического процветания Турции, христианское население, которому жилось сравнительно недурно, примирялось с басурманским игом и не обнаруживало особенно страстного желания восставать против султанских властей. Так, все прокламации и агитация эмиссаров Петра Первого во время прутского похода не могли вызвать восстания на Балканском полуострове, и русская попытка не нашла горячего отклика в христианском населении Оттоманской империи. Затем, когда позднее, в 1809 г., сербский воевода Кара Георгий призвал к восстанию население города Сеницы и окрестных деревень, сербы ответили, что им незачем восставать, так как им-де живется хорошо. Но в следующие эпохи вместе с ослаблением и обнищанием Турции — с одной стороны, обострением правительственного помещичьего гнета и ростом налогов — с другой, положение райи стало быстро ухудшаться. Тогда во всей империи начались повсеместные волнения и восстания. *В большинстве случаев эти восстания носили в основе аграрный характер, подобно крестьянским бунтам и беспорядкам в других странах*, но благодаря религиозной и национальной окраске и надежде на помощь извне, а также явной и тайной поддержке со стороны иностранных держав, эти волнения в корне потрясли устои Оттоманской империи.

Но не в центробежных стремлениях подвластных племен лежала основная причина крушения когда-то непобедимой империи. Силы, которым суждено было сокрушить старую Турцию, зрели не столько внутри ее, сколько за ее пределами.

До полевины XVII столетия Оттоманская империя, достигшая апогея своего величия, была могучим и грозным государством. Прочно утвердив свою столицу на обоих берегах Босфора, Турция безраздельно господствовала над Черным и Эгейским морями и отчасти над Ионическим морем. Она владела в Европе, Азии и Африке обширными территориями с населением в 40 миллионов душ и простиралась от Лейты, правого притока Дуная, до границы Сахары — на юге, Кавказских гор и Персии — на Востоке. Ее победоносные войска дошли до стен Вены и осаждали столицу Австрии. Это был последний акт наступательного движения турецких полчищ и первая неудача их в борьбе с Европой, неудача, за которой последовал непрерывный ряд поражений, приведших в конечном счете к нынешнему разгрому Оттоманской империи и отнятию у нее почти всех ее европейских владений. Последовательно разбитые сперва знаменитым польским королем Яном Собесским, спасшим Вену, что не помешало Австрии принять затем участие в разделе Польши, затем герцогом Лорранским, потом Евгением Савойским, турки вынуждены были подписать Карловицкий договор 1699 г., по которому они уступили Австрии и России значительные области. Известно, как Франция остановила затем наступление Австрии на Турцию и заставила первую по договору 1739 г. вернуть Оттоманской империи Белград и Сербию. Но как только остановился натиск на Турцию со стороны Австрии, началось неудержимое победное движение России, которая рядом войн и договоров отнимала у Оттоманской империи одну область за другой. Последующая судьба Турции представляет собой историю непрерывных внешних поражений, постоянных внутренних беспорядков, обусловленных восстаниями христианских народностей против мусульманского ига и попыток реформ сверху, с целью восстановления прежней мощи государства. Но ни эти реформы, ни помощь вначале со стороны одной Франции, затем Франции и Англии вместе, не останавливают разложение. Так открывается пресловутый «Восточный вопрос», вопрос о разделе Оттоманской империи и изгнании турок из Европы. Все изменилось бесповоротно для старой Турции в худшую сторону с того момента, как на арену европейской истории победоносно выступила Россия. Занимая прекрасное географическое положение по отношению к Оттоманской империи, имея возможность атаковывать последнюю с фланга, в то время как Европа непрерывно атаковывала Турцию с фронта, Россия стала наносить своему южному соседу сокрушительные удары, которые в конечном счете уничтожили бы и более могучее государство, чем мусульманская империя. И то обстоятельство, что Россия выступала, как православная держава, имевшая возможность опираться на сочувствие единоверных и отчасти единокровных балканских народностей, искавших издавна помощи у могучего восточного покровителя против мусульманского гнета, в необычной степени усиливало позицию России в вековой войне с Оттоманской империей, хотя, с другой стороны, порождало иллюзии, которые чуть-чуть было не закончились при Петре страшной катастрофой.

Несчастный прутский поход, предпринятый с незначительным войском против могущественной Турецкой империи, выставившей против русской армии, «в семь крат сильнейшую силу» (письмо Петра сенату), задуман был именно в надежде на ту помощь, какую могли-де оказать России в самых турецких владениях «бедные христиане, которые зело ревностно к нам поступали». Петр Первый повторил ошибку Карла XII, который с такими же надеждами на казаков вошел в Малороссию. Как известно, эта попытка Петра поднять своим появлением все христианское население Оттоманской империи и прогнать турок из Европы закончилась полным фиаско. Петр вынужден был отказаться от Азовского моря, от южного флота, который стоил таких трудов и издержек.

Уже в XVII веке константинопольский патриарх писал в Москву: «Все благочестивые святого вашего царствия ожидают: сербы, болгары, молдоване и валахи. Восстаньте, не дремлите, придите спасти нас». Во время прутского похода Петра, сербский полковник Милорадович, отправленный для поднятия черногорцев против турок, распространял среди балканских народов царскую грамоту, в которой говорилось: «С любезно-верными и искусными нашими войсками, самоперсонально выступаем против врага, ибо должно презреть страх и трудности за церковь и православную веру, и не только воевать, но и последнюю каплю крови пролить, что от нас по возможности и учинено будет... Если кто из вас в сей праведной войне потрудится, то от бога получит благовоздаяние, а от нас милость и награждение, и всякий по заслугам и желанию вашему привилегиями нашими пожалован будет, ибо мы себе иной славы не желаем, токмо да возможем тамошние христианские народы от тиранства поганского освободить, церкови тамо украсить и животворящий кресть возвысить. Итак, если будет всякий по возможности трудиться и за веру воевать, то имя Христово прославится наивяще, и поганина Магомета наследники будут прогнаны в старое их отечество, пески и степи арабские». (Соловьев: «История России», книга 4-я, том XVI, стр. 62).

Таким образом, в этой формулировке Восточный вопрос сразу открылся как великая не только территориальная, но вместе с тем религиозная и этическая проблема. Понятно, в какой мере такая постановка вопроса, искусно маскировавшая истинную сущность царской ближне-восточной политики, облегчала завоевательные планы царизма.

Если основываться на апокрифическом документе, известном под именем: «Завещание Петра Великого», Восточный вопрос был формулирован Петром Первым таким образом: «Заинтересовать австрийскую династию в изгнании турок из Европы, под этим предлогом содержать постоянную армию и учредить верфи на берегах Черного моря, и, непрерывно подвигаясь вперед, дойти до Константинополя» (le Testament de Pierre le Grand. Пункт пятый). Правда в настоящее время тайна, скрывавшая происхождение этого знаменитого документа, может считаться вполне раскрытой. В 1812 г. накануне отечественной войны в Париже появилась 2-м изданием книга чиновника французского министерства иностранных дел Lesura: «Le progrés de la puissance russe»,

разоблачавшая «страшный план» России подчинить всю Европу русскому игу. Известна фраза Наполеона «Европа будет республиканской или казацкой». Из этой-то книги Лезюра, впервые написанной в 1797 г. и переизданной по поручению Наполеона в 1812 г. для возбуждения европейского общественного мнения против России, последующие поколения черпали легенду о мнимом «Завещании Петра Великого». Что касается происхождения этого «завещания», последнее было составлено польским генералом Михаилом Сокольницким в сотрудничестве с последним польским министром иностранных дел Игнатием Потоцким и сенатором Фадеем Мостовским. Однако, в своем докладе Директории 28 Вандемьера VI года (19 октября 1797 г.) Сокольницкий писал, что у него нет под рукой подлинного текста «завещания», что он восстанавливает лишь основные тезисы этого плана, насколько ему позволяет его память и частые думы об этом русском плане во время двухлетнего заключения в с.-петербургской тюрьме. Впервые в 1836 г. Gaillardet превратил легенду в апокрафический документ, дав якобы буквальную копию «завещания». Как бы то ни было, представляя собой чистейшую выдумку, документ, написанный Сокольницким, может считаться продуктом блестящей интуиции, гениальным произведением, раскрывающим тайные планы русского империализма. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть следующие пророческие строки: «Великий император наказывает всем своим преемникам проникнуться той истиной, что торговля с Индией является мировой торговлей и что тот, кто монополизирует ее в своих руках, будет господствовать над всей Европой; следовательно, нужно пользоваться всяким поводом, чтобы возбуждать войны с Персией, ускорять ее разложение, добиться выхода к Персидскому заливу... Если мы примем во внимание всю политику царской России по отношению к Персии, и, в частности, противодействие преобразованию этой страны, далее все эти проекты трансперсидских дорог и т. д., мы должны будем признать, что если пресловутое завещание отнюдь не является несомненным фактом, а историческим мифом, все же гениальный автор этого мифа был так прозорлив, что уже в 1797 г. начертал общее направление русской политики, направление, которому царские дипломаты не отказывались следовать и в XX в. И если в официальных документах мы не находим подтверждения приписываемой Сокольницким Петру мысли о соглашении с Австрией для изгнания турок из Европы, зато относительно последующих государей, начиная от Екатерины II и кончая Александром II, уступившим Боснию и Герцоговину Австрии, не может быть сомнения, что стремление к такому соглашению с Австрией было основной тенденцией ближне-восточной политики царской дипломатии.

Обещая балканским славянам в случае изгнания турок из Европы всякие милости, награды и привилегии в здешнем мире и «благовоздания» от бога в загробной жизни, царское правительство в то же время втихомолку вело переговоры с католической Австрией, соглашаясь отдать

под иго последней добрую половину православного населения Турции в награду за Константинополь и прилегающие области.

Официально первый так называемый греческий проект раздела Турции был выдвинут Екатериной Второй. По проекту 1782 г., Россия должна была получить Молдавию, Валахию, Болгарию, Константинополь и Дарданеллы, одним словом, всю восточную половину Балканского полуострова. Австрия получила бы Сербию, Боснию, Албанию, Македонию, Фессалию, Салоники. По второму варианту, выдвинутому Екатериной II в 1781 г., Россия получила бы лишь побережье Черного моря до низовьев Дуная с двумя островами на Архипелаге, как опорными пунктами для русской торговли и русского флота. Иосифу II, согласно этому проекту, должны были отойти Сербия и Босния до Скутари. Константинополь с остальной частью Европейской Турции, за исключением Молдавии и Валахии, вошел бы в состав восстановленной Византийской империи, которая должна была, по проекту Екатерины, достаться ее племяннику Константину, т.-е. подпасть под протекторат России. Проект этот не осуществился, но раздел Турции продолжался. Изнуряя свои силы в неудачных оборонительных войнах, Оттоманская империя теряла одну область за другой.

Тщетно Турция пыталась опереться на Наполеона, чтобы отразить напор со стороны северного колосса. В Тильзите (1807) Наполеон, желая иметь свободные руки в Западной Европе, отдает Турцию России. Правда, он отказывается уступить Александру Константинополь. Несколько раз он повторяет про себя: «Константинополь, Константинополь, его никогда нельзя отдать. Это ключ к господству над миром». Наполеон желает русской дружбы, но не хочет пожертвовать турецкими проливами. Александр принимает союз с Францией, но ставит условием отдачу Константинополя. Противоречие интересов непримиримое.[1]

Во всяком случае, во всех этих проектах раздела Турции русские государственные деятели уже не считаются с тем сопротивлением, которое может оказать осуществлению всех этих планов сама Оттоманская империя, только недавно господствовавшая над значительной частью Европы. Сила Турции кажется уже настолько надломленной, что с ней самой считаются менее всего. Отныне для России вся сущность Восточного вопроса заключается в отыскании такого подходящего компаньона, в союзе с которым можно было бы полюбовно разделить наследство больного человека. Польшу Россия разделила в компании с двумя другими державами. Вопрос о турецком наследстве оказывается настолько сложным, что возникает желание, по возможности, ограничить число претендентов на это наследство. Екатерина Вторая пыталась привлечь к своему проекту раздела Турции только Австрию, Александр I вступил в переговоры по этому вопросу с Францией, Николай I хотел разделить Оттоманскую империю между Россией и Англией. «Мы имеем в своих

[1] Вандаль: «Наполеон и Александр I».

руках очень больного человека, — сказал он 9 января 1853 г. английскому посланнику Гамильтону Сеймуру. — Это будет, говорю вам откровенно, большим несчастием, если ему удастся проскользнуть между наших рук, в особенности прежде, чем мы примем все необходимые меры предосторожности» (Камилль Руссе: «История крымской войны», Париж, 1878).

Конечно, в ту пору никто не мог предвидеть, что настанет время, когда Восточный вопрос по отношению к европейским территориям Оттоманской империи будет разрешен не какими-нибудь великими державами, а маленькими народностями Балканского полуострова. Подобная перспектива совершенно не входила в планы русских государей. Так, 21 февраля 1853 г., в беседе с тем же английским посланником, Николай I заявил, между прочим, следующее:

«Я никогда не позволю, чтобы Греция добилась расширения территории, которое превратило бы ее в сильное государство. Тем более не потерплю я, чтобы Турция была разделена на маленькие республики, которые сделались бы как нельзя более подходящими убежищами для Кошутов, Маццини и других европейских революционеров. Скорее, чем допустить подобные изменения, я объявлю войну и буду продолжать ее до тех пор, пока у меня останется хоть бы один человек под ружьем».

Правда, Турция не распалась на маленькие республики, но и то, что случилось, не совпало с планами русских империалистов. Хорошо известно, как неудачно закончилась попытка царского правительства превратить после войны 1877 г. с Турцией освобожденную Болгарию в русскую провинцию.

Пресловутая стамбуловщина, выразившаяся в открытой и непримиримой борьбе с каким бы то ни было проявлением русского влияния в Болгарии, была обусловлена прежде всего слишком открытыми поползновениями правящих кругов России подчинить княжество русскому протекторату и создать на Балканах нечто в роде Бухары. Вышедшая в 1910 г. в свет книга французского финансового инспектора в Болгарии E. Queillé, пробывшего в княжестве, по поручению французского правительства, три года, с 1881 — 1884, бросает яркий свет на политику России в Болгарии и служит самым блестящим, притом как бы официальным документом, подтверждающим те выводы, к которым приходили объективные историки, изучая действительные мотивы и движущие пружины славянофильской политики русского правительства по отношению к Оттоманской империи. Как доказывает E. Queillé («Les commencements de l'indépendance bulgare et le prince Alexandre», Paris, 1910, стр. 439) на другой же день после окончания войны с Турцией, Россия стала принимать всевозможные меры, чтобы помешать возрождению болгарского княжества. Не только русская опека по отношению к освобожденным братушкам проявлялась в высокомерной форме, но и все русские представители действовали в Болгарии, как-будто они посланы только для того, чтобы извлечь, благодаря «освобождению» этой страны, личные выгоды для самих себя, не говоря уже о слишком очевидных планах

превратить Болгарию в одну из губерний великой Русской империи. Оклады, которые были выговорены для русских чиновников гражданских и военных, поступивших на службу в Болгарию, совсем не соответствовали финансовым ресурсам страны. Помимо этого русские агенты стали стремиться к получению различных концессий на всякого рода монополии, на банки, на железные дороги и т. д., одним словом, к экономическому порабощению страны, к превращению ее в маленькую Турцию. Русские дипломаты, русские генералы, официальные агенты русского правительства не отставали от частных лиц. «Армия солдат открыла дорогу армии грабителей, освободительница превратилась в ростовщицу» (E. Queillé). Скоро слух о русских грабежах и притеснениях проник в самые отдаленные и глухие закоулки и деревушки Болгарии. «Одно из двух, говорили и писали болгаре, или князь Александр является русским губернатором, в таком случае он не может быть болгарским князем; или же он болгарский князь, в таком случае он не должен брать на себя роль русского губернатора». Наши представители видели, как в стране растет недовольство против вчерашних освободителей, но рассчитывали по-своему расправиться с общенациональным движением. Когда в 1883 г. перед лицом опасности, угрожавшей стране, Цанков, Каравелов протянули руку своим политическим противникам и образовали, так называемый, «коалиционный кабинет», в который вошли и либералы и консерваторы, объединившиеся для борьбы с русскими притязаниями, это вызвало сильную тревогу как среди царских официальных агентов, так и в рядах «руссофильской» фракции, которая, по словам французского финансового представителя слишком была заинтересована во всякого рода железнодорожных концессиях, монополиях и других выгодных гешефтах. В беседе с митрополитом Клементом русский генерал Соболев, говоря о болгарском коалиционном кабинете, не мог удержаться, чтобы не сказать: «Они объединяются против нас. Мы должны были сослать их в Сибирь». «У нас есть еще время сделать это», — ответил Каульбарс. При этом разговоре присутствовал русский дипломатический представитель Ионин, который держал себя в Болгарии, как в окончательно завоеванной русской территории. При таком бесцеремонном образе действий царских официальных представителей неудивительно, что вскоре в стране забыты были все партийные раздоры, и вся болгарская нация объединилась в общем стремлении освободиться от покровителя, который стал превращаться в самого опасного врага, какого только знала Болгария. «Мы не хотим ни русского меда, ни русского жала», — этот девиз сделался надолго руководящим принципом болгарской политики по отношению к великой славянской державе.

Таким образом, уже в ту пору Россия, подобно волшебнику в сказке, вызвала к жизни новые силы, которые вырвались из ее рук и стали поперек ее планам в Восточном вопросе. Болгарские события послужили хорошим уроком для славянских государств Балканского полуострова. Отныне каждое из этих государств начинает видеть главного противника своим национальным задачам и завоевательным планам не столько

в самой Турции, сколько в поползновениях великих держав на ту или другую часть турецкого наследства. Отныне Восточный вопрос вступает в новую фазу. Каждое из балканских государств лихорадочно готовится к разделу Турции. Правда, эти государства ведут долгое время ожесточенную борьбу друг с другом из-за Македонии, при чем греки беспощадно преследуют болгар, болгары — сербов и т. д., все же внешнее и внутреннее положение Турции в необычайной степени ухудшается с 1877 г. Теперь ей приходится отстаивать свои территории не только против первоклассных держав, но и против натиска со стороны новообразованных государств Балканского полуострова. Когда эти государства, забыв взаимные раздоры и прекратив кровавую войну между собой из-за Македонии, объединяются и бросают вызов Оттоманской империи, приближается конец Европейской Турции. Балканская война явилась борьбой не только против самой Турции, но и против всех первоклассных европейских держав, давно уже поделивших между собой, по крайней мере в проектах, оттоманское наследство и не успевших лишь приложить последние печати к этим проектам.

§ 3. Босфор и Дарданеллы. Внешняя торговля России и выход из Черного моря. Турецкие реформы и царская Россия.

История Оттоманской империи приняла бы иной характер, если бы на земном шаре существовало два Константинополя, но так как Константинополь представляет своего рода уникум, так как этот единственный на земном шаре, по своему значению, стратегический и экономический пункт сделался с момента ослабления Оттоманской империи объектом вожделений со стороны безусловно всех государств, претендовавших на мировую гегемонию, естественно, что город этот, а стало-быть вся империя, стоявшая за ним, рано или поздно должны были пасть под ударами враждебных стихий. Накануне мировой войны Константинополь в известном отношении лишь номинально принадлежал туркам, но в экономическом отношении Константинополь уже давно представлял собой европейское владение. Все здесь — государственный банк, почта, телеграфы, железные дороги, городское сообщение, набережные, маяки и т. д. — представляли собственность европейских капиталистов, и турки лишь играли роль жандармов, охраняющих европейские кофр-форы (денежные сундуки).

Константинополь, это — город, который лежит в замечательном, буквально бесподобном географическом положении, не только в стратегическом, но и в экономическом. Этот город не только командует над выходами из Черного моря, к которому прилегает богатейшая область СССР, но и представляет собой важнейший пункт на Средиземном море, играющем такую великую роль в экономической жизни всей Европы и Америки. Константинополь является ключом к Малой Азии. Отсюда идет самая верная сухопутная дорога в Индию через древние

царства — Лидию, Гераклию, Цезарию, Вавилонию, Сирию, т.-е. в основных чертах той бороздой, какой шел Александр Македонский. Наконец, Константинополь расположен недалеко от Суэцкого канала, о колоссальном значении которого лишне распространяться. Достаточно сказать, что в 1907 г. через этот канал прошло 5000 судов с тоннажем в 15 миллионов тонн и 234 000 пассажиров.[1]

В самом деле, кто владеет Константинополем, тот господствует над Малой Азией. Посмотрите на карту. Босфор и Дарданеллы не представляют собой проливов в роде Па-де-Кале, на одном берегу которого начинается Франция, на другом Англия, или хотя бы даже Каттегата, отделяющего Швецию от Ютландии. Босфор и Дарданеллы, это — узкие каналы, противоположные берега которых не могут принадлежать разным державам. Пушки, стоящие на европейском берегу, будут командовать противоположным азиатским берегом, и наоборот. Стало-быть, захват Константинополя, например, царской Россией, дал бы возможность ей помимо подчинения своему протекторату стран Балканского полуострова овладеть рано или поздно, идя с Востока на Запад и обратно, всей Малой Азией от нашей кавказской границы до Средиземного моря, чтобы затем начать походное движение к Персидскому заливу и на Индию.

Именно потому, что могучее современное государство, овладевшее Константинополем и проливами, захватило бы в свои руки гегемонию на Средиземном море, над Малой Азией, на Черном море и чрезвычайно усилило бы свои позиции как мировой державы, всякая попытка со стороны одной державы утвердиться в Константинополе вызвала бы против нее коалицию всех европейских государств.

Но в этом отношении Константинополь принадлежит накануне мировой войны всем европейским государствам вместе взятым и ни одному из них в отдельности. Номинальное турецкое господство над Константинополем обеспечивало равенство прав для всех крупнейших государств Европы в использовании этого великого торгового пункта, и вот почему Европа так крепко держалась за сохранение Царьграда в руках слабых турок, не желая допустить перехода этого мирового центра под власть какой-либо державы. Европейские первоклассные державы давно поделили бы между собой Оттоманскую империю, разобрали по частям турецкую корону, если бы только последняя не обладала таким драгоценным и в то же время неделимым перлом, каким является Царьград.

---

[1] В 1914 г. через Суэцкий канал прошло 4802 судна с тоннажем нетто 19 миллионов тонн, в 1923 г. 4621 судно с тоннажем нетто 23 миллиона тонн (брутто 31 миллион тонн). Суэцкий канал является важнейшей мировой артерией, но этому мировому пути все более и более грозит конкуренция со стороны прорытого в 1914 г. Панамского канала, грузооборот которого превысил в 1923 г. движение по Суэцкому каналу. (Подробнее см. собр. соч. т. II «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути», стр. 237 — 241).

Могучее современное государство, овладевшее Константинополем, захватило бы в свои руки мировую гегемонию и открыло себе путь к Индостану. Любопытно, что уже Христофор Колумб, замышляя достигнуть Индии с востока, увлекался планом атаковать Оттоманскую империю и сокрушить ее. Современники Колумба считали эту мысль химерой, их потомки держались тех же взглядов. Однако, и Россия, и Англия, и Германия в своей политике по отношению к Оттоманской империи, несомненно, имели в виду пути на Индию. Ясно, ареной каких интриг, объектом какой упорной и страшной атаки со стороны остального мира должна была сделаться страна, богатая замечательными проливами, прекрасными берегами, пересеченная великими мировыми путями из Европы в Азию и обладавшая притом Константинополем.

Известно, какую роль вопрос о Константинополе, а вместе с тем о Босфоре и Дарданеллах играл в прошлых русско-турецких отношениях. «В том, чьей власти подчинены проливы Босфор и Дарданеллы, — писал Горяинов, — кроется для России разрешение пресловутого Восточного вопроса» (Горяинов: «Босфор и Дарданеллы», стр. 1). Для России Константинополь, понятно, был прежде всего великой стретегической базой, опираясь на которую можно было постепенно овладеть всем Балканским полуостровом и Малой Азией, и, захватив в свои руки львиную долю наследства больного человека, превратить Черное море в русское озеро. Но уже с самого начала, как только открылся Восточный вопрос, обнаружилось, что наше правительство имеет в виду и защиту непосредственных насущных интересов нашего купечества, нашей внешней торговли. Кучук-Кайнарджийский мир открыл русскому торговому флоту доступ в Черное и Средиземное моря. XI-я ст. Кучук-Кайнарджийского договора 10 июля 1774 г. гласит: «Для выгодности и пользы обеих империй разрешается вольное и беспрепятственное плавание купеческим кораблям, принадлежащим двум контрактующим державам во всех морях, их омывающих, и Блистательная Порта позволит российским купеческим кораблям свободный проход из Черного моря в Белое, а из Белого в Черное».

Восточный вопрос, — это, как мы формулировали выше, — великая территориальная, экономическая и религиозная проблема — ярко обнаруживает здесь свою экономическую подоплеку. Не следует забывать, что Россия в это время отнюдь не была, согласно шаблонному представлению, экономически отсталой страной. Наоборот, как доказал Тарлэ в своей статье «Была ли Екатерининская Россия экономически отсталой страной», внешняя торговля России в ту эпоху достигла очень серьезных размеров. Так, Россия ввозила во Францию больше товаров, чем Пруссия, Швеция, Дания и другие передовые промышленные страны этого времени. Что касается торгового мореплавания, то из России в одну Францию пришли в 1785 г. 140 судов. В частности, относительно нашего черноморского побережья мы имеем очень интересные сведения в работе А. Скальковского, посвященной истории Новороссии. Здесь мы читаем, что в 1805 г. из Одессы было отправлено за границу слишком до 700 000

четвертей пшеницы. До таких размеров отпуск из Чикаго дошел лишь спустя $^1/_2$ столетия. Несчастное положение промышленности на юге и на западе Европы, особенно во Франции и Италии, в конце XVIII и начале XIX столетия, было, по словам Скальковского, причиной обогащения новороссийских портов, ибо все государства нуждались в хлебе, и нигде он не был так дешев, как в черноморских портах, оживленных плодоносными степями. В течение 1805 г. 666 заграничных и 496 каботажных судов кинули якори в Одессе, из их числа 531 корабль отправились за границу, и, вероятно, большая часть нагружена была хлебом.

Понятно, что при таком развитии внешней торговли Россия была жизненно заинтересована в открытии свободного выхода русским купеческим судам. Но наша дипломатия никогда не желала удовлетвориться одним открытием проходов для русских торговых судов. Утверждение русского господства над Константинополем и Дарданеллами, с целью превращения этих пунктов в великую операционную базу для дальнейших завоеваний, было заветной мечтой русских государей, символом веры нашего империализма. Но в этом пункте не могло быть соглашения между Россией и другими державами, стремившимися, подобно России, к мировой гегемонии. Во время переговоров с Наполеоном относительно раздела Оттоманской империи Александр доказывал, что Константинополь служит ключом к его дому, французский посол Коленкур ему возражал, что в таком случае Россия получила бы ключ к Тулону, к Корфу, к всемирной торговле (Донесение Коленкура 24 июня 1808 г.).

Взаимная борьба между различными государствами, стремившимися помешать друг другу захватить в свои руки исключительную собственность — Константинополь, ослабляла силу натиска, которому подвергалась в течение последних столетий Турция, но все же этот непрерывный, все усиливающийся напор со стороны внешних врагов, как Дамоклов меч висел над внутренним развитием Оттоманской империи, мешал ее прогрессу.

История не знает другого государства, которому в течение последних трех столетий пришлось выдержать столько войн, сколько их вынуждена была вести Оттоманская империя. Было время, когда в Турции народное образование стояло выше, чем в остальной Европе; в XV веке школы в Турции были гораздо более распространены, чем в самых передовых странах Европы. Очень рано также двор падишаха стал центром высшей образованности.

Господство анархии, медленное, но безостановочное разложение, это — судьба в прошлом многих государств, имеющих чрезмерно могучих соседей. Такова была участь «Речи Посполитой», которая погибла в результате анархии, поддерживаемой и обостряемой интригами сильных внешних врагов Польши, именно: правительств Пруссии, Австрии и преимущественно России; такой характер носила внутренняя история многих государств южной и особенно центральной Америки.

Турция остановилась в своем развитии не только потому, что ей пришлось вести за последнее столетие напряженную оборонительную войну против внешних врагов, не только потому, что Европа всеми силами поддерживала самые отсталые племена Турции: курдов, арабов, албанцев, снабжая их оружием, деньгами, поощряя бороться против устройства шоссейных путей, железных дорог во многих частях империи, там, где это не совпадало с планами той или другой державы, но потому, что некоторые европейские государства решительно становились поперек введению европейских же реформ в Оттоманской империи.

Русское правительство с давних пор имело роковое влияние на внутреннее развитие Турции и всеми силами препятствовало введению европейских порядков в Оттоманской империи. Султан Абдул-Азис (1861 — 1876) находился под сильным влиянием агентов русского правительства и, сопротивляясь введению конституции в Турции, открыто называл своим единственным и истинным другом русского посла Игнатьева, ибо последний поддерживал султана в его нежелании последовать советам Митхад-паши относительно введения реформ в Турции.

Как это было с Россией, в эпоху Петра Первого, с Пруссией, после наполеоновских побед, со всеми остальными странами, и в Турции стремление к реформам возникло под влиянием внешней опасности. Еще султан Мустуфа III (1757 — 1774) при вступлении на престол выразил решительное намерение изменить политику страны и восстановить ее прежнее величие. Как рассказывает в своих мемуарах барон Тотт, агент Шуазеля, французского министра иностранных дел, Мустафа III понимал все великое значение Суэцкого перешейка и задумывал прорыть через него канал. «Он желал уничтожить все темные стороны турецкого режима, и есть основание предполагать, что для осуществления своей заветной цели — поднятия величия Оттоманской империи — он готов был пожертвовать деспотизмом» (Мемуары о турках и татарах. Париж, 1874). При Мустафе была открыта в Константинополе первая публичная библиотека. Сын Мустафы, Селим III продолжал дело отца, но египетская экспедиция Наполеона (1798), вторжение английского флота через Дарданеллы в Мраморное море и появление этой эскадры перед Константинополем, и попытка Англии овладеть Александрией — все эти внешние удары ослабили престиж султана, дали оружие в руки врагам реформ, и несчастный султан был убит янычарами, которые возвели на престол Мустафу IV. В течение шестимесячного царствования этого ставленника янычар, старо-турецкая партия пыталась отменить все прежние нововведения. Но часть офицеров, получивших европейское образование, командовавших войсками на Дунае, на русской границе, и понимавших, какими опасностями государству грозит поворот в сторону реакции, устроили заговор, военное восстание перебросилось в столицу, султанский сераль был взят, и султан вынужден был отречься от престола. На трон вступил (1809) энергичный и талантливый Махмуд II. Он назначил своим великим визирем одного из вождей революции, губернатора Байракдара, и немедленно принялся за дело европеизации страны.

Подобно стрельцам в России, янычаре были в Турции главными врагами прогресса и каких бы то ни было реформ. Но с янычарами было труднее справиться, чем со стрельцами. После долгой борьбы, в результате которой со стороны реформаторов погибло много жертв и в том числе великий визирь Байракдар, осмелившийся открыто выступить против янычар и объявить их институт отжившим свой век и вредным для страны, Махмуд II провозгласил в 1826 г. (16 июня) священную войну против янычар и дал им последний решительный бой. С момента уничтожения армии янычар, Турция впервые решительно вступает «на путь реформ». Это начало эры Танзимата (от арабского слова «танзим» — организация, реформа). Покончив с янычарами, Махмуд поставил вопрос о необходимости уничтожить барьер, отделяющий в его империи христиан от мусульман. «Отныне для меня мусульмане будут существовать только в мечети, христиане — в церкви, евреи — в синагоге. Вне этих священных мест, все мои подданные будут пользоваться одинаковыми правами под моим покровительством». Просвещенные турки ясно видели, что вне реформ нет спасения для их страны. «Я убежден, — говорил в 1830 г. адмирал Халил-паша, — что если мы не успеем, как можно скорее, ввести у нас европейские порядки, нам останется лишь вернуться в Азию (Эдуард Дрио: «Восточный вопрос», см. стр. 135).

В общем, при объективном изучении дальнейшей истории Танзимата, мы приходим к заключению, что турки, это — кочевое племя, каких-нибудь пять столетий тому назад появившееся на европейском континенте, выдвинули из своей среды целый ряд государственных деятелей, ничем не уступавших, по широте своего умственного горизонта и пониманию всей важности реформ для обновления и возрождения страны, европейским преобразователям. Но обстоятельства сложились крайне неблагоприятно для Турции. Так, в самый разгар военно-реформаторской деятельности Махмуда, через год после уничтожения армии янычар, последовала, роковая для Турции, Наваринская битва (1827 г.), уничтожившая весь турецкий флот; далее, в 1828 г., война с Россией, закончившаяся тяжелым для Турции Адрианопольским миром, в 1830 г. нападение Франции на Алжир, в 1831 г. восстание египетского хедифа Мехмет-Али и в результате вмешательство России и Ункиар-Искелесский договор (1833).

В результате младотурецкого переворота 1908 г., Турция на протяжении четырех лет, т.-е. с 1908 по 1912 г., подверглась трем неожиданным нападениям, вначале со стороны Австрии и Болгарии, затем Италии, наконец, четырех Балканских государств. Эта несчастная страна на протяжении всей прошлой истории, в самые критические переходные моменты внутреннего государственного переустройства, не имела ни минуты покоя и должна была напрягать все свои силы, исходить кровью в борьбе с внешними врагами. Понятно, насколько это затрудняло задачи реформаторов сверху, роняло их престиж. Правда, не раз, в течение последних столетий, некоторые европейские государства выступали на защиту Оттоманской империи против ее врагов, но

в таких случаях временные союзники Турции заставляли ее расплачиваться в виде благодарности за услуги такой ценой, которая была порой хуже поражений.

Как мы указали выше, многие государственные деятели Турции прекрасно понимали необходимость самых серьезных реформ для экономического и культурного обновления страны. Но, как правильно указал Раковский, Турция находилась в далеко менее благоприятном положении для преобразования на европейский лад, чем другая азиатская страна, Япония, представлявшая почти (до начала XX века) такое же теократически-военное государство, каким была Турция. Еще Л. Мечников указывал, говорит Раковский, что Японию от иноземного нашествия спасло ее географическое положение, в особенности морское течение Куро-Сиво, изобилующее подводными камнями и делающее ее берега почти недоступными. Условия для исторических экспериментов в Турции были более неблагоприятны, чем в какой бы то ни было другой стране в революционный период. Непрерывный экономический натиск со стороны всей Западной Европы, военный — со стороны России, связывал Оттоманскую империю по рукам и ногам. Особенно серьезное противодействие встречали турецкие реформаторы своим начинаниям именно со стороны самого опасного врага Оттоманской империи — России.

«Екатерина, пользуясь замешательством в западных государствах Европы, неуклонно всеми средствами добивалась разложения Оттоманской империи», говорит Горяинов в своем капитальном труде по истории русско-турецких отношений.[1] Уже в 1871 г. в инструкции, данной Александром графу Разумовскому 10/22 сент. 1800 г., император заявил, что одним из основных начал его политической системы будет принятие постоянных мер к сохранению Оттоманской империи, слабость и внутренние беспорядки которой служат драгоценным обеспечением безопасности для России с ее стороны. Тех же взглядов на русскую политику

[1] С. Горяинов: «Босфор и Дарданеллы». (Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и С.-Петербургском главном архиве.) С.П.Б., 1907 г. Объективная работа директора государственного архива удостоилась лестных отзывов во французской печати (см. статьи Ганото, Виктора Берара), зато ее появление вызвало в свое время донос в «Новое Время» со стороны небезызвестно-реакционного историка среди фельетонистов и фельетониста среди историков, именно, К. Валишевского, поднявшего шум по поводу небрежности царского министерства иностранных дел, допустившего выход в свет «лживого клеветнического труда» Горяинова. «Г. Горяинов находит, — писал К. Валишевский, — что в течение двух веков, Россия, взяв в свои руки дело своих братьев на Балканском полуострове, представлялась, что она работает над их освобождением и борется за них, все время их обманывала, будучи всегда готовой предать их судьбу и отдать их Турции, Австрии, самому чорту, лишь бы это способствовало ее движению по пути к Константинополю. И г. Горяинов полагает, что это прекрасно и что надо это объявить всему миру на русском и французском языках» («Новое Время», 18/IX 1910 г.).

по отношению к внутренним реформам держался и Николай I. Как пишет Горяинов об инструкции, преподанной посланнику в Константинополе Бутеневу: «Русская политика в отношении Турции определялась в следующем. Сегодня, как тогда (1833 г.), государь твердо решился: 1) воспользоваться всеми зависящими от него средствами, чтобы влиянием и действием поддерживать существование Оттоманской империи под ныне царствующей династией; 2) противодействовать всякому плану, который бы клонился к нарушению независимости власти султана; 3) не признавать порядка вещей, который мог бы посягнуть на настоящее существование Оттоманской империи, и, наконец, 4) согласиться с Австрией насчет наиболее целесообразных мер, принятых сообща обоими императорскими дворами, с целью предупредить опасности, от изменения в строе Оттоманской империи, каковое изменение вредно отразилось бы на спокойствии и интересах собственных владений, пограничных с Турцией (Горяинов, стр. 43).

Враждебное отношение к каким бы то ни было реформам в Турции было основным принципом царской политики по отношению к этой стране, и появлялось не только в решительном противодействии более или менее серьезным начинаниям в области государственного переустройства, но и в борьбе с самыми скромными новшествами. Так, когда в 1868 г. в Константинополе был открыт французский лицей, куда впервые стали приниматься и мусульмане, и христиане, при чем вопреки пессимистическим предсказаниям о невозможности существования в Турции подобного учреждения в виду национальной и религиозной ненависти, разделяющей турок и христиан, общественное мнение отнеслось с необычайным сочувствием к французской затее, — русский посланник не стеснялся открыто выражать свое недовольство по поводу этого новшества, противоречащего всему строю турецкой жизни. Но второй год существования лицея в последнем числилось 277 мусульман, 119 армян, 85 греков и т. д. Русский посланник был так недоволен этим неудачным экспериментом, что открыто советовал грекам не посещать этого лицея (Поль Имбер: «Возрождение Оттоманской империи», стр. 205. «Все попытки турецких реформ, — говорит принц Саббах-Эдудин, — наталкивались на упорное противодействие России. Турецкое либеральное движение было задавлено сначала скрытой, а затем явной враждой России, огнем ее 700 000 ружей, опиравшихся на помощь 70 000 румынских штыков»).

И в этой политике царской России нет, с точки зрения империализма, ничего ненормального. В данном случае государственными деятелями руководит верный исторический инстинкт. Борясь против прогресса в соседней стране, поддерживая реакцию в ней, данное государство мешает не только культурному, но и *военному* возрождению соседней страны, делает последнюю игрушкой в своих руках. По поводу русско-турецкой войны 1829 г., русский посланник Поццо-де-Борго писал: «Если султан и оказался в состоянии противопоставить такое энергичное и продолжительное сопротивление, едва став на путь разработки своих

планов реформ, то насколько более мощной встала бы перед нами его страна, если бы у него было время осуществить дальнейшие свои намерения».

Царская политика по отношению к Турции, это естественная, так сказать, закономерная политика всех сильных государств по отношению к отсталым соседям, на территории которых первые имеют те или другие притязания.

§ 4. Капитуляции, как основной фактор экономического регресса Турции в XIX веке. Европейский капитал и турецкая промышленность. Земельный вопрос в Европейской Турции.

В истории экономического развития Оттоманской империи особенно роковую роль играли так называемые капитуляции, т.-е. особые договоры, которые ставили подданных христианских держав в особое привилегированное положение на территории Оттоманской империи. Первая «капитуляция» была подписана Турцией в пользу Франции в 1535 г. в связи с союзным договором, заключенным Франциском I с Солиманом Великолепным. В течение периода от 1535 г. по 1740 г., когда была подписана последняя капитуляция, было вырвано Францией у султанского правительства двенадцать капитуляций. В силу этих капитуляций французские подданные пользовались в Турции правом экстерриториальности и зависели от юрисдикции своих собственных консульств. Турецкое правительство не имело права облагать французских подданных новыми налогами без согласия французского правительства. Постепенно все европейские правительства добились для своих подданных тех же привилегий, которыми пользовались французские граждане. С течением времени оказалось, что турецкие подданные не имеют никакой возможности на равных правах бороться на собственной территории с иностранной конкуренцией в области промышленности и торговли. Когда турецкое правительство ввело патенты на право производства или продажи тех или других предметов в империи, европейские правительства не согласились допустить обложения своих подданных патентным сбором. Таким образом европейские коммерсанты оказывались освобожденными от тех налогов, которые ложились бременем на турецкого купца. Чем более усиливалось влияние иностранных правительств в Турции, тем больших привилегий добивались они для своих подданных. Вместе с тем росло число собственно турецких подданных, главным образом, если не исключительно христиан и евреев, которые всякими правдами и неправдами добивались покровительства той или другой державы, становились французскими, английскими и т. д. «протеже» и получили таким образом возможность пользоваться привилегиями, недоступными остальному населению Турции. Кто не мог сделаться иностранным протеже, выезжал за границу, натурализовался там и возвращался на

*

родину, вооруженный новыми правами и преимуществами. Таким образом, собственно турецкие подданные, желавшие посвятить себя торговой и промышленной деятельности, не имели возможности с какими-нибудь шансами на успех бороться с иностранцами, утвердившимися на территории Оттоманской империи.

В одной из своих лекций о французских интересах в Турции Виктор Берар с чувством глубокого удовлетворения сказал следующее:

«37-ой пункт Капитуляции 1740 г. постановляет, что отныне турецкие таможни не будут никогда взимать более 3% с французских товаров, ввозимых в Турцию. Именно благодаря этому пункту капитуляции 1740 г. старотурки никогда не имели возможности в прошлом, а младотурки не имели права и в нынешнем 1912 г. изменить по своей воле Оттоманскую таможенную систему. Сверх этих 3% они не имели прав обложить нашу торговлю какой-либо таксой, которая не одобрена нами. Разве это не хорошее воспоминание, оставшееся нам через 172 года после визита, который наш посланник сделал в 1840 г. Высокой Порте. И турки в течение этих 172 лет никогда не отказывались признавать те привилегии, которые они нам дали в 1740 г. Наоборот, в договорах 1802, 1868, 1878 гг. они признавали все эти обязательства и даже расширяли».

Однако, ясно, что подобные подарки как французам, так и другим иностранцам являлись величайшим тормозом экономического развития Турции. Иностранный капитал проникал в Оттоманскую империю как хищник и грабитель, как ростовщик, который не развивает производственных сил страны, а лишь высасывает все ее жизненные соки и убивает ростки самостоятельной национальной индустрии на почве, на которой уже давно могли бы сформироваться и создаться в Турции на ряду с тонкими слоями передовой бюрократии и либерального офицерства могучие торгово-промышленные классы, влиятельная буржуазия и многочисленный пролетариат, эти единственные непрерывно действующие факторы безостановочного, экономического, политического и культурного обновления страны.

В своей известной работе «Наши разногласия», посвященной главным образом вопросу о судьбах капитализма в России, Плеханов обстоятельно показал, останавливаясь на таможенной истории XVII и XVIII вв., какую колоссальную роль не только в завоевании внешнего рынка, но прежде всего в отстаивании рынка внутреннего, играл для Франции, Германии, С.-Американских колоний и других стран (см. стр. 180 — 165) покровительственный тариф. «Покровительственный тариф, — формулировал Плеханов в другой своей работе: «Народничество в трудах В. В. (Воронцова)», — в течение некоторого времени был совершенно необходим для развития нашей крупной и вообще капиталистической промышленности». Не будучи в состоянии собственными нашими силами бороться против своего могучего военного соседа России, Турция, ища помощи у великих европейских держав, отдавала себя, связанной экономически по рукам

и ногам, в кабалу «дружественным» государствам. Лишенная возможности применить протекционный тариф по отношению к французским, английским и т. д. товарам, Турция в XIX ст. не могла создать у себя крупной индустрии, между тем, как под влиянием иностранной конкуренции домашняя промышленность шла к упадку. Все попытки богатых греческих, армянских купцов создать фабричную индустрию в Оттоманской империи закончились фиаско.

И даже в тех случаях, когда европейский капитализм создавал в Турции такие великие орудия экономического и культурного возрождения, как железные дороги, последние проводились в таких условиях, что они становились прежде всего фактором быстрого обнищания народных масс.

Ни одна дорога не была проведена в Оттоманской империи согласно первоначальному плану, одобренному турецким правительством, в большем или меньшем соответствии с экономическими и стратегическими интересами страны. В своей железнодорожной политике Турция прежде всего вынуждена была считаться не столько с собственными потребностями, сколько с видами правительства всех первоклассных государств, часто несогласных друг с другом. Кроме того, сама постройка дорог обходилась турецкому населению крайне дорого. Лучшей иллюстрацией может служить пресловутая Багдадская дорога с ее чудовищными гарантиями, километрической гарантией за порчу материала, гарантией за скорые поезда, с ее концессиями на эксплуатацию территорий, лежащих по обеим сторонам рельсовой колеи и т. д.

И понятно, что, стремясь выжать все соки из населения Оттоманской империи и превратить последнюю в европейскую колонию, в международное Марокко, французские, английские, немецкие финансисты нисколько не интересовались вопросом о мрачных сторонах турецкого режима. Наоборот, в глазах международной финансовой плутократии кровавый султан Абдул-Гамид был замечательным дипломатом, идеальным государем, лучше которого трудно было найти для Турции. Полиция всех цивилизованных стран и республиканской Франции, и конституционной Англии находилась в полном распоряжении Абдул-Гамида и зорко следила за турецкими эмигрантами за границей, за армянскими революционерами, за младотурками и т. д. И понятно, что европейские правительства прежде всего заботились об интересах кучки фабрикантов и финансистов, оказывая такие услуги Абдул-Гамиду, этому агенту международной плутократии в Турции. Не давая ходу отечественной промышленности, «кровавый» султан в то же время продавал с молотка свою страну иностранным капиталистам. Неудивительно, что даже такой, казалось, горячий армянофил, как Клемансо, основатель журнала «За Армению», сделавшись французским премьером, охотно прощал все злодейства государю, который с такой предупредительностью на таких выгодных условиях отдавал французским финансистам концессии на сооружение портов, набережных, маяков, на проведение шоссейных и железнодорожных путей,

городских трамваев, на эксплуатацию угольных копей. И несомненно, что главным виновником ужасов турецкого режима была прежде всего капиталистическая Европа. Правда, международная «финансовая олигархия» не давала Оттоманской империи умереть, но вместе с тем не позволяла Турции свободно двигаться и нормально развиваться. Европейские державы навалились всей своей тяжестью на отсталую страну и задушили ее. Международная дипломатия не желала видеть Турцию возрожденной, преобразованной страной. Это обнаружилось сейчас же после провозглашения конституционного режима в 1908 г. Правда, словесным поощрениям, комплиментам, расшаркиваниям со стороны дипломатов и газетных писак по адресу новой Турции не было конца. Но как только турки намекнули на необходимость доказать искренность этих симпатий отказом от капитуляций, влиятельные органы европейской печати сразу изменили тон. Стало-быть, Турция должна была остаться навеки в экономическом порабощении у международной плутократии. И всякая попытка высвобождения из-под европейского гнета в этом отношении грозила суровыми репрессиями. Ошибки и преступления младотурок, не умевших на новых началах разрешить национальный вопрос в Оттоманской империи, явились лишь удобным предлогом для нападок на новый режим Турции, но причина враждебного отношения правящих классов Европы к младотуркам заключалась, конечно, не в неумении последних слить все национальности империи в одно целое, а как раз наоборот, в опасении дипломатов, что младотуркам, в конце концов, удастся преобразовать страну и создать сильное государство, которое сумеет в недалеком будущем сказать иностранным эксплуататорам: «руки прочь».

Все несчастье, все специфические темные стороны турецкого режима и вместе с тем главная причина отсталости Оттоманской империи заключались не столько в правовом строе, в теократическом характере мусульманского государства, сколько прежде всего в том экономическом режиме, который капиталистическая Европа насильственно навязывала слабой Турции. Неправильно утверждать, будто ислам помешал возрождению Турции.

На наших глазах ислам с поразительной быстротой и легкостью приспособлялся к новым условиям жизни, к свержению старого деспотического режима в Персии и Турции, к введению конституции и парламента в обеих странах. Лучшая иллюстрация приспособляемости ислама к прогрессу, к новым властным требованиям переживаемой нами эпохи, это та выдающаяся роль, которую персидское духовенство со всеми его мушт-еидами, муллами, сеидами и т. д. играло в событиях 1905—1907 гг. в качестве авангарда революционной армии. Сколько представителей шиитского духовенства пало в борьбе за конституцию под ударами шахских солдат во время уличных демонстраций, сколько было повешено, расстреляно, замучено в тюрьмах. Равным образом мы видим, как на наших глазах происходит полный перелом в духовном складе и облике передовых слоев мусульманского населения Индии, Марокко, Алжира и Туниса, как новые веяния начинают проникать даже в наиболее отста-

лые круги мусульманского общества. Основное зло турецкого режима заключалось до сих пор в особом характере деятельности иностранного капитала в Оттоманской империи.

Громадное количество европейских капиталов было вложено в довоенную Турцию. Иностранные капиталы, помещенные в Оттоманской империи, распределялись, по официальным данным, приблизительно, следующим образом: французский капитал — 100 000 000 фунтов стерлингов, немецкий капитал — 36 000 000 ф. ст., английский капитал — 30 000 000 ф. ст. Итак, однако, только французского капитала помещено в Турции более, чем на $2^1/_2$ миллиарда фр., т.-е. $^1/_{15}$ часть всего французского капитала, помещенного за границей. Однако, степень развития турецкой фабричной промышленности совершенно не соответствовала громадной сумме иностранных капиталов, вложенных в Оттоманскую империю. Известно, что фабрично-заводская промышленность в Турции находится на крайне низком уровне развития. Правда, существуют уже механические кожевенные заводы в Салониках, Константинополе, Смирне. С недавнего времени, главным образом, с момента свержения Абдул-Гамида и начала нового режима, открылись хлопчатобумажные фабрики, фабрики фесок и т. д. в Салониках и внутренних областях Македонии, но эти слабые зачатки нарождавшейся крупной индустрии создались лишь благодаря некоторым поощрительным мерам младотурецкого правительства и вырванному с трудом у Европы разрешению повысить пошлины на некоторые ввозные товары с 8% до 11%. Сам по себе европейский капитал мало содействовал созданию крупной фабричной индустрии в Турции. Проникновение европейского капитала в отсталые страны, неспособные защищаться против внешнего экономического натиска, на первых порах ведет к оживлению экономической жизни, к разрушению старых устоев патриархального быта данной страны, к развитию внутреннего и внешнего товарного обращения, к увеличению богатств, численности и влияния туземного купечества. Но как только туземная торговая буржуазия обнаруживает тенденцию выделить из своего состава класс фабрикантов и заводчиков, как только посредник между европейским капиталом и туземным потребителем обнаруживает стремление взять на себя самого роль предпринимателя, внешнее экономическое влияние, гнет Европы становится поперек экономическому прогрессу отсталой страны, росту ее производительных сил. Анализируя распределение французского капитала в $2^1/_2$ милл. фр., вложенного в Оттоманскую империю, мы увидим, что большая часть этого капитала, именно $1^1/_3$ милл. фр., вложена в турецкие государственные бумаги, что из остального миллиарда почти $^1/_2$, именно около 400 миллионов фр., вложено в железные дороги, идущие от морского побережья на сто, двести, maximum триста километров внутрь страны, 100 милл. фр. в недвижимую собственность, 80 милл. фр. в банки, 60 милл. фр. в торговые конторы, 50 милл. фр. в мореходные линии и только 60 милл. фр. в угольные

копи, служащие для тех же железных дорог, и в другие индустриальные предприятия. Таким образом из значительного капитала в $2^1/_2$ милл. фр. только ничтожная доля, именно 2,4%, шла собственно на развитие производительных сил страны, эксплуатацию ее естественных богатств. Французский капитал создает в Турции набережные, с помощью которых можно было бы легко выгружать европейские товары, железные дороги, идущие от приморских пунктов и служащие как бы прямым продолжением французских мореходных линий, банки, экспортные и импортные конторы, почтовые бюро и т. д., одним словом, самые разнообразные орудия проникновения иностранных фабрикантов в Оттоманскую империю. Убивая мелкую туземную индустрию, содействуя падению домашнего ремесла, вырождению крепкого, когда-то и могучего турецкого крестьянства, этого оплота Оттоманского государства в самые тяжкие годины внешней опасности, иностранный капитал не создавал в то же время в Турции крупной промышленности, не вел к быстрому зарождению новых классов, носителей будущего. Приблизительно так же действовал в Турции английский и немецкий капитал. Оттоманская империя оставалась до мировой войны «мужицкой» страной. Земледелие является основой всего экономического строя Турции, единственным источником существования более чем 95% ее населения. Оно же составляет главнейший источник государственных доходов. Над глубоким пластом мусульманского крестьянства, составлявшего почти все «трудовое население» империи, ее единственный класс производителей, подымался тонкий слой спахиев (крупных помещиков) и затем гражданской и военной бюрократии.

Основной чертой турецкого земельного законодательства являлась неотчуждаемость недвижимой собственности за долги. Во всех современных западно-европейских государствах закон предусматривает и тщательно формулирует условия действия ипотек. В деталях ипотечное законодательство в одной стране отличается от порядка, действующего в другой, но в общем и целом европейское законодательство освящает право кредитора экспроприировать с помощью ипотек недвижимую собственность должника. Более того, в резком противоречии со всем духом турецкого земельного законодательства европейский закон признает за анонимными финансовыми обществами право быть земельным собственником, право сосредоточивать в своих руках обширные латифундии. Между тем старый турецкий демократический закон, не потерявший силу до сих пор, гласит, что всякое анонимное финансовое общество «не имеет ни души, которая может быть спасена, ни тела, которое может быть наказано», и что поэтому подобная организация не может быть земельным собственником.

Недвижимая собственность в Турции делится на три группы: «мулк» или частная собственность, «эрази мирие» или государственные земли, «вакуф» или земля, принадлежащая мечетям и благотворительным учреждениям. Что касается земель, подходящих под категорию

«мулк», закон уподобляет их движимой собственности в том смысле, что их владелец может отдавать свою землю в залог. Но это обстоятельство не дает никаких гарантий кредитору. Не существует никаких ипотечных книг, не делается никакой записи о выдаче закладной, и собственник в любой момент может перепродать свою собственность третьему лицу. Что касается вакуфа и государственных земель, они не могут закладываться в обеспечение долга. В общем даже в тех случаях, где принудительное отчуждение недвижимой частной собственности за долги допускается законом, осуществление этого права обставлено такими формальностями, вызывает необходимость такой долгой и дорого стоящей процедуры, которая способна обескуражить самого упрямого кредитора. Понятно, при таком характере судопроизводства, при отсутствии земельного кадастра и ипотечных книг, образование крупных земельных банков, открытие отделений «Credit Foncier» и т. д. являлось невозможным в Оттоманской империи, не говоря уже о других препятствиях, мешавших ускоренной мобилизации и концентрации земельной собственности в одних руках, именно об упомянутом пункте Оттоманского законодательства, не признавшем за банками и другими анонимными учреждениями права владения недвижимой собственностью. Ясно, что вся сущность турецкого аграрного законодательства сводилась к тому, чтобы помешать исчезновению мусульманского мелкого и среднего крестьянства, этого оплота старой Турции, не допустить экспроприации у землевладельца его средств производства. Но это оттоманское аграрное законодательство не соответствовало условиям современного капиталистического хозяйства, и младотурецкое правительство сделало попытку пойти в этой области навстречу требованиям кредиторов Турции. Директор кадастра Махмуд-Эссад-Эффенди выработал проект земельного законодательства, осуществление которого должно было упростить и, так сказать, модернизировать аграрный режим Оттоманской империи. Правда, и проект Махмуда Эссада-Эфенди не допускал принудительного отчуждения за долги всего участка, принадлежащего землепашцу, и оставлял в руках должника, если дело шло о государственной или вакуфной земле, такую часть последней, обработка которой могла бы обеспечить крестьянину прокормление его семьи (проект Махмуда-Эссада-Эфенди, § 1-й); во всяком случае осуществление этого проекта пробило бы широкую брешь в оттоманском аграрном законодательстве, ускорило бы процесс мобилизации мелкой и средней крестьянской собственности и образование новых категорий крупных земельных собственников на европейский образец. Проект ипотечной реформы и всего земельного законодательства, выдвинутый директором кадастра, должен был обсуждаться в парламентской сессии 1912 г. Итало-турецкая, а затем балканская война отодвинули обсуждение этого проекта; балканская война произвела революцию в области земельных отношений в отвоеванных областях Европейской Турции. Значительная часть мусульманских плодоносных земель досталась всякого рода сербским, греческим, болгарским спекулянтам, землевладельческим акулам,

заблаговременно скупившим за бесценок лучшие участки у турецких собственников. Немалая часть захваченной земли отдана была в награду отличившимся генералам, министрам, членам сербской, греческой и болгарской династии. Наконец, часть покинутых турками или отнятых у последних земель досталась аграрным банкам. Как бы то ни было, в результате побед христианских войск над «варварскими», турецкими армиями любой участок земли в Македонии и Фракии сделался таким же объектом товарного обращения, таким же предметом купли и продажи, как всякая другая «полезная» вещь в современном капиталистическом хозяйстве. Таким образом, победа христианской цивилизации «над мусульманским варварством» повела к ускорению процесса экспроприации мелкой земельной собственности в бывших европейских владениях Турции.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СВЕРЖЕНИЕ СУЛТАНА АБДУЛ-ГАМИДА И МЛАДОТУРЕЦКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1908 г.

Могучее русское революционное движение начала XX столетия, направленное против царского деспотизма, нашло отклик на всем Востоке и в том числе в Турции.

Турецкое либеральное движение, направленное против султанской власти, обострилось благодаря опасности, угрожавшей целости Оттоманской империи в результате захватных планов великих и малых европейских государств, стремившихся к расчленению Турции. Турция сохраняла свое существование только благодаря соперничеству между европейскими державами, но тем не менее последние отрывали у Оттоманской империи одну территорию за другой, устанавливая в уцелевших областях Оттоманского государства «зоны влияния». В одних областях Турции распоряжалась фактически Англия, в других — Франция, в третьих — Германия и т. д.

Такое положение вещей вызывало сильное недовольство существующим порядком во всем турецком офицерстве и в широких кругах турецкой торговой буржуазии, недовольных «европейским засильем», и в народных массах, не желавших примириться с хозяйничанием «гяуров» (неверных) в стране ислама. Раболепство султана и его подкупных министров перед европейскими правительствами возбуждало турецкую интеллигенцию и офицерство против султанской власти. Было известно, что один министр является наемным агентом Англии, другой — Франции, третий — Германии и т. д. Сам «падишах» — султан стал рассматриваться, как слепое орудие в руках европейских держав для борьбы с возрождением Оттоманской империи. При таких условиях восстание против деспотической власти султана стало неизбежным.

Младотурецкая революция 1908 г. вызвала сильное недовольство в буржуазных кругах всей Европы и России. Явилось опасение, что Тур-

ция может возродиться и усилиться, и тогда придется отказаться от планов ее расчленения. Эта перспектива не пришлась по вкусу ни европейским империалистам, ни русским кадетам с Милюковым во главе.

Когда в июле 1908 г. майоры Энвер-бей и Ниази-бей подняли знамя восстания против старого оттоманского режима и положили своим актом начало боевому периоду младотурецкого движения, бурные волны которого разбили в щепы устои деспотической власти кровавого султана Абдул-Гамида, значительная часть европейской и, в особенности, русской либеральной печати отнеслась с значительным скептицизмом к перспективам, которые открывались перед Турцией в результате новых событий. И среди русских литераторов и политиков либерального и радикального лагеря было особенно много пессимистов, взявших на себя роль Кассандры, высказывавших свое твердое убеждение о неспособности Турции к возрождению на основе европейских начал и предсказывавших неизбежный развал Оттоманской империи в дыму пожаров внутренней и внешней войны. Достаточно вспомнить корреспонденции Белорусова в «Вестнике Европы» и «Русских Ведомостях», статью Кондурушкина в «Русском Богатстве», многочисленные статьи в «Русском Слове», «Письма с дороги» Милюкова в «Речи» и т. д. В своей публичной лекции, прочитанной 26 окт. 1908 г. в зале Тенишевского училища, Милюков высказался в том смысле, что новый конституционный порядок в Турции не в состоянии стереть кровавую грань, отделяющую мусульман от христиан в Оттоманской империи. «Легче допустить, — заявил решительно лидер кадетской партии, — балканскую федерацию, сопровождающуюся ликвидацией Турции, чем существование славянских народностей вместе с Турцией».[1] Во всех этих предсказаниях ясно чувствовалось опасение, как бы новый режим не укрепил Турции, и проскальзывала затаенная надежда, что конституционный режим будет сорван, и Турция снова будет ввергнута в пропасть самой черной реакции и непрерывной национальной войны. Значительная часть западно-европейского общества и прессы также отнеслась с недоверием к новому порядку в Оттоманской империи и выражала сомнение в победе молодой Турции над старой, считая мечту о возрождении Оттоманской империи иллюзией.

Только во всем мусульманском мире, в Египте, Персии, Индии, Тунисе, в интеллигентных кругах Алжира и Марокко, во всех мусульманских колониях Европы, в Париже, Лондоне, Цюрихе, Берлине и т. д., весть о революционных событиях в Турции была встречена с неописуемым энтузиазмом и глубокой верой в близкое возрождение Турции и окончательное крушение старого оттоманского режима.

Конституционное движение в Турции ведет свое начало не со вчерашнего дня. Опасность, вечно угрожавшая Оттоманской империи со стороны России, давно пробудила в наиболее чутких элементах турецкого общества тревожное настроение и вместе с тем сознание необходи-

[1] Курсив наш. Изложение лекции Милюкова см. «Речь» 28 октября 1908 г.

мости коренных внутренних реформ для спасения страны от гибели. Аналогичное явление мы наблюдаем и в Японии.[1] В Турции уже с 1876 г. значительная часть армии стала на сторону конституции. Во время знаменитого переворота в ночь на 30 мая 1876 г., когда был свергнут с престола противник всяких реформ султан Абдул-Азис, дворец был окружен четырьмя армейскими батальонами, стоявшими на стороне заговорщиков. У главного входа во дворец расположен отряд учеников военной школы в походной форме под начальством маршала Сулейман-паши. В то самое время, как Сулейман-паша читал султану священную резолюцию шейх уль-ислама, санкционирующую низложение неспособного и опасного для страны государя, вся турецкая броненосная эскадра стоявшая неподалеку от дворца, давала один залп за другим из всех своих пушек, в знак того, что армия и флот готовы силой оружия отстоять волю нации. Конституционное движение в Турции было подавлено благодаря вмешательству России и войне с ней. Русская политика по отношению к Турции заключалась не только в постоянном отторжении от Оттоманской империи одной части ее территории за другой, но и в охране всеми зависящими от русского правительства средствами старого турецкого режима, основанного на деспотизме власти, полном бесправии всего населения Турции и на резкой, искусственно разжигаемой, национально-религиозной войне между различными народностями, входящими в состав империи .

Конституция была отменена, но армия продолжала служить очагом недовольства. Только албанская гвардия, инородческий элемент, игравший во внутреннем развитии Оттоманской империи такую же мрачную роль, какую у нас играли казачьи войска, обнаруживала слепую приверженность султану. Недоверие султана к армии было так велико, что в течение последних десятилетий в Турции никогда не производилось военных маневров, ибо султан опасался, что если несколько полков соберутся вместе, они, может-быть, столкуются между собой и двинутся на Константинополь; на учении солдаты всегда стреляли лишь холостыми патронами. Таким образом, правительство старалось лишить армию реальной силы, держало ее в боевой готовности только в Македонии и некоторых частях Аравии, там, где происходили постоянные восстания. Армия чувствовала свое униженное положение и роптала. Вместе с тем армия не отделяла себя от остального мусульманского населения, наоборот, чувствовала свою кровную связь с последним. Мысль о возможности борьбы с турками казалась солдату чудовищной. Гражданской войны, которая так разъединяет армию и мирное население и вырывает надолго пропасть между ними, оттоманская армия не знала, поскольку речь шла о турецком населении империи. Тем не менее положение армии было очень тяжело. Постоянные волнения в Македонии и Аравии заставляли армию постоянно напрягать свои силы. Солдаты, служившие по пяти

---

[1] О том влиянии, какое «русская опасность» имела на возрождение Японии, см. нашу работу: «Русско-японская война». (Собрание сочинений, т. IV ч. I).

лет, гибли во множестве под пулями арабских стрелков, болгарских, сербских, черногорских четников, умирали от лишений и болезней, приобретенных во время длинных и утомительных переходов в погоне за бунтовщиками. Крестьянское хозяйство, — откуда каждый год отрывалась не только лучшая рабочая сила, цветущая молодежь, новобранцы, уходившие надолго и часто совсем не возвращавшиеся, но и более взрослое мужское население, поставлявшее тысячи и тысячи запасных солдат, — гибло и нищало. Ведь воинская повинность падала исключительно на мусульманское население, так как христиане были освобождены от нее, и в сотнях и сотнях турецких деревень земля обрабатывалась только женщинами, отцы, братья и мужья которых, оторванные от плуга и сохи, умирали между тем где-нибудь на полях битв в Македонии, Аравии и других местах. И семейный очаг турецкой крестьянки был юдолью вечного горя и печали.

Вместе с тем продолжалось и территориальное расчленение государства. Англия захватила южную часть Аравии и вообще держала всех арабских старейшин на жалованьи, щедро награждала их за тайные и явные заслуги британским золотом, Германия собиралась завладеть Малой Азией, Критом распоряжались европейские оккупационные отряды, лихорадочно вооружалась Болгария, мечтая о походе на Константинополь, в то время, как Сербия, Греция, Черногория, с своей стороны, готовились ринуться на разлагающуюся империю, чтобы захватить себе большую долю оттоманского наследства. Лучшие элементы турецкой армии понимали, что гибель неминуема, если в Турции не будет введена немедленно конституция. Итак, армия, в лице ее руководящих элементов, решила покончить со старым режимом и спасти империю от гибели. Англо-русский проект македонских реформ, последовавший за историческим свиданием английского и русского государей в Ревеле, ускорил взрыв. Все сознательные круги турецкого, английского и русского общества услышали в звоне заздравных кубков в Ревеле (9 июня 1908 г.) погребальную песнь над Оттоманской империей. Младотурецкая партия решила не откладывать дела в долгий ящик и немедленно поднять знамя восстания против султана.

Роль турецкой армии в освободительном движении была велика, однако, не следует умалять роль остальных элементов турецкого населения в конституционном движении, как это делают многие. В настоящее время можно считать уже вполне установленным тот факт, что турецкое освободительное движение отнюдь не явилось движением, захватившим прежде всего и, главным образом, армию, подобно восстанию декабристов в России.

Турецкая революция явилась движением общенациональным, общенародным, в котором самое энергичное участие принимали все слои турецкого населения. И если справедливо, что из двух первых турецких батальонов, поднявших знамя восстания против султана, батальон под командой лейтенанта Энвер-бея состоял в значительной сте-

пени из солдат, за то второй более многочисленный отряд, двинувшийся под начальством майора Ниязи-бея, коменданта крепости Реня, состоял почти исключительно из невоенных. [1] Все значение этого факта сразу бросается в глаза. Итак, в первых двух батальонах, начавших совместно восстание, было больше невоенных, чем военных. Таким образом, уже этот первоначальный эпизод турецкой революции, представляющий собой один из тех фактов, к которым применим афоризм: «золотник фактов дороже пуда рассуждений», уничтожает шаблонное представление о турецкой революции, как о специфически военном пронунциаменто (восстание, бунт).

Чтобы понять истинный характер этой революции, достаточно ответить на вопрос: каким образом крошечная армия Ниязи-бея и Энвер-бея могла превратиться в грозную силу, которая оказалась способной не только сокрушить все могущество Абдул-Гамида, но и временно помешать планам европейских держав, готовых воспользоваться первым удобным случаем, чтобы привести в осуществление свои замыслы относительно окончательного раздела Турции. Крошечная армия Ниязи-бея и Энвер-бея оказалась непобедимой в войне с Абдул-Гамидом прежде всего потому, что на ее сторону сразу же стало все мусульманское население Македонии, все мусульманское крестьянство европейской Турции.

Во всех турецких деревнях крестьяне безвозмездно снабжали фидаев (волонтеров) провизией, сообщали о передвижениях правительственных отрядов, давали приют фидаям и скрывали их. За голову Энвер-бея была обещана громадная сумма, но последняя никого не соблазнила. Многие деревни открыто отказывались повиноваться правительству и платить подати. После турецких деревень на сторону Ниязи-бея стали переходить деревни болгарские. Лишь после того, как крестьянская масса решительно изъявила свое сочувствие и готовность оказать поддержку революционным планам Ниязи-бея, последний начал свое походное шествие от одного города к другому. Вообще июньская революция в ее первоначальной стадии может быть с большим основанием охарактеризована, как восстание мусульманского крестьянства европейской Турции против старого абдул-гамидиева режима, чем как военные пронунциаменто. [2]

Далее, после того, как кончился первый мимолетный период турецкой революции, ее медовый месяц, когда все, казалось, так приветливо улыбалось ей, и сам султан сразу пошел на все уступки, провозгласив конституцию и назначив срок выборов в парламент, и вдруг, среди всеобщего ликования, Болгария и Австро-Венгрия бросили одновременно вызов турецкой нации, захватив одна — румелийскую железную дорогу, а другая — аннексировав Боснию и Герцеговину, когда, таким образом, два

[1] См. прил. к «Таймсу» от 18 декабря 1908 г. «Конституционная Турция».

[2] Роль крестьянства в младотурецком восстании освещается в записках Ниязи-бея, изложенных в книге Найта: «Пробуждение Турции. История турецкой революции». Лондон, 1909 г.

соседних государства стояли на границах Турции, вооруженные с ног до головы, готовые по первому поводу броситься в бой, и вся европейская печать, частью подкупленная австрийскими и болгарскими агентами, частью введенная в заблуждение, трубила уже о пропасти, открывшейся перед Турцией, распространяя сенсационные известия о восстании Албании, о повсеместных бунтах в Аравии, об антихристианских и еврейских погромах, об отделении Крита и т. д., и все турецкие бумаги с необычайной быстротой падали на международной бирже, — кто же в эту минуту поднялся на защиту изменнически атакованной страны и спас ее от надвигающейся катастрофы? Не армия, потому что она при всем своем героизме и патриотизме была в тот момент бессильна дать отпор внешнему врагу, которому была бы лишь на руку война с Турцией при данных обстоятельствах. На защиту попранных прав Турции поднялся весь ее рабочий класс и остальные слои населения. Именно гражданская Турция организовала и провела тот пресловутый бойкот австро-венгерских и болгарских товаров, который заставил эти страны пойти на уступки. Именно портовые рабочие, отказавшиеся разгружать пароходы австро-венгерского Ллойда и бросавшие австрийские товары в воду, далее мелкие и средние турецкие лавочники, отказавшиеся покупать австрийские и болгарские продукты, наконец, все население, не желавшее носить более фесок, выделываемых в Австрии, потреблять австрийский сахар, сельские продукты, вывезенные из Болгарии, — вот кто явился оплотом Турции в этот момент. Бескровный экономический бойкот, проведенный с поразительной выдержкой и упорством всем населением, обнаружившим высокое самоотвержение, оказался новым могучим оружием национальной защиты. И не следует думать, будто гражданское население и, в частности, пролетариат явились в данном случае лишь слепым орудием в руках оттоманского правительства и комитета «Единение и прогресс», подчиняясь слепо приказам последнего. Когда был поднят в турецкой печати вопрос о бойкоте греческих товаров, еврейские носильщики и лодочники заявили, что они отказываются от участия в этом бойкоте из-за опасений репрессий по отношению к их соплеменникам в Греции. Благодаря поддержке рабочих других национальностей, бойкот так и не был объявлен. Далее, когда уже были оглашены прелиминарные условия австро-турецкого соглашения, и оттоманское правительство официально заявило о прекращении бойкота австрийских товаров, портовые рабочие и лодочники отказались признать это соглашение и объявили, что они будут продолжать бойкот до той поры, пока получат в возмещение за свои потери и лишения в безработные дни определенную долю из суммы, выплаченной турецкому правительству Австрией. Таким образом, оказав своей стойкостью и самоотверженностью содействие осуществлению общенациональной задачи, организации отпора внешнему врагу, турецкий пролетариат выступает затем, как определенный класс, на защиту своих собственных экономических интересов. Итак, не только армия явилась сознательным и надежным защитником турецкой конституции. Гражданское население, которое в лице крестьянства приняло столь серьезное

участие в восстании, организованном Энвер- и Ниязи-беями, и которое затем, в лице пролетариата и мелкой буржуазии, провело этот организованный бойкот, продолжавшийся пять месяцев, отнюдь не выступало лишь в роли пассивного зрителя, а, наоборот, явилось активным и энергичным борцом в деле завоевания внешней и внутренней независимости. Иначе и быть не могло: Турция до последних событий не была какой-то «чистой доской», страной, где не было ни политических партий, ни революционных организаций.

Благодаря развитию торговых сношений с Европой и проникновению в страну иностранных капиталов, Турция, хотя и медленно, но все-таки перерождалась в экономическом отношении. В 1875 г. в Турции почти совсем не было железных дорог, так как вся железнодорожная сеть имела 275 километров, в 1908 г. длина сети превышала 6000 километров. С особой быстротой развивалась Турция в течение последнего десятилетия. Внешняя торговля Турции (ввоз и вывоз) в 1887 г. = 618 миллион. марок, в 1890 г. = 670 милл. мар., в 1892 г. = 738 милл. мар., в 1895 г. = 698 милл. мар., в 1900 г. = 737 милл. марок, в 1904 г. = = 889 милл. мар.[1] Итак, за десятилетие с 1895 г. по 1904 г. внешняя торговля Турции возросла почти на 200 миллионов марок, на 27%. Особенно усилились торговые обороты приморских городов — Константинополя, Смирны, Трапезунда, Бейрута, Кайфы и т. д. Так, в 1900 г. вместимость судов, посетивших Константинополь, равнялась 10 473 регистровых тонн, а в 1905 г. уже 15 297 тонн, т.-е. увеличение в полтора раза.[2] Вместимость немецких судов, посетивших в 1892 г. Салоники — 72 тыс. тонн, в 1903 г. — 120 тыс. тонн, Смирну — в 1892 г. — 50 тыс. тонн, 1903 г. — 157 тыс. тонн, Бейрут в 1896 г. — 4 тыс. тонн, в 1902 г. — 54 тыс. тонн.[3] Нижеследующая таблица показывает поразительно быстрое возрастание торговли важнейших европейских стран с Турцией за последние годы.[4]

Ввоз в Турцию (в фунтах стерлингов):

Страны	Средний годичн. вывоз за пятилет. 1896-1900 гг.	1903 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	Увеличение в %%
Великобритания	5 701 000	5 701 000	6 965 000	8 352 000	7 809 000	39%
Австро-Венгрия	2 430 000	3 256 000	3 833 000	4 631 000	4 496 000	80%
Германия	1 629 000	2 514 000	3 552 000	3 555 000	4 087 000	138%
Италия	1 344 000	2 268 000	2 860 000	3 545 000	3 150 000	133%
Франция	1 887 000	1 832 000	2 121 000	2 365 000	3 319 000	22%
Россия	1 521 000	—	1 540 000	1 538 000	2 115 000	38%
Бельгия	—	—	1 030 000	1 326 000	1 257 000	—

[1] «Статистический Ежегодник Германской Империи», Берлин, 1907, стр. 47.
[2] Там же, стр. 48.
[3] См. Жорж Карлие: «Экономическая Турция», Париж, 1906 г.
[4] Эта таблица составлена нами на основании цифр, напечатанных в английских «дипломатических и консульских докладах» о Турции, представляемых ежегодно в палату общин. См. «Турция, дипломатические и консульские доклады» за 1900, 1902 и следующие годы.

С поразительной быстротой увеличивается в течение последних лет и экспорт товаров из Турции, как это показывает нижеследующая таблица:

Вывоз из Турции (в фунтах стерлингов):

Страны	1905 г.	1906 г.	1907 г.	Увелич. в %% за 2 г.
Великобритания	5 948 000	6 472 000	6 830 000	14,8%
Франция	4 039 000	4 580 000	4 766 000	18 %
Соединенные Штаты	2 317 000	2 675 000	3 019 000	30 %
Германия	2 578 000	2 700 000	2 961 000	14,4%
Италия	2 112 000	2 255 000	2 724 000	16,3%
Австро-Венгрия	1 822 000	1 915 000	1 732 000	0,8%
Бельгия	901 000	1 087 000	1 053 000	16,7%
Россия	570 000	707 000	755 000	32,4%

Особенно сильно содействовала экономическому возрождению Турции Германия. Рост германской промышленности и торговли в Турции начинает подыматься особенно с момента посещения Константинополя и Святой Земли Вильгельмом II, который с полным основанием мог бы назвать себя первым коммивояжером великой германской империи.

Проявляя открыто свою дружбу с султаном, оказывая моральную и дипломатическую поддержку турецкому правительству во всякого рода осложнениях внутренней и внешней политики, Вильгельм II требовал за это вознаграждение в форме выгодных концессий на постройку Багдадской железной дороги, на разработку железных, медных, марганцевых залежей и т. п. По официальным немецким данным, торговля Германии с Турцией за 6 лет с 1900 по 1906 г. удвоилась. Проведение целой сети железных дорог: Анатолийской — длиной в 1020 километров, Смирнской, Бейрутской, Геджасской (1600 кил.), устройство мореходных линий австрийским Ллойдом, эксплуатация угольных копей, железных рудников, различные предприятия, созданные английским и французским капиталом, — все это содействует развитию товарного обращения в Турции и ведет к развитию численности и влияния турецкой буржуазии. Вместе с тем возрастает численность рабочего класса, занятого при постройке Багдадской железной дороги, набережных в Константинополе и других городах, разработке угольных копей в Гераклее и т. д., умножается число портовых рабочих в Салониках, Родосе, Трапезунде, Смирне и всех приморских городах. Одним словом, Турция медленно, но неудержимо европеизуется и превращается постепенно в капиталистическое государство. Между тем правительство ставит всевозможные препятствия промышленному развитию страны. По причинам, совершенно непонятным или, лучше сказать, очень понятным, султан систематически противодействует всякому прогрессу, применению самых безобидных изобретений современной техники. Абдул-Гамиду не нравится телефон, потому что это средство общения для заговорщиков, и в старне нет телефона; ему не нравится электричество, с помощью которого можно будто бы по подземным про-

водам взорвать мину под дворцом, и в стране нет ни электрического освещения, ни электрических трамваев и т. д.

Несмотря на все это, султану, чтобы сохранить дружбу и благоволение великого покровителя Турции, Вильгельма, приходилось, скрепя сердце, давать всяческие концессии немцам, а вслед за этим и другим иностранным капиталистам, чтобы не прогневить их правительства. Зато, когда какой-нибудь разбогатевший турецкий купец обнаруживал желание получить какую-нибудь концессию на разработку естественных богатств страны, или разрешение открыть фабрику, он наталкивался на неодолимые препятствия, которые ставило ему султанское правительство. Страна продавалась с молотка иностранцам, легко добывавшим себе всяческие привилегии у продажного и трусливого Ильдис-Киоска, но отечественной промышленности не давали ходу. Это возбуждало оппозиционное настроение в рядах турецкого купечества, вообще высших слоев турецкого общества.

Вот это-то турецкое купечество, в лице его наиболее сознательных элементов, и составило на ряду с значительной частью турецкой бюрократии и офицерства главное ядро партии «Единение и прогресс». И что эта партия явилась, прежде всего, представителем миросозерцания либеральной турецкой буржуазии, видно из заключительного аккорда программы этой партии, напечатанной в газете «Мешверет» и «Шураи Османие»: «Осуществление наших требований выведет все национальности из угнетенного положения, уничтожит междуплеменной антагонизм и, освободив страну от постоянного вмешательства иностранных держав, сохранит национальные богатства, расхищаемые в виде разных концессий, и даст возможность свободного развития родной промышленности».

Кроме партии «Единение и прогресс», в Турции работали в доконституционный период еще следующие партии: 1) радикальная группа принца Саббах-Эддина, уделявшая особенное внимание национальному вопросу и видевшая единственное средство его разрешения в предоставлении самой широкой автономии отдельным национальностям Турции; 2) партия «Мусульманской федерации», объединявшая вокруг себя сознательную часть крестьянства, мелкой буржуазии и городского пролетариата. Эта партия выставила в своей программе требования: установление десятичасового рабочего дня, всеобщее страхование рабочих (по немецкому образцу), экспроприация дворянских и государственных земель в пользу безземельного и малоземельного крестьянства, учреждение мелкого кредита для нуждающихся лавочников, ремесленников, крестьян и т. д.; 3) лига османских конституционалистов; 4) «гнчакисты» — армянская социал-демократия; 5) дашнак-цутюн — партия армянских националистов; 6) албанский комитет; 7) арабский комитет. Таковы те партии, которые боролись в Турции за конституцию и завоевали ее общими усилиями. На конгрессе 1907 г. в Париже представители всех упомянутых партий пришли к решению координировать свои усилия

для совместной борьбы с абсолютизмом, выработана была минимальная примиренческая программа, а всего через год радужные мечты членов этого конгресса оправдались блестящим образом, и в Турции была введена конституция.

Итак, резюмируем: если турецкая революция и носит своеобразный характер по той роли, какую сыграла в ней армия, в общем все-таки она мало чем отличается от европейских революций. Она была подготовлена и вызвана экономическим развитием Оттоманской империи, медленным, но неудержимым ростом ее производительных сил, разрывавших старую политическую оболочку; эта революция была вначале задержана, а затем, наоборот, в необычайной степени ускорена внешними осложнениями, интригами России, Австро-Венгрии, Англии в Македонии, в Аравии, Албании и страхом сознательных элементов всей нации перед неизбежным развалом Оттоманской империи в случае дальнейшего сохранения старого режима.

Турецкое офицерство сыграло в освободительном движении своей страны ту же роль, какую во всех странах в подобные переходные моменты брала на себя та часть общества, которая почему-либо представляла собой группу наиболее просвещенных и образованных лиц нации. В России такую роль играла разночинная интеллигенция, в Персии — духовенство в лице мулл, муштеидов и т. д., в Индии многие брамины, которых английское правительство преследовало за революционную пропаганду.[1] В Турции, именно военное сословие, как это было у нас в эпоху декабристов, явилось группой населения, наиболее богатой интеллигентными силами.

Анализируя программу, выдвинутую турецким офицерством, вникая в задачи, взятые им на себя, мы видим, что это офицерство явилось не только защитником национальной и государственной независимости Турции; оно выступило резко, как представитель нарождающейся и крепнущей турецкой либеральной буржуазии. Подобно персидскому духовенству, обращавшему в целом ряде «фетв» (особых воззваний) внимание населения на необходимость поддержать отечественную промышленность,[2] турецкое офицерство, защищая целость и независимость государства, борясь против деспотизма, выставляло на своем знамени и задачу защиты отечественной промышленности, и охрану национальных богатств от расхищения иностранцами.

Дело, взятое на себя турецким офицерством, не завершилось сразу же неудачей, как это было с декабристами в России именно потому, что современная Турция 1908 г. далеко ушла в экономическом отношении от России 1825 г. И армия так легко пошла за своим штабом потому, что турецкое крестьянство, откуда вышли все эти солдаты, оказалось подготовленным к восприятию новых идей и не оставалось глухим к той про-

---

[1] Так, в 1909 г. в Бомбее было арестовано около 30 браминов в связи с убийством чиновника Джексона (22/XII 1909 г.).

[2] См. Собрание сочинений, т. IX, часть II (Персия, Китай, Индия).

*

паганде, которую комитет «Единение и прогресс» в течение последних лет энергично вел в турецкой деревне.

Как бы то ни было, только глубоким невежеством или явным недоброжелательством по отношению к Турции и желанием оправдать захватные планы по отношению к последней могли быть объяснены все эти выражения: «солдатская революция», «штаб без армии», Турция не «больной» человек, а «мертвый», какими радикальные русские публицисты из буржуазного и социал-патриотического лагеря, защищавшие впоследствии дарданелльские проекты Милюкова, характеризовали революционный переворот, совершившийся в Оттоманской империи. Вопреки мнению всех этих поверхностных наблюдателей и шовинистов, мечтавших о расчленении Турции, турецкая революция явилась общенациональным делом, продуктом усилий и стремлений всех классов общества в борьбе со старым ненавистным всему народу деспотическим режимом.

Судьбы турецкой конституции на внутреннем турецком фронте были решены в трех последовательных кампаниях; первый раз, когда Ниязи-бей и Энвер-бей подняли знамя восстания против старого режима, и все мусульманское крестьянство македонских вилайетов встало на борьбу за новый политический строй; второй раз, когда Австрия и Болгария изменнически атаковали Турцию в критический момент ее внутреннего переустройства, и страна была спасена только благодаря стойкости и героизму пролетариата, мелкой буржуазии и вообще городского населения Турции, в экономическом бойкоте нашедшего новое средство обороны против вмешательства врага, и, наконец, третий раз, когда правительство султана сделало попытку с помощью нескольких тысяч солдат произвести государственный переворот в Константинополе 13 апреля 1909 г., и когда вся македонская армия, как один человек, поднялась на защиту нового режима и, двинувшись в поход, под командой своих офицеров и генералов, взяла Константинополь (24 апреля) и низложила султана.

Но этими победами на внутреннем турецком фронте судьбы младотурецкой революции не были решены. Перед революцией стояли важные задачи национальной политики, разрешение векового конфликта между мусульманскими и христианскими народностями Турции, разрешение албанского, македонского, армянского, арабского и других «проклятых вопросов», дававших возможность империалистическим державам Европы, малым и великим государствам, претендовавшим на наследство «больного человека», ежеминутно вмешиваться в турецкие дела. От разрешения этих вопросов зависели судьбы младотурецкой революции, а вместе с тем и судьбы Турции, как независимого государства. Младотурецкая революция оказалась неспособной разрешить эти проклятые вопросы, и поэтому она и не могла предотвратить распада Оттоманской империи, а, наоборот, лишь ускорила процесс расчленения когда-то могущественнейшей в мире империи, господствовавшей когда-то не только на всем Балканском полуострове, но и далеко за пределами последнего.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

МЛАДОТУРЕЦКИЙ ПЕРЕВОРОТ. БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ И МИРОВАЯ ВОЙНА.

§ 1. Младотурецкая партия и ее неспособность разрешить национальный вопрос в Оттоманской империи.

Мы уже указывали, что свержение деспотической власти султана и младотурецкий переворот вызвали сильное недовольство в буржуазных кругах всех европейских государств.

Младотурки не оправдали тех надежд, которые связывали с турецкой революцией 1908 г. многие европейские социалисты, сочувствовавшие последней и ожидавшие, что вместе с падением власти султана Турция решительно вступит на путь радикальных реформ в области экономической, социальной и особенно национальной политики по отношению к христианским народностям Турции. Однако, младотурки сделали достаточно много, чтобы возбудить против себя империалистические круги европейских государств. Было очевидно, что, если младотурецкий режим продержится в Оттоманской империи, Турция окрепнет, превратится в сильный военный организм, и Европе придется отказаться от планов расчленения Турции. Младотурки под руководством Энвер-паши энергично работали над усилением мощи турецкой армии, создали план сооружения целой сети шоссейных и рельсовых путей, которые должны были связать в одно целое отдельные части империи и создать из последней крепкий организм. Младотурки явились руководителями мощного национального турецкого движения, они подняли национальное чувство во всех слоях турецкого народа и усилили стремление последнего к борьбе не на жизнь, а на смерть за сохранение целости Оттоманской империи. Более того, *младотурецкое движение нашло сильный отклик во всем мусульманском мире*, среди населения Кавказа, в Персии, Туркестане, в Алжире, Индии, Марокко, Тунисе, Триполи. Чтобы удержать мусульманский мир в порабощении, в цепях мракобесия и варварства, было необходимо, с точки зрения интересов европейского империализма, унизить и скомпрометировать новую Турцию, показать воочию ее бессилие и снова ввергнуть Оттоманскую империю в пучину анархии, разложения и национальной резни. Нужно было подорвать во всем мусульманском мире доверие к новой Турции, как к новой силе, как к центру притяжения, вокруг которого могут объединиться все угнетенные европейским капитализмом мусульманские нации Азии, Африки и Европы (Балканы, Кавказ, Европейская Россия). Нужно было сразу же разбить все планы младотурок, чтобы не лишиться богатого «наследства», которое рассчитывали получить международные захватчики, в случае считавшегося неизбежным в ближайшем будущем расчленения Оттоманской империи.

Благодаря вековому деспотическому режиму и в особенности более чем тридцатилетнему мрачному царствованию «красного султана» Абдул-Гамида, Турция давно стояла на краю гибели. Неблагоприятное внутреннее положение Оттоманской империи в необычайной степени осложнилось вследствие тех грозных внешних опасностей, которые постоянно угрожали Турции.

В течение последних столетий Восточный вопрос был самым грозным вопросом международной политики, а Константинополь являлся узловым пунктом, где переплетались и пересекались важнейшие международные торговые и стратегические интересы. Константинополь — этот город, лежащий в замечательном, буквально-беспободном географическом положении, не только в экономическом, но и в стратегическом отношении, издавна был объектом вожделений со стороны безусловно всех государств, претендовавших на мировую гегемонию. Турецкая империя, владевшая этим городом и лежавшая на пересечении великих стратегических и торговых путей, ведущих в Персию, Индию и т. д., очевидно рано или поздно должна была пасть, благодаря натиску со стороны внешних врагов.

Если внешнее положение Турции уже давно было для нее неблагоприятным, то никогда еще она не подвергалась столь страшной опасности, как именно с того момента, который, казалось, должен был открыть новую эру в прогрессивном развитии Оттоманской империи и содействовать ее европеизации.

Многим памятны еще те радостные надежды, какими международный пролетариат и лучшие представители европейской демократии встретили провозглашение в 1908 г. конституции в Турции. Но радость турецкого народа и всех истинных друзей Востока длилась недолго. Памятно еще, как среди всеобщего ликования в Оттоманской империи Болгария и Австро-Венгрия бросили вдруг одновременно вызов турецкой нации, захватив: первая — Румелийскую железную дорогу, а другая — отняв у Турции две области — Боснию и Герцеговину. Это был первый и самый страшный удар, нанесенный новой Турции. Этим нападением начался раздел отсталого государства, осмелившегося вступить на путь реформ и обновления. Затем начались подготовления к дальнейшему расчленению империи. В Аравии и в особенности в Албании стали появляться европейские агенты, австрийские, итальянские, сербские, черногорские и т. д., возбуждая население к восстанию против конституционного правительства и обещая народным массам, в случае отложения от Турции, освобождение под протекторатом новой державы от всяких налогов, от воинской повинности и т. д. Не успела Турция оправиться от босно-герцеговинского удара в 1908 г., от арабских и балканских восстаний, как вдруг ей объявила войну Италия. И когда в 1912 г. в этой самой Турции, измученной внутренними неурядицами и тяжкой войной с Италией, был совершен своего рода государственный переворот, в результате которого младотурецкое правительство с его централистическими тенденциями было свергнуто и заменено министерством из членов партии «Либерального единства», партии, стоявшей на точке зрения з а щ и т ы п р а в

отдельных национальностей и отстаивавшей идею федеративной Турции; одним словом, когда у власти очутились турецкие либералы-федералисты, в программе которых на первом плане фигурирует децентрализация, — требования областной автономии для христианских провинций Турции — балканские правительства бросили вызов Оттоманской империи и двинулись походом на Константинополь, Салоники, Ускюб, Скутари. Исход этой войны нетрудно было предвидеть.

После того, как Австрия и Италия, два члена Тройственного союза (Австрия, Италия, Германия), отняли у Оттоманской империи, первая Боснию и Герцеговину, а вторая в результате войны африканскую провинцию — Триполи, державы Соглашения (Франция, Англия, Россия) бросили против Турции балканские государства. Опираясь на самую энергичную финансовую и материальную (оружием, инструкторами и т. д.) поддержку Антанты, балканские государства — Болгария, Сербия, Греция и Черногория — начали войну (1912 — 1913 гг.) против новой Турции, и в результате этой войны Турция потеряла все свои последние владения на европейской территории, за исключением Константинополя и его окрестностей. Да и Константинополь остался в руках Турции только благодаря соперничеству и конкуренции между европейскими государствами, не желавшими, чтобы этот великий стратегический пункт попал в руки какой-либо большой или малой европейской державы. Сами балканские государства передрались между собой из-за раздела добычи, при чем Сербия и Греция во второй балканской войне соединились с Турцией, вековым врагом «христианских народностей», против единоверной Болгарии. Таким образом, перейдя в наступление против болгарских армий, одновременно с нападением на Болгарию Сербии и Греции, турецкие войска в июле 1913 г. вернули обратно Турции Адрианополь и перешли линию Энос — Мидия. Однако, несмотря на обострение отношений между Болгарией, с одной стороны, Сербией и Грецией, с другой, и вступление турецких войск в Адрианополь, положение Турции снова пошатнулось, и Оттоманская империя опять очутилась на краю пропасти.

Ответственность за то тяжелое положение, в котором очутилась Оттоманская империя в результате переворота 1908 г., в значительной степени падает и на руководительницу этой революции, младотурецкую партию, зараженную недугами узкого и недальновидного национализма и шовинизма, защищавшую идеи пантюркизма и панславизма.

Турецкая революция явилась общенациональным турецким делом, продуктом усилий и стремлений всех классов турецкого общества в борьбе со старым ненавистным всему народу деспотическим режимом. Но руководители этой революции, младотурки, были и остались представителями либерально-турецкой буржуазии и военщины. Они не могли отрешиться от психологии своего класса, не могли разрешить национального и расового вопроса. Да и в каком капиталистическом государстве был разрешен этот вопрос. Не в Австрии, конечно, где славяне требовали уравнения в правах с немцами, не в Германии, где польские крестьяне обезземеливались прусским правительством в целях онемечения восточных провин-

ций империи, не в царской России, где отдельные народности угнетались, где насильственно руссифицировались Польша, Финляндия, Кавказ, где евреи преследовались, как хищные звери, не в Великобритании, где ирландский вопрос не разрешен до сих пор, где 300 миллионов индусов находятся вне закона, не во Франции, которая в своих колониях не признает в туземцах граждан, а только «подданных». Коренная ошибка и преступление младотурок заключаются в том, что они вздумали по методу империалистических европейских правительств разрешить национальный вопрос в Оттоманской империи, и так как чисто турецкий элемент в европейских территориях империи был слабым по численности, ясно, что централистические идеи младотурок явились лучшим орудием в руках врагов Оттоманской империи, чтобы сокрушить последнюю. Младотурецкая революция, вдохновляемая либеральным офицерством, не сумела разрешить ни национального, ни крестьянского, ни рабочего вопроса. Некоторые уступки духу времени, которые были сделаны в этом отношении, не соответствовали требованиям момента, когда против Оттоманской империи ополчились все европейские государства, и когда только самое полное, радикальное и притом быстрое обновление страны и коренное разрешение национального вопроса в смысле предоставления самой широкой автономии христианским народностям могли дать Оттоманской империи новые силы для борьбы с враждебной коалицией. Конечно, трудно сказать, победила ли бы при данной международной конъюнктуре, имея в тылу царскую Россию, Оттоманская империя даже при самом решительном повороте в своей национальной политике; трудно сказать, ибо слишком серьезные внешние враги стояли перед Оттоманской империей, и великие державы давно уже начертали железной рукой на стенах оттоманского здания роковые слова «Мене, текел, фарес» (взвешено, измерено, разделено). Вместе с тем, несомненно, что первые же радикальные реформы в области рабочего и крестьянского вопроса прежде всего вызвали бы тревогу среди европейских капиталистов, — давно овладевших, под собственными или подставными именами, всеми транспортными и торговыми конторами, фабриками, железными дорогами, городскими омнибусами, трамваями, набережными, банками, почтами, лучшими земельными участками в Турции, — и повели бы к окончательному дискредитированию империи в глазах ее кредиторов и опекунов, а стало-быть уже поэтому могли навлечь роковой удар против Турции, еще до того, как балканские государства, неожиданно объединившись, бросились в бой и захватили территории, к которым давно подбирались некоторые великие державы, но зато революционное правительство имело бы на своей стороне широкие народные массы как мусульманские, так и христианские. Как бы то ни было, для Турции, как это можно сказать относительно Персии, Китая, Афганистана и некоторых государств южной и центральной Америки, нет другого способа спасти свою самостоятельность, кроме самого полного и радикального обновления не только политического, но и всего социального строя. Отсталые

страны, которым ныне горько приходится расплачиваться за то, что они слишком поздно раскрыли в Европу свои некогда плотно заколоченные окна, могут спасти свою самостоятельность и сохранить свою территориальную целость, только пойдя впереди Европы в области социального, политического и национального переустройства. Между тем именно в национальном и социальном вопросах младотурки готовы были пойти лишь на некоторые уступки, в общем же они, как представители определенного класса, являлись консерваторами до мозга костей.

§ 2. Балканские войны и расчленение Турции. Последствия балканских войн — мировая война.

Правящие классы Болгарии, Сербии и Черногории старались воспользоваться всеми ошибками и преступлениями младотурок для осуществления своих хищнических захватных планов. Правительства балканских государств менее всего желали обновления Турции, сближения между христианскими и мусульманскими народностями соседней империи, попросту даже улучшения экономической доли христианского населения последней. С особой враждебностью балканские правительства относились к идее автономии или тем более полной самостоятельности областей, о благе которых пеклись эти «освободители».

Сербские шовинисты на другой день после первых же побед над турками забыли традиционную формулу «Балканы для балканских народов», подразумевавшую предоставление свободы всем национальностям Балканского полуострова. Известны также слова бывшего болгарского министра иностранных дел и лидера либералов Тончева, «балканские союзники не желают ни автономной Албании, ни автономной Македонии». Итак, единство крупных географических и этнографических единиц в пределах бывших европейских вилайетов Оттоманской империи не должно быть сохранено. Единой автономной Македонии не должно быть.

Так, балканская война, начатая якобы во имя осуществления принципа национального самоопределения, права за отдельными народностями жить своей собственной жизнью, выявила быстро свою истинную сущность и превратилась в обычную войну за новые территории, за право более сильных государств подавлять слабые нации и лишать последние возможности самостоятельного развития.

Первая балканская война, война четырех балканских государств против мусульманской Турции, вызвала вторую балканскую войну между вчерашними союзниками. «Освободители» не сумели поделить между собой полученной в результате разгрома Турции добычи и передрались. Сербия, Греция, при содействии Румынии и отчасти той же Турции, которую они только вчера объявили врагом «цивилизации», напали на Болгарию и разгромили последнюю. У Болгарии была отнята значительная часть

добычи, и «освобожденная» Македония была поделена, главным образом, между новыми победителями.

Первая балканская война породила вторую балканскую войну. Вторая балканская война значительно расширила территориальные владения Сербии; это усиление Сербии, с точки зрения австрийских и германских империалистов, нарушало равновесие на Балканах. Сильная Сербия, опиравшаяся на поддержку России и Франции, могла сделаться непреодолимым барьером австро-германскому движению на восток (Дранг нах Остен). Австрия и Германия отрезывались от Турции. В случае усиления Сербии серьезная опасность грозила немецкому плану Багдадского рельсового пути и всем империалистическим германским проектам в Оттоманской империи. Кроме того, усиление Сербии, как славянского государства, имеющего связи с многочисленным славянским населением, численно преобладавшим в Австро-Венгерской империи, грозило обострением национального вопроса и ослабляло положение немцев, как господствующей нации, в Австрии. Сербские победы были встречены с большим сочувствием среди славянского населения Австро-Венгрии и, наоборот, вызвали тревогу среди австрийских немцев и венгров.

В виду всех этих обстоятельств, усиление Сербии пришлось не по вкусу австро-германским империалистам. В Вене и Берлине было решено покончить с сербским вопросом и уничтожить Сербию как самостоятельную страну, во всяком случае окончательно подчинить ее влиянию Австрии.

Нужен был подходящий предлог. Такой предлог нашелся, когда 28 июня 1914 г. гимназист Принцип убил в Сараеве, столице Боснии, австрийского наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда и супругу последнего герцогиню фон-Гогенберг. Австрийское правительство возложило ответственность за это убийство на сербское правительство и предъявило последнему пресловутый ультиматум. Было очевидно, что Австрия решила покончить с Сербией. Вмешательство России, а затем Германии в этот австро-сербский конфликт и вызвало мировую войну 1914 — 1918 гг.

Балканская война, явившаяся ответом на младотурецкий переворот 1908 г., послужила одновременно прологом к великой мировой войне, в которой приняли участие не только все первоклассные державы земного шара, включая Америку и Японию, но и многие второстепенные государства, в роде Португалии. В этой войне христианские государства Балканского полуострова разделились на два враждебных лагеря. Румыния и Болгария (вместе с Турцией) примкнули к Австрии и Германии, Сербия и Греция сражались на стороне Антанты.

Таким образом очевидно, что события, разыгравшиеся в Турции в 1908 г., имели в конечном результате мировые последствия, и это лишний раз подчеркивает ту роль, какую судьбы Турции играли в течение последних десятилетий в истории старого и нового света.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ТУРЦИЯ ЭНВЕРА-ПАШИ И МИРОВАЯ ВОЙНА.

В возникновении мировой войны 1914 — 1918 гг. вопрос о турецком наследстве, в особенности о проливах и Константинополе, сыграл крупнейшую роль. Известно, что мировая война была начата Германией. Среди завоевательных целей Германии первостепенное место занимал вопрос о Багдадской дороге, тесно связанный с вопросом о гегемонии в проливах и в Константинополе.

К мировой войне, на ряду с другими первоклассными государствами, усердно готовилась и царская Россия. Тайные документы, захваченные в архиве министерства иностранных дел на другой день после Октябрьского переворота, не оставляют сомнения насчет той основной цели, которую преследовало царское правительство, готовясь к мировой войне. Записки камергера Базили, «Журнал Особого Совещания» 8 февраля 1914 г. и другие документы неопровержимо показывают, в чем заключались основные планы русского империализма. Из этих документов явствует, что планы захвата Константинополя разрабатывались нашими военными сферами еще с 1896 г.

Секретнейшее заседание 8 февраля 1914 года происходило за пять месяцев до начала мировой войны. На этом совещании разрабатывался план захвата Константинополя и проливов. При этом предусматривалось, что эта операция должна происходить в обстановке общеевропейской войны, и заранее учитывались будущие роли Сербии, Болгарии, Греции, Румынии и других государств. Приняты были определенные решения, и журнал совещания представлен на одобрение Николая II. На подлиннике журнала имеется собственноручная стереотипная надпись Николая II: «Всячески одобряю заключение совещания».

Документ этот показывает, что ответственность за мировую войну ни в коем случае не может быть возложена на одну Германию, как бы велики ни были грехи Вильгельма и его клевретов, как бы несомненны ни были стремления правящих классов Германии к мировой гегемонии. Вместе с тем этот документ показывает, какие причины толкнули младотурок в объятия империалистической Германии. Долгое время младотурки, центральный комитет которых до революции находился в Париже, были горячими сторонниками теснейшего сближения с Францией. Но уже после пресловутого ревельского свидания английского и русского императоров и комментариев русской, английской и французской прессы в связи с этим свиданием, младотурки поняли, что Англия, поддерживавшая всегда Оттоманскую империю в борьбе с русским колоссом, отказывается от своей традиционной политики в турецком вопросе и отдает Турцию на поток и разграбление ее врагам. Империалистическая Германия, в виду своего географического положения, при всех своих захватных планах была

заинтересована в том, чтобы отсрочить крушение Оттоманской империи. Точку зрения германских империалистов на турецкий вопрос ясно высказал известный пастор Науман в следующих строках:

«Все великие державы, за исключением Германии, проводят политику, которая ведет к крушению существующего порядка в Турции... Англия может действовать революционным путем, так как она имеет возможность занимать турецкие территории. Что касается Германии, последней необходимо время, чтобы вырасти и усилиться. Германия не является пока мировой державой первого порядка. Если Турция распадется сегодня, ее территории станут добычей великих держав, а мы ничего не получим. И, наконец, какую выгоду извлечем мы, при данном положении вещей, в результате занятия нами какой-нибудь части Македонии или Малой Азии? Мы должны ждать, усиливаться и оттягивать катастрофу. Если в этих целях мы содействуем сохранению Турции, мы действуем в наших интересах, ибо мы верим в наше великое будущее».

Раз Германия не хватала в данный момент Турцию за горло и ограничивалась лишь получением крупных концессий в Оттоманской империи, в то время, как Россия и Англия пришли к соглашению на почве признания принципа желательности расчленения Турции, естественно, что младотурки, эти вчерашние друзья Франции, оказались вынужденными волей-неволей броситься в объятия Вильгельма. Младотурки надеялись, что им удастся укрепиться с помощью Германии, усилить при помощи последней военную и экономическую мощь Оттоманской империи и таким образом не только спасти Турцию от перспективы расчленения Англией и Россией, но и освободиться впоследствии хотя и от дружеских, но очень дорого стоящих услуг германского империализма, который мечтал приковать Турцию к своей победной колеснице.

Лишь под влиянием резко враждебной политики Антанты, не желавшей допустить возрождение Оттоманской империи, младотурки отказались от своих франкофильских и англофильских симпатий. В период предшествующий революции, центральный орган младотурецкой партии «Мешверет» выходил в Париже под редакцией Ахмета-Ризы. Младотурки были поклонниками французской культуры, они преклонялись перед героями французской революции. В политическом отношении они накануне революции восхищались английским государственным строем и мечтали о введении в Турции монархически-конституционного строя на манер английского. Союз с Англией и Францией был идеалом младотурок в области внешней политики. Вот почему на другой день после младотурецкого переворота великий визирь Ферид-паша, ярый сторонник Германии и Австрии, должен был покинуть свой пост, и его место занял Киамиль-паша, горячий приверженец английской ориентации. Целый ряд манифестаций ясно, показывал, насколько горячи англофильские симпатии младотурок. Так, новый английский посланник Лоутер при своем прибытии в Константинополь был на руках вынесен младотурками из вагона, и ему был устроен необычайно торжественный и горячий прием.

Можно сказать, что весь первый период господства младотурок прошел под знаком англо-французской ориентации. Поклонники французской культуры и английских государственных учреждений, младотурки тешили себя надеждой, что Англия и Франция будут поддерживать Турцию только потому, что последняя ввела у себя конституционный строй и намерена в устройстве своей внутренней государственной жизни подражать англо-французским образцам.

Однако, скоро младотурки убедились в беспочвенности своих англо-франкофильских увлечений. Уже потому, что в борьбе с такой могучей военно-сухопутной державой, как Германия, Англия и Франция не могли обойтись без помощи многомиллионной русской армии, обе эти державы не могли ставить принципом своей международной политики сохранения целости Оттоманской империи. Ибо царская Россия могла согласиться принять участие в рискованной и тяжелой войне с германским колоссом и союзником последней — Австрией лишь под условием вознаграждения России за счет территории расчлененной Европейской и Азиатской Турции. Мы не говорим уже о том, что у Франции и Англии были свои виды насчет турецкого наследства.

Из журнала Особого Совещания от 8 февраля 1914 г. с неопровержимой точностью устанавливается, что еще в феврале 1914 г., т.-е. за пять месяцев до начала мировой войны, царским правительством обсуждался вопрос о нападении на Турцию и захвате Константинополя и проливов. После этого Совещания наше военно-морское ведомство, с одобрения государя, начинает энергично готовиться к войне за Константинополь. Ожидавшийся благоприятный случай скоро наступил. Как мы видим из приведенного журнала Особого Совещания, а именно из заявления министра иностранных дел Сазонова, нападение на проливы предполагалось возможным лишь в обстановке общеевропейской войны, в которой обязательными участниками должны быть Австрия и Сербия, каждая на противоположной стороне. Общеевропейская война действительно вспыхнула, при чем поводом к ней послужил пресловутый австрийский ультиматум Сербии. Царская Россия поспешила изобразить собой защитника Сербии. Был дан приказ о мобилизации русской армии, на что Германия ответила объявлением войны и вторжением в нейтральную Бельгию.

Во время самой войны вся наша реакционная, и в особенности кадетская пресса подчеркивала, что, если Россия в результате войны не получит Константинополя и проливов, какой-угодно почетный для России мир и какие-угодно территориальные приобретения будут обозначать фактическое поражение России как великой державы.

Вообще вопрос о разделе турецкого наследства сыграл крупнейшую роль в происхождении мировой войны. Царская Россия давно считала, что законным наследником «больного человека» является именно она, и что

если ее не желают признать единственным наследником, во всяком случае никто не имеет оснований оспаривать, что за Россией остается право на главную часть турецкого наследства, именно на проливы, Константинополь, не говоря уже об армянских территориях Турции и т. д. Пока Германия не интересовалась вопросом о турецком наследстве, русско-германские отношения носили самый дружественный характер. Но как только господствующие классы Германии устремили свое внимание на Ближний Восток, русско-германские отношения стали портиться. Совершенно правильно член Государственной Думы Маклаков в своей речи на московском банкете в Английском клубе 11 мая 1916 г. формулировал точку зрения русских империалистов на происхождение германо-русской распри, указав, что «германо-русский разрыв, заменив традиционную русско-германскую дружбу, начался задолго до нынешней войны, именно с того момента, как мечты Германии от объединения направились к империализму, а этот империализм стал выражаться в стремлении Германии проложить себе путь к Багдаду, а оттуда к Персидскому заливу».

Немецкая газета «Дейтше Цейтунг» в октябре 1899 г. объясняла значение Багдадского рельсового проекта, как орудия, с помощью которого Турция будет превращена в немецкую колонию.[1] Но этот план не приходится по вкусу царскому правительству, и последнее начинает борьбу против германских происков в Турции.

Накануне мировой войны Англия и Франция не вели особенно энергичной борьбы против проникновения германского влияния в Турцию, английская и французская политика по отношению к Багдадскому рельсовому проекту и немецким планам в Малой Азии отличалась уступчивостью. Никакого серьезного противодействия немецким планам в Турции Англия и Франция не оказывали. Более того, французское и английское правительства разрешали финансистам своих стран работать солидарно с германцами в Малой Азии и даже неоднократно оказывали немцам содействие в получении железнодорожных концессий в Турции.[2] Причина этой непонятной на первый взгляд малоазиатской политики Англии и Франции, ведших самую жестокую борьбу против Германии на других пунктах земного шара, заключалась, помимо других причин, в стремлении обеих держав поддерживать и обострять русско-германский конфликт из-за Турции и иметь, таким образом, Россию на своей стороне в будущей войне с Германией из-за того же «турецкого наследства».

Из тайных документов, найденных в архивах нашего министерства иностранных дел и опубликованных Советской властью, явствует, что в результате мировой войны Россия должна была получить значительные территории в Малой Азии. По соглашению, заключенному весной 1916 г. в Лондоне между великобританским, русским и французским правительством, Россия по окончании войны приобретала области: Эрзерумскую,

---

[1] См. об этом нашу работу «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего», а также «Борьба за Азию и Африку».

[2] См. об этом подробно нашу работу «Борьба за Азию и Африку».

Трапезундскую, Ванскую и Битлисскую, а равно и территорию южного Курдистана.

Как явствует из тех же документов, в моменты германских побед и тяжелого положения английской и французской армии союзники согласились также на присоединение к России Константинополя с западным побережьем Босфора, Мраморного моря и Дарданелл.

Но, очевидно, после того, как Америка вмешалась в войну, и русская армия потеряла для союзников свое прежнее значение, последние стали считать нежелательным удовлетворение русских империалистических планов относительно Константинополя.

Однако, наши империалисты, как из лагеря консерваторов, так и из стана либералов, не желали итти на какие-либо уступки в вопросе о Контантинополе.

С особой энергией защищал идею овладения Константинополем и проливами глава кадетов, а затем, после Февральской революции, ответственный руководитель нашей внешней политики — Милюков. Но русский пролетариат не желал и слышать о захватных планах Милюкова-Дарданелльского, и Милюкова «ушли» именно по вопросу о Дарданеллах.

Советская Россия ставит вопрос о Дарданеллах в совершенно иную плоскость, чем ставила официальная и кадетская Россия.

Вопрос о Дарданеллах должен быть разрешен побережными черноморскими государствами, без участия капиталистической Антанты. Разрешение этого вопроса должно явиться первым шагом к федерации всех народов и стран, территории которых прилегают к Черному морю.

Ни в коем случае Советская Россия не может примириться с господством Антанты в Константинополе и в проливах.

Владея Гибралтаром, Суэцом и Дарданеллами, капиталистическая Англия превращает Средиземное море в английское озеро. Владея Константинополем и Босфором, империалистическая Англия превращает Черное море в свое озеро. Ни Советская Россия, ни революционная Турция никогда не примирятся с превращением Черного моря в английское озеро.

Пока Босфор и Дарданеллы будут находиться в руках капиталистической Европы, пока английские и французские эскадры будут иметь свободный доступ в Черное море, — Украина и советский Кавказ будут истекать кровью в борьбе с международной контр-революцией и ее наемниками. Та же участь грозит и Анатолии.

Лишь с того момента, как все Черное море перейдет в советские руки, и над Константинополем подымется красное турецкое знамя или знамя советской федерации черноморских государств, Украина, Кавказ, турецкая Анатолия заживут мирной жизнью и сумеют отдаться творческой созидательной работе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ТУРЦИЯ КЕМАЛЯ.

(1919 — 1921)

§ 1. Победа Антанты и новый раздел Турции. Борьба между союзниками из-за Константинополя. Англия как главный враг Турции. Тройственное соглашение об Анатолии. Севрский договор. Греческая авантюра.

После Октябрьской революции Россия впервые на протяжении своей истории отказалась от захватных планов по отношению к Турции, впервые отказались от своей «исторической» миссии быть палачом по отношению к Турции, быть «наследственным врагом» последней. Как писала открыто во время мировой войны известная московская либеральная газета «Русское Слово»: «Интересы России и Турции в течение трех веков были противоположны, и никакое русско-турецкое сближение немыслимо».

После Октябрьской революции русско-турецкое сближение сделалось мыслимым прежде всего потому, что Россия перестала быть страной помещиков и капиталистов и превратилась в страну рабоче-крестьянской власти.

Но после того как Советская Россия отказалась от всяких разбойничьих планов по отношению к Турции, а Германия, как великая захватная держава, сошла со сцены, Антанта решила покончить с Турцией и поделить последнюю между собою. Прежде всего Антанта решила захватить Константинополь в свои руки. По договору о перемирии между Антантой и турецким правительством, Дарданелльские проливы были открыты для судов Антанты. Пользуясь слабостью Турции, Антанта, вопреки договору, ввела в проливы не только свои эскадры, но и сухопутные войска, вначале в небольшом количестве, возросшем затем до 75 тысяч чел. Эта оккупационная армия, поддерживаемая сильным флотом, захватила, конечно, Константинополь в свои руки и превратила султанское правительство в марионетку Антанты.

Из держав Антанты особенно прочно укрепилась в проливах и Константинополе Англия, которая постепенно начала захватывать гегемонию на Босфоре и Дарданеллах в свои руки, оттесняя Францию и Италию на задний план. Вековой конфликт из-за Константинополя как-будто должен был кончиться в результате мировой войны переходом проливов в руки Англии. Таков был, очевидно, план английских империалистов. Основной задачей английской имперской мировой политики всегда являлась охрана торговых путей и прежде всего пути в Индию. Для охраны своего господства на этом великом пути Англия захватила Гибралтар, Мальту, Кипр, оккупировала Египет и Суэцкий канал. Она подчинила своей гегемонии всю южную Персию, чтобы охранить те же пути и подступы к Индии. Теперь Англия захва-

тила гегемонию в Константинополе, этом величайшем, по своему стратегическому и экономическому значению, пункте на земном шаре, командующем над выходом из Черного моря, представляющем собою важнейшую позицию на Средиземном море — этой великой торговой дороге из важнейших стран Европы и Америки в Азию — и являющемся, наконец, ключом к Малой Азии. Отсюда идет самая верная сухопутная дорога на Индию, через древние царства и города — Лидию, Гераклею, Цезарею, Вавилонию, Сирию, т.-е. в основных чертах той бороздой, какой шел Александр Македонский.

Захватив Константинополь и превратив султана в своего заложника, Антанта решила приступить к ликвидации турецкого наследства и разделу Малой Азии.

Следует подчеркнуть, что среди держав Антанты главным сторонником идеи расчленения Оттоманской империи является ныне Англия. Было время, когда Великобритания всей силой своего могущества защищала Оттоманскую империю в критические моменты истории последней и не давала царской России окончательно уничтожить Турцию.

Так было, например, в 1878 г., после знаменитого Сан-Стефанского прелиминарного договора, когда Англия мобилизовала свои эскадры и резервные войска и объявила, что она не признает условий этого договора. То было время, когда, в случае раздела Оттоманской империи, Англия не имела шансов получить на свою долю большую часть наследства и «потому естественно, что в интересах сохранения равновесия она защищала целость Оттоманской империи».

Теперь положение радикально изменилось. Россия, как «наследственный враг» Турции, как главный претендент на турецкое наследство, отказалась от своих исторических прав на Оттоманское имущество. Германия отброшена далеко от Балкан и берегов Босфора, Австрия, как первоклассная держава, уничтожена, обессиленная Болгария, войска которой стояли в 1912 г. у Чаталджи, мечтая о вступлении в Царьград, не смеет пикнуть.

Что касается союзников Англии — Франции и Италии, то обе эти державы слишком слабы, по сравнению с Великобританией, слишком истощены войной, чтобы претендовать на равную с Великобританией часть добычи при разделе оттоманского наследства. Вот почему Англия, этот традиционный друг Турции, сражавшаяся за последнюю в 1854 г. (Крымская кампания), собиравшаяся воевать за Турцию в 1878 г., отказывается от основных принципов своей политики по отношению к Оттоманской империи и является ныне самым грозным и непримиримым врагом последней.

Наоборот, Франция и Италия, опасаясь нарушения международного равновесия и окончательного перехода гегемонии на Средиземном море в руки Англии, лишь нехотя следуют за последней и принимают участие в разделе оттоманского наследства только для того, чтобы помешать Великобритании захватить всю добычу в свои руки. Целый ряд статей,

в итальянской и французской прессе, заявления ответственных государственных деятелей обеих стран не оставляют сомнения насчет того, что правящие круги Франции и Италии с опасением смотрят на перспективы раздела Оттоманской империи и боятся чрезмерного усиления Англии в результате окончательного расчленения Турции.

Именно английские империалисты выдвинули проект изгнания султана и турецкого правительства из Константинополя, но против этого проекта решительно выступили союзники Англии — Франция и Италия. Английские империалисты рассчитывали, что после изгнания турецкого правительства в Азию, Константинополь окончательно попадет в руки Великобритании. Но в этом вопросе английский империализм столкнулся с французским и итальянским, интересы которых не совпадали с его интересами.

Вот как французский официальный орган «Тан» критиковал английский проект изгнания турок из Константинополя (1 января 1920 г.):

«Если султан и турецкое правительство будут изгнаны из Константинополя, будет уничтожена единственная военная сила, способная на месте защищать проливы в случае нужды. Повидимому охрану Константинополя со стороны моря возьмут на себя союзники. Но не все союзные державы одинаково сильны на море. И не случится ли так, что неравенство в силах, несмотря на взаимную лойяльность союзников, все же выразится в неравенстве преимуществ».

Другие газеты высказывались еще более откровенно в том смысле, что изгнание турецкого правительства из Константинополя отдаст последний в руки англичан и обеспечит гегемонию Великобритании в Европейской Турции и Малой Азии, в ущерб Франции и Италии. Изгнание турок из Константинополя, — писало «Юманите», — повело бы к утверждению Великобритании в Дарданеллах, явилось бы кульминационным пунктом английской дипломатии.

Вместе с тем, — как доказывала французская пресса, — английская дипломатия в Европейской и Азиатской Турции лишила бы Францию всех экономических и финансовых выгод, которыми последняя пользовалась около ста лет. Зато все, что потеряла бы Франция, перешло бы к Англии. Английские империалисты именно этого и добиваются.

Как бы то ни было, 10 августа 1920 г. Англия, Франция и Италия подписали в Севре пресловутое Тройственное соглашение о разделе Малой Азии между союзниками. По этому договору Франция получила не только Сирию, но и богатую хлопковыми плантациями Киликию.

Итальянская зона заключала вилайет Адалии, т.-е. территорию, прилегающую к Средиземному морю. Кроме того, итальянское правительство выговорило себе концессии по эксплуатации знаменитого угольного бассейна Гераклеи, а также средства сообщения и судоходства, относящиеся к этим концессиям. Англия получила мандат на Месопотамию и Палестину.

Английская, французская и итальянская зоны должны были служить не только ареной для торгово-промышленных интересов договаривающихся сторон, но и сферой преимущественного политического влияния каждой из этих держав в своей зоне, политического влияния, предусматривающего вмешательство в дела местной администрации; попросту говоря, все эти территории, включенные в зоны влияния, должны были играть роль английских, французских и итальянских к о л о н и й.

Но, понятно, для осуществления такого мандата союзникам пришлось сосредоточить в своих зонах влияния большие военные силы. Так, французская армия под командой Гуро достигла 80 000 человек; английская оккупационная армия в Месопотамии достигала в некоторые критические моменты 1920 г. ста тысяч человек. Нормальная численность армии в Месопотамии равнялась 50 — 60 тысячам английских и индусских солдат. В Константинополе число английских войск равнялось 20 000 (11 000 англичан, 9000 индусов).

Мы уже говорили, что среди держав Антанты в качестве главного и наиболее непримиримого врага Турции выступила Англия, которая решила ковать железо пока горячо и окончательно проглотить значительную часть Оттоманской империи. Именно «практические, трезвые» государственные деятели Англии, вершители судеб мировой политики, выдвинули авантюристичский план покончить с Турцией, как с независимым государством. На заседании Палаты Общин в конце июля 1920 г. Ллойд-Джордж в следующих словах формулировал английскую точку зрения на турецкий вопрос:

«Турция окончательно разделена, и мы не имеем никакого основания сожалеть об этом: перед нами стоит вопрос, кем заменить Турцию. Единственными европейскими государствами, способными выполнить эту миссию, являются, по нашему мнению, Великобритания, Италия и Франция».

Практичность этого плана была охарактеризована итальянским премьер-министром Нитти следующим образом:

«У Турции отняли ее священный город Адрианополь; столица Турции Константинополь занята европейскими войсками; все турецкие порты и большая часть турецкой территории оккупирована иностранными армиями. Турецкий народ никогда не согласится санкционировать европейский трактат о таком расчленении Турции. Италия не даст ни одного солдата, ни одной лиры для поддержки такой авантюры» (см. нашу брошюру «Вопросы национальной и колониальной политики и III Интернационал», стр. 16).

Италия отказалась участвовать в авантюре. Поддерживая формально план раздела Турции, Италия фактически ничего не делала, чтобы помочь Англии и Франции удержать Малую Азию в руках Антанты.

После того, как итальянское правительство, не чувствуя себя в силах поддерживать мало-азийскую авантюру и не желая, с другой стороны, содействовать усилению Франции и особенно Англии в Азиатской Турции, — что повело бы к нарушению равновесия на Средиземном море

*

в пользу Великобритании, — увело свои войска из Малой Азии, на помощь была призвана Греция Венизелоса. В награду Греции был обещан западный берег Малой Азии со вторым по величине турецким городом Смирной.

Напрягая все свои силы, Греция мобилизовала довольно большую армию и высадила последнюю на мало-азийском берегу. Греки заняли Смирну и устроили здесь страшный турецкий погром.

Разбойничьи действия греческих войск и организованных дашнаками армянских дружин в районе Смирны и Киликии вызвали сильное возбуждение среди всего мусульманского населения Малой Азии. Повсюду начали организовываться повстанческие отряды для борьбы с оккупационными войсками. К этим повстанческим отрядам присоединились и остатки турецких войск, сконцентрированных в Анатолии.

Таким образом создалось ядро анатолийской национальной армии, которая и начала в Малой Азии войну против Антанты.

Все турецкое население Оттоманской империи отнеслось крайне сочувственно к этой войне против Антанты. Вся Турция увидела в Севрском договоре решительный шаг империалистических держав к окончательному разделу Оттоманской империи и порабощению турецкой нации не только в европейских владениях Турции, но и азиатских. В самом деле, вот как Севрский договор урегулировал положение различных частей Оттоманской империи.

Проливы. На основании Севрского договора проливы, включая сюда Дарданеллы, Босфор и Мраморное море, отданы были под контроль особой «Комиссии по проливам», которая получила право «действовать вполне независимо от местной администрации под собственным флагом, иметь свой бюджет и свою специальную организацию» (см. часть III Севрского договора).

В случае каких-либо осложнений «Комиссия по проливам» обращается к представителям Великобритании, Франции и Италии в Константинополе, которые, согласно военным оговоркам договора, посылают отряды для занятия зоны проливов. Комиссия имеет право приобретать в собственность земли и заводы, выпускать займы, собирать налоги за плавание в проливах. Итак, фактически вся власть над проливами уходит из рук Турции и переходит в руки Комиссии, подчиненной Антанте, т.-е. прежде всего Англии.

Особый пункт Севрского договора предусматривает, что «проливы не подлежат блокаде», в них не может быть предпринято никакое военное или враждебное действие иначе как в силу решения совета Лиги Наций, т.-е. той же Антанты. Таким образом, если последней заблагорассудится, она на основании Севрского договора получает возможность открыть военные действия в проливах и превратить Босфор и Дарданеллы в свою военную базу против любого противника. И мы знаем, что проливы являлись базой для союзного флота, блокировавшего все черноморское побережье РСФСР и турецкой Анатолии, оказывавшего поддержку Врангелю и всем контрреволюционным генералам, действовавшим в Крыму, на Дону, на Кавказе,

высаживавшего союзные англо-франко-греческие отряды в Севастополе, Одессе, Батуме и т. д. Наконец, в проливах нашла временное убежище эскадра Врангеля после разгрома белых в Крыму и бегства армии Врангеля из пределов РСФСР.

Если мы прибавим, что союзники обладают внушительными военными силами в проливах и в Константинополе, то станет очевидным, что Босфор и Дарданеллы находятся совершенно вне турецкого контроля, и султанское правительство служит лишь жалкой игрушкой в руках Антанты.

Морские силы Антанты равняются 50 военным судам в Мраморном море и в Дарданеллах, не считая мелких военных судов. В Босфоре стоят шесть дредноутов, из них четыре английских, один французский и один греческий

В Константинополе и его окрестностях союзники располагают двумя греческими полками, одной французской дивизией и тремя дивизиями английскими. Вместе с американскими и итальянскими отрядами десантная армия в Константинополе достигает 60 000 человек.

Характеризуя положение вещей, создавшееся в проливах в результате Севрского договора и сосредоточения союзных военных сил в проливах и в Константинополе, известная французская буржуазная «Journal» (Журнал) писала:

«Турция теряет всякий контроль над проливами и выходом из Черного моря. Но ключ от проливов переходит лишь из одного кармана в другой. Он переходит в руки владычицы морей».

Итак, из признания французской буржуазной газеты явствует, что гегемония в проливах ныне принадлежит Англии.

Если не говорить о Константинополе, который фактически находится в руках Антанты, все остальные европейские территории, отнятые у турок, включая сюда восточную Францию и полуостров Галлиполи, перешли в руки Греции. Антанта отвергла предложение Вильсона, который добивался передачи болгарам областей Адрианополя и Кир-Килиссе. Для удержания Фракии в своих руках, греки сосредоточили здесь довольно большие силы (четыре дивизии). Против этой греческой армии действовали войска под командой Таяр-паши.

Резюмируя положение, создавшееся в Европейской Турции в результате Севрского договора, мы видим, что турецкому правительству отведена самая скромная, чисто служебная роль только в одном Константинополе. Турецкая гражданская власть беспрекословно выполняет все приказы и предписания англичан, в руках которых фактически находится вся власть. Босфор, Дарданеллы и Мраморное море всецело подчинены Англии.

Сфера влияния французов распространяется, главным образом, на железную дорогу, проходящую в районе Европейской Турции, т.-е. территории, которая номинально считается турецкой.

Греческая сфера влияния захватывает Адрианополь и район боевых действий во Фракии

Итак, в результате Севрского договора все те части Европейской Турции, которые после первой и второй балканской войны остались за Оттоманской империей, оккупированы войсками Антанты и Греции и фактически оторгнуты от Турции.

Перейдем теперь к Азиатской Турции.

Смирна. По Севрскому договору Турция обязуется передать Смирнский район греческому правительству. Греческое правительство несет ответственность за управление этой областью. Ему разрешается иметь там войска для поддержания порядка и распространить на эту область греческую таможенную систему. В доказательство турецкого суверенитета, Антанта, как бы в насмешку, разрешает Турции поднять турецкий флаг на одном из фортов вне Смирны.

Для осуществления этих прав, предоставленных Греции Севрским договором, греческое правительство высадило в Смирне большую армию (четыре дивизии), которую скоро пришлось довести до 110 000 человек, чтобы с успехом бороться против турецких национальных войск.

Сирия и Месопотамия. Согласно ст. 22 договора Лиги Наций, Турция обязуется признать Сирию и Месопотамию временно независимыми областями. Так как одновременно, согласно тому же Севрскому договору, Турция обязуется отказаться от всех своих прав и привилегий на Египет, Судан и Кипр, которые когда-то тоже временно были оккупированы Англией, ясно, что и в данном случае слово «временно» должно обозначать «навсегда». Притом само собой разумеется, что дипломатическое выражение «независимость» должно обозначать в данном случае «полное подчинение» Сирии носителю мандата на эту область, именно Франции, а Месопотамии — другому носителю мандата — Англии.

Для того, чтобы заставить население Сирии примириться с такой «независимостью», Франции пришлось сосредоточить в этой области до 80 000 солдат, которые стали заниматься здесь выжиганием непокорных сел и городов и форменной войной с отрядами партизанов. Англии, в свою очередь, пришлось держать в Месопотамии, в интересах защиты той же «независимости», армию, которая в иные периоды достигала внушительной цифры 110 000 солдат для борьбы с арабами, которые никак не желали понять прелестей такой «независимости».

Палестина. Севрский договор подтвердил декларацию британского правительства от 2 ноября 1917 года в пользу национального еврейского очага в Палестине. Фактически управление Палестиной перешло в руки Англии. Таким образом на долю сионистов выпала гнусная роль — служить жалким орудием в руках мирового хищника Англии для осуществления империалистических планов Великобритании насчет важнейшей части бывшей Оттоманской империи.

Геджас. Турция обязуется признать Геджас, где находятся, священные в глазах всего мусульманского мира, города Мекка и Медина, за свободное, независимое государство. Фактически эта «независимость» обозначает превращение Геджаса в колонию Англии.

Армения. Турция признает Армению как свободное и независимое государство и предоставляет ей доступ к морю.

Не довольствуясь созданием в Турции всех этих зон «влияния» и «независимых» государств, Антанта навязала Севрским договором следующие условия Турции:

Для поддержания внутреннего порядка Турция имеет право организовать жандармерию на 35 000 человек. Жандармерия эта не будет иметь ни артиллерии, ни саперных частей и будет находиться под командой офицеров союзных и нейтральных государств. Стража султана не должна превышать 700 человек.

Турции воспрещается производить оружие или амуницию для иностранных государств или импортировать его для них из-за границы. Производства оружия или военного материала всякого рода находятся под контролем союзников.

Крепости подлежат снесению. Пути и железные дороги, предназначенные для транспорта легкой артиллерии, подлежат разрушению по усмотрению Италии, Франции и Великобритании.

Все турецкие торговые и военные суда передаются союзникам. Турция лишается права содержать военный или морской воздушный флот. Наоборот, все воздушные суда союзников имеют право свободно пролетать над турецкой территорией и спускаться на ней.

Турция признает, что участием в агрессивной войне, предпринятой против союзных держав, она им причинила убыток, к полному возмещению которого она обязана. Турция обязуется взять на себя оплату расходов по содержанию союзных оккупационных войск.

В результате Севрского договора вся торговля Турции, ее финансы, порты, водные пути, железные дороги, телеграфные и телефонные линии переходят под контроль Антанты.

Вся Европейская Турция и значительная часть Малой Азии превращаются в колонию Антанты. Но не только турецкое население этих территорий, но и той части Малой Азии, которая признается находящейся вне зоны влияния Антанты и временно предоставляется турецкому народу, привлекается к возмещению убытков, понесенных Антантой благодаря разбойничьей, агрессивной войне, начатой в союзе с Германией, Австрией и Болгарией против миролюбивой Антанты.

Севрский договор, перед циничным содержанием которого совершенно бледнеют пресловутый Брестский и даже Версальский договоры, был понят и друзьями и варгами Турции, как решительный шаг к разделу последней и превращению ее разрозненных частей в колонии европейских хищников.

На ряду с крупными грабителями на арену Малой Азии выползли и малые разбойники. Так, рука об руку с греческими отрядами появлялись и армянские дружины, организованные дашнаками, мечтавшими о создании «великой Армении», которая должна была включать в свои пределы, кроме территории бывшей русской Армении, вилайеты Эрзерума, Трапезунда, Вана, Битлиса с выходом к Средиземному морю у Александретты и Черному — у Трапезунда.

Дорого пришлось поплатиться многострадальным народным массам Армении за преступления и империалистические планы дашнаков. Как всегда бывает в подобных случаях, ненависть всей турецкой нации, турецких солдат и добровольцев, защищавших свое отечество против мирового империализма, с особой силой обрушилась не столько на главных виновников расчленения Турции, Англию и Францию, сколько на греков и армян. В то время, как турецкие солдаты и добровольцы часто отпускали на свободу захваченных ими в плен английских и французских офицеров, греки и особенно армяне, как «изменники и предатели», безжалостно убивались турками. То же самое явление наблюдалось в Палестине, где ненависть восставших против английского ига арабов с особой жестокостью проявлялась по отношению к евреям, заподозренным в сионизме и служении интересам Англии. Возмущение против армян нашло свой печальный эпилог во время вторжения турецких войск под командой Карабекира в закавказскую Армению, когда победоносная турецкая армия произвела во многих местах недопустимые эксцессы по отношению к трудовому армянскому населению, менее всего ответственному за преступления дашнаков, которые, понятно, успели скрыться при первом появлении турецких войск.

Как бы ни было, вмешательство греческих войск и армянских дружин в дело расчленения Оттоманской империи лишь разожгло национальные чувства, подлило масла в огонь народного негодования против попыток Антанты поработить все мусульманское население Турции и разделить последнюю. Вся Азиатская Турция стала на сторону «национальной армии», объявившей войну не на жизнь, а на смерть армянам и грекам и потребовавшей удаления союзных англо-французских оккупационных войск из пределов Оттоманской империи. Лозунг «Турция для турок» объединил все население Анатолии и воодушевил городские и крестьянские массы на борьбу с европейскими хищниками. Так началась эпическая борьба голодного, невежественного турецкого народа против могущественнейшей Антанты, покорившей «под свои нози» когда-то грозную Германию и Австро-Венгрию, которые теперь в отличие от Турции, безропотно подчинились всем жестокостям Англии и Франции, не смея прибегнуть к оружию для защиты своего втоптанного в грязь сапогами победителей «национального достоинства» и «национальной чести».

§ 2. Национальное движение и национальные конгрессы в Анатолии. Вооруженная борьба с союзными войсками. Константинопольский парламент и его разгон английскими войскими. Национальный договор.

Руководителем национально-освободительного движения в Турции явилась молодая анатолийская буржуазия, в то время, как константинопольская буржуазия и торговые классы других портовых городов, зависимые от англо-французского капитала, являвшиеся агентами англо-французских банков и промышленных фирм, поддерживали в Турции

экономическую и политическую гегемонию Антанты. Буржуазия Константинополя и мало-азиатских портов Турции, по национальному составу, главным образом, греческая и армянская, отчасти турецкая, последняя, однако, не вся, играла по отношению к Оттоманскому государству ту же роль, какую в Китае играют так называемые «компрадоры», китайские купцы, банкиры и т. д., являющиеся агентами англо-американо-японского и вообще иностранного капитала. Известно, что «компрадоры» являются злейшими врагами национально-освободительного движения в Китае и поддерживают реакцию в стране («бумажные тигры» и другие фашистские организации).

В отличие от портовой буржуазии, анатолийская буржуазия стала носителем национально-освободительного движения. Эта буржуазия выросла отчасти под покровом немецкого империализма, который покровительствовал созданию национальной турецкой буржуазии в противовес армянской и греческой англо-французского капитала. Немцы строили в глубине Турции железные дороги (Багдадский рельсовый путь), вызывая к новой жизни районы, которыми не интересовались первоначально английские и французские капиталисты, сосредоточившие свое внимание на захвате турецких портов и проведении железных дорог от этих портов для создания своих «зон влияния» в прибрежных территориях. Немцы первые вызвали к жизни турецкие национальные банки, содействовали развитию в стране хлопководства и национальной промышленности. Молодая анатолийская буржуазия имела возможность в период войны развить свои силы. Тот же процесс, который имел место в Индии, где во время войны сильно развилась своя собственная национальная промышленность, развивался и в Турции. Разгром Германии в результате мировой войны освободил анатолийскую буржуазию от влияния немецкого капитала. Между тем Англия, Франция, Америка, Италия решили воспользоваться результатами мировой войны не только для того, чтобы захватить немецкие позиции, но сверх того с целью окончательного превращения Турции в колонию, путем раздела ее между державами победительницами. Естественно, что анатолийская буржуазия начала борьбу не на жизнь, а на смерть против Антанты. Успеху этой борьбы содействовали, во-первых, поддержка Советской России и, во-вторых, противоречие интересов между державами победительницами, главным образом, между Англией и Францией.

Однако, говоря о турецкой буржуазии следует отметить, что нельзя относить к непримиримой оппозиции против национального освободительного движения всю без исключения так называемую портовую буржуазию, т.-е. торговое население портовых городов, живущее преимущественно доходами от внешней торговли. Тут мы имеем коренное отличие, недостаточно многими учитываемое, в прямолинейных схемах социально-экономического уклада современной Турции и ее политических группировок. Константинопольская «проливная» буржуазия, сидящая в проливах и десятилетиями питающаяся от транзита по ним преимущественно иностранных товаров, а также от проходящих через Константинополь

товарных потоков из Европы в глубины Азии и обратно (Берлин-Багдадская ж. д.), не выполняла почти никаких функций в отношении обслуживания внутреннего национального рынка, или выполняла их в самом незначительном виде (через Хайдар-Пашу с Анатолийской ж. д.), главным образом, являясь лишь сама потребительницей с.-х. продукции Анатолии, которую она притом легко могла заменить продукцией иностранного происхождения. Наоборот, трапезундская, самсунская, адан-мерсинская, адалийская и, в особенности, смирненская портовая буржуазия эти функции выполняла, являясь собирателем (скупщиком) и перепродавцом крупным иностранным фирмам и банкам продуктов анатолийского сельского хозяйства. Она, поэтому, в отличие от буржуазии проливов, имела тесную связь с турецким крестьянством и со всем национальным хозяйством в Анатолии, находясь в сильной зависимости от экономического развития последней и состояния внутреннего рынка. Этого ни на минуту не следует забывать при оценке значения и влияния на судьбы Турции деятельности различных оппозиционных группировок. Это как раз та часть турецкой буржуазии, которая, в отличие от константинопольской, более националистична, питает больше симпатий к СССР, как к возможному рынку сбыта своего сырья, как к стране, могущей питать металлом и топливом на наиболее выгодных условиях имеющую развиться в этих портах будущую турецкую обрабатывающую промышленность. Эта часть турецкой портовой буржуазии имеет значительно больше общего с халкистами в подходе к крестьянству, больше заинтересована в развитии сельского хозяйства Анатолии, чем константинопольская буржуазия. Из анатолийских портов пока наиболее связан со своим интерляндом Смирненский (его сеть дорог охватывает всю почти Западную и Юго-Западную Анатолию до Бруссы, Эски-Шехира, Конии и Айдына); менее связаны со своими интерляндами Трапезунд, Самсун и ряд других северных портов, живущих, поэтому, все еще в значительной части за счет транзита, спекуляции товарами и т. д. Проведение от этих портов новых дорог в глубь страны неизбежно изменит их характер. Во всяком случае эти-то слои портовой буржуазии легче всего могли бы столковаться с кемалистами и в моменты обострения борьбы между Ангарой и Константинополем поддержали первую; с другой стороны, и халкисты искали путей сближения с этими кругами турецкой буржуазии (частично имеющимися и в Константинополе).

Национальная война Анатолии против Антанты встретила горячий отклик среди мусульманского населения в Константинополе. Так как в проливах стояла в полном боевом вооружении эскадра Антанты с орудиями, направленными на столицу Турции, а в самом городе находились многочисленные союзные войска, оккупировавшие все стратегические пункты в городе и занявшие под свои штабы и казармы десятки больших домов и зданий как частных, так и правительственных, вооруженная борьба против военных сил Антанты в самом Константинополе была связана с страшным риском и почти обречена на верную неудачу. В виду этого многие активные элементы мусульманского населения, недовольные

Антантой, решили перевести свою деятельность в Малую Азию. Многие студенты, представители либеральных профессий, рабочие, а особенно офицеры стали покидать Константинополь и перебираться в Малую Азию, где они частью вступали в ряды повстанческих войск, частью входили в различные организации, помогавшие национальной анатолийской армии в ее борьбе с Антантой.

Среди офицеров, прибывших из Константинополя в Анатолию, особенно видное место занял прославленный в Турции защитник Дарданелл, генерал Кемаль-паша, который сразу стал во главе анатолийского национального движения и принял верховное командование над всеми турецкими войсками в Анатолии. Бывший член партии «Единение и прогресс», генерал Кемаль-паша вместе с другими членами той же партии Реуфом-пашой и несколькими офицерами отправились в мае 1919 г. в Малую Азию с официальным поручением от турецкого правительства произвести контроль над находящимися в Анатолии войсками. Прибыв в Анатолию, Кемаль созвал Национальный конгресс в Эрзеруме. На конгрессе, кроме представителей Анатолии, участвовали делегаты в оккупированных союзными войсками областей Малой Азии.

Конгресс, созванный в Эрзеруме, не был первым, как ошибочно предполагают некоторые историки анатолийского национального движения. Первый конгресс собрался в Айдинском вилайете под лозунгом «Дезаннексия Смирны».

Страшный погром, устроенный греками в Смирне, вызвал всеобщее возмущение в стране. Те наивные люди, которые верили евангельским речам Ллойд-Джорджа, Клемансо и особенно Вильсона, увидели, что Турции нечего ждать помощи ни от тех представителей европейского империализма, которых подкупная пресса изображала в виде гуманных людей, защитников справедливости, ни от собственного жалкого и беспомощного правительства, продавшегося Антанте. Сделалось очевидным, что дело освобождения Турции должно быть делом самих турецких масс. На ряду с грозным кличем «Смерть грекам», по всей Анатолии пронесся призыв: «Да здравствует народное восстание, долой англичан и французов! Турция для турок!».

Второй конгресс, названный конгрессом «Защиты прав Трапезунда», собрался в Трапезунде.

Наконец, третий исторический конгресс, сыгравший особенно важную роль в истории турецкого национального движения, собрался в Эрзеруме под лозунгом «Защиты национальных прав восточной Анатолии».

Если первый конгресс в Айдане собрался под влиянием греческих зверств в Смирне и прошел под лозунгом «Дезаннексия Смирны», третий конгресс в Эрзеруме собрался под знаком борьбы с дашнакцаканской Арменией, которая заявила претензии на аннексию вилайетов восточной Анатолии. Обстоятельства слагались таким образом, что давали турецким националистам и армянофобам прекрасное оружие в руки для возбуждения народных масс Турции против армян. В то время, как дашнакцаканская пресса открыто писала о предстоящем разделе Турции, а пра-

вительство Армении свирепо преследовало мусульманское население Армении, организуя погромы, которым могли позавидовать сам Абдул-Гамид или Николай II, армянские дружины, действовавшие в Киликии, в составе французских войск, организовали избиение мусульманского населения этой области. Чтобы отклонить острую ненависть турецких масс от самой Франции, французское командование сознательно поручило выполнение всякого рода репрессивных мер в Киликии армянским дружинам. Во многих местах повторялись случаи, когда французские отряды при первом серьезном столкновении уклонялись от боя и уходили с позиций, бросая армянских дружинников на произвол судьбы. Таким образом тысячи армянских дружинников падали в неравной борьбе и были поголовно истреблены нафанатизированными турецкими солдатами и добровольцами.

На конгрессе в Эрзеруме, собравшемся в июле-августе 1919 г., участвовал, как мы упомянули, и Кемаль-паша, который в присутствии делегатов публично отрекся от генеральства и поклялся работать, как рядовой, вместе с народом для освобождения родины. К нему присоединился и Реуф.

На конгрессе в Эрзеруме участвовали, главным образом, представители семи вилайетов (Ван, Битлис, Харпут, Сивас, Эрзерум, Диарбекир и Трапезунд). Председателем конгресса был избран Мустафа Кемаль-паша.

К концу империалистической войны, после поражения союзников главенствующая до этого в Оттоманской империи младотурецкая партия «Иттихадуве-Теракки» (Единение и прогресс), руководимая Энвер-беем и связавшая судьбу Турции с германским империализмом, перестала существовать, с одной стороны, вследствие преследования союзников, с другой — благодаря охлаждению к ней общественного мнения. Младотурецкая партия (иттихадисты) окончательно обанкротилась в глазах населения как правительственная партия, вовлекшая Турцию в губительную мировую войну, завершившуюся поражением Турции и ее союзников и обнаружившая этим свою близорукость и недальновидность, продажность многих младотурецких деятелей, занимавших высокие государственные посты и ставших известными своим взяточничеством, участием во всякого рода поставках, спекуляциях, подрядах и т. д., не мало содействовала дискредитированию партии в глазах населения.

Руководство национально освободительным движением и борьбой с державами, стремившимися к расчленению Турции, должно было перейти к новым партиям и к новым людям. Те самые социальные элементы — мелкая и средняя буржуазия, — которые недавно поддерживали младотурецкую партию и преклонялись перед ее лидерами, отвернулись от последних, как от главных виновников катастрофы, постигшей родину.

В сентябре 1919 г., т.-е. вскоре после закрытия Эрзерумского конгресса, был открыт Сивасский конгресс, на котором приняли участие делегаты всей Турции, в том числе западной Анатолии, Констан-

тинополя и Фракии. Сивасский конгресс официально собрался под именем конгресса «Защиты прав Анатолии и Европейской Турции».

Во Фракии также образовался Комитет защиты прав Анатолии и Европейской Турции под председательством генерала Джафара Тайара-паши. Вокруг генерала Тайара объединились многие болгарские и македонские революционеры, которые решили совместно с турками бороться против европейских и, в частности, греческих захватчиков.

На Сивасском конгрессе была уже выработана программа: основным принципом и целью движения было признано сохранение независимости и нераздельности турецкого народа в его этнографических пределах. На Сивасском конгрессе окончательно оформилась организация «хуккуки милие» — (комитеты защиты прав), поставившая своей задачей «защиту прав турецкой национальности», и выбран Центральный Исполнительный Комитет ее, председателем которого был избран тот же Кемаль-паша.

Начавшееся в Анатолии народное движение, носившее характер протеста против собственного чиновничества, а, следовательно, и протеста против чиновничьей, младотурецкой партии «иттихадистов», направленное одновременно своим остреем прежде всего против армян и греков, принимает характер широкого национального движения, направленного против всей империалистической Европы, стремящейся к расчленению Турции.

На конгрессе были единогласно приняты с некоторыми поправками принципы, выставленные конгрессом в Эрзеруме. Эти принципы заключаются в следующем:

1) Абсолютная независимость и полная суверенность страны во внутренних и внешних делах.

2) Полная ненарушимость ее территорий в пределах, на которые простирается власть Турции в момент подписания перемирия, включая Моссул, который был занят англичанами после перемирия, и за исключением стран чисто арабских, которым предоставляется полная свобода решить самим свою судьбу.

3) Немедленные выборы депутатов и открытие палаты.

4) Обязательство правительства не подписывать мира без согласия страны в лице ее представителей.

5) Уважение областных претензий различных наций, которые в лице своих представителей на конгрессе провозглашали новую Турцию в ее естественных границах единой и нераздельной.

6) Признание за национальными меньшинствами прав, признаваемых самими либеральными народами и меньшинствами, живущими в них.

7) Утверждение навсегда суверенности народа и признание его воли единой законной властью.

Но самым важным пунктом является следующий:

8) Продолжение борьбы на всех фронтах против бесчестных захватов врагов до полного освобождения страны.

На Сивасском конгрессе было решено потребовать у султана отставки стоявшего тогда у власти министерства великого визиря Ферид-Джамад-паши, проводившего политику полного подчинения Антанте. Вместе с тем было постановлено предъявить правительству султана и сообщить представителям держав в Константинополе восемь пунктов, принятых Сивасским конгрессом.

Для подкрепления этих требований было решено организовать в Малой Азии свою армию. Во главе военной организации встал тот же Мустафа-Кемаль, вокруг которого сгруппировалось все кадровое и строевое офицерство.

Все чиновники правительства Ферида были арестованы или изгнаны из Анатолии и заменены представителями «Комитета защиты прав».

С этого момента была открыто объявлена война между правительством Ферида-паши и партией Кемаля. [1]

Правительство Ферида пробовало военной силой покончить с националистами, но все посылаемые в Малую Азию войска немедленно переходили на их сторону. Войска Кемаля, разбив военные силы турецкого правительства в Анатолии, атаковали оккупационные английские, французские отряды и заставили союзные отряды отступить в целом ряде пунктов. Борьба приняла настолько серьезный характер, что итальянское правительство, не желая ввязываться в авантюру, вывело свои войска из важнейших пунктов итальянской «зоны».

Под влиянием победоносного наступления «национальных» войск и перехода правительственных армий на сторону Кемаля, султан вынужден был капитулировать: дать отставку Фериду-паше и призвать к власти генерала Али-Риза, стоящего вне партии и объявившего себя «нейтральным».

На правительство Али-Риза была возложена миссия провести выборы в «Национальный парламент», который должен был собраться в самом Константинополе.

Константинопольский парламент. Вопрос об открытии национального парламента в Константинополе был решен в Анатолии и вызвал сильные разногласия среди членов «Комитетов защиты прав». Часть их находила смешным собирать парламент в Константинополе под пушками союзнических судов и под дулами винтовок оккупационных союзных отрядов, распоряжавшихся в Константинополе, как в завоеванной территории. Победило течение, защищавшее идею открытия парламента в Константинополе, так как момент для окончательного разрыва с Антантой еще-де не пришел. Большинство членов поехало в Константинополь.

Мустафа-Кемаль, тоже выбранный в парламент, благоразумно остался в Сивасе, выжидая событий.

---

[1] Об изменнической политике Ферида-паши и его тайном договоре с Англией см. М. Рафаил: «Ближний Восток». Изд. 3-е ГИЗ. 1926. Стр. 110—114.

Союзники, фактически державшие Константинополь в своих руках, не мешали ни выборам в парламент, ни съезду депутатов. С одной стороны, союзники рассчитывали на возможность победы на выборах партии «Хуриет ве итилаф» (Союзная свобода), буржуазно-националистической партии союзнической ориентации, представлявшей интересы крупной турецкой торговой буржуазии, выросшей, главным образом, в период мировой войны на почве подрядов, поставок, биржевых спекуляций и стоявшей на стороне Антанты. С другой стороны, открытие парламента в Константинополе давало возможность союзникам переловить в случае нужды всех врагов Антанты и обезглавить национальное движение в Турции. Но подавляющее большинство представителей турецкого национального движения не допускало даже и мысли о возможности подобной провокации.

Парламент был официально открыт 12 января 1920 года великим визирем Али-Ризой-пашей. Открытие парламента производилось обычно лично султаном, но на этот раз султан, который накануне назначил день и час открытия палаты, внезапно заболел. Эта дипломатическая болезнь внушала уже сама по себе серьезные опасения насчет судьбы парламента.

Дело в том, что надежды союзников насчет возможности победы партии «Хирует ве итилаф», стоявшей на стороне Антанты, не оправдались. Из 130 съехавшихся в Константинополь депутатов 127 образовали блок «Феллахи Ватан» (Спасение родины), проводящий политику «комитетов прав», и только один депутат прошел в палату от упомянутой антантовской партии «Хирует ве итилаф».

Блок «Феллахи Ватан» (в который входили группы Милие-Эхрар, Милие-Тюрк и беспартийные) работал в полном контакте с Центральным Комитетом защиты прав и его главой Мустафа-Кемалем и предъявил союзникам минимальную программу — Национальный Договор (Paste National), на основе которой националисты согласны заключить мир с Антантой.

Эта программа гласит следующее.

Текст декларации национального договора от 28 января 1336 г. (1920), в коем приведены причины, вызвавшие Анатолию на великую решительную борьбу, и определены принципы, полагаемые в основу священной цели, к достижению коей стремится наша страна.

Декларация национального договора.

Нижеподписавшиеся члены оттоманского парламента признали, что представляется возможность обеспечить уважение нижеследующим принципам, представляющим максимум жертв, которые могут быть принесены во имя независимости страны и будущности нации. В целях достижения справедливого и прочного мира и в виду того, что Оттоманское государство лишено возможности продолжать существование вне нижеприводимых положений, они согласились на нижеследующем:

1) Судьбу территорий, на которых преобладает исключительно арабское население и которые в момент подписания перемирия, 30 октября

1918 года, были оккупированы неприятельскими армиями, необходимо определить, согласно свободно выраженному желанию населения означенных территорий, включая все части территории как находящиеся по ту, так и по сю стороны от линии, установленной перемирием, территорий с преобладающим оттоманским, мусульманским населением, объединенным узами крови и религии, воодушевляемым духом уважения и взаимных жертв в отношении друг друга и вполне священным для населения национальным и общественным укладом, равно как и местными условиями; это население представляет собой единое целое, разделить каковое ни юридически, ни фактически не представляется возможным в силу каких бы то ни было причин.

2) Они согласны вновь обратиться, в случае надобности, к плебисциту в трех санджаках (карском, адрянском и батумском), которые воспользовались первым случаем своего освобождения, чтобы решить путем всеобщего голосования присоединение к матери-отчизне.

3) Юридическое положение Западной Фракии, связанной с Турцией, равным образом должно быть разрешено согласно свободному голосованию местного населения.

4) Безопасность Константинополя, являющегося местопребыванием калифата и столицей Оттоманской империи, а равным образом Мраморного моря, должны быть вне всяких посягательств. При соблюдении этого принципа, решение об открытии проливов Босфора и Дарданелл для международной торговли и транзита будет принято по взаимному соглашению между ними и другими заинтересованными державами.

5) Права меньшинства в рамках соглашений, принятых между державами Согласия и их противниками и некоторыми заинтересованными державами, будут нами обеспечены в надежде, что таковые же права будут предоставлены мусульманскому населению в соседних странах.

6) В целях открыть возможность нашему национальному и экономическому развитию и дабы установить у себя правильную администрацию, более соответствующую духу века, мы признаем, как непременное условие для нашей жизни и существования, право пользоваться, в отношении принятия мер к нашему развитию, полной свободой и независимостью, по примеру других государств. Вследствие сего мы высказываемся против постановлений, препятствующих нашему развитию политическому, юридическому, финансовому и т. д. Постановления, касающиеся наших финансовых обязательств, не должны противоречить вышеизложенным принципам.

Программа работ парламента, его положения вызвали сильное негодование в стане союзников. Вся союзная пресса, все константинопольские, греческие и французские газеты, равно как турецкая пресса, подкупленная партией Ферида и представлявшая интересы «Хуриет», стали вопить в один голос, что парламент частью состоит из членов младотурецкой партии «Единение и прогресс», продавшей страну немцам, частью из большевиков, агентов Ленина, что этот парламент ни в коем случае нельзя считать правильным представительством народа, ибо выборы

в Малой Азии произведены-де были из-под палки, под давлением «Комитетов защиты прав» и вооруженных банд Кемаля.

Однако, Антанта и ее агенты не ограничились этими газетными нападками и травлей против парламента. Были сделаны попытки инсценировать народные возмущения против парламента, но эти попытки не имели успеха. Агенты Антанты распространяли среди христианского населения Константинополя слухи о готовящемся восстании мусульманских масс, собирающихся-де учинить небывалый погром в столице и вырезать всех христиан. Одним словом, были пущены в ход все средства, чтобы создать самую тяжелую и тревожную атмосферу вокруг парламента. Английский флот был усилен новыми боевыми единицами, оккупационный корпус получил большие подкрепления. Вооруженные отряды Антанты день и ночь обходили улицы города и производили форменные демонстрации во всех мусульманских кварталах.

К чести членов парламента нужно сказать, что все эти меры не напугали делегатов. Парламент вотировал предание суду кабинета Ферид-паши за заключение перемирия и за несоблюдение условий перемирия. Затем он заставил уйти в отставку кабинет Али-Риза и поставил на его место министерство Салих-паши.

Более того, в виду антантовской ориентации султана, слишком боявшегося английских пушек, решено было низложить Махмуда VI и заменить его одним из его наследников, при чем новый султан должен был переехать в Малую Азию под охрану национальной армии. Сюда же было решено перевести и парламент.

Все эти планы не могли быть приняты Антантой, стремившейся к превращению всей Турции в свою колонию. Союзники решили прибегнуть к самым энергичным мерам, чтобы покончить с национальным движением, начавшим угрожать Антанте в самом Константинополе и на берегах Босфора и Дарданелл. В Константинополь были введены новые подкрепления и официально объявлено об оккупации Константинополя.

В объявлении английских властей об оккупации Константинополя сказано, между прочим, следующее:

«Оккупация является мерой борьбы с безумной политикой турецких шовинистов в лице партии Хуккуки-Милие и парламентского блока Феллахи-Ватан. С этой партией Антанта начинает беспощадную борьбу и объявляет турецкому народу, что предпримет все меры для окончательного искоренения этих авантюристов, вовлекающих Турцию на путь гибельных авантюр. Интересы же всего турецкого народа, как непричастного к кучке этих авантюристов, будут вполне соблюдены Антантой».

После этого заявления английские власти немедленно перешли к применению своих угроз.

16 марта 1920 г., на рассвете, большинство квартир, принадлежащих турецким сенаторам, депутатам, генералам, публицистам и т. д., заподозренным в антиимпериализме и англофобстве, были окружены английскими войсками и обысканы. При этом около 70 депутатов, т.-е. более половины наличного состава парламента, великий визирь Салих-

паша, руководители блока Феллахи-Витан, Реуф-бей, Рефик-бей и почти все министры были арестованы, при чем многие из них были стащены с кроватей, связаны как преступники и грубо брошены на борт английского крейсера. Во время этих обысков английские джентльмены не пощадили, конечно, женщин и детей, многих из которых избили и обобрали.

Утром английские отряды заняли военное и морское министерства, обезоружив турецкую стражу, а в полдень ворвались в парламент и здесь, на глазах депутатов, арестовали нескольких членов палаты. Кроме видных турецких государственных деятелей и членов парламента, были арестованы члены некоторых рабочих синдикатов; чтобы произвести устрашающее впечатление на мусульманское население, многие арестованные в одном белье были вытащены на улицу и под ударами прикладов брошены на борт английского судна.

Впоследствии всех арестованных отправили в заключение на остров Мальту под надзор английских тюремщиков.

Так кончилась в марте 1920 г. эпопея константинопольского национального парламента, осмелившегося стать в оппозицию к политике Антанты. Разоружение турецкого гарнизона, официальная оккупация Константинополя и фактическое пленение султана, грубый разгон парламента и ссылка на остров Мальту всех видных политических деятелей Турции, не соглашавшихся с планами Антанты превратить Турцию в колонию — этот жестокий финал наивной попытки добиться освобождения Турции от ига европейских империалистов парламентским путем под дулами английских орудий и винтовок, разбили последние иллюзии всех тех турецких «патриотов», которые всячески отклоняли от себя мысль о неизбежности вооруженной борьбы не на жизнь, а на смерть с Антантой для спасения Турции и надеялись воздействием парламентской «говорильни» улучшить судьбу родины. Финал константинопольского парламента обозначал новый этап, начало новой эры в развитии национального движения в Турции.

§ 3. Ангорское национальное собрание. Его социальный состав и законодательная деятельность. Кемаль-паша. Военные силы национального правительства. Ангора и Антанта. Ангора и Советская Россия. Лондонская конференция. Договор между Россией и Турцией.

Разгон константинопольского парламента со всеми сопровождавшими его насилиями и беззакониями, арест делегатов, разоружение турецкого гарнизона, — при чем было убито много турецких солдат и офицеров, — наконец, формальная оккупация столицы дали новый толчок национальному движению в Анатолии. После этого все оппортунистические иллюзии насчет возможности соглашения с Антантой были изжиты. Именно с этого момента начинается сильный поворот в общественном мнении Турции в сторону сближения с Советской Россией. Симпатии к больше-

викам становятся в такой мере всеобщими, что даже представители имущих классов не стесняются открыто выражать свой восторг перед поведением русских большевиков. Как констатируют в своих донесениях агетны Антанты и, как об этом пишут в своих газетах европейские корреспонденты, все турки, начиная от бедняков и кончая богатыми людьми, начиная от безграмотных простолюдинов и кончая профессорами, только и мечтают, что о приходе большевиков. А когда начинаешь объяснять, что вы, мол, первые пострадаете от прихода большевиков, даже купцы и лавочники ухмыляются с недоверчивым видом и порой отвечают: «Ни Турции, ни Индии не может быть хуже чем теперь. Нам терять больше нечего. Только большевики не склоняют спины перед Англией. Они — наш последний оплот».

Большевистский метод действий, непримиримая и победоносная борьба с Антантой внушают и всем туркам уверенность в возможности завоевать независимость их страны в результате геройской борьбы с Антантой.

Когда весть о константинопольских событиях дошла до Анатолии, ЦК защиты прав Анатолии и Европейской Турции объявил, что в виду занятия Константинополя союзниками, разгона парламента и пленения султана, в Ангоре организуется временное правительство, и созывается новый парламент.

Новый парламент Турции — Большое или Великое Национальное Собрание (меджилис) — был открыт в Ангоре 24 апреля 1920 г. В число делегатов вошли члены константинопольского парламента как оставшиеся в Анатолии, так и бежавшие из Константинополя. Около сорока депутатов, которым удалось избегнуть когтей агентов Антанты и спастись от ссылки на остров Мальту, с опасностью для жизни, большей частью пешком, пришли в Ангору. Сюда же прибыло и много турецких офицеров, которым удалось обмануть бдительность англичан. Ангорская печать очень много писала о героическом поведении Халиде-Эдиб-Ханум — писательницы, которую англичане хотели сослать на Мальту, но которая бежала в Малую Азию и после 20-дневного путешествия, большую часть дороги пешком, в модных башмаках и шелковых чулках, под дождем и снегом, достигла Ангоры.

Новый парламент Турции, на этот раз вдали от английских пушек, под охраной национальной армии, собирался под знаком борьбы с Англией.

Избирательная система в Большое Национальное Собрание была довольно запутанной. Многие депутаты были избраны по двухстепенной системе. От 2000 — 5000 избирателей цензовиков избирали по одному выборщику, которые, в свою очередь, избирали делегата в меджились. В среднем на 50 000 цензовиков приходилось по одному депутату. К выборам были привлечены провинциальные советы, муниципальные советы и члены Комитета защиты прав Анатолии и Европейской Турции. В общем, от каждого санджака было избрано по пяти человек.

Таким образом, в Большое Национальное Собрание могли пройти лишь представители цензовых элементов, купечества, сред-

ней буржуазии, духовенства, либеральных профессий и т. д. В общем, было избрано около 300 депутатов. Состав меджилиса по профессиям:

Купцы — большинство.

Муллы — 50.

Адвокаты — 10 — 15.

Штаб-офицеры — 12 — 15.

Представители полупролетарских масс — 2 — 3.

Когда депутаты собрались в Ангоре, было открыто торжественное собрание под названием Верховного Национального Собрания, объединяющего законодательную и исполнительную власть. Мустафа-Кемаль был единогласно избран председателем собрания и главой исполнительной власти, вторым председателем — бывший председатель парламента, разогнанного в Константинополе англичанами, Джелал-Эддин-Ариф — представитель крупной судейской буржуазии.

Как только Национальное Собрание сконструировалось, оно обратилось ко всем иностранным правительствам с декларацией, в которой заявило от имени турецкого народа:

1) Что оно энергично протестует против несправедливой оккупации Константинополя, против покушения на неприкосновенность парламента и против последовавших за этим ссылок.

2) Что оно не признает константинопольского правительства и считает султана английским пленником.

3) Что власть в Турции переходит отныне к Великому Национальному Собранию, которое является единственным законным представителем турецкого народа.

4) Что все договоры и соглашения константинопольского правительства с иностранными правительствами аннулируются.

5) Что все предписания и фирманы, исходящие от султана, пленника англичан, аннулируются.

Для борьбы с Великим Национальным Собранием Антанта, кроме посылки вооруженных отрядов, применила тот же метод, к которому она прибегла в Советской России. Агенты Антанты попытались возбудить контр-революционные восстания во многих областях Анатолии. Во главе контр-революционных шаек стал бывший разбойник, черкес Анзавур, награжденный титулом паши. После упорной борьбы, национальные войска разбили контр-революционные банды, и Анзавур спасся на английском военном судне.

Великое Национальное Собрание стало во главе национального движения в Анатолии и много содействовало усилению этого движения и более энергичной борьбе с европейским империализмом, пытавшимся окончательно поработить Турцию.

В области внутренних реформ Национальное Собрание до окончания греческой интервенции (к 1922 г.) сделало очень мало. Было издано много финансовых законов, направленных, главным образом, к взысканию податей и таможенных сборов. Никаких законов, изменяющих конституцию или

вводящих новые серьезные улучшения и преобразования в экономической жизни страны с целью улучшить печальное, угнетенное состояние народных масс, не было издано.

В области аграрных реформ равным образом ничего не было сделано. Единственными законами, заслуживающими внимания, являлись: 1) закон о расширении городского самоуправления, распространяющий право выборов и на нецензовые элементы; 2) закон о воспрещении производства, ввоза, продажи и употребления всякого рода спиртных напитков; 3) закон об увеличении жалования солдатам.

Фактическая власть в Анатолии перешла в руки правительства Кемаля-паши.

Кемаль-паша, глава национального движения, родился в Салониках. Ему 42 года. Офицер генерального штаба, один из деятелей революции 1908 г., Кемаль при Абдуле-Гамиде основал в Салониках «Общество Свободы» (Хуриэт-Джаммиэти), к которому примкнула молодежь означенного города. Уличенный в противоправительственной деятельности, Мустафа-Кемаль был арестован и отправлен в Константинополь, где он некоторое время находился под стражей. Затем был сослан в Багдад, где служил в пятой армии. Отсюда он пробрался в Салоники и примкнул к младотуркам. После июльского переворота 1908 г. Кемаль временно отстранился от политической деятельности. Перед войной 1914 г., он был военным атташе в Софии. В начале войны он руководил защитой Дарданелл. На этом посту он обнаружил себя как храбрый и умелый военачальник. Обладая большой энергией, военными талантами и организационными способностями, Кемаль много сделал для поднятия боевой мощи Анатолийской армии. Главными сподвижниками Кемаля в руководстве национальной армией являются Кязим-Карабекир, Али-Фуад-паша и другие.

Национальная армия. Что касается организации и командного состава анатолийской армии, то в начале ее образования она состояла, главным образом, из партизанских отрядов (чет). Четы существуют в Турции еще с давних времен, представляя собой вооруженные шайки с каким-нибудь беем во главе.

Став во главе военных сил Анатолии, Кемаль начал собирать рассеянные остатки и разрозненные части старой регулярной армии и объединил, таким образом, под своим начальством до 50 000 регулярных войск. Впоследствии эта армия значительно возросла, и в настоящее время численность ее достигла приблизительно 100 тысяч штыков. Регулярная армия разбивается на корпуса, дивизии, бригады, полки и батальоны. В каждом корпусе (орду) имеется три дивизии (носорду). Полный корпусной комплект считается в 16 000 штыков, но фактически корпус состоит из 6000 штыков. К концу 1920 г. армия Кемаля состояла из двух главных армий: из Измидской или Смирнской армии и Восточной армии. Смирнская армия состояла из трех корпусов: 12, 14 и 20, и находилась под командой Али-Фуад-паши. Восточная армия также состоит

из трех корпусов (13 и 15 и еще одного корпуса, нумерация которого нам неизвестна) и находится под командой Кязима-Карабекира. Кроме того, один корпус действует на Южном фронте, третий корпус расположен в районе Ангора-Сивас. К этому же времени в Трапезунде находилась третья дивизия.

Кроме этих регулярных войск, под общей командой Кемаля-паши действуют партизанские отряды, составляющие значительную силу армии Кемаля. Так, при наступлении на армянском фронте, значительную помощь регулярным войскам Карабекира оказали партизанские отряды из беженцев, спасавшихся от мусульманских погромов, организованных правительством дашнаков и бежавших в Турцию. Известно, что дашнаки сожгли более 200 мусульманских деревень в мусульманских областях Армении. Понятно, что при таком образе действий армянских, греческих, французских и английских империалистов, у Кемаля не могло быть недостатка в людях, готовых взять оружие в руки, чтобы итти драться против врагов Турции.

Численность партизанских отрядов представляет собой колеблющуюся величину с значительными уклонами в ту или другую сторону. Однако, общую численность партизанских отрядов, действующих на Восточном, Смирнском и Южном фронтах, можно определить, приблизительно, в 1000 000 человек.

Армия Кемаля очень богата хорошо обученным офицерским составом и, благодаря наличию крепких кадров, может быть значительно увеличена численно. Главные склады боевых припасов и снаряжения находятся в Афиун-Карагисаре, Эски-шехире и Сивасе. Патронных снарядов и орудийных фабрик в Малой Азии нет. Это составляет ахиллесову пяту военного аппарата национальной армии, которая испытывает большую нужду не только в артиллерии, но даже в винтовках, пулеметах и патронах к ним. Нужно, впрочем, прибавить, что победоносная война с дашнакцаканской Арменией, завхат Карса, Ардагана и Александрополя и разгром армянской армии, дали возможность войскам Кязима-Карабекира захватить большие военные запасы, десятки орудий, пулеметов, тысячи винтовок и множество снарядов и патронов, которыми союзники усердно снабжали дашнакцаканское правительство, подготовляя наступление против Советской России на Кавказе. В тот момент армия Кязима-Карабекира являлась безусловно наилучше вооруженной и оборудованной в техническом отношении частью национальной турецкой армии, хотя некоторое количество захваченного оружия Карабекир отправил Кемалю.

Благодаря внушительным военным силам, находящимся в его распоряжении, и поддержке населения, Кемалю удалось оказать такое противодействие союзным войскам, что правительствам Антанты пришлось волей-неволей подумать о каком-нибудь соглашении с ангорским правительством. Антанта довела свои военные силы в Малой Азии до крайнего предела, а между тем подавить национальное движение оказалось невозможным. Англия сосредоточила в Месопотамии армию, которая

в некоторые моменты достигала численности в 100 000 человек. Франция отправила в Сирию и Киликию 80 000 армию под командой Гуро, Греция сосредоточила в Смирнском вилайете около восьми дивизий до 110 000 человек. Был момент, когда греческая армия в своем наступлении прибижалась к Ангоре, захватив Ушак и Афиюн-Карагасир, главный базисный склад национальной армии, но затем грекам пришлось отступить. Вообще продвижение в глубь Малой Азии с удалением от берега представляет собой опасную операцию, требует громадных сил на охрану пути и поддержку связи с главной военной базой. Эта операция оказалась не по силам греческой армии, на которую Антанта возлагала преувеличенные надежды.

Финансовое напряжение, которое потребовалось от Греции для осуществления всех авантюристических планов Венизелоса, гибель десятков тысяч греческих жизней на фронтах во Фракии и Малой Азии вызвало сильное возмущение среди народных масс Греции, и Венизелосу, этому агенту Антанты, пришлось покинуть свой пост и бежать в Париж, где на него, между прочим, было произведено покушение двумя бывшими офицерами греческой армии.

Греческие события заставили союзников еще серьезнее задуматься над необходимостью какого-нибудь соглашения с ангорским правительством. В начале 1919 г. вся турецкая империя, беспомощная, беззащитная, лежала у ног победителей. В начале 1921 г. Мустафа-Кемаль управлял фактически $^4/_5$ Малой Азии, господствовал в значительной части Армении, из которой союзники мечтали создать вторую Грецию для борьбы в недалеком будущем против Советской России на Кавказе, а в ближайшее время против Турции в восточной Анатолии; кроме того, на стороне Кемаля стояло все мусульманское население фактически оккупированных союзниками прибрежных областей Малой Азии и Европейской Турции, включая сюда и часть христианского населения Болгарии и Македонии, готового вступить в союз не только с турками, но хотя бы с самим «чортом», лишь бы освободиться от греческого ига.

Ангорское Национальное Собрание во главе с Кемалем сочувственно откликнулось на предложение Антанты и послало своих представителей на Лондонскую конференцию, чтобы добиться пересмотра Севрского договора и признания независимости и целости Турции в ее этнографических границах.

Ангорское правительство и Антанта. Англо-французские осложнении на Ближнем Востоке. Итальянская политика.

Мы уже указали выше, что упорное и часто победоносное сопротивление армий Кемаля англо-французским и греческим войскам, далее — поражение Антанты в борьбе с Советской Россией, разгром контр-революционных армий Колчака, Деникина, наконец, Врангеля красными войсками советской федерации, советизация Армении и Грузии, наконец, антагонизм интересов между державами самой Антанты заставил послед-

нюю изменить свою вызывающую политику по отношению к правительству Кемаля и искать путей соглашения с последним.

Невозможность примирить между собой интересы союзников в турецком вопросе обнаружилась прежде всего в политике Италии, которая не только отказалась принимать участие в активных военных действиях против армий Кемаля и отозвала свои войска с мало-азийского фронта, но, более того, стала контрабандным образом снабжать турецкие повстанческие войска оружием и боевыми припасами.

Обессиленная войной Италия не могла мобилизовать для действий в Турции такую же многочисленную армию, какую могли снарядить Франция и Англия; на роль простого жандарма или наемника этих государств Италия не могла согласиться; в случае раздела Турции, Италии досталась бы сравнительно небольшая добыча, и, таким образом, в результате непропорционального усиления Франции и Англии и резкого нарушения равновесия на Средиземном море Италия как империалистическая держава понесла бы сильный урон.

На место выбывшей из строя Италии была приглашена Греция, что еще более обострило враждебное отношение Италии по отношению к англо-французской политике в Малой Азии и усилило симпатии итальянцев к кемалистам.

Вместе с этим выступление Греции в качестве активной участницы мало-азийской авантюры расширило и углубило трещину, создавшуюся между Францией и Англией в Восточном вопросе. Франция была недовольна результатами конференции в Сан-Ремо, после которой французским капиталистам пришлось отказаться в пользу Англии от Мосульских нефтяных источников. Разочарование в своих надеждах относительно доли французской добычи в Малой Азии было так сильно в империалистических кругах Франции, что Клемансо пришлось покинуть свой пост.[1] Поддержка, оказываемая Англией арабскому эмиру Файсалу, ярому врагу Франции, изгнанному французами из Дамаска, еще более обострила англо-французские отношения.

Англия стремится создать арабское королевство под британским протекторатом. Кандидатом на престол Англия намечает Файсала. Многие английские газеты указывают на необходимость для привлечения симпатий арабов к Англии отказаться от поддержки сионистских бредней и удовлетворить требование палестинских арабов об объявлении Палестины национальным центром арабов. Французские империалисты с опасением относятся к этим английским проектам, осуществление которых поколеблет окончательно неустойчивое положение Франции в Малой Азии.

Активное участие Греции в борьбе с национальным движением в Турции возбудило вначале отрадные надежды в империалистических кругах

---

[1] Подробнее об этом см. нашу работу «Вопросы национальной и колониальной политики и III Интернационал» (§ 2: Борьба между Англией и Францией из-за Востока).

Франции, которые рассчитывали, что с помощью греческой армии и греческой поддержки, Франции удастся усилить свое положение в Турции. Однако, слабая, обанкротившаяся в финансовом отношении Греция Венизелоса, обремененная громадными, недавно аннексированными территориями, этой добычей, которую она не способна была переварить, не в состоянии была ни вести самостоятельной политики в Восточном вопросе, ни служить сразу двум богам — английскому и французскому империализму с их взаимно-сталкивающимися интересами. И так как Англия оказалась державой, захватившей в свои руки гегемонию на всем Средиземном море, Ионическом заливе, Босфоре, Дарданеллах и в самом Константинополе, так как в результате мировой войны финансовая гегемония в Европе также перешла в руки Великобритании, естественно, что Греция, в конце концов, оказалась в полном подчинении именно у английского империализма и стала плестись на буксире у последнего. Таким образом участие Греции в разрешении Восточного вопроса лишь усилило позиции Англии в ущерб французским интересам.

Вот почему французская пресса с таким азартом использовала падение Венизелоса и возвращение к власти Константина, чтобы настаивать на устранении Греции от участия в мало-азийских делах, и потребовала пересмотра Севрского договора в смысле самых серьезных уступок туркам за счет греков. Так, французская пресса в согласии с итальянской потребовала удаления греческих войск из Смирны. Более того, та же французская пресса опять-таки в унисон с итальянской указывала на необходимость удовлетворения болгарских притязаний относительно порта в Эгейском море.

В лице усиленной Болгарии империалистическая Франция намеревается создать противовес Греции, этому орудию английской захватной политики. Вот почему Франция, равно как и Италия, против оставления Фракии в руках Греции.

Под влиянием французских и итальянских требований пересмотра Севрского договора и успехов кемалистов в борьбе с союзными войсками, Англия решилась созвать конференцию в Лондоне (февраль — март 1921 г.), на которую были приглашены и представители ангорского правительства, с которым Англия только недавно не желала и разговаривать как с «шайкой авантюристов и бандитов».

На Лондонской конференции сразу обнаружилось расхождение между союзниками во взглядах по Восточному вопросу. Английская делегация настаивала на неприкосновенности Севрского договора, как на главном условии умиротворения Востока, и на поддержке Греции, как важного фактора для противодействия кемалистским планам и защиты интересов Антанты.

Итальянская делегация, напротив, настаивала на полном пересмотре Севрского договора и ориентации в сторону Турции и Мустафы-Кемаля. Французская делегация, хотя и разделяющая взгляды итальянской деле-

гации, оказалась вынужденной, благодаря международной ситуации и необходимости для Франции полной поддержки со стороны Англии в принятии репрессивных мер по отношению к Германии,[1] пойти на серьезные уступки в Восточном вопросе и удовлетворилась требованием некоторых изменений Севрского договора.

Само собой разумеется, что новая Турция не сможет добиться какого-либо прочного соглашения с империалистической Антантой. Международный империализм не может отказаться от своих планов насчет Оттоманской империи. Мы уже подчеркивали, что борьба за турецкое наследство была одной из важнейших причин мировой войны. Образование сильной, независимой и демократической Турции нанесет сокрушительный удар Антанте не потому, что последняя лишится тех колоссальных выгод, которые мировые державы извлекали из эксплуатации Турции как своей полуколонии, но в особенности потому, что торжество революционно-национального движения в Турции, этой стране, пользующейся громадным престижем во всем мусульманском мире, поколеблет устои владычества капиталистических держав во всех их мусульманских колониях: в Алжире, Марокко, Тунисе, Триполи, Египте, Индии и т. д.

Кемалистский парламент выпустил воззвание, подписанное всеми депутатами, со следующими условиями заключения мира.

«Великий парламент полагает, что прочный мир можно достигнуть лишь при соблюдении излагаемой ниже программы. Вне осуществления этой программы не может быть единой Турции:

«1. Будущее территорий Оттоманской империи, заселенных арабами, должно быть разрешено путем всенародного голосования.

«2. Несмотря на предшествующее присоединение трех восточных провинций — Карса, Ардагана и Батума — к Турции, мы согласны на пересмотр этого решения путем плебисцита. Судьба Западной Фракии должна быть решена таким же беспристрастным образом.

«3. Константинополь и проливы должны быть неприкосновенны и освобождены от вмешательства чужестранцев. При соблюдении этого условия мы соглашаемся, путем договора с заинтересованными народами, предоставить право свободного прохода через проливы для коммерческих судов.

---

[1] На Лондонской конференции на ряду с турецким вопросом рассматривался и германский. Англия поддерживала все требования Франции и в результате все немецкие контр-предложения были отвергнуты как «бессовестные», а «союзные англо-франко-бельгийские» войска оккупировали в виде репрессии Дюссельдорф, Рурорт и Дюебург.

«4. Мы обязуемся перед Антантой и ее союзниками уважать права национальных меньшинств при условии, что они будут уважать наши права.

«5. Мы настаиваем на признании того, что жизненным вопросом для Турции является развитие ее экономической и финансовой мощи, а также усовершенствование ее правительственного аппарата. Поэтому безусловно отбрасываем все ограничения в политической, судебной или финансовой областях, которые бы задержали ее развитие. Условия погашения народного долга должны быть выработаны в полном согласии с этим существенным пунктом».

Комментируя эти требования кемалистов, английские газеты находили, что турки усвоили себе надменный тон, что они предъявляют «нелепые» требования, которые ни в коем случае не могут быть удовлетворены.

Антанта может лишь в самой минимальной степени удовлетворить требования новой Турции. Между тем несомненно, что если новая Турция откажется на деле от младотурецких принципов в области национальной политики, силы Турции удесятерятся, и она новым языком заговорит с Антантой. Мы уже указывали, что Ахиллесовой пятой младотурецкого режима была национальная политика последнего. Лидер младотурок Ахмет-Риза говорил: «Пусть нам только перестанут мешать агитаторы из Афин и Софии, тогда мы установим истинную свободу, и тогда вы увидите, как мы легко переварим всех греков, албанцев, арабов и сделаем из них один народ с одним материнским языком».

Эта безумная националистическая политика, преследовавшая неосуществимую цель оттоманизировать все многочисленные народности Турции, была одной из важнейших причин бессилия младотурок в борьбе с внешними врагами. Новая Турция в отличие от Турции Ахмет-Гизы и Экзер-бея отказалась от всех державных прав Турции на Аравию, Месопотамию, Сирию, Фракию, если их население не желает турецкой власти.

В настоящее время мы видим, как Турция Большого Национального Собрания становится центром притяжения не только революционно настроенных арабов, лазов, курдов, но также египтян, индусов, марокканцев и т. д. «Морнинг Пост» сообщало в феврале 1921 г., что шейх Сенусси, прибыв в Кесарию, сказал представителям прессы следующее: «Анатолия исполняет свой высший долг по отношению к Оттоманской империи и всему мусульманскому миру. Правительства Антанты издавна задались целью порабощения ислама, и, к сожалению, это им частично удалось. Но теперь турецкое правительство, являющееся единственным оплотом ислама, способно оказать сопротивление и разрушить планы Антанты. Конец войны внушил Антанте надежду на осуществление своего плана. Вот почему Антанта пыталась навязать Турции мир на невероятно тяжелых условиях. Осуществление этих условий было поручено злейшим врагам Турции, в частности — армянам и грекам. Анатолия поставила во главе управления страной честных и дальновид-

ных вождей и показала миру совершенно неожиданную силу сопротивления. Долг всех мусульман поддержать анатолийское движение, и я верю, что весь мусульманский мир будет на его стороне» («Морнинг Пост», от 28 февраля 1921 г.).

Опираясь на дружеское соглашение с Советской Россией, имея свой тыл обеспеченным с этой стороны, привлекая к себе симпатии всего мусульманского мира, новая Турция становится с каждым днем сильнее и борется за свое полное освобождение от гнета империалистических правительств Европы.

Ангора и Советская Россия. В этой борьбе революционная Турция нашла опору в поддержке со стороны Советской России. Даже не вступая в военный союз с Турцией, заключение которого противоречило бы основным принципам внешней политики рабоче-крестьянской России, РСФСР в состоянии многими способами оказать самую серьезную помощь национально-революционному движению в Турции и борьбе последней с империалистическими державами. Заключение военного союза между Россией и Турцией могло бы быть истолковано в совершенно ложном свете и уже потому принесло бы вред обеим державам.

Российская Социалитическая Федеративная Советская Республика ясно доказала перед всем миром, что она относится с полным уважением к правам османлисов на самостоятельное бытие и что она не преследует никаких агрессивных планов по отношению к турецким территориям.

Как истинный друг новой Турции, Советская Россия отнеслась крайне сочувственно к мирным переговорам между Турцией и Антантой. Незадолго до Лондонской конференции тов. Чичерин писал (14 декабря 1920 г.) народному комиссару по иностранным делам Ахмед-Мухтару:

«Турецкое правительство не должно отклонять никаких предложений со стороны правительств Антанты, если есть хоть малейшая надежда, что это не обман, и что они могут привести к прекращению борьбы и дадут турецкому народу перейти к мирной жизни, залечить раны, нанесенные семилетней войной.

«Но турецкое правительство, мы думали бы, должно было бы прежде всего потребовать, чтобы предложения делались открыто и официально. Затем нам думается, что правительство должно было потребовать немедленного очищения всех территорий Турции от каких-либо иностранных войск и прежде всего потребовать очищения Константинополя. Присутствие иностранных войск на территории Турции во время переговоров было бы постоянной угрозой, ухудшающей дипломатическое положение той страны, на территории которой находятся чужие войска.

«Россия только после того, как выгнала со своей территории иностранцев и контр-революционеров, могла укрепить свое политическое положение в международных отношениях и заставить с собой считаться. Если бы столица России была оккупирована иностранцами, на переговорах в Лондоне, если они вообще могли бы иметь место, нам было бы очень трудно добиться ею признания нашей суверенности и неприкосновенности».

Договор между Россией и Турцией. В феврале в Москве открылась конференция для заключения договора между Россией и Турцией. Одновременно представители анатолийского правительства приняли участие в Лондонской конференции. Глубокий контраст представляли между собой обе эти конференции. В Лондоне представители Турции сидели как тяжкие преступники «на скамье подсудимых», и английские министры с лицемерным негодованием и плохо скрываемым презрением произносили бичующие речи о тяжкой ответственности турецкого народа в многочисленных жертвах и убытках, понесенных Антантой в результате мировой войны, затянувшейся-де по вине Турции, дерзнувшей принять участие в вооруженном конфликте не в качестве союзника и верного слуги Антанты, а на стороне коварных и бесчестных противников последней. Там, в Лондоне, турецкие делегаты сидели перед грозными министрами Англии не как равные перед равными, а как взбунтовавшиеся и побежденные рабы, пришедшие к владыкам вселенной молить, если не о полной пощаде, то во всяком случае, хотя бы о смягчении заслуженной кары за великое преступление. И на Лондонской конференции, на всех заседаниях — в тысячный и тысячный раз с того момента, как создались человеческие общества, и грубое насилие было единственным законом, определяющим отношения между человеческими группами, — звучал один и тот же мотив, царил один и тот же завет, священный принцип всех эпох вечной войны и вечного издевательства сильного над слабым: «Горе побежденным». Об этом священном завете всей истории человечества Ллойд-Джордж лишний раз напомнил делегатам анатолийского правительства и всего турецкого народа на конференции в Лондоне.

На конференции в Москве делегаты Турции заседали как равные с равными. Здесь собрались представители двух великих народов не для того, чтобы обсуждать завоевательные планы и подготовлять нападения на другие народы, равно как не для того, чтобы торговаться из-за раздела добычи. Здесь собрались представители двух государств, чтобы подписать искренний, бескорыстный договор друг с другом.

Мы знаем, что этот договор не является таким международным актом, который мог бы удовлетворить интересы и желания безусловно всех народностей и наций, заинтересованных в условиях этого договора, как например, армянской. Но этот крупный недостаток договора, его очевидная слабая сторона объясняется тем, что современная Турция, хотя уже не та Турция, какой она была до мировой войны, пока еще не стала страной рабоче-крестьянской власти, страной социальной революции. Только социальная революция в Турции, революция, несущая в себе разрешение всех национальных вопросов, разобьет в этой стране все пережитки национальных предрассудков и антагонизмов и положит начало действительно новой эре. И, подходя к вопросу с этой стороны, мы не можем не видеть, что договор с Турцией является великим актом, который может лишь ускорить процесс назревания социальной революции как на всем мусульманском Востоке, так и в самой Турции,

а вместе с тем и могучим орудием разрешения национальных антагонизмов в Турции.

Заключая пресловутый договор с империалистической Германией в Бресте, подписывая договоры с Польшей и Англией, Советская Россия оказалась вынужденной пойти в каждом отдельном случае на тяжелые и как-будто унизительные уступки и отдавать в жертву хищному германскому, а затем польскому белоглавому орлу, целые области с миллионами населения. Но Советская Россия шла на эти уступки в твердом сознании, что последние вынуждаются не только интересами рабоче-крестьянских масс России, но и тех стран, с правительствами которых она вступила в переговоры. Кто может отрицать, что именно Брестский мир явился величайшим орудием революционизирования многомиллионного пролетариата Германии, что договоры с Польшей и с Англией явятся самыми могучими средствами пропаганды в пользу Советской власти, среди трудового населения этих стран, и что в этом отношении только-что подписанный договор между Турцией и Советской Россией также сыграет колоссальную роль?

Договор о дружбе и братстве между Россией и Турцией подписан 16 марта 1921 г. наркоминделом Чичериным и членом ВЦИК Коркмасовым с русской стороны, и с турецкой — председателем турецкой делегации, народным комиссаром хозяйства Юсуф-Кемалем, доктором Риза-Нуром, народным комиссаром просвещения и послом при Советском правительстве от Ангоры Али-Фуад-пашей.

По этому договору обе стороны обязуются не признавать никаких международных актов, касающихся другой стороны и непризнанных ею.

Территория Турции определяется согласно так называемому национальному соглашению (Пакт Националь), т.-е. торжественному акту, принятому турецким парламентом еще в Константинополе 28 января 1920 г. Северо-восточная граница Турции при этом точно устанавливается.

За Грузией признается Батум при условии местной автономии и право иметь собственный аграрный режим. Турции предоставляется свободный транзит товаров через Батум. Нахичевань признается автономной территорией под протекторатом Азербайджана.

За Турцией признаются округа: Артвинский, Ардаганский и Карсский, но там, где Арпачай близко подходит к Александропольско-Эриванской железной дороге, устанавливается с турецкой стороны восьмиверстная полоса, на которой Турция обязуется не держать войск и не строить укреплений.

Обе стороны признают право восточных народов на свободу и независимость и на выбор собственного государственного устройства по своему желанию. Для обеспечения свободного торгового транзита через проливы международный статут Черного моря и проливов будет выработан делегатами прибрежных государств. Константинополь признается столицей Турции. Отменяются старые договоры между Россией и Турцией и долги Турции Российскому государству, а также упраздняются капитуляции.

Не допускается образование групп, претендующих на роль правительства другой стороны или ее части, или имеющих целью борьбу против другой стороны. Устанавливается свободный транзит между обеими сторонами в пределах их законов. Имеется также ряд статей о возвращении военнопленных, о правах и обязанностях обоюдных граждан и т. д.

Договор между Россией и Турцией начинается следующей декларацией:

«Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и правительство Великого Национального Собрания Турции, разделяя принципы братства нации и права народов на самоопределение, отмечая существующую между ними солидарность в борьбе против империализма, равно как и тот факт, что всякие трудности, созданные для одного из двух народов, ухудшают положение другого и всецело воодушевляемые желанием установить между ними постоянные сердечные взаимоотношения и неразрывную искреннюю дружбу, основанную на взаимных интересах обеих сторон, решили заключить договор о дружбе и братстве».

Статья IV.

«Обе договаривающиеся стоорны, констатируя соприкосновение между национальным освободительным движением народов, торжественно признают за этими народами право на свободу и независимость, а равным образом их право на избрание формы правления, согласной их желаниям.

Статья V.

«Дабы обеспечить открытие проливов и свободное прохождение через них для торговых сношений всех народов, обе договаривающиеся стороны соглашаются передать окончательную выработку международного статута Черного моря и проливов особой конференции из делегатов прибрежных стран, при условии, что вынесенные ею решения не нанесут ущерба полному суверенитету Турции, равно как и безопасности Турции и ее столицы Константинополя.

Статья VI.

«Обе договаривающиеся стороны признают, что все договоры, до сего времени заключенные между обеими странами, не соответствуют обоюдным интересам. Они соглашаются поэтому признать эти договоры отмененными и не имеющими силы.

«Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заявляет в частности, что оно считает Турцию свободной от всяких к нему денежных или иных обязательств, основанных на международных актах, ранее заключенных между Турцией и царским правительством.

Статья VII.

«Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, считая режим капитуляций несовместимым с свободным национальным развитием всякой страны, равно как и с полным осуществлением ее суверенных прав, считает потерявшими силу и отмененными всякого рода действия и права, имеющие какое-либо отношение к этому режиму.

Статья VIII.

«Обе договаривающиеся стороны соглашаются не допускать образования или пребывания на своей территории организаций или групп, претендующих на роль правительства другой стороны или части ее территории, равно как и пребывания групп, имеющих целью борьбу с другим государством. Россия и Турция принимают на себя такое же обязательство и в отношении советских республик Кавказа, при условии взаимности».

Договор между Россией и Турцией является прообразом тех отношений, в какие советская федерация будет вступать с другими странами, ведущими борьбу за свое национальное освобождение против мирового империализма.

Многие турецкие националисты ставили вопрос о заключении союзного договора между обеими странами. Следует сказать, что эта идея увлекала самые широкие массы турецкого населения, и что многие турецкие солдаты давно считают Советскую Россию и Турцию Кемаля состоящими в с о ю з е. Эта мысль воодушевляла аскеров в их борьбе с армиями Антанты, и многие солдаты Кемаля были убеждены, что как только победоносная Советская Россия окончательно разгромит всех своих многочисленных врагов, она поспешит всеми своими военными силами на помощь союзной и дружественной Турции.

Что касается крайних реакционных элементов Великого Анатолийского Собрания, т.-е. представителей крупных помещиков и высшего духовенства, последние не особенно сочувствовали тесному сближению с соседней революционной страной и были бы готовы при более или менее серьезных уступках со стороны Антанты принять участие во враждебной политике по отношению к нам. Панисламистские и пантюркистские тенденции, сильные в некоторых кругах турецкого общества, не давали возможности этим кругам освоиться с мыслью о необходимости самого тесного сближния с Советской Россией.

Известно, что был такой момент, когда Англия, мечтая создать против нас фронт от Малой Азии через северо-восточную Персию (Хорасан), Афганистан, горную Бухару, куда укрылся эмир Бухарский, и русские Памиры к басмаческой мятежной Фергане, раздувала через посредство своих агентов панисламистские и пантюркистские идеи в Турции, направляя эти идеи своим острием против Советской России, пользуясь при

этом именем султана и не скупясь на золото (см. об этом подробнее нашу книгу: «Вопросы колониальной и национальной политики и III Интернационал», стр. 18 — 23).

Этот договор с Турцией, подписанный одновременно с договорами с двумя другими мусульманскими государствами, с Персией и Бухарой, окончательно расшатывает почву под всеми подобными проектами.

Договор о дружбе и братстве между Россией и Турцией громким эхом отозвался во всем мусульманском мире, в Тунисе, Алжире, Марокко, особенно в Индии и в самой Советской России. Престиж Советской России среди мусульманского населения Индии, — представители которого, как об этом сообщали английские газеты, недавно обратились с официальной просьбой к правительству Великобритании о пересмотре Севрского договора и об эвакуации Константинополя, священной столицы халифата, оккупационными европейскими войсками, — необычайно поднялся, когда мусульманская Индия узнала, что Россия протянула руку дружбы Турции и объявила Константинополь столицей Турции, торжественно отказавшись, таким образом, от вековых притязаний русских царей на Стамбул и проливы. В самой советской федерации мусульманские народы лишний раз убедились в том, что в рабоче-крестьянской стране фраза о братстве народов без различия языка — не пустая фраза, а реальная действительность, с каждым днем приближающаяся к своему полному идеальному воплощению в жизнь.

И если мы сравним договор о дружбе и братстве между Россией и Турцией с Севрским договором, навязанным той же Турции империалистической Антантой, мы увидим, какая непроходимая пропасть отделяет два строя — строй насилия, захвата, так ярко воплощаемого в политике Антанты, и тот новый социальный порядок с его совершенно новой внешней политикой, который характеризует рабоче-крестьянскую Россию.

§ 4. Политические партии в Турции. Внешняя политика Великого Национального Собрания.

До разгрома Германии и всех ее союзников главенствующей партией в Турции была младотурецкая партия «Единение и прогресс» (Иттихад). Мы уже говорили выше, что эта партия являлась представительницей турецкой буржуазии, офицерства и либеральных профессий. Партия эта не сумела разрешить ни национального, ни рабочего, ни крестьянского вопросов. В младотурецкую партию вошло много элементов, зараженных пантюркистскими и панисламистскими тенденциями, увлекавшихся империалистическими бреднями и мечтавшими в момент германских побед над Россией о присоединении Кавказа к Турции, не говоря уже о планах насчет Египта, Македонии и т. д.

В результате разгрома Турции эта партия окончательно дискредитировала себя в глазах всего населения, которое возложило на младотурок ответственность за участие Турции в губительной войне, окончившейся победой Антанты, и за позорное поведение многих видных правитель-

ственных деятелей, членов младотурецкой партии, оскандаливших себя участием во всякого рода подрядах, поставках и спекуляциях и наживших громадные капиталы на народном бедствии, на недоедании солдат и вооружении армии плохими материалами.

После мировой войны младотурецкая партия прекратила свое существование, и члены ее ушли от политической деятельности или вошли в другие политические партии.

Партия «Хурриет ве Иттиляф» («Свобода и согласие»), выдвинувшаяся в результате победы держав Согласия, является представительницей интересов кучки крупных турецких купцов, спекулянтов, подрядчиков, разбогатевших во время мировой войны. Эта социальная группа поддерживала вначале младотурок и держалась германской ориентации, но затем перешла со всем своим оружием и багажом в лагерь Антанты.

Партия эта поддерживалась многочисленной греческой буржуазией Константинополя, Смирны и других торговых центров Европейской и Азиаткой Турции и являлась агентом Антанты. Среди турецкого населения партия эта не пользуется абсолютно никаким доверием, что блестяще доказали выборы в константинопольский парламент, а между тем казалось, что здесь под охраной английских штыков и при помощи английского золота партия «Хурриет ве Иттиляф» сумеет собрать вокруг себя хотя незначительное число сторонников.

«Мудафаи-Хуккуки-Милие». Руководство национальным движения вначале в Анатолии, затем во всей Малой Азии и Европейской Турции взяла на себя партия «Мудафаи-Хуккуки-Милие» («Защита национальных прав»), играющая первостепенную роль в Турции и фактически распоряжающаяся всей политикой страны. Партия эта объединила вокруг себя всю мелкую и среднюю турецкую буржуазию, все офицерство, представителей либеральных профессий и стала во главе повстанческого движения против Антанты. В эту партию вошло немало элементов старого чиновничества и бывших членов младотурецкой пратии, которые тянут партию к старой империалистической политике, по существу эта партия консервативная. В состав ее входит немало крупных помещиков и капиталистов.

Хотя многие сторонники партии «Хуккуки-Милие» боятся слишком тесного сближения с Советской Россией, опасаясь, что такое сближение будет содействовать пробуждению классового самосознания в трудящихся массах Турции, однако, логика вещей толкает их к поддержанию самых дружеских отношений с Советской Россией. Кемаль и другие члены этой партии прекрасно понимают, что всякое другое правительство в России не преминуло бы воспользоваться тяжелым положением Турции и попыталось бы оттоpгнуть от Турции целый ряд вилайетов. Несомненно, что положение Турции было бы безвыходное, если бы многомиллионная Россия в союзе с Антантой атаковала Анатолию и оккупировала территории восточной Анатолии. Лишенная поддержки со стороны разгромленных и обессиленных Германии, Австрии и Болгарии — своих прежних союз-

ников, Турция не имела бы сил противостоять натиску на всех фронтах и пала бы в неравной борьбе. С другой стороны, именно победоносная борьба Советской России с отечественной контр-революцией и поддерживавшей последнюю Антантой, возбуждала энтузиазм во всем турецком народе и внушала мусульманским массам уверенность в возможности успешной борьбы с мировым империализмом.

Отвечая именно этому настроению широких народных масс Турции и желая подчеркнуть перед всем миром дружеские отношения, соединяющие Турцию и Россию, Кемаль послал Чичерину свое известное приветствие, которое приводим ниже:

«Телеграмма Мустафа-Кемаля-паши от 29 ноября 1920 г.

«Народному Комиссару по иностранным делам РСФСР, Москва.

«Господин Комиссар.

«Имею честь подтвердить получение вашего письма от 2-го июля 1920 года, врученного мне советником вашей миссии в Турции, и выразить вам свою искреннюю благодарность за вашу лестную оценку борьбы, которую мы ведем против коалиции западных империалистов.

«Мне доставляет величайшее удовольствие сообщить вам о чувстве восхищения, испытываемого турецким народом по отношению к русскому народу, который, не удовлетворившись тем, что разбил свои собственные цепи, ведет уже более двух лет беспримерную борьбу за освобождение всего мира и с энтузиазмом переносит неслыханные страдания ради того, чтобы навсегда исчезло угнетение с лица земли.

«Наша нация вполне оценивает все величие жертв, на которые пошла русская нация ради спасения рода человеческого, так как она сама в течение веков боролась, отстаивая мусульманские страны, являющиеся объектом вожделений европейских империалистов. Я глубоко убежден, и мое убеждение разделяется всеми моими согражданами, что в тот день, когда трудящиеся Запада, с одной стороны, и порабощенные народы Азии и Африки, — с другой, поймут, что в настоящее время международный капитал пользуется ими для взаимного уничтожения и порабощения, ради вящшей пользы своих господ, и в тот день, когда сознание преступности колониальной политики проникнет в сердца трудящихся мира, — власть буржуазии кончится.

«Высокий моральный авторитет правительства РСФСР в среде трудящихся Европы и любовь мусульманского мира к турецкому народу дают уверенность, что нашего тесного союза будет достаточно для того, чтобы объединить против империалистов Запада всех тех, кто до сих пор поддерживал власть покорностью, основанной на терпении и невежестве.

«Примите, господин комиссар, искреннее уверение в моем глубочайшем уважении.

«Председатель Великого Народного Собрания Турции Мустафа-Кемаль».

Многие члены партии «Хуккуки-Милие» — определенно выраженные националисты, живущие воспоминаниями о старой Оттоманской Турции, ненавидящие армян, греков, как антисемиты ненавидят евреев.

*

Однако, логика событий и тяжелые уроки последних лет, полное банкротство централистической политики младотурок, которые стремились к неосуществимой цели превратить все народности Турции в однородную массу, говорящую и думающую по-оттомански, и считали стремления этих народностей к автономии и децентрализации чуть ли не государственным преступлением, заставили даже многих вчерашних младотурок заговорить иным языком.

Партия «Хуккуки-Милие» стоит, по крайней мере на словах, на новой платформе в области национальных вопросов. Она отвергает унитаристические тенденции младотурок, приведшие в значительной степени к краху Оттоманской империи, и признает за отдельными народностями Европейской и Азиатской Турции право на автономию и даже полную самостоятельность. Согласно заявлению членов ее, новое турецкое государство должно быть построено исключительно в этнографических границах.

В области внутренней экономической политики партия «Хуккуки-Милие» воздерживается от каких-либо нововведений. Ни в аграрном вопросе, ни в вопросе о борьбе с дороговизной жизни, спекуляцией, ростовщичеством правительство Кемаля до окончания греческой интервенции не сделало. На требование реформ его сторонники дают трафаретный ответ: «Сначала победим империализм, а потом можно будет приступить и к серьезным реформам». Некоторые миллисты указывают на то, что в данный момент всякие преобразования и реформы могут-де нарушить согласие между турками, вызвать раскол, раздор в Анатолии, создав контр-революционное движение, и ослабить, таким образом, страну в борьбе с Антантой, а потому, прежде всего, надо закончить войну и лишь потом поставить вопрос о реформах.

Второй влиятельной партией в Анатолии является партия «Халк-Зюмряси» («Народная партия»). Партия эта имеет много сторонников среди делегатов Большого Национального Собрания. Партия эта называется иначе партией исламистов. Вот важнейшие пункты программы этой партии:

«Для установления в государстве безусловного народовластия сорганизовалась «народная группа».

«Цель группы — обеспечение необходимых реформ и осуществления их в зависимости от требования времени и потребностей народа.

«Группа, опираясь на священные основы ислама, стремится к возвращению условий искреннего сотрудничества, а также к уничтожению растлевающего влияния Запада и ликвидации его аппетитов, и считает свое направление правильным, так как оно согласуется с предначертаниями Аллаха.

«Главная цель группы — служение народу во имя достижения им всеобщего равного благосостояния и для завоевания им заслуженных

прав. По мнению группы, люди, живущие физическим или умственным трудом: крестьянин, рабочий, интеллигент, ремесленник, учитель, чиновник и низший служащий — все эти элементы деятельности труда являются действительными служителями человечества.

«Одна из главных целей группы — предстоящее воспитание и укрепление идеи превосходства всеобщего братства и общественности над индивидуальными интересами.

«Группа считает, что внешние долги и иностранные концессии за счет несчастного безвинного народа являются жестокими цепями для него и служат для капиталиста предметом эксплуатации и предлогом вмешательства и господства над ними.

«Исполнительная и законодательная власть сосредоточивается в Великом Национальном Собрании.

«Великое Собрание составляется из представителей губерний, избранных всеобщим голосованием. Каждый гражданин, достигший 18 лет, пользуется избирательным правом.

«Члены Великого Собрания избираются на двухлетний срок и обычно заседают не менее четырех месяцев в течение года.

«Народная группа, желающая установления всеобщего братства, считает законными войну и борьбу только в целях воспрепятствования против поработительных и захватнических войн, а также для уничтожения империализма и международных интриг. Народная группа считает, что все без исключения должны исполнять эту обязанность как материальными жертвами, так и физическим участием.

«Группа должна обратить особенно сильное внимание на недостатки общественного управления и нравственности, для чего необходимо уничтожить потребление спирта, проституцию, запретные игры, насилие, кражи и т. п. нравственные недостатки.

«Группа является сторонницей обязательного бесплатного обучения, тем более, что в общественной жизни везде будут открыты школы, и никто не будет оставлен безграмотным. Количество высших профессиональных и научных учреждений будет увеличено, все они будут в ведении правительства, при чем занятия в них будут производиться бесплатно.

«В вопросах экономических, цель группы — упорядочение справедливого распределения общественных тягот.

«Безземельные со стороны правительства будут безвозмездно наделены достаточным количеством земли и каждому рабочему будет обеспечена возможность свободного труда, и таким образом будут обеспечены обработка и пользование большей частью земли.

«Школы для трудящихся, удовлетворяя санитарным условиям, должны быть всесторонне обеспечены правительством.

«Аптеки и больницы должны находиться в ведении правительства. Право каждого гражданина лечиться безвозмездно.

«Группа должна равным образом позаботиться о беспомощных, оставшихся за бортом жизни стариках, увечных и больных, в интересах общей пользы. Правительство должно обеспечить бедным детям до шестнадцатилетнего возраста жилище, воспитание и пропитание.

«Народная группа считает, что настоящий капитал тот, который является продуктом согласованности и гармонии труда и заработка, а не тот, который накоплен спекулянтами, благодаря хитрости и обману, к которому мы относимся с презрением. Для распределения большей частью незаконной наживы необходимо открытие продовольственных кредитных кооперативов. Внешняя торговля должна находиться в ведении правительства и контролироваться его органами».

Именно расплывчатость программы «Халк-Зюмряси» и ее мелкобуржуазные реформистские тенденции (кооперация) да перемешивание чисто социалистических лозунгов с филантропическими тенденциями, наконец, ссылка на то, что эта программа опирается на «священные основы ислама и вполне согласуется с предначертаниями Аллаха», — все это обеспечивает партии некоторый успех в широких слоях населения.

Партия «Зеленой армии» народнического направления в духе ислама, основана Нази-беем и Шейх-Иссербет в 1919 г.

Несколько странное название «Зеленая армия», между прочим, объясняется тем, что в России господствовавшей партией считалась «Красная армия»; объединение «Красной армии» и «Зеленой армии» — символ объединения революционной России с революционным Востоком.

Кроме указанных партийных группировок, в Анатолии функционирует правительственная коммунистическая партия. Это — легальная партия, организованная не без участия членов «Хуккуки-Милие» и бывших членов исчезнувшей партии «Единение и прогресс», представляет собой нечто в роде зубатовщины и имеет целью отвлечь народные массы от подлинного коммунистического движения, которое медленно, но неуклонно начинает привлекать к себе симпатии наиболее сознательных и активных элементов трудового населения и армии Анатолии.[1] Кроме официальных коммунистов, в разных местах Анатолии имеются отдельные небольшие группы подпольных коммунистов, работающих в контакте с заграничным бюро турецкой коммунистической партии, возглавляемым в настоящее время тов. Измаилом Хакки, равно как с т. Субхи и другими, уехавшими недавно в Анатолию.

О турецком коммунистическом движении мы скажем подробнее в следующей главе.

---

[1] Правительственная коммунистическая партия просуществовала недолго и самоликвидировалась в 1921 г., когда был инсценирован разгром редакции органа правительственной компартии: «Сэйяре-Эна-Дунья». К этому времени, после убийства т. Субхи и его спутников, после арестов коммунистов по всей Анатолии, дальнейшее существование официальной «компартии» не могло бы уже никого обмануть и поэтому в такой «компартии» не было уже нужды.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТУРЦИИ.

§ 1. Земельный вопрос.

Турция — страна преимущественно земледельческая. Преобладающее большинство ее населения составляют крестьяне.

Хотя в некоторых частях как, например, в Курдистане еще сохранились остатки прежнего феодального строя, но в общем земля юридически принадлежит государству, под видом государственной и вакуфной, и фактически находится в пользовании частных землевладельцев. Несмотря на отсутствие крупного частного землевладения и на наличие свободных государственных земель, значительная часть турецких крестьян (больше 30%) не имеет собственной земли и вынуждена работать в качестве арендаторов-батраков и городских чернорабочих поденщиков. Вследствие крайней разоренности, крестьяне вынуждены оставить свои участки в руках ростовщиков или даже просто бросать на произвол судьбы, не имея возможности продолжать хозяйство за полным отсутствием средств производства. Основной причиной разорения турецких крестьян является непомерно тяжелое бремя налогов, в течение столетий взыскиваемых с крестьян самым беспощадным и разорительным образом при посредстве откупов.

Сановники, паши, беки, жандармы, сборщики податей, скупщики зерна, менялы и ростовщики, вконец разорили турецкое крестьянство и создали для него невыносимо тяжелое существование, которое вызывает у крестьянства жгучее недовольство настоящим положением и страстную жажду найти из него выход.

Мировая война, со всеми вызванными ею бедствиями, крайне обострила положение населения Малой Азии и подготовила почву для народного недовольства. В результате постоянных наборов, крайнего вздорожания жизни и развившейся на этой почве спекуляции, сотни тысяч людей в Анатолии впали в состояние полной нищеты. Крестьянство анатолийское живет страшно бедно, целые области голодают, кустарная промышленность подорвана, и кустари лишились работы, тысячи людей, уходивших на заработок в Россию (Кавказ, Черноморское побережье, в Европейскую Турцию — Константинополь), вследствие фактического закрытия границ, лишились средств существования.

В результате мировой войны и в Турции замечаются те же явления, что и во всей Европе, классовые противоречия обострились, крупные землевладельцы, торговцы, ростовщики — еще более разбогатели; бедняки совершенно обнищали.

Многие турецкие мелкобуржуазные политики и даже социалисты утверждают, будто в Турции нет крупных землевладельцев, особенно острых классовых противоречий в деревне. В подтверждение этих взглядов обыкновенно ссылаются на то, что в Турции (главным образом,

в Анатолии) имеется огромный фонд неиспользованной свободной земли, что в силу аграрного законодательства огромное большинство земель принадлежит государству, и лишь незначительная часть культурной площади находится в частном владении.

Даже в докладе III Интернационалу мы встречаемся с утверждением, будто в Турции вовсе нет аграрного вопроса, как социальной проблемы, будто «этот щекотливый вопрос почти улажен в Турции в том смысле, в каком это допускает коммунизм».

В Турции, бесспорно, имеется колоссальный фонд необработанной земли. По полуофициальным данным министерства земледелия, общее количество обрабатываемых в Азиатской Турции земель, включая Сирию и Месопотамию, достигало 71 000 000 дунамов, т.-е. составляло всего 4,5% всей земельной площади. Принимая во внимание, что из всей площади Азиатской Турции, достигающей 1 600 000 квадр. километров,— 800 000 кв. мил., т.-е. 50%, представляет землю высокой ценности, мы увидим, что менее 10% их подвергаются обработке. Уже одно это чудовищное пропорциональное отношение доказывает, что аграрные отношения в Турции сложились самым уродливым образом. [1]

На крестьянстве лежит все бремя фискальных повинностей, натуральных поборов и незаконных взысканий. Благодаря всем этим тяготам анатолийский крестьянин ведет примитивное хозяйство и сокращает свою запашку. Крестьянство анатолийское малокультурно и в результате своей косности не применяет никаких нововведений в области сельскохозяйственного производства, применяя те же методы обработки земли, какие существовали сотни лет назад. Отсутствие земледельческих машин, первобытный способ обработки полей делает труд крестьян крайне тяжелым и малопроизводительным.

Заметим, что существующее аграрное законодательство, если мешает образованию крупных частно-владельческих хозяйств в европейском смысле слова, отнюдь не препятствует образованию обширных земельных владений, типа латифундий, хотя бы на правах условной аренды у государства; и действительно, там, где это возможно, мы видим образование в Турции крупных земельных владений, так, например, в Сирии, в Дамасском вилайете 60% земель принадлежит крупному землевладению, 15% — среднему и лишь 25% — мелкому. Все земли гор. Кама и его окрестностей принадлежат пяти большим семьям. [2]

Во многих местах Анатолии громадные участки земли принадлежат беям, которые держат в своем подчинении многие окрестные деревни. Иные беи держат в руках по 30 — 40 деревень. Малоземельные крестьяне принуждены работать на своих беев за ничтожную оплату труда. Темные, забитые крестьяне смотрят на своих беев, как на высшие существа. Беи эти имеют вооруженные отряды в своем подчинении и являются

---

[1] Данные эти заимствованы из доклада № 4 от 23 дек. 1920 г. Информ. бюро Турции. Полномочн. представ. РСФСР в Турции.

[2] См. тот же доклад.

фактическими хозяевами положения в своих округах. Бей, идущий на войну, ведет за собой всю округу. Многие из этих беев являются беспощадными эксплуататорами, что не мешает некоторым из них, из ненависти к Антанте и грекам, называть себя большевиками.

Очевидно, что нет возможности отрицать наличности аграрного вопроса в Турции да еще притом в самой острой форме. Ошиблись и ошибаются все те, — говорит коммунистическая турецкая газета «Энна-Дуниа», — кто думает, будто в Анатолии нет аграрного вопроса. Крестьяне, не имеющие земли, составляют 30% населения. Крестьянский банк не помогает крестьянам, число безземельных растет также благодаря деятельности ростовщиков.

Большое Национальное Собрание сделало пока очень мало в пользу крестьян и ограничивается в этой области полумерами. Так, оно издало декрет о засеве, согласно которому каждый имеет право засеять любую свободную землю, при чем весь доход поступает в его пользу без всякой уплаты владельцу земли.

Крайне тяжелое положение крестьянских трудовых масс, невыносимый гнет, тяготеющий над ними, создают почву для восприятия революционных идей наиболее чуткими элементами крестьянства. Военнопленные коммунисты, прибывающие из России, заносят заразу советских идей в турецкую деревню. Но подавляющая масса крестьянства видит единственную причину своих бедствий в иностранном гнете и, прежде всего, в разбойничьей политике Антанты. Однако, восстание Эдхема, о котором мы скажем несколько слов ниже, показывает, что большевистские идеи начинают проникать в турецкую армию, состоящую в подавляющей массе из крестьян.

К противоречию классовых интересов в деревне присоединяется и противоречие интересов в городе: на ряду с разорившимися кустарями, умирающими с голоду портовыми рабочими, мы находим здесь разбогатевших спекулянтов, крупных торговцев, владельцев судов.

Одним словом, и в Анатолии мировая война вызвала обострение нищеты в народных массах, дороговизну жизни, усилила хозяйственную разруху, привела в негодное состояние пути сообщения — железнодорожные и шоссейные и одновременно содействовала обогащению кучки спекулянтов за счет обнищания миллионов крестьян, рабочих и кустарей.

Резкое ухудшение экономического положения, мировая война, великая революция в России, — все это вместе взятое пробудило отсталого, забитого анатолийского крестьянина и мелкого кустаря от его вековой дремоты. Грандиозная встряска последних лет не прошла даром для Анатолии. И здесь повеяло новым духом. Сотни тысяч турецких крестьян, не интересовавшихся недавно всем тем, что происходит за пределами их деревушки, втянуты теперь в водоворот мировой истории. Турецкий крестьянин, мелкий кустарь, чернорабочий начинают интересоваться политическими вопросами и программами партий, и наиболее сознатель-

ные и активные элементы трудовых масс, отбросив вековую индифферентность к вопросам политики и государственного строительства страны, начинают примыкать к той или другой партии.

§ 2. Турецкая буржуазия.

Ни в одной стране Европы противоположность между интересами крупной торговой буржуазии, с одной стороны, средней и мелкой — с другой, не носит столь резкого характера, как в Турции.

Турецкая крупная торговая буржуазия, выросшая в Константинополе и средиземноморских портах Анатолии и окрепшая еще до империалистической войны, состояла, главным образом, из греков, армян и левантинцев. Она являлась агентом европейских банкиров и фабрикантов и, будучи допущена к участию в дележке доходов, получаемых последними, не заинтересована в сохранении независимости Турции. Крупная торговая буржуазия была уверена, что ее интересы как агента международного капитала не пострадают и после раздела Турции, поэтому крупная торговая буржуазия стремилась к скорейшему заключению мира, не смущаясь даже обращением Турции в англо-французскую или американскую колонию. В своем пресмыкательстве перед хищническим европейским капиталом эта крупная буржуазия доходила до того, что поддерживала Севрский договор и вообще все требования Антанты.

Сгруппировавшись вместе с частью крупных бюрократов вокруг партии «Свобода и согласие», «турецкая» крупная буржуазия готова была отдать Антанте Константинополь, Смирну, Адану, Яффу и т. д., лишь бы не ссориться с европейской и американской буржуазией, всегда смотревшей на Турцию, как на рынок для покупки сырья по дешевым ценам и для выгодного сбыта бросовых предметов своего фабричного производства.

Совершенно иначе относится к попыткам международного капитала превратить Турцию в свою колонию средняя и мелкая турецкая торговая буржуазия. Средняя и мелкая буржуазия Турции, возникшая внутри страны за последние пятнадцать лет, окрепшая и развивавшаяся, главным образом, во время мировой войны, устранив конкуренцию европейской, греческой и армянской буржуазии, является руководителем турецкого народа в борьбе за «сохранение независимости и нераздельности Турции в ее этнографических границах». Представители этой мелкой и средней буржуазии прекрасно понимают, что в случае раздела Турции им придется очистить завоеванные ими экономические позиции перед натиском международного капитала, и что их место займут греки, армяне, левантинцы и другие представители международной промышленности и торговли. Для мелкой и средней турецкой буржуазии борьба за независимость Турции есть борьба за свое собственное существование.

Эта мелкая и средняя буржуазия является в данный момент ярым врагом крупной турецкой буржуазии, поддерживающей Антанту, и стремится объединить вокруг себя турецкое трудовое крестьянство и даже городские фабричные массы в лице разоряющихся, благодаря ввозу дешевых предметов европейской фабричной промышленности, мелких ремесленников, а также в лице индустриальных рабочих, каковых теперь имеется немало в Константинополе, Бруссе, Смирне, Адане, Самсуне и т. д.

И нужно признать тот факт, что трудовые рабоче-крестьянские массы Турции в своем подавляющем большинстве охотно идут за этой мелкой и средней буржуазии, которая является идейным руководителем и гегемоном в анатолийском национально-освободительном движении.

§ 3. Турецкая коммунистическая партия.

Вследствие этих условий на долю коммунистической партии в Турции выпадает чрезвычайно трудная и сложная задача. С одной стороны, поскольку речь идет о борьбе с Антантой, турецкая коммунистическая партия должна поддерживать самым энергичным образом национально-освободительное движение и руководящую последним мелкую и среднюю буржуазию, ибо каждый лишний день сохранения власти хищнического европейского капитала в Турции обостряет народную нищету, ускоряет процесс пауперизации ремесленников и крестьян, отрываемых от производительного труда, и не дает возможности несчастной стране вырваться из огненного кольца непрерывной войны с иноземными армиями и контрреволюционными бандами, организуемыми агентами Антанты.

С другой стороны, поддерживая мелкую и среднюю буржуазию в борьбе последней с Антантой, турецкие коммунисты должны создать отдельные независимые от буржуазии организации трудовых рабоче-крестьянских масс и собрать вокруг своего знамени стойкие кадры преданных работников и борцов и обеспечить свое существование в качестве независимой партии, защищающей интересы трудящихся масс под знаменем III Интернационала.

Эту задачу стремилась осуществить группа турецких коммунистов, возглавляемых тов. Субхи, тов. Измаилом Хакки, членом президиума совета пропаганды и действия народов Востока, и другими товарищами. Групка эта работала очень энергично. Ею издавалась в Баку еженедельная газета «Эниа-Дуниа», распространявшаяся в Турции. Группой этой переведены на турецкий язык и частью изданы ряд брошюр, в том числе следующие: 1) Коммунистический манифест Маркса; 2) Биография Ленина; 3) Конституция РСФСР; 4) «Азбука Коммунизма» Бухарина; 5) Программа коммунистов-большевиков; 6) Труд и капитал; 7) Что такое большевизм? 8) Что такое Советская власть? 9) Программа турецкой коммунистической партии; 10) Тезисы Ленина о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре.

Уже один перечень этих брошюр дает представление о физиономии группы Субхи и Измаила Хакки и показывает, что эта группа стояла на почве III Интернационала.

Группа тт. Субхи, Измаила Хакки и др. руководила через посредство своих единомышленников коммунистическими ячейками в Измиде, Трапезунде, Самсуне, Ангоре, Конии, Адане, Смирне. Эти коммунистические ячейки вели в Анатолии подпольную работу. Последняя велась, главным образом, как уверяют турецкие официозные газеты, бывшими турецкими военнопленными, вернувшимися из Советской России. Анатолийское правительство относилось крайне подозрительно к военнопленным, вернувшимся из России, держало их под надзором, преследовало и арестовывало их. Коммунистическая партия вела пропаганду, главным образом, среди рабочих, обрабатывающих сырье в виде шерсти, кожи и мехов, далее среди рабочих, занятых в угольных копях, на медных, свинцовых и железных рудниках, на судостроительных верфях, в морских и речных судовых командах, рабочих, вырабатывающих шелковые, шерстяные и суконные материи, обрабатывающих хлопок и ткущих мануфактуру и ковры, рабочих по проведению шоссейных, грунтовых и пр. дорог, пищевиков, матросов, грузчиков и т. д. Следует заметить, что иностранный финансовый капитал создал в Константинополе, Эрегли, Смирне, Адане, Самсуне и т. д., довольно значительные промышленные центры с заметными скоплениями промышленного пролетариата, уже начинающего вырабатывать свое классовое самосознание.

Кроме этого пролетариата, другим элементом, способным к восприятию крайних революционных идей, являются мелкие ремесленники и кустари, ныне совершенно разоренные и перешедшие в ряды безработных.

Дух недовольства своим положением начинал постепенно проникать и в турецкую армию. Несмотря на то, что в смысле продуктов питания Анатолия находится в удовлетворительном положении, армия снабжается крайне скудно и живет впроголодь. Армия питается почти исключительно смешанным или кукурузным хлебом, к обеду дают похлебку, мясо составляет редкость. Крайне скудно обстоит дело с обмундированием: солдаты ходят разутые и раздетые, мануфактуры нет. Солдат от офицеров отделяет пропасть. В армейских низах начинают ходить разные толки о Красной советской армии, о простых отношениях между командным составом и рядовыми в России, о почетном положении красноармейцев и т. д., наконец о том, что в России вся земля, все фабрики и заводы, все богатства страны принадлежат крестьянам и рабочим. Турецкие солдаты постепенно начинают задумываться над своим положением и во многих случаях выражают глухой и отчасти бессознательный протест по адресу своего офицерства и порядков, существующих в стране. Вот почему правительство и военное начальство с боязнью и часто с ненавистью относятся к турецким подданным, и преимущественно к военным, проникающим в Анатолию из Советской России, особенно к прибывающим из Баку. Само собою

разумеется, что пока пропаганда коммунистических идей наталкивается на чрезвычайные трудности в Анатолии.

Что «большевизм» начинал привлекать к себе симпатии народных масс Турции, об этом свидетельствовал тот факт, что некоторые авантюристы начинали прикрывать свои действия маской большевизма. Так, известный Эдхем, игравший роль турецкого Махно, незадолго до своего восстания, в беседе с редактором «Эниа-Дуниа» высказал следующие мысли:

«Большевизм овладел миром. Если мы встретим его с должным чувством и воспримем его, государство, во всяком случае, будет счастливо. Будьте уверены, большевизм принесет большую пользу и будет плодотворен для нашего будущего. Теперь большевизм спасет страну, а в будущем он обеспечит человеческую жизнь и счастье. Однако, дело не ограничивается тем, чтобы сделаться просто большевиком, нужна широкая пропаганда».

«Для нас большевизм является спасением, только до провозглашения необходимо перевернуть все законы вверх дном для того, чтобы произвести во всей стране основные изменения, а чтобы это можно было осуществить, необходимо много и хорошо работать».

Эдхем-паша, как явствует из обвинительного акта, распространял среди своих солдат «журнал с обложкой Коммунистического Интернационала: трудящиеся, разрывающие свои цепи». Ядро армии Эдхема состояло из 5000 человек, стоявших на западном фронте против греков. Солдаты и младшие офицеры стали на сторону Эдхема.

Ангорское правительство объявило, что Эдхем предался грекам и стремится установить правительство, основанное на разбое и грабеже. Против Эдхема была двинута 24-я дивизия, затем отряд из 4000 штыков и 12 орудий и другие войсковые части. Сторонники Эдхема обратились с прокламацией к железнодорожным рабочим с призывом объявить забастовку и помешать переброске войск против Эдхема. Редакция газеты «Эниа-Дуниа», в типографии которой была напечатана прокламация, была арестована, и сама типография разгромлена. В конце концов, Эдхем был разбит и бежал.

§ 4. Правительственная коммунистическая партия. „Зеленое яблоко".

Работа нелегальной коммунистической партии наталкивается в Турции на большие трудности и тяжелые препятствия. Благодаря тому, что немногочисленные турецкие рабочие даже в наиболее промышленных районах, равно как миллионы забитых, темных крестьян, не сознают свои классовые интересы и не умеют разбираться в подлинном характере различных партий, выступающих перед ними, рабочие, крестьянские массы Турции, инстинктивно симпатизирующие коммунизму, легко попадали на удочку всяких самозванцев, лицемеров, истинных волков в овечьей шкуре.

Правительственная турецкая коммунистическая партия проводила следующие взгляды:

«Турецкий народ, по историческим причинам приверженности к религии, не может целиком в данный момент воспринять коммунистическую программу: его надо долго и упорно толкать к этому.

«В настоящий же момент пропаганда коммунистических идей не только вредна, но и губительна для страны. Когда солдат узнает, что не должно быть отечества, он не пойдет его защищать; услышав, что не должно быть вражды наций, не пойдет воевать с греками; услышав о равенстве — перестанет повиноваться начальству. Кроме того наши партийные деятели, не будучи знакомы с государственным организмом Советской России, не будут в состоянии создать ничего положительного, а разрушат только старый фундамент хозяйственной жизни и приведут страну к гибельному положению. Необходимо прежде всего хорошо познакомиться с Советской Россией, ее экономическими планами, правопорядками и ликвидировать все военные фронты. Что касается настоящего момента, в интересах страны мы должны противодействовать всем агитаторам, пропагандистам, выступающим по своей инициативе, без ведома наших руководящих органов. Ввести большевизм смогут только сами турки, при чем большевизм будет введен в стране сверху».

В одном воззвании официальная турецкая коммунистическая партия после торжественного заявления, что «турецкая коммунистическая организация с помощью Аллаха окончательно урегулирована», развивала следующие тезисы:

«Мы отвергаем то мнение, по которому для водворения коммунистических основ среди человеческого общества необходимо прибегнуть к кровавым революциям и к естественным спутникам этих кровавых революций, — злоупотреблениям и крайностям. Для осуществления всякого идеала, обеспечения счастья, спокойствия и блаженства всего человечества (без исключения), нельзя прибегать к средствам, радикально противоположным поставленной цели. Революции, возникшие в странах, где применяется коммунизм, явились порождением условий, существовавших в социальной жизни этих стран, условий, неизбежно повлекших за собой революцию, а не естественным средством принятия и применения коммунизма.

«Все помнят, что в России для создания европейской демократии не было необходимости в кровавых революциях. Во Франции при великой революции раздел земли сопровождался разрушением имений и церквей и даже памятников культуры. Поэтому лицам, видящим в перевороте, сопровождающем коммунизм, исключительно революцию, мы можем возразить, что переворот — прежде всего прогрессивное явление. Революция же самое последнее и чрезвычайное средство, ведущее к прогрессу.

«Коммунизм, — прежде всего, экономический коллективизм. Но те, кто придают коммунизму дикое и страшное толкование уничтожения соб-

ственности, насильственного отнятия и разделения чужого имущества, уничтожения богачей и состоятельных людей, являются сторонниками коммунизма и империализма, опирающихся на узко-эгоистические интересы людей, обирающих истинное большинство народа под различными хитрыми спекулятивными предлогами.

«Мы призываем к сознательному суждению тех, которые колеблются, сомневаясь, соответствуют ли основы мусульманского учения принципам коммунизма. Могут ли быть религиозные основы, видящие в бедности и смирении наивысший нравственный и религиозный закон, заставляющие ежедневно пятикратно миллионы мусульман без всякого различия состояния и положения выстроиться в одном и том же ряду и сложить свои руки на молитву перед самой великой истиной, могут ли быть эти религиозные основы, возвещающие в самых красноречивых выражениях полное равенство людей перед богом, признающие широкую долю и право общественной казны (Бейтуль-Маль) и участие бедных и несостоятельных классов во всех богатствах, установившие методы, стремящиеся к уничтожению земельной собственности и уничтожению вакуфов и таким образом созидающие вместо капитала коллективизм в средствах производства, установившие различные денежные возмездия за грехи и др., стремящиеся к обеспечению положения нуждающихся и неимущих, наконец, ежегодно собирающие всех состоятельных и имущих людей в Мекку, на паломничество, с открытыми головами и голыми ногами, и таким образом уравнивающие их с бедными и неимущими, — могут ли быть эти религиозные основы враждебны коммунизму, на деле применяющему все религиозные основы к общественной жизни, проповедующему равноправие и коллективную жизнь?

«Наша партия принимает в качестве идеала программу РКП, неприменимую целиком даже в самой России и указывающую лишь принципиальную линию направления коммунизма. Но для достижения этих идеалов наша партия составляет общую практическую программу, содержащую тактические методы применения идеальной программы согласно особенностям и социальным условиям нашей страны».

Желая использовать в своих партийных целях начавшееся в Турции и вообще на всем Востоке сильное коммунистическое движение и прочнее удержаться у власти, группа бывших сторонников партии «Единение и прогресс» не только присвоила себе название турецкой коммунистической партии, равно как организационный устав, но и создала в Ангоре «Центральный комитет коммунистической партии».

Таким образом бывшая партия «Единение и прогресс» не только создала лже-коммунистическую партию, но начала преследовать коммунистов, зарегистрированных в ячейках, созданных группой Сухби и Измаила Хакки и имевших с последними связь и сношения. Между тем истинная сущность программы этой лже-коммунистической партии сводится к пантюркистской и панисламистской пропаганде под лозунгом «Зеленое яблоко».

Основоположником этой программы является представитель партии «Единение и прогресс», б. помощник министра продовольствия во время всемирной войны Эсхан-Али-бек.

Газета «Ени-Гюн» называет Эсхан-Али-бека турецким Карлом Марксом и присовокупляет к этому эпитету следующее пояснение: «Али-Эсхан-бек проделал над историей Турции то же самое, что было проделано Карлом Марксом над историей мира. Те самые очки, через которые Карл Маркс исследовал историю мира, были приняты Али-Эсхан-беком к исследованию и изучению истории Турции. Маркс, изучив историю, определил будущее человечества, Али-Эсхан-бек, изучая оттоманскую историю, старался открыть судьбу и будущность Анатолии».

Затем газета в следующих строках характеризовала программу Али-Эсхан-бека:

«Маркс, изучив историю, определил будущее человечества, Али-Эсхан-бек, изучая Оттоманскую историю, старался открыть судьбу и будущность Анатолии».

«Программа его может быть названа коммунистической, хотя в момент ее возникновения в России не существовало большевизма. Али-Эсхан-бек и его товарищи просто изучали историю страны. И в результате своих исследований нашли, что такая программа избавит страну от всех бедствий. Али-Эсхан-бек обратил большое внимание на капитал и хозяйство. Он не из верующих в конечное торжество коммунизма во всем мире, но вместе с тем он не утверждает решительно и противоположное. Вернее сказать, он видит в таком рассмотрении вопроса бесполезное теоретическое занятие. Не посвящая этой стороне вопроса лишнего внимания, не придавая ей особого значения, он занят выработкой для Анатолии политической и административной программы, соответствующей условиям данного момента. С точки зрения Али-Эсхан-бека, крупная торговля и концентрация капитала вовсе не будут допущены. Он не объявляет войны частному капиталу, но при помощи постепенной национализации он желает его ликвидировать. Таким образом, наиболее выдающимся достоинством программы является то обстоятельство, что она не носит подражательного характера. Первый набросок программы отличался от нынешнего его вида. Впоследствии программа приняла настоящую свою форму».

Истинный характер «коммунистической» партии, основанной в Ангоре партией «Единение и прогресс», выясняется из статьи «Зеленое яблоко», напечатанной в газете «Ени-Гюн» от 20-го октября 1920 года, принадлежащей перу одного из лидеров ангорской «коммунистической» партии, делегату Смирны — Махмуду-Эссаду.

В этой статье автор развивает следующие взгляды:

«Наша несчастная страна, противопоставлявшая свою грудь различным бедствиям и невзгодам, ныне стоит лицом к лицу со страшным бураном, несущимся с севера — с болъшевизмом. Мы должны изучить это явление с политико-экономической

и, отчасти, с социальной стороны; но с какой точки зрения и стоя на почве какого идеала подойдем к этому изучению? По нашему убеждению, — с точки зрения интересов нашей страны и нашего национального идеала. Правда, об этом говорят всегда, и мы об этом говорили. Разъясним точнее наши мысли. Вопреки мнению некоторых из нас, я высказываюсь совершенно категорически и всецело против принятия русской формы коммунизма, т.-е. русского национального коммунизма, еще точнее — большевизма. Правда, что необходимо приноровиться к условиям современной цивилизации. Это жизненная необходимость. С этой целью, в случае нужды, мы можем принять еще более левое течение социализма, чем современный коммунизм, если только такое течение существует. Но мы не можем принять ту форму этих течений, которую та или другая нация выработала для себя в соответствии с окружающими жизненными условиями, ибо Турция не есть Россия, и турки — не русские.

«Нет другой нации, которая столько пострадала бы и перенесла столько бедствий и несчастий в результате слепого подражания чужим образцам, как Турция.

«Всякая нация, желающая проглотить другую нацию, навязывает последней свои учреждения и общую схему своей культуры. Эта операция поглощения, в зависимости от силы и устойчивости объекта поглощения, кончается успешно или безуспешно. Так, например, арабская культура, подчиняя себе различные племена и расы северной Африки и некоторые народности Сирии, не сумела поглотить тюркскую нацию, обладающую высокой культурой, славной историей и независимым духом.

«Однако, слепое подражание многим образцам Запада имело крайне отрицательное влияние на организм Оттоманской империи. Так, вред, причиненный Турции революционной Францией, под влиянием которой были введены у нас не соответствующие духу страны «благодетельные реформы», был крайне велик.

«Подобно тому, как русские вынуждены были урезать принципы и основы учений Карла Маркса и даже те из них, которые носят общий характер, мы тем более не можем пересадить на нашу почву большевизм, выработанный в соответствии с условиями и нуждами России и русской национальности. Даже в религии немцы встретились с той же опасностью подражания, и Лютер выработкой протестантского религиозного учения, сохранив принципы и основы евангельского учения, придал последнему наиболее терпимую для германской нации форму. В настоящее время в стране Лютера религия служит орудием национального объединения немцев и помогает сплочению нации. В первоначальные периоды существования нашего государства, наши государственные деятели, чрезвычайно хорошо усвоившие все тонкости мусульманского шариата, не упустили эту сторону дела. Священные идеи великого Джелал-Эддина-Руми возникли до основания оттоманской государственности, но, к сожалению, впоследствии эти идеи не были распространены».

«С моей точки зрения турецкий коммунизм является орудием, обслуживающим интересы счастья, благополучия и усиления мощи тюркской нации.

«Национальный коллективизм — путь, ведущий к объединению тюркской нации.

«Маркс, излагая свою философию, имел в виду весь мир, но он не отрицал существования национализма и не мог отрицать.

«В случае, если бы он отрицал существование последнего, он отрицал бы существование естественного факта. Коммунизм не есть превращение всего мира в единую нацию. Насколько необходимо признать существование различий в характерах местностей, географических условий природы, психологии, образа мышлений, жизненных, исторических условий отдельных народов, настолько нужно примириться и с различием и разнообразием национальностей. С моей точки зрения, турецкий коммунизм является орудием, служащим счастью и усилению тюркской нации. Это — траншея, путь к красному яблоку. Так поняли коллективизм и русские для России.

«В этом направлении русские и работают и даже пошли несколько далее. Коллективизм — сегодняшняя необходимость. Эта необходимость согласно жизненным условиям общества завтра может принять иную форму. Это — программа, которая может быть завтра исправлена, изменена и урезана. Национализм же неизменим. Его изменение равносильно гибели. Для того, чтобы коллективизм приносил соответствующую пользу, он должен непременно и неизбежно принять национальные окраски. Тюркизм должен постоянно иметь национальный идеал, национальное самосознание, поэтому все программы должны обслуживать интересы этого идеала и быть соподчинены ему. Необходимо надлежащим и достойным образом понять, что важнейшим экономическим фактом современности является конкуренция и борьба за существование.

«Коммунизм не идеал, а средство для тюрков. Идеалом же тюрков является единение тюркской нации — золотое яблоко.

«Национальное единство является единственным и самым дорогим для человека. И большевики не утверждают противное, наоборот, они вполне сознательные сторонники этого направления. Иначе и быть не может. Тюркизм не является противником ислама, как почему-то думают некоторые. Это необходимость века, необходимость, обоснованная научно. Ибо единство тюрков должно встретить поддержку и одобрения всего панисламистского мира.

«Если бы идея единства тюрков являлась праздной мечтой, то тем худшую участь потерпел бы панисламизм. Под идеей единства тюрков мы не подразумеваем идеи единства короны и государя.

«Мы всецело являемся противниками того политического и национального единства, которое до сих пор существовало в Европе и приводило к империализму.

«Мы желаем социального и культурного единства тюрков.

«Мы желаем для всего тюркского мира единства языка, литературы и истории, воспитания и коллективных систем.

«Необходимо достигнуть существования на земле красного яблока. Справедливый принцип итальянца Мазини, который в XIX веке выдвинул на первый план национальную сторону и национальные принципы декларации прав человека и гражданина, восторжествует в XX веке в такой форме:

— «Мы ждем восхода солнца из-за золотых гор, которое одно рассеет эту мрачную ночь.

История и жизнь повторяются».

Такова сущность этой программы, выдвинутой под лозунгом «Зеленое яблоко», которое иногда называется «Золотое» или даже «Красное», для того, чтобы угодить революционным тенденциям народных масс.

Из этой программы мы видим, что некоторые члены партии «Единение и прогресс», скрывавшиеся последнее время под различными названиями, стремились впоследствии созданием правительственной коммунистической партии, защищающей принципы зеленого яблока, восстановить свое прежнее положение в качестве руководителей турецкого общества, пытаясь использовать коммунизм, как орудие и мост для достижения весьма старого идеала, младотурецкой партии, именно пантюркизма и панисламизма.[1] Коммунизм в руках этой партии является прикрытием империалистических вожделений, как бы лидеры этой новой партии ни нападали на европейский империализм.

Чтобы поднять авторитет своих членов в глазах народных масс, газета «Ени-Гюн» пропагандировала, с одной стороны, коммунизм в своей трактовке этого вопроса, с другой — писала о влиянии Талаат-паши в кругах III Интернационала и уверяет, будто бы последний вверил вче-

---

[1] Панисламизм кладет в свою основу объединение всех мусульманских народностей под знаменем религии в целях как распространения ислама, так и для победоносной борьбы с христианским миром, стремящимся к порабощению всех народов и особенно мусульманских. Панисламизм, основателем которого следует считать умершего в 1896 г. афганца Сеид-Джелал-Эддина эль Афгани, пользовался особым покровительством Абдул-Гамида, видевшего в панисламизме средство укрепить авторитет своего халифата среди мусульман.

Пантюркизм — другое течение турецкой общественной мысли — кладет в свою основу объединение всей тюркской или туранской народности, т.-е. татар, киргизов, сартов, якутов и турок, на почве общности происхождения. Тюркский мир, по мнению некоторых увлекающихся пантюркизмом, будет охватывать всю Малую Азию, Балканы, Крым, Кавказ, Дагестан, Бухару, Хиву, Азербайджан и т. д., и насчитывает уже теперь более 80 миллионов тюрков. Как бы то ни было, в эпоху грандиозных немецких побед над союзниками, когда полный разгром России, Франции и Англии казался туркам неизбежным, панисламистские и пантюркистские мечтания казались близко осуществимыми многим турецким политикам. Тогда государственным деятелям Оттоманской империи вполне верилось, что последней удастся включить в свои границы чуть ли не весь Кавказ и подчинить полному духовному, и в значительной степени материальному, протекторату Турции все мусульманское население Индии, Афганистана, Бухары, Хивы и других стран ислама.

*

рашнему лидеру младотурецкой партии руководство всей восточной политикой III Интернационала.

Заметим, что главным редактором и одновременно владельцем упомянутой газеты «Ени-Гюн» и типографии этой газеты являлся Юнус-Надибей, один из основателей и лидеров правительственной ангорской «коммунистической» партии. Таким образом, ответственность за пантюркистские и панисламистские статьи, печатающиеся в «Ени-Гюн», падает в значительной мере на официальную ангорскую коммунистическую партию.

§ 5. Гибель турецких коммунистов в 1921 г.

Предыдущая глава была уже написана, когда мною было получено письмо от тов. Джевада, члена турецкой коммунистической партии и члена заграничного бюро той же партии, о мученической смерти тов. Субхи и спутников последнего. Страшные слухи, которым не хотелось верить, подтвердились. Наши товарищи безвременно погибли, побиваемые камнями, замученные, истерзанные под ударами фанатичной толпы и наемных палачей, которых бросила против них турецкая буржуазия. Вот что пишет тов. Джавад об этом кошмарном деле, об этом новом преступлении правящих классов Турции:

«Баку, 2 апреля 1921 г.

«Нашему дорогому товарищу Павловичу.

Дорогой товарищ Павлович.

«Я с вами должен поговорить серьезно по поводу великого несчастья, жертвами которого стали т. Субхи, 4 члена Центрального Комитета и 12 других товарищей коммунистов. Они были зверски убиты и брошены в море около Трапезунда 28 января.

«В течение двух месяцев нам ничего не было известно о судьбе пропавших товарищей, но затем выяснилось, что они погибли под ударами палачей, подкупленных трапезундской буржуазией.

«Уже в Эрзеруме начались враждебные демонстрации против наших товарищей.

«Народу говорили: «Коммунисты, приехавшие из России, — большевики. Они прибыли с намерением закрыть все магазины; никто не будет иметь права ни покупать, ни продавать. Затем будет приступлено к обыскам. Все имущество и деньги будут реквизированы. Коммунисты — безбожники, они бросают в тюрьмы всех тех, кто верует в Аллаха».

«Религия, собственность и торговля — вещи, запрещенные большевиками, — говорили провокаторы.

«Среди демонстрантов были темные люди, подкупленные буржуазией и натравленные полицией против коммунистов. Они набросились на наших товарищей, забрасывали их камнями и хотели их разорвать на клочки. По дороге нашим товарищам никто не хотел продать ни хлеба,

ни фуража для их лошадей. Правительство старается изобразить себя в роли защитников большевиков.

«Неверно, будто правительством были приняты меры для защиты коммунистов. Мы знаем из достоверных источников, что сама полиция велела закрыть магазины и возбуждала толпу к забрасыванию камнями наших беззащитных товарищей. Этому истязанию наши товарищи подверглись в четырех или пяти городах и местностях. Но особенно зверской

Турецкий коммунист Субхи, зверски убитый в 1921 г.

расправе подверглись товарищи в Трапезунде. Здесь сейчас же после их прибытия они были отведены в порт при злобных криках и оскорблениях возбужденной сопровождавшей их толпы. Там их обнаружили, у них отняли несколько револьверов, имевшихся у них. Затем их насильно посадили в моторную лодку, которая немедленно отчалила. За этой лодкой последовала другая, в которой находились вооруженные люди. Наших товарищей связали, закололи штыками и бросили в море.

«На следующий день обе лодки стояли в трапезундском порту, а матросы рассказывали всем интересовавшимся, что турецкие большевики отправлены на дно морское.

«Когда представитель РСФСР намеревался встретить наших товарищей, ему было приказано местным губернатором (вали) оставаться дома под угрозой в противном случае быть растерзанным толпой.

«В сущности, русский представитель обязан был немедленно по радио сообщить об этой угрозе в Москву и в Ангору и предпринять энергичные шаги для того, чтобы не оставлять наших товарищей в руках палачей. Приходится сожалеть, что в качестве представителя РСФСР в Трапезунде находилось в то время недостаточно энергичное лицо.

«На месте все факты и детали известны всем. Все знают, что это были за лодки, всем известны имена капитанов и состав экипажей. Кроме того говорят, что все было приготовлено президентом муниципалитета и президиумом общества национальной защиты. Здесь до сих пор не принято решение о поднятии этого вопроса, но ясно, что дальше молчать невозможно.

«Мы потеряли 16 или 17 товарищей из самых лучших и самых смелых. Вы должны выразить вашу солидарность с ними, требовать, чтобы их палачи были наказаны.

«В Трапезунде принято решение умерщвлять всех турецких коммунистов, которые приедут туда.

«Анатолийская буржуазия, зная, что ее варварские преступления проходят безнаказанно, продолжает свои свирепые преследования коммунистов.

«Я надеюсь, дорогой товарищ, что вы подымите этот вопрос и что вы возьмете на себя защиту памяти наших лучших товарищей, павших от рук палачей.

С коммунистическим приветом
и уважением А. Джевад».

(Член заграничного бюро ЦК Турецкой Коммунистической Партии.)

К этому письму я могу прибавить лишь то, что содержание его вполне совпадает с другими сведениями, полученными мною о мученической смерти наших дорогих товарищей.

Более того, через две недели после зверского убийства Субхи и сопровождающих его товарищей, та же участь постигла т. Надим-Агяха, прибывшего из Советской России в Анатолию и брошенного в воду, подобно Субхи.

Очевидно, что эта дикая расправа входит в систему и становится методом борьбы турецкой буржуазии с коммунистами.

Тов. Субхи был последовательным марксистом и самым выдающимся революционным деятелем рабочей Турции. По его мнению были переведены на турецкий язык: «Коммунистический манифест Маркса», «Биография Маркса» и «Азбука коммунизма» Бухарина.

Тов. Субхи обладал выдающимся ораторским и литературным талантом и громадными организаторскими способностями. Тов. Субхи знал, что его ждут тяжелые испытания в его родной стране, но это не могло остановить ни его самого, ни его геройских товарищей.

Тов. Субхи был последовательным коммунистом, непримиримым противником турецких капиталистов и помещиков и ангорской лже-коммунистической партии, деятельность и программу которой он разоблачал неоднократно в своих выступлениях, но вместе с тем верный тезисам III Интернационала, принятым на II Конгрессе, он горячо относился к освободительной борьбе Анатолии против европейского империализма и как активный работник оказывал посильное содействие этой борьбе.

Но и эта заслуга тов. Субхи перед турецким революционно-национальным движением не была зачтена ему в актив турецкой буржуазией. Наоборот, враги коммунистической партии тщательно скрывали эту сторону в деятельности тов. Субхи и распространяли среди измученных постоянными нападениями соседних стран турецких масс клеветнической слух, будто Субхи и его товарищи являются агентами армян, греков и т. д., будто они подкуплены, чтобы путем сеяния внутренних раздоров, преследования религии окончательно ослабить Турцию и отдать ее на растерзание ее вековым врагам.

Турецкие капиталисты и спекулянты, паши и беи могут торжествовать. Тов. Субхи и его единомышленники, прибывшие с ним, убиты. В Турции, стране бедной мужественными людьми, преданными рабоче-крестьянской массе, гибель таких борцов за народное дело, как Субхи и его товарищи, является страшным ударом для коммунистического движения. Но торжество палачей, замучивших наших дорогих товарищей, не будет долговременным. Из костей наших погибших товарищей скоро подымется грозный мститель в лице тех рабоче-крестьянских масс, которые и в Турции начинают приобщаться к новой жизни и пока еще небольшими группами собираются вокруг героев, с молотом в руках, пытающихся разбить цепи экономического рабства, под гнетом которого стонут народные массы во всем буржуазном мире и особенно в Турции.

Вечная память нашим дорогим незабвенным товарищам, своей кровью запечатлевшим свою преданность коммунистическому идеалу! Позор всем тем, кто старался дискредитировать наших товарищей при их жизни и кто после их смерти бросает камнем в их мученическую могилу! Международная коммунистическая партия, и в особенности русская, азербайджанская и турецкая, никогда не забудут имени Субхи и, я надеюсь, скоро воздвигнет ему и его погибшим товарищам памятник в Баку, в том городе, где впервые собрался съезд народов Востока, в том городе, откуда тов. Субхи после прощанья с русскими и азербайджанскими товарищами отправился в свой мученический путь...

Существует древнее восточное поверие, которое гласит, что смерть одного святого может искупить грехи всего человечества, спасти его от страданий и смерти.

Пусть же смерть нашего святого борца за коммунистический идеал, первая искупительная жертва начинающейся титанической борьбы, содействуя углублению классового самосознания пробуждающихся турецких народных масс, обострив их чувство ненависти к вековым поработителям — пашам, беям, помещикам и капиталистам, родит тысячи

и тысячи бесстрашных бойцов, которые пойдут по стопам первого и великого турецкого коммуниста и, смертью смерть поправ, тем самым создадут новую жизнь, в которой не будет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых, ни ханжей и изуверов, ни обманываемой ими для своих корыстных и преступных целей темной толпы.

Русская Коммунистическая партия не может не надеяться, что правительство Кемаля, подписавшее договор о дружбе с Россией, заявившее в официальной ноте нашему комиссариату иностранных дел о своем отношении к мировому империализму и капитализму, понимает, каким тяжелым ударом для революционного Востока и трудящихся масс всего мира является безвременная гибель тов. Субхи и его соратников, и жестоко покарает бесчеловечных убийц, поднявших руку на товарищей, доверчиво и открыто, не прячась ни от кого, отправившихся из Советской России на свою родину, в новую Турцию, союзницу РСФСР. [1]

(Москва, 1921 г.)

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ПОСЛЕ-ЛОЗАННСКАЯ ТУРЦИЯ. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ И ПУТИ ЕЕ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ.

(1922 — 1927).

§ 1. Внешняя торговля Турции.

Несмотря на удивительное географическое положение и подпочвенные богатства, довоенная Турция была экономически крайне отсталой страной. Ее фабричная промышленность находилась в самом зачаточном состоянии и насчитывала всего несколько более или менее крупных предприятий; ее роль в мировой торговле была ничтожной; ее сельское хозяйство носило примитивный, почти натуральный характер и давало возможность извлекать из земли не более 8 — 10% того, что она могла бы дать при более или менее усовершенствованных способах обработки земли.

Расположенная на стыке трех континентов, — Европы, Азии и Африки, — находясь в центре мировых путей, омываемая четырьмя морями—Эгейским, Средиземным, Мраморным и Черным, изобилуя многочисленными и удобными портами, Турция, казалось бы, должна была играть более или менее видную роль в мировой торговле, но отсталый политический режим, поддерживаемый капиталистической Европой, режим капитуляций, острые национальные антагонизмы внутри государства и пр. привели к тому, что даже в XX веке роль Турции в мировой торговле была столь незначительной, что даже в лучших статистических

[1] Однако, убийцы Субхи и его товарищей остались до сих пор (1927) совершенно безнаказанными.

ежегодниках не только французских и английских, но и немецких, в таблице внешней торговли данного государства с важнейшими странами земного шара, Турция порой совершенно не упоминалась. Однако, как мы констатировали выше (см. главу «Свержение Абдул-Гамида и младотурецкая революция»), начиная с конца XIX столетия по 1908 г. торговля Турции с важнейшими европейскими странами и Россией, несмотря на все внутренние и внешние препятствия, быстро возросла. Последующие события, сыгравшие крупнейшую роль в истории Турции и всей Европы, именно отторжение от Оттоманской империи Боснии и Герцеговины (аннексия Боснии и Герцеговины Австрией в 1908 г.), итало-турецкая война за Триполи (1911 г.), длившаяся $12^1/_2$ месяцев, первая и вторая балканские войны (1912 — 1913 гг.) — все это не могло не отразиться на экономическом развитии Турции в период 1908 — 1914 гг.

Развитие внешней торговли Турции в период 1907 — 1912 гг. характеризуется следующими данными о турецком экспорте и импорте.

Привоз в Турцию из отдельных стран (в тыс. ф.).

	1907—8 г.	1908—9 г.	%	1910—11 г.	%	1911—12 г.	%
Из Великобритании . .	7 809	8 557	33	7 709	20	9 000	22,5
„ Австро-Венгрии . .	4 496	3 705	13	6 957	17 75	6 182	15,5
„ Франции	2 319	3 064	10	3 572	9 25	3 545	9
„ России	2 115	2 267	8	2 543	6 5	2 727	7
„ Италии	3 152	2 228	8	3 316	8 5	2 182	5,5
„ Германии	4 097	1 560	6	3 542	9 25	4·636	11,5
„ Болгарии	—	—	—	1 820	4 75	1 272	3,25
„ Британской Индии .	—	—		1 769	4 5	—	—
„ Бельгии	—	6 993	25	1 519	4	1 718	4,5
„ Египта	—	—	—	1 058	2 75	—	—
„ Соединенных Штатов	—	—	—	589	1 5	1 090	2,75
„ других стран	—	—	—	4 303	11 25	7 428	18,5
Всего . .	—	28 574	100	38 687	100	39 880	100

Вывоз из Турции по отдельным странам распределялся следующим образом (в тыс. фунт стерл.):

	1907—8 г.	1908—9 г.	%	1910—11 г.	%	1911—12 г.	%
В Великобританию . .	6 830	4 670	28	4 882	24	5 364	24,5
„ Францию	4 766	3 303	20	4 003	20	4 182	15
„ Австро-Венгрию . .	1 732	2 253	13,5	1 994	10	3 091	14
„ Германию	2 961	1 045	6	1 190	6	1 364	6
„ Италию	2 724	915	5,5	1 344	6,5	454	2,5
„ Россию	755	523	3	828	4	818	3,5
„ прочие страны . . .	5 800	4 053	24	5 831	29	6 630	30
Всего . .	25 068	16 762	100	20 072	100	21 903	100

Для довоенного времени мы имеем следующие данные о внешней торговле Турции (в тыс. фунт. стерл.):

	1908—9 г.	1909—10 г.	1911—12 г.	1912—13 г.	1913—14 г.
Привоз	28 574	38 687	39 880	43 551	40 809
Вывоз	16 762	20 072	21 930	23 921	21 436

Таким образом, мы видим, что период, непосредственно предшествующий мировой войне, характеризуется ростом ввоза европейских товаров в Турцию и падением вывоза из Турции (25 000 000 ф. ст. в 1907—8 гг., 21 000 000 ф. ст. в 1913 — 14 гг.), т.-е. увеличение пассивности торгового баланса Турции. Тяжелое внешнее и внутреннее положение страны, аннексия Боснии и Герцеговины, македонские и албанские неурядицы, национальная борьба во всех областях империи, войны с Италией, с балканскими государствами, потребовавшие отвлечения от производительного труда более миллиона рабочих рук и громадного финансового напряжения от бедного государства, остановили и без того слабый рост производительных сил Турции и особенно тяжело отозвались на сельском хозяйстве Анатолии.

Следует оговориться, что в данные турецкой таможенной статистики не включался вывоз турецкого табаку, так как этот вывоз осуществлялся монопольно французским акционерным обществом «Режи» и учитывался последним. В 1910 — 11 гг. выделанного табаку было вывезено 61 миллионов килограммов и листового табаку 25 милл. кгр. всего на сумму $2^1/_2$ миллионов ф. стерл. В 1911 — 1912 гг. вывоз табаку достиг 5 840 909 ф. стерл.

Мировая война нанесла тяжелый удар самым могучим европейским державам, в том числе даже державам победительницам — Англии и Франции. Народное хозяйство России вдесятеро раз экономически сильней чем Турция вышло из мировой войны потрясенным до основания. Но для Турции, самой бедной страны из всех более или менее крупных стран, принимавших участие в мировой бойне, период войны был особенно долог. Эпоха непрерывных войн открылась для Оттоманской империи в 1911 г. нападением на нее Италии. Едва в 1912 г. окончилась война с Италией, как на Турцию напали вооруженные с ног до головы Антантой балканские союзники: Болгария, Сербия, Черногория, Греция, мобилизовавшие коло 400 000 солдат. Едва окончилась эта первая балканская война, как Турция приняла участие в июле 1913 г. во второй балканской войне, напав на этот раз вместе со своим вчерашним врагами, Сербией и Грецией, на Болгарию. Затем, 3-го ноября 1917 г. Турция была втянута в мировую войну, которая закончилась для нее перемирием 31 октября 1918 г. Продолжением великой войны для Турции были войны с дашнакцаканской Арменией и сторожевым псом Англии и Малой Азии, Греции, при чем последняя длилась до середины 1923 г. Итак, эпоха войн для Турции длилась целых двенадцать лет с несколькими короткими промежутками. Из этих войн три войны с Италией, с балканскими союзниками и Антантой кончились тяжелыми поражениями, и только война с Болгарией летом 1913 г., с Арменией в 1920 г. и с Грецией в 1923 — 23 гг. — победой.

Понятно, что эти беспрерывные войны, особенно мировая война и война с Грецией, за спиной которой стояла Англия, греко-турецкая война, имевшая театром действий анатолийские области, представлявшие по своему значению позвоночный хребет государства, резервуар, откуда

Оттоманская империя всегда черпала силы для борьбы с многочисленными врагами, отразились самым пагубным образом на народном хозяйстве Турции, на постепенном уменьшении посевной площади под влиянием уменьшения количества рабочих рук, отозванных на войну, в результате мобилизации почти всего мужского населения деревень, на сокращении количества скота, на турецкой промышленности, на состоянии шоссейных, грунтовых и железных дорог, морского транспорта [1] и, естественно, на развитии внешней торговли.

Внешняя торговля Турции за последние годы до окончания войны с Грецией, т.-е. до наступления мирного периода выражалась в следующих суммах (в турецких фунтах):

Годы	Привоз	Вывоз
1912—13	43 551 035	23 921 326
1913—14	40 809 680	21 436 120
1916—17	22 105 304	34 058 581
1919	92 762 376	38 428 872
1920	169 396 267	47 625 882
1921	121 329 542	30 379 712
1922	73 000 000	33 000 000
1923	144 800 000	84 500 000

Если принять во внимание, что стоимость турецкого фунта на золото упала к 1893 г. приблизительно в восемь раз против довоенного паритета, окажется, что внешняя торговля Турции выражалась в 1923 г. по привозу в 18 милл. фунт. стерл., а по вывозу в 10 милл. турецких лир, т.-е. внешняя торговля Турции за десятилетие 1913—1923 гг. уменьшилась почти в $2^1/_2$ раза.

---

[1] Торговый флот Турции был очень слаб в отношении тоннажа и до мировой войны. В общем Турция к моменту вступления в мировую войну имела 110 000 тонн торгового флота, а за время войны потеряла большую половину. В течение первого периода перемирия после мировой войны торговое мореходство Турции пришло в самое плачевное состояние. Военные суда охотились за турецкими торговыми судами. Первая попытка перейти Дарданеллы турецким пароходом Сезай-Нур кончилась тем, что пароход был потоплен, а экипаж уведен в Грецию. Во время анатолийской кампании суда под турецким флагом не могли плавать даже в Мраморном море. Торговое мореходство переживало мрачные дни. Казалось, что потеряна надежда и на будущее, так как Севрский договор устранял всякую возможность возрождения турецкой морской торговли. Военные успехи в Анатолии возродили эти надежды. Анатолийское правительство стало господином различных портов побережья за исключением Смирны и Константинополя. Суда под турецким флагом возобновили свои рейсы, и торговое мореходство Турции стало, правда медленно, возрождаться. Многие парусники по побережью Черного моря были превращены в моторные суда, общий тоннаж торгового флота начал возрастать. Общий тоннаж турецкого торгового флота к 1923 г. равнялся 82 948 тоннам, что представляет увеличение по сравнению с 1918 г., но, конечно, эта цифра совершенно не достаточна для государства с такой береговой линией, как Турция, в особенности, при условии, что большинство судов старых. Достаточно указать, что соперница Турции, Греция, обладала к 1923 г. торговым флотом в 419 судов, емкостью в 736 830 тонн, т.-е. с тоннажем, в девять раз превышающим турецкий.

Внешний товарооборот Турции за 1924 — 1925 гг. — 352 378 971 лир (экспорт — 158 767 947, импорт — 193 611 034). По вычислениям Шморгонера, [1] при сравнении 1922 — 23 гг. и 1924 — 25 гг. устанавливается, что торговля Турции увеличилась втрое. Таким образом, прекращение войны, открытие морских и сухопутных границ повело к быстрому росту торговли. Внешняя торговля Турции за 1925 — 1926 г. достигла 393 милл. пиастров.

1923 г. нужно считать поворотным пунктом в истории турецкого хозяйства. Это первый год передышки после ряда лет военной борьбы. Следующий 1924 г. открывает эру восстановительного процесса в Турции и возобновления порванных связей с мировым рынком. Наконец, 1925 г. является уже годом значительного роста турецкого хозяйства и успехов по его восстановлению и переустройству.

Опубликованные в 1926 г. данные турецких таможен о внешней торговле Турции за 1925 год дают возможность подвести годичные итоги внешней торговли Турции; они слагаются из следующих цифр (в милл. лир):

Годы	Импорт	Экспорт	Общий оборот	Баланс
1923	144,8	84,7	229,5	— 60,1
1924	193,6	158,8	352,4	— 34,8
1925	221,3	172,4	393,7	— 48,9

Размеры внешней торговли Турции непрерывно растут; особенно значительное увеличение дал 1924 г., при этом экспорт рос быстрее импорта, и хроническая пассивность торгового баланса уменьшилась с 60 милл. лир до 34,8 милл. лир.

По отдельным странам импорт и экспорт распределились следующим образом (в милл. лир):

	1923 г.	1924 г.	1925 г.	В % отношении.
		Импорт		
Всего	144,8	193,6	221,3	
В том числе:				
Италия	28,4	40,9	43,4	19,6
Великобритания	25,1	34,3	36,8	16,7
С.-А. Соед. Шт.	11,1	11,4	19,6	8,9
Германия	9,2	11,9	27,4	12,4
Франция	13,2	18,2	26,2	11,9
СССР	3,0	6,4	6,1	2,7
		Экспорт		
Всего	84,7	158,8	172,4	
В том числе:				
Италия	15,2	44,9	50,5	29,3
Великобритания	15,8	3,3	17,4	10,1
С.-А. Соед. Шт.	6,7	16,4	25,1	14,6
Германия	7,6	20,6	26,6	15,4
Франция	10,5	18,8	24,2	14,0
СССР	1,7	2,0	4,9	2,6

[1] См. «Новый Восток», № 15. Д. Шморгонер: «Экономика Турции».

На первом месте идет Италия; интенсивно растет торговля с Германией, особенно по импорту. Доля Англии падает, особенно сократился экспорт в Англию (главным образом, сухих фруктов). Растет участие Франции и Америки (последней, главным образом, по экспорту). Доля СССР в турецкой торговле достигает 2,7 проц. по экспорту и 2,6 проц. по импорту; импорт из СССР за год почти не вырос (вследствие выпадения хлебного экспорта), а экспорт в СССР увеличился весьма значительно (в $2^{1}/_{2}$ раза).

По товарным группам ввоз и вывоз распределились (в млн. лир):

Главные товары	1923 г.	1924 г.	1925 г.
	Импорт		
Всего	144,8	193,6	221,3
В том числе:			
Хл.-бум. тканей и пряжи	53,9	63,6	74,2
Зерн. хлеб и мука	14,6	23,0	22,7
Сахар и колон. товары	15,1	17,9	20,7
Металлы и металл. изд.	7,7	16,2	21,5
Изд. из шерсти и пряжи	8,9	13,2	17,6
Нефтепрод., мыло	6,5	7,2	10,1
Машины, инструменты	1,3	5,6	7,6
	Экспорт		
Всего	84,7	158,8	172,4
В том числе:			
Табак	0,5	46,6	61,3
Фрукты и овощи	0,8	39,5	38,3
Шерсть овечья и козья	8,2	12,2	11,5
Хлопок	6,7	11,9	15.6
Химич. и дубильн. вещества	7,1	9,3	11,8
Животн. прод., рыба и живые животные	4,9	11,0	13,4

Из перечисленных в таблице экспортных товаров СССР явился потребителем, главным образом, дубильных веществ (валлонеи и валекса); кроме того, в СССР было ввезено значительное количество турецких апельсинов, некоторое количество лимонов, инжира, маслин и живого скота (по сухопутной границе). Ввоз турецкого хлопка был произведен пока в форме покупки пробной партии.

Доля СССР в турецкой внешней торговле невелика: 2,7 проц. по ввозу и 2,6 проц. по вывозу; однако, последний год дает увеличение вывоза в СССР из Турции в $2^{1}/_{2}$ раза. [1]

§ 2. Промышленность Турции.

Промышленность Турции в довоенный период находилась в самом жалком состоянии. В 1913 г. во всей Турции числилось 264 главных пред-

[1] Читатель найдет обстоятельные данные о развитии торговых сношений Турции с СССР в журнале Российско-Восточной Торговой Палаты: «Торговля России с Востоком», см. также «Торговый бюллетень» — ежемесячное обозрение торгового представительства СССР в Турции.

приятий в следующих основных отраслях производства: производство пищевых продуктов, минеральной промышленности, кожевенной, деревообделочной, текстильной, бумажной и химической. Число рабочих и служащих во всех этих производствах равнялось 17 000 чел. Ценность годичной продукции всех этих отраслей промышленности равнялась 671 миллионов пиастров, при чем главная часть этой цифры приходилась на долю пищевой промышленности — 460 милл. пиастров, т.-е. более $^2/_3$ ценности всей продукции. Второе место по своему значению занимала текстильная промышленность с годовой продукцией в 100 миллионов пиастров (15%).

Подобно обрабатывающей промышленности, добывающая промышленность Турции накануне войны также находилась в безотрадном положении, и лишь очень немногие месторождения ископаемых богатств Турции эксплуатировались. Среди отраслей добывающей турецкой промышленности первое место по значению принадлежало угольной промышленности так называемого Зунгулдакского или Гераклийского района. В угольных копях Гераклеи было занято до войны 17 000 рабочих, ничтожная цифра по сравнению с численностью рабочих нашего Донецкого бассейна. По исследованиям турецких и европейских инженеров, угольный бассейн Турции тянется от Зунгулдака и Эрегли вплоть до самого Трапезунда, однако, за исключением Зунгулдака в остальных частях угольного района залежи угля не разрабатывались, да и в самом Зунгулдакском районе за время с начала эксплуатации по 1913 г., т.-е. почти за 20 лет было извлечено из недр на поверхность не более 1%. Главная роль в эксплуатации зунгулдакских копей принадлежала французской компании — Societé française d'Heraclée, которая в 1896 г. получила концессию на сооружение и эксплуатацию зунгулдакского порта, разработку ряда угольных копей и устройство подвесной железной дороги.

Участие иностранных капиталов в турецкой промышленности, считая в том числе и транспортные предприятия, железные дороги, порты, трамваи и т. п., выражалось в следующих цифрах (до войны).

	Капиталы (во франках)	В % отношении
Англия	902 893 000	53,55
Франция	230 458 671	13,68
Германия	552 623 000	32,77

Выше мы отметили, что иностранный капитал очень мало содействовал созданию крупной фабричной промышленности в Турции и менее всего ставил своей задачей индустриализацию страны.[1] Лишь самая

[1] По данным на 1 января 1926 г., иностранный капитал в народном хозяйстве Турции исчисляется в сумме 63 444 000 ф. ст., распределяясь следующим образом: английский капитал — 10 704 000 ф. ст., французский — 16 387 000 ф. ст., итальянский — 745 000 ф. ст., немецкий — 28 806 000 ф. ст.,

ничтожная доля иностранного капитала, вложенного в Оттоманскую империю, шла собственно на развитие производительных сил страны, эксплуатацию ее естественных богатств.

Самым могучим средством в руках капиталистических держав для удержания Турции в состоянии колонии, рынка для сбыта «бросовых» товаров являлись пресловутые капитуляции, ставившие весь турецкий ввоз и вывоз под контроль европейских государств и не допускавшие повышения таможенного тарифа на ввозимые в пределы Турции товары сверх 12% со стоимости товара. Турция уже давно стремилась к уничтожению капитуляции, но европейская и мериканская буржуазия не желали итти ни на какие уступки в этой области. Правда, германское правительство уже в 1890 г., желая одним ударом привлечь на свою сторону симпатии Турции, отказалось от пользования капитуляциями, но так как Германия продолжала пользоваться правами наиболее благоприятствующей державы, следовательно, она ничего не теряла. Германское правительство знало хорошо, что прочие державы ни в коем случае не откажутся от режима капитуляции, и оно ничем не рисковало, заявив о своем принципиально отрицательном отношении к капитуляциям. Как рассказывает генерал Муктар-паша, бывший турецкий посланник в Берлине, в своей книге «Турция, Германия и Европа,[1] Турция основным условием своего невмешательства в войну — ставила отмену капитуляций. Только при отказе Антанты от капитуляций можно было бы помешать вмешательству Турции в войну на стороне Германии. Однако, на сообщение, сделанное в этом направлении турецким морским министром английскому посланнику, последний ответил решительным отказом поставить вопрос об отмене капитуляции. Антанта соглашалась на некоторые «резонные уступки в вопросе о капитуляциях» в том случае, если Турция выдаст экипажи немецких военных судов, Гебена и Бреслау, даст письменную гарантию свободного и непрерывного пропуска судов Антанты через проливы (для беспрепятственного снабжения России боевыми и другими припасами) и будет строго соблюдать нейтралитет в течение всей войны. Фактически Турция должна была отдать себя связанной по рукам и ногам во власть Антанты, открыть проливы для русских и англо-французских судов, стать во враждебное положение к центральным державам и в результате она могла рассчитывать от Антанты лишь на некото-

---

американский — 1 155 000 ф. ст., голландский — 600 000 ф. ст., бельгийский — 2 378 000 ф. ст., смешанный — 2 669 000 ф. ст.

Участие немецкого капитала сосредоточено в железных дорогах (26 421 000 ф. ст.), французского — в железных дорогах (6 002 000 ф. ст.) и банках (6 020 000 ф. ст.), и горных концессиях — 2 333 000 ф. ст., английского — в жел. дорогах (4 587 000 ф. ст.), горных концессиях (1 897 000 ф. ст.), промышленных предприятиях (1 850 000 ф. ст.) и торговых обществах (1 450 000 ф. ст.).

[1] Général M. Mouktar-pacha. «La Turqie, L'Allemagne et L'Europe». Paris, 1924, стр. 311.

рые «резонные» уступки в вопросе о капитализации, но ни в коем случае не на отмену последних. Этот факт как нельзя более ярко подчеркивает, какое громадное значение придавала европейская буржуазия режиму капитуляций как самому могучему средству к порабощению Турции. Понадобилась геройская борьба турецкого народа под руководством Кемаля против Севрского договора, — санкционировавшего новое расчленение Турции и усиление режима капитуляций, — борьба, закончившаяся полным разгромом греческой армии, вооруженной на средства Англии, чтобы Антанта оказалась вынужденной на Лозаннской конференции признать отмену капитуляций в Турции. Между тем, уже на Парижском конгрессе 1856 г. было теоретически признано, что капитуляции отжили свой век. Однако, это признание не имело никаких практических последствий. Должно было пройти около семи десятилетий, прежде чем турецкому аскеру, начавшему борьбу против хищнической Европы под знаменем национально-освободительных идей, удалось при поддержке Советского Союза ударом штыка разорвать путы режима капитуляций и уничтожить самый режим, не дававший Турции стать более или менее самостоятельным государством. При старом режиме каждый европеец или даже собственно турецкий подданный, становившийся «протеже» той или другой державы, являлся привилегированным лицом в Турции. «Под каждой шляпой стоят военные суда», так характеризовали турки положение европейцев в Турции. Известно, что в довоенной Турции все турки носили фески, и шляпа являлась характерным головным убором европейца. За каждым европейцем стояла вооруженная сила его страны. Тем более эта вооруженная сила стояла за европейскими промышленными и финансовыми учреждениями в Турции. Фактически любое европейское предприятие в Турции представляло собой настоящее государство в государстве. Естественно, что все эти предприятия не принимали на службу турок, а из турецких подданных лишь армян и греков.

Мустафа-Кемаль-паша в одной из своих программных речей (1 марта 1922 года) отчетливо изображает тяжелое положение, в котором оказалась турецкая промышленность. «Необходимо подчеркнуть, — говорит он, — разрушительные следы капитуляций, которые являлись преградой по пути защиты производительности нашей хозяйственной жизни, нашей промышленности — вследствие наплыва иностранных товаров. В то время, когда произошло открытие, благодаря реформам, наших границ для свободной торговли, наша промышленность еще не была такой сильной, чтобы защищать себя от свободной конкуренции. С этого момента страна оказалась опутанной нитями иностранного соперничества, она должна была испытать на себе экономическое колонизаторство. Иностранцы были организованнее и способнее нас в экономическом смысле. Они пользовались у нас большими привилегиями, они были освобождены от подоходного налога, таможня находилась в их руках, они всегда имели возможность ввезти всякие продукты своего производства на желательных для них условиях. Проводимая против нас конкуренция была действительно

незаконна и направлена к экономическому порабощению нас. Наши конкуренты, имея в руках все средства, окончательно уничтожили нашу молодую промышленность и затормозили наше финансово-экономическое возрождение. Турция должна пойти по пути самостоятельности и независимости, она должна разорвать цепи капитуляций, она не должна допустить превращения страны в западно-европейскую колонию».

В целях создания для отечественной промышленности более благоприятных условий, правительство Большого Национального Собрания определенно и твердо решило стать на путь протекционизма.

7 мая 1921 года принят был закон, согласно которому правительство стремилось запретить ввоз некоторых товаров, сократить ввоз других и поднять местное производство. Продукты, ввоз которых был запрещен, разделялись на нижеследующие три категории:

1) предметы, которые легко могут быть произведены в стране, например, мебель, ковры, чулки, перчатки и т. д.;

2) предметы роскоши, как, например, — шелковые и бархатные ткани, какао, шоколад, косметика, духи и т. д.;

3) различные продукты сельского хозяйства, каковые с успехом могут быть произведены в стране.

На ряду с этим принимались всевозможные меры по развитию промышленности внутри страны, так, например — ввоз машин и всевозможных орудий производства был освобожден от таможенного обложения; каждый промышленник или фабрикант мог безвозмездно пользоваться как пустопорожними участками, принадлежащими государству, так и двигательной энергией воды в целях установления и эксплуатации своих фабрик и заводов.

Больше того — в целях поощрить внутреннее производство, правительство предложило всем чиновникам употреблять для своего обмундирования ткани отечественного производства, оно считало это как бы выражением борьбы против иностранного засилья. [1]

Газета «Ени Гюнь» в одном из своих номеров говорит: «Наша родина только тогда станет вполне на ноги и приобретет нужное величие, когда мы станем экономически вполне независимыми. Мы должны все силы устремить на улучшение нашей торговли и на создание своей промышленности. Нужно устроить в Анатолии свои заводы, фабрики, нужно, став экономически независимыми от Европы, перестать отдавать ей за фабрикаты наши природные богатства».

Мировая война, нанесшая сильнейший удар сельскому хозяйству и всей экономике Турции, тем не менее создала в известных отношениях благоприятные условия для развития национальной турецкой промышленности. Как доказывает Тевфик Хюсни в статье, напечатанной в марксистском журнале «Айданлык» (31/I — 25 г.) за время мировой

[1] Н. Сокольский: «Очерки современной Турции». Тифлис. 1923. См. стр. 93 — 94.

войны немцы и австрийцы усердно насаждали в Турции производство предметов военного снабжения. Они же содействовали организации мукомольного, мыловаренного, маслодельного производства в стране. Часть немецких мельниц была из Румынии перенесена в Анатолию. Освободившись на время войны от режима капитуляций и конкуренции «бросовых» европейских товаров, анатолийская буржуазия в период мировой войны и затем национальной борьбы против Севрского договора обогатилась поставками на армию и снабжением местных городов и выдвинула в качестве основных пунктов своей экономической программы, с одной стороны, неуклонное развитие национальной индустрии путем введения запретительных таможенных пошлин, с другой — всемерное содействие подъему сельского хозяйства в целях увеличения емкости и покупательной силы внутреннего рынка.

Главное Статистическое Управление, созданное в 1922 г. при Комиссариате Национальной Экономии, опубликовало статистические данные о промышленности Турции в течение 1921 года. Этот документ, вследствие исключительного положения Анатолии к этому времени, далеко неполный. Он не содержит фактически никаких указаний о таких местностях и городах как Константинополь, Смирна, Брусса, Баликесир и Эски-Шеир — главные индустриальные центры Турции.

По этим статистическим данным в Анатолии, кроме перечисленных выше городов, к этому времени было не менее 33 058 промышленных предприятий различных категорий с 76 216 постоянными рабочими, из коих 51 494 мужчин и 24 722 женщин (в эти числа не входят временные рабочие). По отдельным отраслям предприятия и рабочие распределяются следующим образом:

Род промышленности	Число предприятий	Рабочих	% к общему числу
Текстильная	20 057	35 316	46,35
Кожевенная	5 347	17 964	23,57
Металлургическая	3 272	8 021	10,52
Деревообделочная	2 067	6 007	7,17
Пищевая	1 274	4 493	5,89
Гончарная	704	3 612	4,74
Химическая	337	803	1,76
	33 058	76 216	100,00

Очевидно, что эта статистика учла не только более или менее крупные промышленные учреждения, но и мелкие кустарные предприятия с 1 — 2 рабочими.

Стремление анатолийской буржуазии создать национальную турецкую промышленность вызвало сильнейшее сопротивление со стороны константинопольской буржуазии, а также со стороны греческой и армянской буржуазии мало-азиатских портов. В сущности, противники анатолийской буржуазии в своих воззрениях на судьбы турецкого народного хозяйства являлись проводниками взглядов мирового капитализма, стремившегося к удержанию Турции в состоянии полуколонии. Точка зрения противников экономического возрождения Турции и попыток ее

индустриализации яро защищалась, между прочим, во французском органе «Information d'Orient», издающемся в Константинополе. В ряде статей, опубликованных в 1925 г., редакция этого органа доказывала, что за последние годы промышленность Турции обнаруживает признаки все прогрессирующего упадка. Некоторые отрасли индустрии будто бы замирают на глазах. Это можно засвидетельствовать, в частности, по отношению к производству ковров и шелковых тканей, которыми некогда славилась Турция. В застое находится и разработка рудных богатств. Железнодорожное строительство, несмотря на усилия правительства, слабо подвигается вперед, — при чем французское издание многозначительно подчеркивает недостаток капиталов, являющийся помехой для развития этой отрасли государственного хозяйства. Тот же журнал в № 184 от 10/11 — 25 г. настаивал на необходимости согласовать экономическую политику Турции с имеющимися хозяйственными предпосылками страны, а также с условиями международной экономики. «На долгое время Турция должна строить свой хозяйственный план исключительно на земледелии и разработке минеральных богатств. Конечно, нуждам местного потребления могла бы служить и национальная промышленность — текстильная, деревообделочная, винокуренная и проч. Однако, в Турции едва ли можно было бы поставить ее в крупном капиталистическом масштабе. В о в с я к о м с л у ч а е, т я ж е л а я о б р а б а т ы в а ю щ а я и н д у с т р и я — н е д е л о Т у р ц и и. База последней — сельское хозяйство, которое при благоприятных условиях могло бы пропитать продукцией сельского хозяйства одной Анатолии не менее 60 милл. населения».

Газета, естественно, восстает и против таможенной политики турецкого правительства. Она доказывала, что некоторые отрасли сельского хозяйства совершенно не нуждаются в покровительственных таможенных ставках. Табак, фрукты, орехи, валонея, опиум, производимые в Турции как по своему качеству, так и по количеству продукции, не боятся иностранной конкуренции: никто не подумает ввозить в Турцию эти товары. Шерсть, шелк, хлопок, кожсырье — все равно не могут быть переработаны на месте за недостатком заводов и фабрик: нечего поэтому и опасаться ввоза этих предметов из-за границы. Хлеб, мука, мясо, правда, в значительном количестве импортируются в Турцию. Однако, журнал никак не хочет признать это вредным для народного хозяйства страны. Имея в виду, главным образом, удешевление рабочих рук, буржуазный орган доказывает, что ввоз продуктов массового продовольствия понижает дороговизну жизни и содействует-де восстановлению торговли и промышленности крупных городов.

Итак, мы видим, что здесь проповедуется политика открытых дверей, свободной конкуренции и ведется борьба не только против идеи создания самостоятельной национальной индустрии в Турции, но даже против стремлений поднять сельское хозяйство страны. Особенно характерно крайне отрицательное отношение цитируемой нами газеты к вопросу о создании тяжелой индустрии в Турции. Вспомним слова Ленина о роли

*

тяжелой индустрии в вопросе о судьбах СССР: «Независимость нашего государства связана с вопросом о тяжелой индустрии, т.-е. если у нас своей тяжелой индустрии не будет, мы попадем в кабальную — зависимость от западно-европейского капитала».

Программе открытых дверей и свободной конкуренции, защищавшейся константинопольской и армяно-греческой буржуазией портовых городов, анатолийская буржуазия с самого начала национальной борьбы противопоставила свою программу покровительственной экономической политики в целях интенсификации сельского хозяйства и развития независимой и сильной отечественной индустрии.

На одном из заседаний Великого Национального Собрания в 1925 г. при обсуждении торгового бюджета бывший министр финансов, депутат Фери-бей, так формулировал задачи экономической политики страны: «Страна должна иметь определенную экономическую программу. Я предлагаю такую формулу: установить торговое равновесие (баланс) — путем внутреннего производства тех товаров, кои ныне мы вынуждены ввозить... В стране нет пока ни частных предпринимателей, ни капитала. В целях воспрепятствовать экономическому упадку страны и организовать производство потребных товаров, само правительство должно создавать заводы. С течением времени оно будет постепенно передавать их в руки частных предпринимателей. Это значит — сначала этатизм, а потом индивидуализм»...[1] Последние слова Ферид-бея: «Основа нашей экономической программы такова: поставить производство хлеба и хлопка, чтобы, покончив с этим, перейти к добыванию железа, угля, нефти» — были покрыты громкими аплодисментами депутатов.

Программа покровительственной экономической политики национально-буржуазного правительства намечена в приведенных словах с достаточной ясностью.

Вот как С. Кабульский в небольшой, но очень содержательной статье «Политика возрождения Турции» («Международная жизнь», № 7, 1926 г.) объясняет происхождение этатизма и характеризует его проявления: «Тот факт, что иностранный капитал выступал в виде мощных трестов и консорциумов, а национальный капитал продолжал находиться чуть ли не в первобытном состоянии, с течением времени все резче и резче ставил вопрос о необходимости противопоставления Европе каких-либо сильных и единых экономических организаций. Такими организациями могли оказаться лишь государственные предприятия. Вместо прежнего экономического индивидуализма кемализм выдвинул принцип этатизма, идеологически обосновываемого тем соображением, что для Турции эра экономической индивидуальной инициативы только лишь наступает, и что поэтому государство должно помогать этой инициативе, создавая торговые и промышленные предприятия и с течением времени передавая их более или менее стойким национальным группам. Перед тем,

[1] Сначала государственный капитализм, а потом частная промышленность.

как притти к этому решению, кемализм пробовал промежуточную стадию так называемых смешанных обществ с участием и государственного, и частного капитала. Эти общества продолжают создаваться и сейчас, хотя несколько месяцев опыта показали, что национальный капитал продолжает относиться подозрительно и к этой инициативе правительства. Но главное внимание, особенно за последнее время, устремляется в сторону чистого этатизма, приобретающего с течением времени все более яркие черты буржуазного государственного капитализма. К настоящему времени государство само строит железные дороги, порты, заводы (характерны попытки создания тяжелой индустрии), создает сельскохозяйственные фермы, производит изыскания металлов и разрабатывает их. Государство взяло в свои руки почти все операции морской торговли (Сеири-Сефаин). Государство организует авиосвязь. Государство же создало ряд первых национальных банков. Государство пытается руководить операциями внутренней торговли и оно же разрабатывает план руководства внешней торговли. Наконец, государству принадлежит инициатива кредитования и выдачи ссуд под землю, что безусловно вызовет в ближайшем будущем целую революцию в аграрном вопросе, а равно муниципального строительства».

Экономическая политика Великого Национального Собрания Турции и руководящей им партии халкистов (кемалистов) направлена к достижению следующих основных целей: 1) ко всемернему укреплению сельского хозяйства, как основного занятия подавляющего большинства населения Новой Турции и ее экономической базы; 2) к большему развитию товарности сельского хозяйства; 3) к развитию базирующейся на сельском хозяйстве кустарно-ремесленной промышленности и имеющей сложиться более крупной промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья в полупродукты и готовые изделия для внутреннего потребления и вывоза; 4) на этой почве — к достижению если не сразу активного внешнеторгового баланса, то к балансированию его в более выгодном для возрождающейся страны виде, с упрочением на этой основе расшатанного войнами и разрушенного за время султаната финансового положения страны и освобождения от гнетущей финансово-экономической зависимости от иностранного капитала.

Средствами к достижению этих целей должны были явиться, согласно программе кемалистов, следующие мероприятия:

1) Упразднение ашара (натурального с.-х. налога), принятое весной 1925 г. Эта мера должна дать значительный толчок к развитию товарности сельского хозяйства и освободить крестьянство от гнета откупщиков, сборщиков податей; налога и ряда акцизов возможно даже усиление.

2) Развитие сельскохозяйственной техники и первичной обработки продуктов сельского хозяйства путем тракторизации и механизации с.-х. производства, где это возможно, путем предоставления производителям улучшенных семян, устройства питомников и селекций, путем общей помощи в виде с.-х. кредита через сеть местных органов с.-х.

банка, всячески поддерживаемого правительством; некоторое содействие правительства агрономическому и общему образованию, зарождающимся кое-где росткам сельскохозяйственной и промысловой кооперации и т. д., и т. д.

3) Создание технической возможности сбыта излишков сельскохозяйственной продукции и широкое стимулирование тем самым соответствующих культур в районах, отрезанных, благодаря дальности и трудности сообщения в горной стране, от портов и центров внутреннего потребления, особенно это касается центральной Анатолии и восточных и юго-восточных вилайетов, в меньшей мере — северных, прибрежных к Черному морю, отчасти и северо-восточных, связанных ж.-д. и шоссейными путями с Закавказьем и нашими портами на Черном море, но не находящих через них достаточного для себя выхода. Основной предпосылкой для осуществления данной задачи является постройка сети железных дорог главной центральной магистрали от Ангоры через Сивас, Эрзиндусан на Эрзерум, с ответвлением на Диарбекир и Битлис и поречных магистралей — Самсун — Сивас — Ангора — Кония и Трапезунд — Эрзерум и далее к персидской границе, а также части более мелких прибрежных, в роде намеченной и начатой постройкой линии Самсун — Бафра и др. В свое время ангорское правительство рассчитывало произвести эти работы почти исключительно на иностранные средства; после провала ряда концессий, в частности пресловутой Честерской концессии, ангорское правительство, значительно свернув свои ж.-д. строительные программы, старается выделить собственные средства из своего более чем скудного бюджета на постройку самых неотложных дорог, как-то: Араба—Диарбекир, Ангора —Сивас, Эрзерум — Трепезунд и узкоколеи: Эрзерум — Саракамыш, Кония —Аксфай и друг.

Принятие мер к усилению турецкого коммерческого флота, чтобы наладить своими средствами регулярное обслуживание своих же портов и связи их с ближайшими соседними странами — Сирией, Палестиной, Египтом, Грецией, Болгарией, Румынией и СССР.

Концессионная и внешторговая политика ангорского правительства определенно преследует цель укрепления и развития своей добывающей (уголь, нефть, медь) и обрабатывающей (мельницы, маслобойки, хлопкоочистка, шелкомотание и прядение шелка и хлопчатой бумаги, табачное производство, сушка и консервировка фруктов и т. п.) в особенности по переработке сельскохозяйственного сырья. К этому ведет исключительный протекционизм, проводимый ангорским Национальным Собранием в отношении, например, хлеба, угля, даже цемента и других изделий своей, пока чрезвычайно еще слабой и неразвитой, промышленности, а также чрезмерная настороженность при сделках с иностранным капиталом (особенно в отношении сдачи концессии). Хотя и с ошибками, и с преувеличениями, и неизбежными в связи с этим колебаниями (например, в отношении снабжения Константинополя хлебом или в отношении сдачи Честеру провалившейся жел.-дор. концессии, оказавшейся блефом), ангорское правительство все же в основном достаточно твердо про-

водит свою линию, особенно в отношении концессий, всячески избегая передачи их в руки иностранных капиталистов, стремясь привлекать иностранный капитал лишь к участию в подрядных работах.

Президент турецкой республики Мустафа-Кемаль-паша.

Помимо этого, правительство новой Турции всячески содействует возможному увеличению своего экспорта уже в ближайший период, особенно из богатых районов западной и южной Анатолии (Айдан, Манисса, Брусса, Кутахия, Кара-Гиссар, Адалия, Кония, Адана, Мерсина и др.)

и вместе с тем повышению активности своего внешторгового баланса, ограничивая ввоз ряда товаров высокими, подчас запретительными пошлинами, борясь с чрезмерной роскошью портовой буржуазии и т. д.

На ряду с тем, правительство и местные органы власти всячески стремятся к восстановлению разрушенных войной городов и сел, путей сообщения, портов, предприятий и т. д. (широкие программы муниципального строительства), а также к поднятию культурного уровня населения, производительности труда и т. д.

Однако, при осуществлении указанной выше своей экономической политики ангорское правительство и партия «Халк» наталкиваются на чрезвычайные, подчас непреодолимые, трудности и препятствия. Главное из них — исключительная бедность и отсталость страны, особенно центральной и восточной Анатолии, веками являвшихся резервуарами для питания султанской казны и для пополнения его армий, особенно во время последних войн, что не могло не истощить до конца этих провинций старой Турции.

С нищетой тесно связана сильнейшая экономическая, техническая и культурная отсталость тех же провинций, если не считать ее западной и юго-западной частей и прибрежной полосы всей Анатолии, наиболее плотно населенной и наиболее культурно и экономически развитой. Отсталость культурного и экономического развития усиливается по направлению к востоку и особенно юго-востоку, переходя в Курдистане (на границах с Персией) в полную почти первобытность жизненного уклада тамошнего населения.

Страна, истощенная султанатом и почти непрерывными войнами первых двух десятилетий XX века, приведшими к революционному возрождению Анатолийской Турции, не может в настоящее время даже при максимальном напряжении своих сил найти себе достаточно внутренних средств, капиталов и квалифицированной рабочей силы для совершенно независимой, в данный момент, экономической политики и быстрого проведения намеченной выше программы экономического восстановления. Недавние споры (1924 — 1925 г.) вокруг вопроса о валюте, в какой должен уплачиваться национальный долг Турции, разрешенный отнюдь не в пользу Турции, показывают, с одной стороны, насколько сильно все еще зависима Турция от Антанты и в особенности от Франции, с другой стороны — насколько остро и болезненно воспринимает и чувствует эту зависимость ангорское правительство. В общей сложности Турция принуждена ежегодно выплачивать 7 170 255 т. лир в счет погашения государственного долга.

На ряду с этим крупнейшие и влиятельнейшие банки (как, например, Оттоманский), пароходные и ж.-д. линии, отдельные ценные предприятия и т. п. все еще свободно эксплуатируются на территории Турции иностранным капиталом, наживающим на них немалые прибыли. Иностранный капитал нередко позволяет себе трактование Турции как колонии или полуколонии, экономически от него зависимой (наглядный пример последнего времени — столкновение Турции с Англией по вопросу о Мос-

суле, разрешенный в пользу Англии). Он же держит в сильнейшей от себя зависимости значительную часть продажнической (по существу интернациональной) портовой буржуазии (в особенности «проливной»), содержит и подкупает в своих интересах значительную часть турецкой прессы, науки, целые политические группировки (как, например, сложившуюся из разных мелких оппозиционных группировок прогрессивно-республиканскую партию, организовавшую в 1926 г. заговор против жизни Мустафа-Кемаля) и т. д. Самые героические усилия ангорского правительства освободиться от этой зависимости путем выкупа разных «regies», оплаты долгов, создания собственных банков, упрочения бюджета и достижения его бездефицитности, что достигается не без величайших лишений и самопожертвований в его расходной части, — не могли дать быстрых результатов. Вместе с тем энергичная политика кемалистов в деле высвобождения страны из-под власти мирового капитала не могла обострить недовольства новым курсом всех тех элементов турецкого общества, которые были связаны с европейским капиталом. Посредническая буржуазия портовых городов, недовольная экономической политикой кемалистов, объединилась с феодальной верхушкой восточных провинций, с аграриями средиземноморского побережья и повела ожесточенную борьбу против правительства Кемаля.

Общая тенденция политико-экономического развития Турции ведет к постепенному закреплению отвоеванной политической независимости и подведению под нее прочного экономического фундамента, в виде капиталистически организованного товарного сельского хозяйства и промышленного производства. Турция, особенно при сотрудничестве с СССР, имеет налицо необходимые предпосылки к такому развитию своей экономики, как с точки зрения потенциальных возможностей ее сельского хозяйства, так и с точки зрения сырьевых ресурсов для промышленности, отчасти и топливных. Не имея своего железа, страна не может развить капиталистической промышленной системы, но при дополнении ее нашим металлом и топливом обеспечение подобной хозяйственно-экономической целостности все же мыслимо.

Уже из вышесказанного вытекает не только возможность, но и необходимость экономического сближения новой Турции с СССР. Между обеими странами существует взаимное экономическое тяготение, приводящее к экономическому их сотрудничеству и связи. Наш украинский уголь и металл и кавказская нефть — вот те элементы, которых не хватает Турции для развития сельского хозяйства и его машинизации, для индустриализации страны в целом. Близость этих факторов и удобство их переброски по морю создают предпосылки для проявления в полной мере силы взаимного экономического притяжения. На ближайшее время, исчисляемое, может-быть, в размерах до десятка лет, фактором, весьма еще необходимым западной Анатолии, является наш хлеб — пшеница и кукуруза, не находящие ни по качеству, ни по условиям транспорта, ни по цене себе конкурентов на турецких рынках. Пока железнодорожная сеть восточной Анатолии не закончена, своего хлеба

для развивающегося промышленного и торгового района нехватит, даже при постепенном росте его доставки извнутри Анатолии. Может быть лишь один существенный фактор, из-за которого могут измениться соотношения спроса и предложения внутреннего хлеба, — это дальнейшее падение Константинополя как торгового порта и вместе с тем понижение его спроса на предметы питания, в первую голову — на хлеб, для которого он является основным рынком. Но при растущем внешнем товарообороте СССР, во все большей мере идущем через проливы, этот момент в значительной мере парализуется. На ряду с хлебом Турция надолго может быть удобным рынком и для нашего сахара, спирта, цемента, строевого и упаковочного леса, стекла и ряда других изделий химической и силикатной промышленности. При условии снижения наших отпускных цен на эти товары до довоенных размеров, а может-быть, и ниже, они почти не найдут себе соперников на турецком рынке, особенно в северной Анатолии и в бассейне Мраморного моря.

С другой стороны, Турция, при развитии ее сельского хозяйства, может дать нам некоторые виды сырья, не могущие быть полученными в достаточной мере у нас, а до известного времени также и хлопок, особенно, если турецкое сельское хозяйство перейдет на более высокие сорта хлопка, дубители (воланея) кожи, шерсть и др. Близкая заинтересованность наша в поддержании тесного экономического контакта с Турцией обусловливается еще и тем обстоятельством, что через территорию Турции лежат наши важнейшие торговые пути в бассейне Средиземного моря (проливы).

Из характера экономических связей наших с Турцией, хотя они и несколько односторонни, и Турция, в конечном счете, более экономически зависит от нас, чем мы от нее (если не считать проливов), очевидно, что СССР заинтересован в экономическом развитии Турции. Если верно, что развитие сельского хозяйства Анатолии освободит Турцию от необходимости в нашем хлебе, зато несомненно, что возрожденная Турция предъявит усиленный спрос на наш металл, уголь, нефть, цемент и т. д.

Экономическая политика ангорского правительства, политика, имеющая целью восстановление разрушенного мировой и национальной войной хозяйства страны собственными силами Турции без кабальных сделок с западным капиталом, политика создания в стране развитой фабричной промышленности и интенсифицированного сельского хозяйства представляет собой факт, имеющий громадное значение для всего угнетенного колониального и полуколониального мира. Это первый случай в новейшей истории, когда закабаленная империализмом полуколониальная страна выходит, хотя и с величайшим трудом, из-под этого империалистического гнета и становится на путь самостоятельного развития как экономического, так и политического. Это ценнейший опыт, крупнейший пример для прочих колониальных стран. Само собой разумеется, что в этой борьбе

новой Турции против мирового империализма все симпатии СССР на стороне Ангоры.

До сих пор ангорскому правительству удалось достичь сравнительно небольших результатов в деле создания в Турции более или менее значительной по количеству вырабатываемых товаров и числу занятых рабочих национальной промышленности. В этом нет ничего удивительного. Не следует забывать, что в довоенный период Турция как индустриальная страна представляла собой tabula rasa (чистую доску). В Турции не было крупных фабрик и заводов, и ее национальная промышленность носила мелкоремесленный, кустарный характер. Прошло не более трех лет с той поры, как новое правительство взялось за дело индустриализации страны. И если учесть краткость этого периода, бедность населения, внутренние осложнения и восстания, инспирированные агентами английского империализма, нельзя не признать, что достижения новой Турции в деле индустриализации страны заслуживают внимания.

В Турции уже работают собственные банки, турецкие: Государственный, Горнопромышленный, Сельскохозяйственный, Деловой и т. д. Число фабрик и заводов растет. Так, в 1926 г. по инициативе управления спичечной монополии строятся две спичечные фабрики, одна близ Конии, другая в Синопе. Машинное оборудование для фабрик получено из-за границы. В Ушаке в 1926 г. начал работать первый в Турции сахарный завод, созданный при участии горнопромышленного банка. Во главе предприятия стоит «Турецкое акционерное общество развития земледелия в Ушаке» с капиталом в 1 200 000 турецких лир. В Ангоре в 1926 г. была открыта торжественно, в присутствии премьера Исмет-паши, ткацкая фабрика при 75 рабочих. Все это первые шаги к созданию собственной фабричной промышленности. На ряду с этими шагами характерны новые, небывалые в прошлом попытки выхода Турции на мировые рынки путем организации пловучих выставок, торговых музеев и т. д. В этом отношении очень интересна турецкая пловучая выставка на пароходе Кара-Дениз, посетившая в 1926 г. европейские порты, а из наших — Ленинград, Одессу и т. д. Это был первый организованный выход турецкой продукции на мировой рынок, первый опыт самостоятельной активной торговли.

По данным, опубликованным в турецкой печати в 1926 г. и воспроизведенным, между прочим, в статье Шморгонера в «Новом Востоке» (№ 15), «За период с ноября 1923 г. по 1 февраля 1925 г. было зарегистрировано 79 новых предприятий. Среди них большинство мельниц — 18, маслобойных предприятий — 14, кожевенных — 11, лесопильных — 8, текстильных — 7, хлопкоочистительных — 7, мыловаренных — 4 и т. д. Предприятия открыты в Константинополе — 30, Эдремите — 10, Адане — 5, Бруссе, — 5, Смирне — 4, Ада-Базаре — 4 и т. д. За тот же период установлено 325 стационарных двигателей, из коих 121 электромоторов. Установленные двигатели дают общую мощ-

ность свыше 10 000 сил, треть мощности падает на текстильную промышленность, седьмая часть на мельничную и т. д.».

Быстрым темпом в Турции развивается текстильная промышленность. В течение 1925 года производство шерстяных тканей на вновь построенной фабрике в Ангоре и мелких прядильных достигло 2 милл. метров. Восстанавливаются разрушенные во время войны фабрики в Исмиде и Кара-Мурсале (могущие дать 750 000 метров), заново переоборудуются машинами нового образца три фабрики в Болдавине, Малатии и Гази-Айнтабе. Значительная часть этой продукции идет на нужды армии, жандармерии, полиции и государственных школ; устроены бумагопрядильные, чулочные, шелково-ткацкие и др. фабрики в Спарте, Константинополе, Смирне и др. городах. В Адане начала работать ткацкая фабрика Земледельческого банка, имеющая 8000 веретен и 180 станков; пока фабрика работает на $^3/_4$ оборудования и имеет 250 рабочих.

Всего в Турции имеется девять хлопчатобумажных фабрик. Политика турецкого правительства направлена к сокращению импорта бумажных и шерстяных тканей, ввоз которых достиг в первое полугодие 25 — 26 г. 43 милл. лир. Намечается постройка одной большой фабрики с 70 000 веретенами. Постройка такой фабрики, по мнению специалистов, совсем освободит Турцию от импорта хлопчатобумажных тканей или значительно сократит импорт.

Замечательны усилия Турции к насаждению металлургической и металлообрабатывающей промышленности.

Правительством принят специальный закон о создании металлургических предприятий в Турции; учреждено специальное управление для организации этой отрасли промышленности. Отпущен кредит в 18 милл. лир, намечена эксплуатация железных рудников в районах бассейна Черного моря. Первый металлургический завод будет построен в Софранболу под руководством немецких инженеров. Намечена постройка литейного завода в Стамбуле. Там же образовалось анонимное турецкое общество с капиталом в $^1/_2$ милл. лир, для производства меди, латуни, бронзы, гвоздей, болтов и проч., а также земледельческих орудий. Обществу предоставлено право выпустить акций на 1 милл. лир.

В связи со значением для металлургической индустрии угольной промышленности следует указать и на ряд мероприятий турецкого правительства в области упорядочения добычи угля. В 1913 году было добыто угля 957 000 тонн, в 1924 г. до 1 1000 000 тонн, добыча 1925 г. не опубликована. Крупнейшие угольные предприятия — о-во Гераклея с французским капиталом в 15 милл. фр. и Бельгийско-Итальянское о-во с капиталом в 11 400 000 фр. Учреждено новое анонимное общество с капиталом в 400 000 лир с участием Горнозаводского банка для эксплуатации угольных копей Килимли. Продукция о-ва Гераклея в 1925 году равнялась 500 000 тонн.

В области горной промышленности заслуживает быть отмеченным передача арганских рудников в концессию турецкому банку Национальный

ного Кредита. Банком организовано смешанное общество с капиталом в 3 милл. лир, в котором принимает участие турецкое правительство, являясь собственником акций на 1 милл. лир, банк — на 500 000 лир и «Дейтше банк», представляющий немецкое о-во «Металл-Гезельшафт», в сумме $1^1/_2$ милл. лир. Это же смешанное общество приняло на себя постройку железной дороги Аргана — Диарбекир в 210 клм. Ежегодный выход меди из арганских рудников исчисляется в 1 милл. пудов. При помощи турецкого Делового банка организовано новое общество по эксплуатации Булгардагских серебро-свинцовых рудников с капиталом в 1 милл. лир. В обществе участвует тот же «Дейтше банк», представляющий «Металл-Гезельшафт» с количеством акций на $^1/_2$ милл. лир. Необходимо отметить возобновляющуюся эксплуатацию артвинских медных заводов Сименс и Шуккерт. Возросла добыча свинцово-цинковых рудников о-ва «Баллиа-Карайдин», которое вследствие нового закона об иностранных обществах должно было из французского предприятия превратиться в «Турецкое Анонимное Общество». Общество исправило все повреждения, понесенные во время войны, и довело добычу свинца до 1 милл. пудов и цинка до 350 000 пудов, число рабочих равно 3000 человек.

Заслуживает внимания оживление деятельности и увеличение добычи пандермита в районе Пандермы (в 1924 г. до $^1/_2$ милл. пудов). В предприятии находится английский капитал в сумме до 6 милл. франков. Возобновили добычу наждачные копи Пашерсона и марганцевые рудники Аткинсона. И в этих предприятиях работает английский капитал, принявший в настоящее время фирму турецкого общества. Чтобы исчерпать картину роста предприятий в горной промышленности, надлежит отметить, что в Константинополе образовалась значительная группа финансистов, в которую вошли представители Национально-Бельгийского Промышленного Кредита, бельгийский нефтяной король Веторген, Али-Эграф, бывший бакинский нефтепромышленник, с целью производства изысканий нефтяных источников в Турции. Капитал группы определяется в несколько миллионов лир.

Правительством принимаются меры к созданию стекольной и фаянсовой промышленности путем постройки новых заводов, образования акционерных об-в и т. п.

В Турции имеются два цементных предприятия «Арслан» и «Эски-Гиссар». В целях защиты их от иностранного цемента введена ввозная пошлина в $7^1/_2$ лир с тонны. Это поставило турецкие цементные заводы в исключительно благоприятные условия. Продукция цемента доведена в 1924 — 25 г. до 45 000 тонн, в 25 — 26 г. намечена программа в 60 000 тонн.

В 1926 г. отстроен и пущен новый цементный завод в Маврикее с производительностью в 10 000 тонн. Турции, несмотря на продукцию этих заводов, приходится ввозить цемент в количестве 15 — 20 000 тонн. Огромные прибыли «О-ва объединенных цементных заводов» и нужда в цементе, благодаря строительству, заставили правительство

обратиться с предложением к Деловому банку о постройке нового огромного цементного завода в Константинополе. К делу привлечена группа крупных немецких капиталистов.

Значительны достижения Турции в области кожевенной и обувной промышленности. Число рабочих, занятых в обувной промышленности, превышает 30 000 чел. Большинство фабрик представляет собою кустарные мастерские. В 1924 году начался процесс механизации этих фабрик; в Константинополе построен образцовый кожевенный завод, оборудованный немецкими машинами. Такой же завод построен в Смирне.

Для развития ковровой промышленности, правительством приобретены усовершенствованные машины для оборудования трех ткацких фабрик в Спарте, Кесарее и Киршехире — центрах производства ковров. Производство ковров увеличилось с 1 милл. метров до 1 700 000 метров.

Подъем народного хозяйства торговли Турции тесно связан с развитием внутренних путей сообщения. Железнодорожная сеть Турции весьма мало удовлетворительна. Время блестящих проектов Честера прошло, и Турция принялась собственными силами, с частичной помощью немецкого капитала за устройство своей железнодорожной сети. Действующая старая железнодорожная сеть имеет протяжение около 3959 километров, т.-е. в среднем 1 километр пути на 215 *км* территории. Великое Национальное Собрание постановило построить линию Самсун — Сивас протяжением до 300 *км* и Ангора — Сивас, 410 *км*. Линии эти прорезывают центральную Анатолию и охватывают громадный хлебный и скотоводнический район, соединяя его с Черным морем и Константинополем. Работы на этих линиях идут успешно, по линии Самсун — Сивас проложено 200 *км*, по линии Ангора — Сивас работы доведены до Цезареи (Кайсарие). К указанной системе примыкает и линия Цезарея — Олу-Кишла, 210 *км*. С проведением указанной линии район получит выход к Средиземному морю.

В концессию туземному капиталу сданы: узкоколейка Самсун — Чершамбе, 40 *км*, проходящая по богатейшему табаководному району, и узкоколейная Эрегли — Кара — Дере, длиною 120 *км*, имеющая целью содействовать развитию разработки лесных массивов в районе Болу. Правительством ведется постройка ж.-д. линии Кутахия — Тавшанлы. Линию эту предположено довести до скрещивания с линией Сома — Пандерма у станции Балаксир, что дает 275 *км* пути. Начаты работы по проведению сданной в концессию «Турецкому Банку Национального Кредита» и «Дейтше банку» линии Диарбекир — Аргана, длиною в 210 *км* за 2 800 000 лир. Постановлено также о перешивке узкоколейки Саракамыш — Эрзерум в нормальную колею.

Правительство приступило к изысканиям по устройству линии Копия — Адалия, которая соединит богатейший край с Средиземным морем.

Великое Национальное Собрание вынесло постановление о постройке железной дороги Ангора — Гераклея, для соединения столицы, где пред-

положена постройка металлообрабатывающих предприятий, с угольным районом и портом на Черном море.

Образовавшийся в Турции Союз Турецких Инженеров разработал план железнодорожной сети Турции. По указанному плану Турция должна построить в ближайшие 5 — 10 лет 6333 *км* ж.-д. путей, из коих 3877 нормальных и 2456 узкоколейных. Общие расходы на такое строительство исчислены в 433 000 000 лир. Строительная смета 1925 — 26 года принята в сумме 36 милл. лир. Правительство израсходовало в 1924 — 25 г. 9 милл. лир на ж.-д. имущество и приобрело 40 паровозов, 65 товарных и пассажирских вагонов и 40 товарных платформ. Все железнодорожное имущество закупалось в Германии, за исключением небольшой поставки (в 200 000 лир), взятой английской фирмой.

В связи с ростом движения по линии связи с Персией образовалось турецко-персидское общество с капиталом в 1 милл. для улучшения движения по линии Тавриз — Трапезунд.

Правительство занято также вопросом о проведении сети шоссейных дорог с тем, чтобы наладить автомобильное и экипажное сообщение между отдельными вилайетами. В Турции имеется до 10 000 *км* шоссейных дорог. Принята программа постройки еще 10 000 *км*. В районе Самсун уже обращается 200 грузовых автомобилей, в районе Трапезунда 50 автомобилей. Правительством не оставляется мысль о выкупе Анатолийской и Багдадской железных дорог, хотя в условиях недостатка капитала в стране вряд ли начатые переговоры закончатся положительно.

Новый бюджет на 1926 —27 г. предусматривает следующие общественные работы: железные дороги: 1) Самсун — Сивас и Ангора — Сивас, на это отпущено 9 350 000 лир, 2) Цезария — Олу — Кишла — отпущено 50 тыс. л,. 3) Малатия — Аргана — отпущено 100 тыс. л., 4) Кутахия — Таушанли — 200 тыс. л., 5) Геракли — Ангора — 50 тыс. л. На оборудование портов в Мерсине и Амассии отпущено 100 тыс. л.

Правительство пручило инженеру Нури-бею составить проект намеченной железной дороги Ангора — Черное море. Дорога пойдет от Ангоры через Чубан-Эзи; Ак-Питор — Бели — Каптор-Бели; Черчесе, Байендер, Киран, Кара-Биюк — Черное море.

Как мы уже отметили в нашей работе «Империализм и борьба за великие железнодорожные пути» (собр. соч., т. II), железнодорожная политика не существовала при прежнем режиме и, постройка железнодорожных линий разрешалась без предварительного изучения и без всякого согласования и общего плана.

Большинство прежде построенных линий, за исключением Багдадского рельсового пути, являлось обрывками ветвей без всякой связи между собой, что уменьшало их пользу, снижало их движение, тормозило экономическое развитие страны и вредило самим концессионным обществам.

В настоящее время в Турции народилась железнодорожная политика, которую правительство старается применить к экономическим требованиям страны

Новая политика вдохновляется преимущественно необходимостью выдвинуть плодородные провинции, продукция которых не может быть вся экспортируема за границу или направлена в другие центры страны, покупающие иностранные продукты по более дешевым ценам, так как они скорее доходят до них.

Наиболее яркий пример того, какие потери терпит Турция вследствие недостатка путей сообщения, следующий: вилайет Сивас, несомненно, один из наиболее плодородных в Турции, едва может экспортировать четверть своей продукции; остальное, после изъятия необходимого количества, для снабжения местного населения, плохо сохраняясь и подвергаясь порче на месте, делается негодным для употребления.

Правительство Турции поставило во главе своей программы восстановления вопрос о железных дорогах и предназначило на их постройку все кредиты, которые могут быть удалены, не нарушая бюджетного равновесия. Эта программа предусматривает, между прочими линиями, постройку двух поперечных линий и их разветвления, идущие — первое из Ангоры к восточным границам и другое — от Самсуна к Мерсине.

Первая из этих поперечных линий будет связывать между собой два больших порта: Константинополь и Смирну через Эски, Шехир, Ангору, Цезарию, Сивас и пройдет через Эрзинджан до Эрзерума. Вторая — свяжет Самсунский порт с Мерсинским, устанавливая, таким образом, связь на суше между побережьями Черного моря с побережьем Средиземного моря. Проходя через Амассию, Сивас, Цезарию, Нигде, она соединится с линией Багдада в Олу-Кишла. Постройка этих двух больших артерий, начатая в 1924 году, производится в настоящее время в двух направлениях — от Самсуна к Сивасу и от Ангоры к Сивасу. Постройка этой последней ветки производится наиболее энергично, и 210 *км* (Ангора — Иеркей) уже окончена и эксплуатируется.

Отметим влияние, которое эти две большие линии могут оказать на национальное хозяйство, давая возможность сбыта земледельческим продуктам и эксплуатации почвенных богатств.

Поперечная дорога Константинополь — Эски — Цехир, Ангора — Цезарея, Сивас — Эрзерум и ветка Самсун — Амассия — Сивас облегчат сбыт продуктов почвы и горных недр, которыми так богаты эти местности. Эти две линии будут обслуживать несколько вилайетов с общей площадью в 301 000 *кв. км* с населением в 5 миллионов, что представляет более одной трети настоящей территории и населения Турции.

Не все районы Анатолии одинаково страдали до сих пор от отсутствия железных дорог. На самом деле, в то время как прибрежная местность Черного моря имела возможность эксплуатировать довольно большое количество товаров судами, внутренние районы, с большим земледельческим производством, как Токат, Сивас, Цезарея, Нигде,

а также восточные вилайеты: Эрзерум, Битлис, Карс, несли весьма чувствительные убытки вследствие невозможности при обильных урожаях легко экспортировать излишек своей продукции. Приведенный нами выше пример Сивасского вилайета может быть также применен и к ним. Этим объясняется, отчасти, уменьшение урожаев и в особенности зернопродуктов в этих районах, так как земледельцы обезокуражены трудностями экспорта и потерями. Эти районы дошли до производства лишь необходимого для собственного потребления, так как урожайные годы были для них так же убыточны, как и неурожайные.

§ 3. Сельское хозяйство.

Мировая война в крайней степени ухудшила положение сельского хозяйства Турции, вызвав мобилизацию почти всего взрослого мужского населения Анатолии и необычайное сокращение крестьянского скота. Как указывал еженедельный журнал «Айданлык»,[1] прежде всего самая база национального земледелия подверглась сокращению.

В 1913 году посевная площадь Турции равнялась 38 783 608 дунамов (десять дунамов равняется гектару). В 1923 — 1924 г. она составляла всего 28 852 565 дунамов, в 1925 же году площадь засева достигла 50 000 000 дунамов. Деревенское население уменьшилось на 18%, но общая производительность сельского хозяйства упала на 26,4%. Одной из основных аномалий сельского хозяйства в Турции является крайне неравномерное распределение земли среди населения. Более или менее точные данные статистики по этому вопросу относятся к 1913 году. Согласно им, 28% сельскохозяйственного населения Анатолии владеют участками менее одного гектара, 49% — более одного и менее $4^1/_2$ гектаров и 23% — более $4^1/_2$. Процент безземельных не учтен в этой статистике совсем. Весьма характерна для аграрных отношений в Анатолии значительная концентрация земли. Деребеи,[2] составляющие не более 1% населения, владеют землей в количестве от 100 — 500 дунамов. Со времени войны богатство и влияние этой группы землевладельцев еще более возросли. В системе землепользования преобладает фермерство или испольничество. Большинство земледельцев этой категории («ортокаджи», «марабеаджи») уступают владельцу земли половину или $^3/_4$ сбора, пользуясь его скотом, орудиями или семенами. Нередко они не имеют даже собственных жилищ. Существуют феодалы — деребеи, владеющие сотнями таких поселений. Покойный пантюркист Зия-

[1] «Айданлык» является органом «Рабоче-крестьянской социалистической партии Турции». Упомянутая партия является в сущности небольшой группой константинопольской интеллигенции и пользуется симпатиями известной части рабочих Константинополя. Лидеры этой группы были привлечены в качестве обвиняемых в константинопольском процессе коммунистов (в 1923 г.), при чем редактор «Айданлыка», Шефик-Хусни, был арестован и закован в кандалы. (См. Астахов: «От султаната к демократической Турции». ГИЗ, 1926 г.).

[2] Крупные помещики.

Гек-Альп, бывший идеологом национальной анатолийской буржуазии, предлагал, во что бы то ни стало, искоренить институт деребейлык. Однако, до сего времени деребеи продолжают эксплуатировать безземельных крестьян. По статистике 1909 г., до 28% крестьянских семейств в Анатолии были лишены земли и вынуждены были работать на деребеев. Турецкий журнал «Джумхуриет» называл «деребейлык» язвой, разъедающей Анатолию.

Мировая война крайне ухудшила положение крестьянского населения Турции. Крестьянин поставлял и солдат и провиант. В период борьбы за национальное освобождение деревня попрежнему оставалась казной Турции и одновременно поставщиком пушечного мяса. Первоначально Великое Национальное Собрание Турции, неоднократно подчеркивавшее, что анатолийский крестьянин является «хозяином Турции», тем не менее очень мало делало для облегчения участи этого «хозяина Турции» и ограничивалось изданием мер, значение которых было маловажно. Оно издало декрет о засеве, согласно которому каждый имет право засевать любую свободную землю, при чем все доходы поступают в его пользу без всякой уплаты владельцу земли. Затем была изменена юридическая система владения недвижимостью. Наконец, был издан закон, разрешающий беднякам бесплатно рубить лес для собственной надобности в государственных имениях.

Все эти меры не могли сколько-нибудь улучшить положение турецкого крестьянина. Такая революционная в европейских условиях мера, как разрешение каждому обрабатывать и делаться владельцем любого необрабатываемого куска земли, в условиях турецкого многоземелья оказалась мерой, совершенно неспособной улучшить положение турецких масс. В Турции бесспорно имеется колоссальный фонд необрабатываемой земли. Из общей площади годных для культуры земель Азиатской Турции обрабатывается ныне не более 10%. В виду крайней бедности турецкого крестьянства, отсутствия у него живого и мертвого инвентаря и т. д., право занимать любой необрабатываемый участок земли в данных условиях бесполезно для миллионов тружеников, покидающих деревню и уходящих в города на поиски работы. У крестьянина нет средств выстроить себе жилье, нет средств приобрести инвентарь, удобрение и т. д.

В своем докладе об аграрном вопросе в странах Востока на Съезде Народов Востока в Баку в 1920 г. (см. журнал «Народы Востока», орган совета пропаганды и действий народов Востока, № 1, октябрь 1920 г.), тов. Скачко дал правильное объяснение, почему наличность необработанных и вполне пригодных для культуры земель не могла помешать обнищанию и обезземелению турецкого крестьянства, бегству миллионов турецких земледельцев в чужие края.

«Деспотическое турецкое правительство и его ставленники в течение столетий применяли такую ужасную систему налогов и такую варварскую систему их извлечения при помощи откупов (ильтизама), что совер-

шенно разорили крестьянство и отняли у него всякую возможность вести свое собственное хозяйство. В Турции огромные пространства земель, расположенных в самых плодороднейших вилайетах, лежат необработанными в полном запустении, а крестьяне в поисках куска хлеба уходят в чужие страны. Происходит это потому, что крестьяне не имеют возможности обработать пустующие земли, так как не имеют ни скота, ни денег, ни семьи, ничего необходимого для ведения хозяйства. В южной части Малой Азии, где также лежат необработанными огромные пространства, существует более 100 000 так называемых «мараба», кочующих батраков, которые, не имея ни земли, ни усадеб, ни пристанищ, скитаются толпами по всей стране, ища заработка в помещичьих имениях за самое жалкое вознаграждение. Да даже и те крестьяне, которые еще ведут собственное хозяйство, ведут его не для себя, а для всевозможных ростовщиков, которым они в силу своей задолженности обязаны отдавать $^4/_5$ урожая. До чего доходит эксплуатация и бедственное положение турецких крестьян, показывают статистические цифры. Эти цифры говорят, что турецкому крестьянину всегда, в самые мирные времена, из производимого им хлеба оставалось для собственного пропитания только по 7 пудов в год на душу или по $^3/_4$ фунта в день, следовательно, даже в голодные годы русский пролетариат, разоренный многолетней войной, в наиболее голодающих больших центрах получавший по полфунта хлеба в день, обеспечен был хлебом лучше, нежели был обеспечен в мирное время турецкий крестьянин, живущий в плодороднейшей стране, изобилующей свободными землями. В Турции, как и Персии, положение крестьян является совершенно невыносимым положением полной нищеты, хронического голода, бесконечной задолженности и работы на сборщиков податей, ростовщиков, в отсутствии уверенности в прочности владения землей, при полном отсутствии надежд на улучшение своего бедственного состояния».

Вопрос о положении анатолийского крестьянства в течение последних лет остро привлекал к себе внимание правительства, общественных кругов и турецкой прессы. Этот вопрос был поставлен в порядке дня на экономической конференции в Смирне (февраль 1924 г.),[1] где делегаты от крестьян потребовали в качестве первой меры к улучшению положения крестьянства отмены ашара, десятинного сбора урожая, взыскиваемого через откупщиков. Требование об отмене ашара было поддержано рабочей группой конгресса и в значительной мере буржуазными группами. Ячейка турецкой коммунистической партии в Ангоре в своей декларации к экономическому конгрессу в Смирне в следующих

[1] Об этой конференции, сыгравшей роль первого этапа в борьбе новой Турции за независимое турецкое хозяйство, за национальную турецкую промышленность — см. ст. Мусали в «Н. Востоке», № 3 (1923 г.), ст. Астахова, «Н. Восток», № 5 (1924 г.), см также книгу Астахова: «От султаната к демократической Турции».

*

словах охарактеризовала положение крестьянства (тезис 1-й декларации):

«I. Положение крестьян. Кризис сельского хозяйства в связи с бесконечными войнами, оторвавшими от мирной работы почти все работоспособные элементы сельского хозяйства, уменьшившими количество сельскохозяйственного скота, уничтожившими средства передвижения, приведшими в ветхость безремонтные, столь необходимые для хозяйства, пути, с одной стороны, увеличившими налоги и всякого рода чрезвычайные обложения, с другой — все это сделало для крестьянства, столь важного фактора в национальном движении, совершенно невыносимым дальнейшее продолжение (невозможное и угрожающее будущности) национально-освободительного движения, что в сильной степени должно интересовать съезд.

«Мелкое и среднее крестьянство, обедневшее до бесконечности, завязло в непосильных долгах (Киликия, хлопковое хозяйство); за отсутствием дорог оно не имеет возможности сбывать продукты своего производства и вынуждено их продавать за полцены кулакам-спекулянтам, наживающимся на этом деле. Скопление хлебных злаков, дешевизна продуктов сельского хозяйства в Средней Анатолии и дороговизна их в Константинополе и вообще на берегах Средиземного и Черного морей, ввоз в последние американского хлеба (гораздо худшего по качеству и более дорогого по цене, чем анатолийский хлеб), неурегулированность взимания десятинного продналога (откупная система, на которой наживаются спекулянты-откупщики) и отсутствие порядка внутри страны (разгильдяйство, взяточничество и безнаказанность жандармерии) — все это довело до крайности терпение крестьянства, и оно ожидает ответа на эти вопросы.

«II. Положение рабочих. а) Положение этого класса, наиболее важного в национальном движении, не менее безотрадно, чем положение бедного и среднего крестьянства. Отсутствие рабочего законодательства (откуда берет свое начало бесчеловечная эксплуатация рабочих торговой и возрождающейся промышленной буржуазией) сделает рабочих Анатолии в полном смысле слова рабами века. Рабочий не уверен, получит ли он завтра ту работу, которую он получил сегодня, будет ли он уволен (как увольнялись рабочие после пожара военного завода в октябре 22 года в Ангоре) по воле и желанию секретаря таможенного управления в Мерсине (портовые рабочие в августе 22 года и др.), получит ли он ту заработную плату, которую получал до сих пор и т. д. Отсюда происходит совершенная несвязанность рабочего с его станком, отчего зависит продуктивность и интенсивность труда, которые чрезвычайно важны для восстановления разрушенного хозяйства страны. Ненормальный и неопределен-

ной продолжительности рабочий день, крайняя эксплуатация женщин и детей (в фабрике Киликии и т. д. работают 8 — 10-летние мальчики и девочки и беременные женщины и притом по 12 — 13 часов в сутки), тяжелые промысловые дорожные налоги, отсутствие больничной кассы, страхования, образования и бесплатного лечения рабочих Анатолии и Константинополя — привели в отчаяние рабочих, и интенсивность труда понизилась до минимума и имеет тенденцию к дальнейшему понижению.

б) Запрещение правительством организации профсоюзов, или, вернее, препятствие его к их созданию, сделает рабочий класс (класс производительный) совершенно распыленным, неспособным к интенсивной и продуктивной работе.

«В виду всего изложенного и возможной победной ликвидации войны с напавшими на нас империалистами, — представители рабочих и крестьян решили прочитать настоящую декларацию в виде информации о положении крестьян и рабочих и, обращая внимание съезда на вышеизложенное, предложить съезду следующий минимум требований:

1. Производить коренные реформы во внутренней политике по отношению к крестьянству, которые должны охватывать: а) наделение бедного крестьянства землей; б) помощь бедному крестьянству в восстановлении сельского хозяйства путем раздачи бесплатно (в счет государства) скота и сельскохозяйственных орудий; в) уменьшение до минимума размеров налогов на бедное крестьянство, освободив вовсе беднейших и разложив их долю пропорционально на более имущих; г) урегулировать взимание десятинного продналога; д) установить более устойчивый порядок и спокойствие внутри страны.

2. Закрепить все эти мероприятия законами ВНСТ и обеспечить их проведение в жизнь.

3. По отношению к рабочим создать рабочее законодательство, которое допускало бы: а) свободу рабочих организаций (как-то: професс. союзы, больничная касса, клубы, народные дома и т. д.); б) восьмичасовой рабочий день; в) коллективный контракт рабочих с патронами; г) увеличение заработной платы до максимума и улучшение быта и условий труда рабочих; д) страхование жизни рабочих и бесплатное их лечение за счет патрона; е) выдачу заработной платы не натурой, а деньгами; ж) недопущение детского труда (до 12 лет) и ночного труда для подростков (до 16 лет); з) бесплатное образование детей рабочих; и) пользование рабочих одинаковыми политическими правами перед судом и законом; к) освобождение от работы беременных

женщин на 2 месяца до и после разрешения с сохранением заработной платы; л) официальное признание рабочими праздниками международных пролетарских праздников, как 1-е Мая, 18 марта и 7 ноября.

4. Выборы в ВНСТ должны производить прямым, тайным и всеобщим голосованием на основах профессионального представительства и без имущественных цензов».

Здесь любопытно отметить, что декларация ячейки ТКП не говорит о полной отмене ашара, а лишь об урегулировании взимания десятинного продналога, зато подчеркивает необходимость помощи бедному крестьянству путем бесплатной раздачи скота и сельскохозяйственных орудий. С этим интересно сопоставить тезисы по аграрному вопросу, принятые на съезде народов Востока в Баку, где на ряду с требованием бесплатной раздачи беднейшему крестьянству живого и мертвого инвентаря, уничтожения всех долговых обязательств беднейшего крестьянства, было выставлено и требование полной отмены десятины. [1]

По докладу Скачко об аграрном вопросе на Востоке Съезд Народов Востока в Баку принял следующие, относящиеся к Турции, пункты резолюции:

«а) Взять власть в руки крестьянства путем образования местных и центральных крестьянских советов и создания крестьянских советских республик Востока.

«б) Отказаться от исполнения каких бы то ни было обязанностей по отношению к помещикам. Уничтожить всякую личную и экономическую зависимость от них. Уничтожить крупное частное землевладение, под какими юридическими формами оно ни пряталось бы.

«в) Отменить все сложное и спутанное законодательство стран Востока, прикрывающее частную собственность на землю различными масками. Национализировать все земли, в том числе и вакуфные, и предоставить их в пользование трудящихся. (Общий смысл довольно длинного пункта.)

«г) Отменить все существующие налоги, в том числе и десятину (ушр), и заменить их единым сбором, при чем величина сбора и самый процесс его взимания должны определяться крестьянскими совстами.

«ж) Отменить все крестьянские долги кому бы то ни было и признать недействительными какие бы то ни было крестьянские долговые обязательства».

В эту программу, принятую на съезде народов Востока, автор доклада по аграрному вопросу внес впоследствии, в связи с изменившейся обстановкой в Турции, некоторые тактические поправки (см. Ан. Скачко:

---

[1] См. доклад Скачко по аграрному вопросу.

«Аграрный вопрос в Турции». «Крестьянский Интернационал», № 10 — 12, ноябрь-декабрь, 1924 г.).

«Программа Съезда Народов Востока была рассчитана на быстрое и бурное революционное движение в странах Востока с немедленным захватом власти в руки крестьянских советов.

Современное положение в Турции не дает оснований рассчитывать на быстрый подъем революционной волны. Современное крестьянское движение принуждено будет итти более медленным темпом, ставя ближайшей своей задачей сплочение и организацию крестьянских масс. Поэтому из лозунгов, выдвинутых съездом народов Востока, необходимо выбрать наиболее достижимые, наиболее близкие и понятные турецкому крестьянству, имеющие для него наибольшее практическое значение.

А насущнейшими нуждами турецкого крестьянства являются: освобождение от непосильного налогового бремени и от долгового рабства, иначе говоря, коренное изменение налоговой системы и уничтожение задолженности.

Отмена ушр'а и аннулирование крестьянских долгов частным лицам, а вместе с тем и отмена всех кабальных отношений, связанных с задолженностью, — эти требования могут служить боевыми лозунгами текущего момента для сплочения крестьянской массы».

Мы подчеркнули отношение Съезда Народов Востока к вопросу об ашаре, так как тов. Астахов в своей интересной работе о Турции «От султаната к демократической Турции» отмечает, что так называемая турецкая народнокоммунистическая партия, существовавшая в течение 1921 — 22 г. в виде небольшой группы в Ангоре и некоторых городах Анатолии, вопроса об ашаре совершенно не затрагивала; ни в одном номере издававшегося ею еженедельника «Ени Хейят» не было ни одной статьи, посвященной ашару. Вопрос об ашаре инспирировали константинопольские коммунисты, выпустившие воззвание к 1 Мая (см. Астахов, стр. 138 — 139).

Мы видели, что в декларации, предъявленной от имени ячейки ТКП в Ангоре вопрос об ашаре если не был поставлен в категорической форме, все же данный вопрос был затронут. С другой стороны, уже на Съезде Народов Востока в Баку в 1920 г. резолюция докладчика по аграрному вопросу об отмене десятинного налога была одобрена и принята турецкими коммунистами, присутствовавшими на съезде.

Как бы то ни было, вопрос об отмене ашара явился одним из наболевших и актуальнейших вопросов аграрной программы. Чувствуя необходимость привлечь на свою сторону крестьянство народная партия (кемалисты) решила провести эту реформу.

Ашар (десятина) представлял собой краеугольный камень всей налоговой системы старой Турции. Закон об его упразднении был принят меджилисом в 1925 г. Вместо ашара были введены поземельный налог и налог с урожая. Таким образом, действенным, фактически заменившим ашар явился 8-процентный налог с урожая, который взимался в течение 1925 г. со всех произведений земли, идущих не в личное потребление,

а на рынок. Разница между ашаром и новым 8-процентным налогом с урожая заключалась, во-первых, в том, что 8-процентный налог взимался только с товарного продукта, а во-вторых, в системе взимания налога. От архаичной, деспотической, дававшей место дикому произволу и ставившей под угрозу все сельское хозяйство Турции системы ашара, которую справедливо возненавидела новая Турция, правительство перешло к более рациональному взиманию налога с урожая, при поступлении товарного продукта на ближайший рынок, станцию жел. дороги, пристань, транспортный склад и т. д. Налог должны были взимать правительственные чиновники. С системой откупа, составлявшей характернейшую особенность ашара, было покончено.

Конечно, ликвидация системы ашара принесла некоторое облегчение крестьянину и представляла крупнейший шаг по пути к рационализации турецкого сельского хозяйства. Но годичный опыт доказал, что и налог с урожая является также достаточной препоной для народного хозяйства Турции, ибо он не только давит крестьянина, но и тормозит в сильнейшей степени рыночное циркулирование товаров. В самой системе взимания этого налога была полнейшая путаница, и очень часто с одного и того же товарного продукта налог взимался несколько раз. Если крестьянин привозил на рынок свой товар, то он платил налог и получал от правительственного чиновника свидетельство. Товар в дальнейшем переходил от посредника к посреднику, которые никаких доказательств не могли предъявить к сборщику налогов в том, что налог оплачен. А к посредникам требования об оплате налога нередко предъявлялись тогда, когда товар, предназначенный к экспорту, поступал в таможенные склады. Все это побудило турецкое правительство упразднить также и 8-процентный налог с урожая, который фактически являлся еще наследием ашара. В конце января 1926 г. меджилис принял закон об аннулировании 8-процентного налога с урожая. Оставлен лишь 5-процентный налог с сельскохозяйственных продуктов, экспортируемых за границу.

Нужно признать, что с упразднением налога на урожай турецкое правительство сделало первый шаг по пути облегчения бремени, которое несло до сих пор крестьянство.

Разрушив старую систему обложения населения, в которой главную тяжесть несло крестьянство, правительство, естественно, должно было перейти к обложению городских слоев населения, и вот появляются один за другим законопроекты новых налогов, прямых и косвенных, как-то: подоходный налог (казанч виргеси), личный налог (шахси виргеси), налог с потребления (истиглаг виргеси), налог с наследств, налог на биржевые сделки по покупке скота. Из всех этих законопроектов меджилисом приняты уже законопроект о прогрессивно-подоходном налоге, налоге с потребления, налоге с увеселений и зрелищ.

Из всех этих новых налогов исключительно на крестьянство ложится только налог на скот (агнан виргеси). Нужно сказать, что этот налог существовал и раньше. Сейчас только он видоизменен.

В области сельского хозяйства новая Турция, несомненно, добилась за последние годы некоторых успехов. В 1923 г. Турция имела под хлебными посевами 28 миллионов дунамов, в 1924 г. — 36 миллионов, в 1925 г. — 41 миллион дунамов. Сбор хлебов в 1923 — 24 г. выразился в количестве 3 700 000 тонн, в 1924 — 1925 г. уже в количестве 5 миллионов тонн, т.-е. увеличился по сравнению с предыдущим годом на 30 %.

В числе мероприятий по увеличению посевов хлебов весьма важным является ввоз сельскохозяйственных машин: в 1923 году было ввезено 1323 тонны машин на 529 736 тур. лир, в 1924 г. — 3619 тонн на 1 845 711 тур. лир, т.-е. количество машин увеличилось в три раза. Среди ввезенных машин имеется значительное количество тракторов; машины отпускались крестьянству на льготных условиях при содействии Сельскохозяйственного банка. В 1924 году в Анатолии работало 497 тракторов.

Огромных результатов добилась Турция за это время в области хлопководства. Культура хлопка в Турции существует с древних времен. Особенно благоприятные условия на юго-западе Анатолии, где площадь посевов может (при искусственной ирригации) быть доведена до 1 300 000 гектаров, и урожай хлопка, считая по 1 кипе [1] на 1 гектар, может дать до 15 милл. пудов хлопка, т.-е. почти достигнуть размера египетского урожая.

В 1924 году было занято под хлопком 800 000 дунамов, в 1925 г. — 1 435 000 дунамов. Урожай хлопка равнялся в 1923 г. 60 000 кип, 1924 г. — 120 000 кип и в 1925 г. — 150 000 кип, т.-е. за два года Турция увеличила урожай хлопка в $2^1/_2$ раза. [2] Турецкий хлопок — сорт «ерли», невысокого качества, длина его волокна колеблется от 18 до 24 *мм*. Турецкие хлопководы заняты вопросом об улучшении волокна путем акклиматизации американских семян, путем селекции посевного материала.

Исключительный успех достигнут в области табаководства. В Турции нет вилайета, где бы не разводился табак. Главные табачные центры: Смирна, Трапезунд, Самсун, Бафра, Брусса. До войны Турция собирала до 58 милл. *кг* табаку. В 1921 г. урожай был 15 милл. *кг*, в 1925 г. — 50 милл. *кг*. За последние два года Турция увеличила культуру табаков почти в два раза.

Рост сельского хозяйства и потребность в скоте для сельскохозяйственных работ и перевозок заставляет Турцию импортировать рогатый скот, лошадей, мулов и верблюдов. В 1925 г. по сравнению с 1924 г. все же скотоводство увеличилось на 17%.

---

[1] В кипе хлопка 250 *кг*.

[2] До войны под хлопком было 1 425 700 дунамов. Экспорт в 1913 г. хлопка был 177 000 кип.

§ 4. Капиталистическая буржуазия новейшей формации. Борьба с коммунистическим движением.

Процессу создания национальной промышленности и развитию товарного характера сельского хозяйства в Анатолии, естественно, сопутствовало образование капиталистической буржуазии новейшей формации. Вместе с созданием новых торговых предприятий, банков, сооружением рельсовых и шоссейных путей, фабрик и т. д., происходил процесс хозяйственного обрастания правящих групп, процесс, которому, конечно, очень содействовала политика «этатизма». Подобно тому, как мы это наблюдаем в западно-европейских государствах и в С. Штатах, в Турции точно так же многие депутаты, журналисты тем более министры, нажили крупные богатства на всякого рода промышленных, банковских и торговых делах. Целый ряд банков, импортно-экспортных контор, промышленных предприятий организовано при непосредственном участии бывших и настоящих министров, депутатов Национального Собрания, редакторов влиятельных газет, при чем многие из организаторов крупнейших промышленных предприятий и банков сами личными капиталами не обладали. Вот для примера несколько предприятий, организаторами которых являются видные государственные деятели и депутаты-кемалисты.

Деловой банк (Иш Банкассы) организован группой лиц, пользующихся весьма значительным влиянием в правительственных сферах. К ней относятся: бывший министр по обмену и восстановлению Махмуд-Джедаль-бей, нынешний морской министр и бывший председатель Суда Независимости, Исхан-бей, депутат Риза-Реуф-бей, депутат Серда и редактор газеты «Хакимет и Милие» Махмуд-бей, нынешний министр обороны Реджеб-бей и член Суда Независимости и депутат Народного Собрания Кылыдж-Али.

Основной капитал банка составляет 1 000 000 бумажных лир, разделенный и 100 000 акций. Банк производит все операции, принимает участие в организации концессий, промышленных, сельскохозяйственных, рудных предприятий. Банк открыл свои отделения в Кон-поле, Адане, Смирне и Самсуне. Наиболее активными представителями нового банка являются двое его учредителей, именно Махмуд-Джелаль-бей и Кылыдж-Али.

В первом меджилисе Махмуд-Джелаль-бей был депутатом от Сарухана и занимал крайнюю левую позицию. В своих беседах и выступлениях Махмуд-Джелаль любил подчеркивать свой «марксизм». Вместе с комиссаром финансов Хакки-Бехидж-беем он был членом зеленой армии и ЦК турецкой компартии, организованной по указаниях Мустафа-Кемаль-паши.

Учрежденный в начале октября 1924 г., турецкий Промышленный банк (Сакан Банкассы), согласно своему уставу, должен производить все виды банковских операций. Основной капитал его — 1 миллион тур.

лир — разделен на 50 000 акций, по 20 лир каждая. Все эти 50 000 акций должны быть покрыты бывшим египетским хедивом Аббас-Хильми. Совет банка состоит из 8 членов. Среди них — сам Аббас-Хильми как председатель, два директора-распорядителя — француз Косс, главноуправляющий делами хедива, и Нури-Ази; члены — тесть Мустафа-Кемаль-паши, Ушаки-Задэ-Муаммер-бей, депутат и редактор «Джумхуриет» Юнус-Нади-бей, председатель Турецкой Торговой Палаты в Константинополе Хуссейн-Хюсни-бей, богатый анатолийский непогиант Аундук-Задэ-Ремзи-бей. Главным бухгалтером банка приглашен Тахсим-бей, бывший бухгалтер Оттоманского банка.

На ряду с Ушаки-Задэ-Маумер-беем, который является главным советчиком президента во всяких финансовых делах, наибольшего внимания среди учредителей Банка заслуживает его директор, Нури-Азиз.

Нури-Азиз является уроженцем Смирны. В свое время он был учредителем общества под фирмой «Нури-Азиз, Кязим-Нури и К°», задачей которого было организовать ввоз и продажу с.-х. машин и орудий для нужд правительства и населения (1916 год). Общество это, имевшее отделения в Берлине, Вене, Триесте, Айдине, Адалии, Кон-поле, делало весьма хорошие дела с немцами. Особенно значительны были обороты его в Смирне. После ликвидации этого общества, уже при ангорском правительстве, Нури-Азиз организовал общество «Сакария», пользующееся исключительным правом снабжения населения Анатолии с.-х. орудиями чрез посредство Земледельческого банка. Предполагается, что это общество должно слиться с новым банком, который намечает широкий план скупки акций хлопковых предприятий в Адане, плантаций валонеи, завода Валекс, производящего дубильные вещества, марганцевых и других рудников и земель.

Достаточно колоритной, в смысле характеристики новой анатолийской буржуазии, представляется фигура члена правления «Санаи Банкассы», упомянутого выше, Аундук-Задэ-Ремзи-бея. Этот уроженец Конии, вместе с пятью сыновьями, владеет огромным торговым делом, отделения которого имеются в Смирне, Сивасе, Ангоре и Конии. Фирма Аундук-Задэ ведет торговлю мануфактурой и обогатилась, главным образом, в пору национальной войны. Главным конкурентом ее была первоначально армянская фирма Сиранян (впоследствии, после принятия ее владельцами мусульманства, Ахмед-Сириэ-Эффенди): она имела 36 магазинов и 83 склада и вела значительную торговлю в Анатолии при поддержке некоторых заграничных западно-европейских фирм. Года четыре тому назад правительство ликвидировало это дело, и на место негоциантов-армян стали члены дома Аундук-Задэ. В настоящий момент, работая с английскими фабриками, снабжающими эту анатолийскую фирму товарами, Аундук-Задэ торгует мануфактурой в рассрочку, главным образом, среди крестьян. По сведениям кон-польских деловых кругов, на этой торговле фирма наживает свыше 100% прибыли.

Анонимное общество Национального Импорта и Экспорта, по имеющимся сведениям, возникло по инициативе бывшего директора департа-

мента промышленности в министерстве Национальной Экономии (в бытность министром Махнуд-Эссад-бея) — Низамеддин-бея. Другим инициатором общества явился Мухамед-Вехби, бывший директор департамента торговли в том же министерстве. Оба упомянутые лица получили свое образование в Германии, где работали будто бы среди кружков, близких к Карлу Либкнехту и Розе Люксембург. Некоторые называют их даже спартаковцами. Во время перемирия они издавали в Кон-поле социалистический орган «Освобождение». После оставления службы в Министерстве Национальной Экономии они заняли кафедры профессоров в Кон-польском университете по факультету торговли. Мухамед-Вехби читает политическую экономию, а Низамеддин — историю. Оба работают в кон-польской Торговой Палате. Помимо того, Низамеддин состоит директором недавно открывшейся хлебной биржи, работающей под руководством Иш Банкассы.

В правление Общества Национального Импорта и Экспорта входят: депутат Бардура, бывший министр земледелия в правительстве унионистов; Мустафа-Эшреф — председатель; бывш. депутат Кутахин, Найлибей — вице-председатель; депутат Ангеры — Хильми-бей, депутат Эрзерума — Нафиз-бей, депутат Диарбекира — Зюльфи-бей, депутат Трапезунда — Шевфик-бей, Ахмед--бей, Хуссейн-Хюсни-бей — члены правления.

Во время мировой войны Мустафа-Этреф-бей был инициатором и организатором хлебной монополии. Зюльфи-бей, видный оратор иттихадистов, — во время войны, вместе с Шукут-беем, тогдашним министром просвещения, а нынешним депутатом из Измида и членом партии прогрессистов-республиканцев, организовал сахарную и молочную монополию.

Весь капитал общества Национального Импорта и Экспорта составляет около миллиона турецких лир. Общество имеет два центра — в Ангоре и в Кон-поле. Отделения его имеются в Адане, Смирне, Эски-Шехире, Зунгулдаке. Ввозит оно товары европейского и американского происхождения.

Среди участников Общества Национального Импорта и Экспорта мы видим на ряду с ярыми кемалистами, сторонниками республики, и противников последней в лице иттихадистов. В самом деле, какой бы острый характер ни приняла борьба между буржуазными сторонниками республики, врагами султаната, халифата и других зол старой Турции, с одной стороны, ярыми реакционерами — с другой, в конце концов, на «деловой» платформе, эти элементы сблизятся между собой, и как мы это наблюдаем во всех капиталистических странах, не один раз будут действовать единым фронтом против общих врагов.

Трогательное единение кемалистов и их противников, сторонников султаната, халифата и т. д. прежде всего проявилось, конечно, в их отношении к молодому рабочему движению в Турции и в особенности к коммунистам.

Националисты сначала определенно заигрывали с турецкими коммунистами. Так, Мустафа-Кемаль обратился к лидеру последних М. Субхи с письмом, в котором он заявлял, что «во имя спасения нужно предупреждать преждевременные и лишние выступления, могущие разбить единство и сопротивление нации. Исходя из этого, В. Н. С. Т. осуществляет социальную революцию осторожно и медленно». Несмотря на это «различие» тактики, Мустафа-Кемаль предлагал ТКП послать делегацию в президиум В. Н. С. Т. и поддерживать постоянную связь «для получения реальной и материальной помощи» от ТКП, «всецело солидарной с нами как принципиально, так во взглядах». [1]

Затем, как мы показали выше, кемалисты создали в Ангоре чисто административным путем правительственную коммунистическую партию, некоторые представители которой одно время появились в Москве и пытались проникнуть в Коминтерн, но разоблаченные вынуждены были удалиться во-свояси.

Заметим, что создавая чисто административным путем «коммунистическую партию», кемалисты не обнаружили никакой оригинальности и шли по пути иттихадистов (младотурок), которые в свое время пытались создать в Турции правительственных социалистов. В 1917 г. турецкое правительство пожелало участвовать на Стокгольмском Международном Социалистическом Конгрессе от имени турецкой социалистической партии. По приказу Талаат-паши, турецкое полицейское управление сделало печать для социалистической партии. С приложением этой печати послало своих делегатов, снабдив соответствующими подложными документами на Стокгольмский Международный Социалистический Конгресс. Были посланы следующие лица: проф. медицинского факультета Константинопольского университета Хусаин-Заде-Алий, проф. юридического факультета Насим Мазалиях и от «Немецкой экономической школы имени Фридриха Листа» — немецкий ученый экономист. В это время турецкая печать писала о социалистическом конгрессе. Но как только «социалисты» из «Единения и прогресса» были изгнаны из Социалистического Конгресса, турецкие газеты прекратили писать о социализме. Кроме ругательств профессора социологии, сторонника «Единения и прогресса», Зия-Кук-Али-бей по адресу воспитанника Константинопольского университета и всей молодежи, а в особенности татарской, «развращенной со стороны русских социалистов», примыкавших к социализму, в турецкой печати за время войны, более ничего не было по вопросу о социалистическом движении.

Мы читали выше, как зверски расправилась турецкая буржуазия с Субхи и 15 товарищами последнего в январе 1921 г. С той поры прошло около шести лет, и наемные палачи, подкупленные трапезундской

---

[1] См. В. А. Гурко-Кряжин: «Ближний Восток и державы». Стр. 104 Изд. Н. Асс. Востоков. Москва, 1925.

буржуазией и убившие турецких коммунистов, остались до сих пор безнаказанными. После зверской расправы с Субхи и его спутниками по всей Анатолии были произведены аресты коммунистов.

В октябре 1922 г. произошел 2-й разгром турккомпартии, при чем в различных городах Анатолии было арестовано около 200 человек, принадлежащих к ТКП или лишь заподозренных в принадлежности к последней. Всем арестованным было предъявлено обвинение в государственной измене и шпионаже. В этом деле провокация играла столь очевидную роль и была так ясно выявлена, что суд, состоявшийся в начале 1923 г., оправдал всех обвиняемых.

Первое мая 1923 г. снова было использовано правительством для удара по турецкому коммунистическому движению. На этот раз точкой приложения сил был избран Константинополь. Руководители «Айдынлик» с тов. Шефкит-Хусни были арестованы, закованы в кандалы и брошены в тюрьму по обвинению в коммунизме. Этим актом ангорское правительство сделало попытку привлечь к себе симпатии реакционнейшей турецкой буржуазии Стамбула. Вместе с тем, правительство Кемаля рассчитывало терроризовать коммунистов и убить движение в корне. Но эти надежды не оправдались. Стал чаще выходить теоретический журнал «Айдынлик», появилась газета «Серп и Молот» («Орак Чекчи»), в которой приняли участие несколько десятков рабкоров из Фракии и Анатолии. Было выпущено около 15 брошюр по вопросу ленинизма, марксизма. рабочего движения и т. д. Правительство арестовало 17 ответственных работников, которые были переведены в Ангору в распоряжение «Суда Независимости». В августе 1925 г. трибунал независимости в Ангоре присудил к тюремному заключению 16 человек турецких коммунистов на срок 7, 10 и 15 лет. В числе осужденных товарищей — недавно лишенный правительством права на государственную службу лектор Константинопольского университета Садреддин-Джеляль, рабочий Нури, ректор газеты «Елдаш» Салих, лейтенант Мумбаз, студенты медицинской академии Хикмет, Сулейман-Решид, Хассан, Али, секретарь рабочей ассоциации Абди-Реджеб, доктор Шефик, известный пролетарский поэт Назим Хикмет и педагог Шефкет.

Осужденные обвинялись в коммунистической пропаганде, главным образом в выпуске и распространении брошюры «1-е Мая» и в участии коммунистов в комиссии по разработке закона о труде при рабочей ассоциации.

Эти репрессии — не единственный способ борьбы с рабочим движением. Правительственная «народная партия», в лице своих представителей силится подчинить своему влиянию рабочие организации. В рабочей ассоциации, с момента ее возникновения, руководящую работу ведет председатель константинопольской организации народной партии Рефик-Измаил-бей. Он же имеет тесную связь с полицейским управлением, выполняет историческую роль русского Зубатова. И в деле последних

арестов среди коммунистов в Константинополе он выявился инициатором, предварительно организовав полицейскую слежку за коммунистами. [1]

Как правильно отметил тов. Нурие в заметке, напечатанной в «Известиях» от 25 августа 1925 г., обвинения, предъявленные турецким коммунистам, не выдерживали никакой критики даже с точки зрения буржуазной законности. Налицо не было ни широко организованного рабочего движения, ни грандиозных демонстраций, ни тем паче вооруженных выступлений и террористических актов.

Закрытые правительством коммунистические газеты «Елдаш», «Орак-Чекич» и журнал «Айдынлык» никогда не печатали на своих страницах статей, подстрекающих к свержению существующего правительства. В этих газетах и журнале помещались исключительно письма рабочих, статьи теоретического характера по рабочему и крестьянскому вопросам, а также статьи, поддерживающие правительство в его борьбе с феодальными и клерикальными контр-революционными силами.

И на эту элементарную рабочую общественность буржуазия поспешила наложить свою руку.

На почве тяжелого экономического положения турецких рабочих в конце 1924 года выросла волна стачек, прокатившаяся по Турции. Эта волна прошла, но буржуазия предчувствовала, что забастовочное движение может в скором времени повториться. Вот почему правительство Кемаля поспешило заблаговременно посадить в тюрьму наилучших борцов турецкого пролетариата.

Здесь мы должны заметить что тов. Астахов в своей книге в розовом свете изображает отношение кемалистского правительства к рабочему движению. По словам Астахова: 1) «Фактически правительство признало право рабочих на забастовки. Правда, рабочие предварительно должны испрашивать разрешения властей, но как показал опыт последних месяцев, в большинстве случаев власти вынуждены давать это разрешение. 2) Рабочим удалось добиться регулирования рабочего дня вплоть до реализации лозунга о 8-часовом рабочем дне. Таковой был введен на военных фабриках Анатолии и в ряде иностранных предприятий» (см. Астахов, стр. 147 — 148).

По пункту первому следует указать, что кемалистское правительство в своем отношении к стачкам идет по пути младотурок. Последние, в эпоху своего господства, издали закон, согласно которому рабочие имеют право объявить забастовку лишь после того, как правительственный комиссар найдет требования рабочих заслуживающими уважения и лишь

---

[1] О провокационной работе кемалистских агентов в профессиональных организациях и среди коммунистов в Турции см., между прочим, интересную статью Китайгородского «Рабочее движение в Турции» — «Коммунистический Интернационал», ноябрь, 1925 г. Вообще о рабочем движении в Турции — см. Гурко-Кряжин: «Рабочее и социалистическое движение в Турции» в сборнике «Турция в борьбе за независимость», изд. Н. Асс. Вост., Москва, 1925 г. Д. Козьмин: «Рабочее движение в Турции». «Нов. Восток», № 2. Навширванов: «Социалистическое движение в Турции». «Нов. Восток», № 2.

при том условии, если ему, правительственному чиновнику, не удастся примирить обе стороны. Лишь месяца два спустя после разбора конфликта рабочие в праве объявить забастовку. Этот каторжный закон фактически запрещал забастовки. Этот закон до сих пор не отменен. Если кемалистское правительство и не объявило пока стачки вовсе запрещенными в Турции, хотя часть кемалистской прессы и стоит за издание такого закона, на деле власти вмешиваются в забастовки, арестовывают наиболее активных рабочих забастовщиков и всячески поддерживают предпринимателей, особенно в тех случаях, когда предприятие находится в турецких руках. Но нередки случаи, когда при забастовках кемалистские власти рьяно защищают интересы иностранных предпринимателей против турецких рабочих. По второму пункту мы отсылаем читателя к цитированной выше декларации ТКП на смирнском экономическом конгрессе. Невероятно тяжелое положение рабочего класса в Турции, ярко обрисованное в этой декларации, мало изменилось к лучшему с той поры, как была зачитана эта декларация. Рабочий класс Турции не имеет права коалиции, права заключения коллективных договоров. В большинстве предприятий рабочий день равняется 14 — 15 часам, в целом ряде предприятий даже дети, подростки и беременные женщины работают по 12 — 13 часов. Таким образом, тов. Астахов в совершенно неправильном свете представляет нам положение рабочих в Турции и отношение кемалистского правительства к таким вопросам, как право стачек, 8-часовой рабочий день и т. д. Далее, подчеркивая такие факты, как то, что в Ангоре комиссар экономии Махмуд-Эссад сам провел рабочее собрание в день 1-го Мая, тов. Астахов забывает упомянуть о таких фактах, как арест и затем суровые приговоры по одному обвинению в выпуске и распространении брошюры «1-е Мая».

Вполне естественно, что турецкие рабочие, не исключая коммунистов, все же поддерживают правительство Кемаля в борьбе последнего против иностранного капитала, стремящегося удержать Турцию на положении колонии, против явных и тайных сторонников султаната, халифата, женского неравноправия и проч., и проч. Все будущее рабочего класса Турции зависит от успехов кемалистской политики в деле превращения Турции в индустриальную страну. По данным, приведенным в статье Китайгородского, данным, основанным отчасти на материалах Коминтерна, в Турции в 1925 г. числилось, приблизительно, 200 000 городских рабочих (по другим данным 250 000): железнодорожников, горнорабочих, заводских, строительных рабочих, трамвайных, моряков, портовых и пароходных грузчиков, печатников, табачников, шоферов извозчиков и сезонных рабочих. [1] Из этого числа организованных преимущественно в средневековые цеховые корпорации немногим более 50 000. Остальные 150 000 (или 200 000) рабочих вовсе не организованы. Эти

---

[1] В Турции имеется всего около 650 — 700 тысяч наемных рабочих, в том числе промышленных рабочих, как мы указывали, 200 — 250 тысяч.

цифры говорят о численной слабости и неорганизованности рабочего класса Турции, наследиях старого турецкого режима.

Правительство Кемаля, содействуя индустриализации Анатолии, развитию отечественной промышленности, создает фундамент, на котором вырастет многочисленный и организованный турецкий пролетариат, могильщик как старой, так и кемалистской Турции.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ПЕРСПЕКТИВЫ ТУРЕЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

§ 1. Революционный характер анатолийского национального движения.

Анатолийское национально-освободительное движение, направленное против Антанты, прежде всего против Англии, главного врага всего Востока, не могло не приобрести сразу значения крупнейшего революционного фактора в борьбе угнетенных народов Востока против мирового империализма. И то обстоятельство, что в этой борьбе турецкая крупная торговая буржуазия, выросшая и окрепшая еще до мировой войны в Константинополе и средиземноморских портах Анатолии, стала на сторону Антанты и в своем пресмыкательстве перед хищническим европейским капиталом доходила, как мы подчеркивали выше, до того, что поддерживала Севрский договор и вообще все требования Антанты, в то время как мелкая и средняя буржуазия Турции стала во главе крестьянского населения Анатолии в борьбе последней против Севрского договора, не могло не придать глубоко-прогрессивного, революционного характера турецкому национально-освободительному движению. Поскольку крупная турецкая торговая буржуазия, группировавшаяся, главным образом, в Константинополе и приморских городах и являвшаяся агентом европейских банков и трестов, была одновременно ярой сторонницей султаната, халифата и всех специфических язв старого турецкого режима, постольку мелкая и средняя буржуазия Анатолии в своей борьбе против мирового империализма не могла не вступить в острый конфликт с крупной буржуазией и всеми элементами реакции, поддерживавшими султанат, халифат, женское неравноправие и прочие темные стороны Оттоманской Турции. Революционный характер турецкого национального движения не был первоначально понят некоторыми товарищами, интересовавшимися национальным движением в странах Востока. В этом отношении особенно характерна рецензия тов. Бутаева на нашу книгу: «Революционная Турция», вышедшую в 1921 г. в издании Коминтерна. Тов. Бутаев критиковал даже самый титул нашей книги в следующих словах:

«Тов. Павлович самым заглавием книги в ее предисловии сразу вносит путаницу в представление читателя. Неизбежной и коренной необходимостью нужно было бы считать, чтобы автор книги, озаглавливая ее названием «Революционная Турция», указал, насколько название соответствует содержанию, насколько национальное движение, происходящее в Турции, обладает чертами революции и в чем они сказываются. Ведь в укладе турецких трудящихся масс

в сравнении с временами султанского правления не изменилось ровно ничего. Ведь султан в Турции не сборшен, а, наоборот, от революционного анатолийского правительства получает на содержание свое и даже своего гарема. Годовой размер отчисленных султану сумм составляет одну треть годового бюджета на народное образование страны. Население Турции переживает острое разорение, гнет и бесправие, а лозунг: «сперва победа — потом реформы» пока является единственным утешением изверившихся турецких крестьянских масс. Во внутренней жизни страны сохранились институты султанской Турции: жандармерия, бюрократия, военная каста и пр.

«Следовательно, едва ли имеет какое-нибудь оправдание формула «Революционная Турция».

«Если борьба Турции с Антантой прекратилась, то в кавычки «Революционная Турция» может вползти опять султанская Турция с формальной ли печатью Большого Национального Собрания Турции или личной Мустафа-Кемаль-паши — все равно. Следовательно, произвольность формулы «Революционная Турция» может очень серьезно вредить правильному представлению о том движении, которое совершается в Анатолии».

В нашем ответе тов. Бутаеву, напечатанном в № 5 «Жизнь Национальностей» (1 апр. 1922 г.), мы писали следующее:

«Тов. Бутаев в своей статье по поводу моей книги «Революционная Турция» выражает изумление по поводу того, что современную Турцию я называю революционной. Тов. Бутаев сообщает нам, что в Турции мало изменилось по сравнению с прошлым, и потому он находит формулу «Революционная Турция» неправильной.

«Тов. Бутаев никому не открывает Америки, сообщая о темных сторонах в жизни современной Турции, о сохранении в ней старых институтов: жандармерии, бюрократии, военной касты и т. п. Более того: в нашей книге мы указываем (стр. 80), что в области внутренних реформ в Турции сделано очень мало, в области аграрных реформ ровно ничего не сделано пока, что современные правители Турции проникнуты узким национализмом, проявляющимся хотя бы в армянском вопросе, что они зверски преследуют коммунистов и т. п. Далее, в статье «Уроки турецких поражений» мы указываем, что Турция не справится даже с жалкой Грецией, пока не откажется от своей реакционной политики в аграрном и национальном вопросах («Жизнь Национальностей», 16 сент. 1921 г.). И тем не менее мы называем современную Турцию «революционной», как называем «революционным» современный Египет, Ирландию, Корею, Китай, Индию и т. д.

Эта точка зрения на национальные движения в отсталых странах была впервые с особой силой формулирована никем иным, как тов. Лениным. В ряде статей, опубликованных в «Правде» еще в 1913 г., тов. Ленин подчеркивал громадное революционное значение событий, происходящих во всем азиатском мире:

«Вслед за русским движением 1905 года демократическая революция охватила всю Азию: Турцию, Персию, Китай... Интересно, что революционно-демократическое движение охватило теперь и голландскую Индию, остров Яву и другие колонии Голландии». (См. Собр. сочин. Ленина, т. XIX, стр. 25.)

«Революция охватила Турцию», значит, по Ленину, можно сказать «Революционная Турция», «Революционная Персия», «Революционный Китай».

«Революционная» — не значит «коммунистическая». Франция 1789 года и последующих годов была Францией Великой Революции, хотя движение не было коммунистическим, и хотя это великое движение не было направлено ни против жандармерии, ни против бюрократии.

«Правда, что в современном турецком национально-освободительном движении, направленном против иностранного засилия, много темных сторон, тем не менее, это движение в общем глубоко прогрессивное и революционное.

Тов. Бутаев своей критикой нашей формулы «Революционная Турция» напоминает нам тех осмеянных тов. Лениным педантов и оппортунистов, которые не желали признать революционного характера ирландского движения на том основании, что это движение мелкобуржуазное, проникнутое насквозь националистической стихией и т. п., и т. п.

«Тов. Ленин называл злейшими реакционерами либо доктринерами, безнадежно неспособными представить себе социальную революцию как живое явление тех, кто не понимал революционного характера ирландского движения.

«Думать, что мыслима социальная революция без восстаний мелких наций в колониях и в Европе, без революционных частей мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, — пишет тов. Ленин, — без движений несознательных, пролетарских и полупролетарских масс против церковно-монархического, национального и т. п. гнета, — думать так, значит отрекаться от социальной революции. Должно быть, выстроится в одном месте войско и скажет: «Мы за социализм», а в другом — другое и скажет: «Мы за империализм», и это будет социальная революция. Только с подобной педантско-смешной точки зрения мыслимо будет обругать ирландское восстание «путчем».

«Кто ждет «чистой» социальной революции, тот никогда ее не дождется. Тот — революционер на словах, не понимающий действительной революции». (Ленин, Собрание сочинений, т. XIX, стр. 212. ГИЗ. 1921.)

«С бутаевской оценкой современного движения в Турции мы, стоя на точке зрения III Коминтерна и взглядов, которые тов. Ленин формулировал в ряде статей, начиная с 1913 года, никогда не согласимся.

«Не согласимся даже в том случае, если оправдаются предвещания, которыми пугает нас тов. Бутаев, и на место нынешней Турции мы увидим более реакционную Турцию, как мы не отказываемся характеризовать Францию 1789 года «Революционной Францией», хотя затем мы знали Францию Наполеона I, Бурбонов, Наполеона III, Тьера, Мак-Магона и знаем современную Францию, оплот мировой контр-революции».

В этом ответе тов. Бутаеву мы ссылались на мысли тов. Ленина, формулированные последним в 1913 г. и затем в 1916 г. Позже в одной из своих предсмертных статей «Лучше меньше, да лучше», напечатанной первоначально в «Правде» № 16 от 25 января 1920 г., тов. Ленин еще с большей силой и отчетливостью подчеркивал громадное революционное значение национального движения на Востоке. Тов. Ленин предсказывал неизбежность «военного столкновения между контр-революционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком» и так формулировал свой взгляд на сущность движения, происходящего на Востоке:

«Восток пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения».

Нужно быть слепым, чтобы не видеть, что это «следующее военное столкновение между контр-революционным империалистическим Западом и революционным националистическим Востоком» фактически уже началось с того момента, как войска кантонского правительства перешли в 1926 г. в победоносное наступление против армий У-Пей-Фу и Чжан-Чжо-Лина, за спиной которых стоит весь капиталистический Запад и Япония. Однако, не следует забывать, что первой из стран

*

Востока, начавшей организованную войну против контр-революционного и империалистического Запада, была Турция Кемаля. Здесь, на полях Анатолии, начались после мировой войны первые бои между угнетенным Востоком и хищническим Западом, здесь разыгрались первые эпизоды начавшегося после Версальского мира и только еще развертывающегося «военного столкновения... между цивилизованнейшими государствами мира и государствами по-восточному отсталыми».

В истории борьбы Советского Союза с мировым империализмом восстание Анатолии против контр-революционного империалистического Запада сыграло немалую роль. Каково было положение на наших восточных фронтах, какой характер носили русско-турецкие отношения в тот момент, когда в Анатолийской Турции борьба против Англии и ее сторожевого пса в Малой Азии, Греции, только-что начинала развертываться под руководством Кемаля в более или менее широком масштабе? Это был тяжелый для обоих государств период, когда, с одной стороны, наш Крым находился в руках Врангеля, когда в Закавказье меньшевистская Грузия и дашнакская Армения представляли собой железный замок, тяжелый запор на захлопнутых Антантой воротах, ведущих из Всероссийской Федерации на Восток; когда, с другой стороны, Англия военной силой занимала Константинополь, а Греция, оккупировавшая Фракию, Адрианополь, Смирну, готовилась с помощью своей армии, вооруженной и обмундированной с ног до головы на английские средства, окончательно раздавить анатолийское национальное движение, чтобы превратить всю Малую Азию в военный плацдарм для действий Англии против Советской республики.

В статье, опубликованной нами в бакинском «Коммунисте» и воспроизведенной в виде отдельной главы в нашей брошюре «Вопросы колониальной и национальной политики и III Интернационал», вышедшей в 1920 г. в Москве в издании Коминтерна, мы так характеризовали положение в этот момент на наших восточных фронтах:

> «Не удовлетворяясь созданием против нас барьера из христианских государств — Греции, Армении, Грузии, врангелевского Крыма, Англия пытается вовлечь в борьбу против нас и мусульманские массы. При нашем наступлении на Бухару, нашим войскам приходилось сражаться с войсками, недавно союзного с нами, Афганистана, правитель которого перешел теперь на сторону Англии, сумевшей объединить против нас правящие классы и Бухары и Афганистана. Теперь отступающие бухарские части сражаются против нас рука об руку с афганцами. Опираясь на поддержку имущих классов, помещиков, крупных торговцев и спекулянтов и высшего духовенства в Бухаре, Афганистане, Персии, отчасти в Оттоманской империи, Англия готовит против нас фронт от Малой Азии через северо-восточную Персию (Хоросан), Афганистан, Горную Бухару, куда укрылся эмир бухар-

Командир добровольного курдского отряда Фатьма Сехер-Ханум с сыном.

ский, и русские Памиры к бесмаческой мятежной Фергане. Осуществлением этого плана Англия заканчивает стратегическое окружение Советской России, изолирует от ее влияния покорные Англии страны и получает возможность беспощадно подавить революционное движение в Индии и Турции.

Чтобы окончательно сокрушить кемалистов и помешать укреплению дружеских отношений между Советской Россией и Турцией, Англия пытается превратить султана в свое орудие, обещая султану поддержку в борьбе с кемалистами и раздувая панисламизм. Английские газеты развивают в Малой Азии широкую пропаганду, пользуясь именем султана и не скупясь на золото. Агенты Англии подымают восстание против Кемаля и его союзников-большевиков, которых они изображают как безбожников и врагов мусульманской веры, врывающихся-де в мечети, будто бы срывающих чадру с мусульманских женщин, оскорбляющих своим образом действий в Азербайджане, Бухаре, Туркестане, Сев. Персии мусульманские чувства и верования. Вся эта кампания лжи и клеветы приносит свои плоды, и Кемалю приходится с крайней суровостью подавлять контр-революционные восстания, провоцируемые английскими агентами, действующими от имени султана. Агенты Антанты распространяют слух, что скоро сам султан приедет в Малую Азию, развернет священное зеленое знамя пророка и пойдет войной против большевиков. В самой Турции имущие классы, крупные торговцы, спекулянты и т. д., относятся с большим недоверием к Кемалю и тяготеют к Антанте. Представитель этой социальной категории, Ферид-паша, и его сотрудники готовы всеми силами поддержать Англию в борьбе с Кемалем и обещают, в случае завоевания Анатолии союзными войсками и предоставления этой провинции султану, мобилизовать и отдать в распоряжение союзников двести тысяч солдат для борьбы с большевиками. Эту армию Ферид-паша берется набрать в Анатолии после разгрома Кемаля и перехода власти в руки султана. Официальная турецкая газета заявляет, что существование сильной Турции необходимо для защиты Болгарии, Сербии и Македонии, а также французских, английских и итальянских колоний против нападения с севера. Турецкие реакционеры пытаются уверить Европу, что, так как Греция не в силах взять на себя роль крепкого барьера против большевистской опасности, и таким барьером может служить лишь сильная, возрожденная Турция, объединенная вокруг султана. Английские агенты под-

держивают эти проекты, не веря, конечно, в возможность мобилизовать многочисленную турецкую армию против Советской России. С другой стороны, английские государственные деятели не могут не понимать, что такая армия легко могла бы повернуться против своих союзников и прежде всего против греков. Во всяком случае, чтобы дать Турции какие-нибудь, хотя бы бумажные компенсации за Смирнский вилайет, который останется в руках греков, за Сирию, которая превращается во французскую колонию, за Мессопотамию, на которую они сами предъявляют свои права, англичане указывают туркам на их исторические права на Азербайджан, Кавказ, Туркестан, населенные тюркскими племенами. В ответ на наши стремления объединить вокруг Советской России трудовые массы Востока Англия начинает заигрывать с панисламистским движением и пытается направить против нас весь мусульманский мир, повернув панисламистский поток с запада на восток. Англия подготовляет священную войну мусульман против Советской России, ведет интриги на Кавказе и Туркестане, в Фергане, поддерживает разрушительные действия басмаков (ферганских разбойников), которые уже сожгли несколько десятков хлопкоочистительных фабрик в Фергане и таким образом пытаются ухудшить наше и без того тяжелое экономическое положение и отрезать нас от источников нефти и хлопка.

Таким образом, Англия, с одной стороны, пытается окружить нас железным кольцом враждебных нам государств, которые должны играть роль буфера между Советской Россией и английскими владениями и колониями на Востоке, с другой — провоцирует против нас мусульманский мир, толкая последний к священной войне против Советской России. Осуществляя этот план, Англия преследует не только оборонительные цели, защиту подступов к Индии, Персидскому заливу и Босфору, но и цели наступательные.

Английский план уничтожить Турцию Кемаля и превратить Малую Азию в новый плацдарм для действия против Советской Федерации потерпел полное крушение, благодаря геройской обороне Анатолии, которой в этой борьбе оказала посильную помощь Советская Федерация. 15 мая 1919 г. греческая армия под охраной английских броненосцев высадилась в Смирне и, двинувшись вперед, заняла скоро территорию, которая простиралась до линии Брусса-Алашер. Греческая армия продержалась на этих позициях до ноября 1920 г. В январе 1921 г. греки перешли в дальнейшее наступление, но в битве под Эскишеиром были разбиты войсками Кемаля (11 января 1921 г.) и, вынужденные отступить, очистили к северу Исмид и Бруссу. Между тем, в феврале 1921 г. в Москве открывается конференция для заключения договора между Россией и Турцией и в марте 1921 г. подписывается договор о дружбе и братстве между Россией и Турцией. При данных исторических обстоятельствах договор этот приобретает значение круп-

нейшего факта и оказывает немалое влияние как на укрепление позиции правительства Кемаля в самой Анатолии, так и на подъем настроения армий Кемаля в борьбе против Греции и стоящей за спиной последней Англии.

Греческое правительство мобилизует призывы 1913, 1914 и 1915 гг. и, получив финансовую поддержку и новые боевые припасы и снаряжение от Англии, бросает новые силы против Кемаля. Разбитые снова при Афиун-Карагисаре и Ушаке, греческие войска отступают. Войска Кемаля недостаточно вооруженные, недостаточно подготовленные не в состоянии преследовать греческую армию и уничтожить последнюю.

Однако, Англия не отказывается от своих планов. После периода затишья греческое правительство объявляет всеобщую мобилизацию. Все силы, которыми только располагает Греция, мобилизуются и сосредоточиваются в Малой Азии. 5 августа 1922 г. многочисленная греческая армия, вооруженная до последней пуговицы, переходит в победоносное наступление и с молниеносной быстротой достигает правого берега Саккарии в 100 километрах от Ангоры. Вся греческая пресса торжествует. «Падение Ангоры дело нескольких дней». В таком же тоне пишут штатские и военные специалисты в английских газетах.

На правом и левом берегах реки Саккарии разыгрывается греко-турецкая б и т в а н а М а р н е. После 21-дневного сражения греческая армия у берегов Саккарии терпит полное поражение и отступает на линию Эскишеир — Алашер, где и укрепляется на «заранее подготовленных позициях». Однако, грекам не удалось удержаться в течение нескольких лет на этих позициях подобно немцам на Эне после поражения на Марне. 27 августа 1922 г. турецкая армия переходит в наступление. Деморализованные греческие войска поспешно отступают к морю. Ушак, Афиун-Карагиссар, Брусса, наконец, Смирна попадают в руки войск Кемаля. Турецкая армия собирается в конце сентября 1922 г. перейти проливы и занять Константинополь, но Англия сосредоточивает до 10 000 человек в Чанаке и громадный флот в проливах и под угрозой войны принуждает Кемаля отказаться от продолжения военных действий. Таким образом воочию обнаруживается, что война между Турцией и Грецией была по существу войной между Турцией и Англией (см. «Борьба за Азию и Африку», Собрание сочинений, т. III, стр. 97 — 98).

Победоносное сопротивление войск Кемаля, закончившееся полным разгромом Греции, было триумфом не только для самой Турции, но и для Советской Федерации. Победа Кемаля нанесла сокрушительный удар изложенным выше планам Англии стратегического окружения Советской Федерации и образования в Малой Азии одного из звеньев той цепи, которую английский империализм готовил против рабоче-крестьянской республики на всем восточном фронте последней. Вместе с тем геройская борьба казалась совершенно уже раздавленной после Севрского мира Турции против могущественной Англии, борьба, закончившаяся полным разгромом Греции, не могла не оказать своего революционного влияния на весь Восток, особенно на развитие событий в маленьком Риффе на северо-

западном берегу африканского континента [1] и в гигантском Китае. Война анатолийской Турции с Грецией и стоявшей за спиной последней Англией явилась типичной национально-революционной войной, войной пробуждающегося Востока против империалистического Запада.

В исключительно трудный для турецкой республики момент, когда фактически существовало два турецких правительства, одно во главе с Кемалем в Ангоре, другое во главе с султаном в Константинополе, Российская Советская республика протянула руку помощи Турции, подписав с последней договор о братстве и дружбе. Историю возникновения русско-турецкой дружбы правильно рассказал в нескольких словах тов. Радек в своей брошюре «Ликвидация Версальского мира».

«Еще в 1919 году, когда мы были отделены от Турции фронтами: Деникинским, Закавказским, Грузинским, муссаватистами и дашнаками, правительство Кемаля и турецкие эмигранты начали искать связей с Советской Россией. Это, несомненно, свидетельствовало о политической дальновидности турок, так как то был самый тяжелый для Советской России момент, когда Деникин находился под Орлом, а Юденич у Петрограда. В сентябре 1919 г. начинаются переговоры представителей Турции с советскими представителями в Берлине. Одновременно с этим Советской России удается установить непосредственную связь с Турцией через Деникинский фронт и начать с ней переговоры о будущей совместной борьбе против Антанты. Эти переговоры закончились мирным договором от апреля 1921 г.».

В дополнение к этим фактам, сообщаемым тов. Радеком, следует прибавить, что 23 апреля 1920 г. открылось Великое Национальное Собрание, а 26 апреля это Собрание обратилось уже с письмом в Совнарком РСФСР с предложением совместной борьбы против империалистов и взаимной поддержки.

Выдержал ли советско-турецкий договор испытание? Мы читали мрачные предсказания насчет прочности русско-турецких отношений в брошюре Арслана «Современная Турция», изданной «Красной Новью» в 1923 г. В этой брошюре, излагая якобы взгляды турецких коммунистов, Арслан в 1923 г. доказывал, что единственным выходом для зашедшего в тупик национального освободительного движения является переход власти в руки рабочих и крестьян, иначе Турция останется игрушкой в руках империалистов. В случае же нужды Антанта сможет использовать Турцию в качестве покорного орудия против Советского Кавказа и Советской России».

«Наконец, в момент близости пролетарской революции в Болгарии или Юго-Славии Антанта может напомнить господствующим классам Турции о пантюркистских вожделениях, о раньше утраченных ими паде-

[1] О борьбе риффов против Испании и Франции — см. «Французский империализм». Собр. соч., т. VII, стр. 193 — 256.

ниях на Балканах. Таким образом, служебную роль Антанты на Балканах, кроме Румынии, будет играть еще и облагодетельствованная империалистами правящая свора Турции».

Все эти мрачные предсказания не оправдались. Мустафа-Кемаль и его партия оказались гораздо более стойкими в борьбе за освобождение Турции, за демократизацию страны и за союз с СССР, чем предвещали некоторые пессимисты. Более того, на другой день после Локарнского гарантийного договора, направленного своим острием против СССР, Турция подписала в декабре 1925 г договор с СССР о нейтралитете в случае нападения на Турцию или СССР какой-либо державы или нескольких держав. Этот договор между СССР и Турцией явился восточным ответом на западный Локарнский гарантийный договор. В передовой статье под удачным заголовком «Антилокарно» передовик «Известий» (24 декабря 1925 г.) [1] так формулировал значение только-что подписанного советско-турецкого договора:

«Подписанный в Париже договор является антилокарнским актом в том смысле, что он заключен для мира, а не для войны. Все «локарнские» комбинации на Ближнем Востоке потерпели крах.

«Ни СССР, ни Турция не хотят быть втянутыми в какие бы то ни было комбинации друг против друга: не только в военные, не только в политические, но и в экономические и финансовые. В этом основной смысл договора. Договор этот кладет конец всем провокационным измышлениям о соглашении СССР против Турции и, наоборот, о соглашении Турции против СССР. Договор этот исключает также возможность каких бы то ни было «локарнских» комбинаций на Ближнем Востоке, поскольку никакие комбинации без Турции совершенно немыслимы».

Через несколько месяцев после подписания этого договора вся наша пресса посвятила статьи пятой годовщине советско-турецкого договора 1921 г. и правильно подчеркнула, что советско-турецкая дружба за истекшие годы выдержала все испытания и является в настоящий момент мощным фактором международной политики мира.

В данный момент, когда мы пишем эти строки (конец 1926 г.), наши отношения с Турцией носят попрежнему дружественный характер и развиваются в сторону сближения между обеими державами. Дальнейшее развитие и укрепление этих дружественных отношений будет в значительной степени зависеть от экономических взаимоотношений между СССР и Турцией. В целях интенсификации своего сельского хозяйства и развития национальной промышленности Турция, естественно, нуждается в сельскохозяйственных орудиях, в машинах, с другой стороны, в сбыте своих сырьевых продуктов на внешних рынках. Чтобы

[1] См. передовицу в «Известиях» от 16 марта 1926., равно как статьи в других газетах.

не дать Турции попасть в кабалу к иностранному капиталу, мы, естественно, должны, соблюдая принцип монополии нашей внешней торговли, наши коммерческие и валютные интересы, стремясь к активному балансу в торговле с странами Востока, вести такую политику, которая содействовала бы росту народного хозяйства Турции и эволюции ее к более прогрессивным формам хозяйства. Мы должны всемерно содействовать развитию товарооборота СССР с Турцией, и наши торгпредства должны направить все свое внимание в эту сторону. Наши хозорганы должны вести свою работу в Турции, как и в Персии, так, чтобы связываться с широкими кругами среднего и мелкого купечества, не допуская ни в коем случае предоставления отдельным купцам права монополии по сбыту наших товаров, хотя бы в одном районе нашей страны

Само собой разумеется, что развитие нашего товарооборота с Турцией, привлечение туземного сырья (хлопка, шерсти, валонеи и т. д.) для нашей промышленности и сбыт наших сельскохозяйственных орудий, паровозов, рельсов и т. д. на турецком рынке будет зависеть от успехов нашей политики в деле индустриализации СССР, в деле создания у нас мощных фабрик и заводов, производящих все необходимые машины, одним словом, от поставленной на XIV партийном съезде задачи превращения нашей страны из аграрной в индустриальную, из страны, ввозящей оборудование, в страну, производящую переоборудование. В настоящее время мы уже ввозим в Турцию, как и в другие страны Востока, наш сахар, наш керосин, нашу мануфактуру, но этого не достаточно. Страны Востока тогда будут спасены от опасности возможного закабаления их капиталистическими державами, когда СССР в состоянии будет доставлять в Персию, Турцию и т. д. рельсы, паровозы, вагоны, тракторы и все необходимое оборудование для создания и развития в этих вчера совершенно отсталых странах собственной национальной промышленности.

«Государствам, по-восточному отсталым, которые, однако, составляют большинство человечества, нужно», по словам тов. Ленина в статье «Лучше меньше, да лучше» — теперь цивилизоваться». «Правда, — как писал в той же статье Ленин, — нам тоже нехватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы имеем для этого политические предпосылки», все же мы далеко ушли вперед по сравнению с Востоком и каждый день мы делаем громадные успехи в деле развития наших производительных сил и индустриализации страны; волей-неволей нам в интересах самосохранения необходимо помочь Востоку цивилизоваться путем посильного содействия с нашей стороны развитию национальной промышленности в странах Востока, интенсификации сельского хозяйства и подъему общей культуры на всем Востоке.

Не оправдались пессимистические пророчества тех, кто, начиная с 1920 г., предсказывали непрочность советско-турецких дружеских отношений и указывали на неизбежность превращения Турции в самое

ближайшее время в орудие мирового империализма для борьбы с Советской республикой. Не оправдались и пророчества относительно неизбежного торжества самой мрачной реакции в Анатолии. Так, И. Бутаев в 1922 г. в упомянутой нами статье в «Жизни Национальностей» писал о реакционной сущности анатолийского национального движения; так, Арслан в 1923 г. предвидел возможность того, «как султанская монархия станет орудием реакции и антантовского влияния на всем Востоке в ближайший период» (Арслан: «Современная Турция», стр. 60).

Даже такой умный и талантливый знаток международной политики как Радек ошибался насчет характера правительства Национального Собрания.

В своей брошюре «Ликвидация Версальского мира» тов. Радек указывает, что «Советская Россия не делала себе никаких иллюзий относительно социального характера правительства Национального Собрания в Ангоре. Она великолепно знала, что это не только не рабоче-крестьянское правительство, но даже не национально-буржуазное правительство, носитель буржуазной революции. Она знала, что это правительство военного офицерского слоя, поддерживаемого бюрократией».

Цитируя эти строки, тов. П. Китайгородский в своей брошюре «От колониального рабства к национальной независимости» [1] правильно отмечает, что действительность обнаружила более прогрессивный, чем этого можно было ожидать, лик группы Кемаля. Последний и «все птенцы гнезда его» являются поборниками прогресса, а не реакции, носителями идей буржуазной революции (а на Востоке, как неоднократно подчеркивал тов. Ленин, это является шагом вперед)».

Как мы подчеркнули выше, война анатолийской Турции против мирового империализма, война, в которую оказалось втянутым все крестьянство Анатолии, начавшее борьбу под руководством мелкой и средней буржуазии, явилась типичной национально-революционной войной, войной пробуждающегося Востока против империалистического Запада и уже поэтому эта война не могла не вызвать сильнейших сдвигов и глубоких потрясений в социально-политическом и экономическом укладе Анатолии.

§ 2. Борьба народной партии с контр-революционными силами. Темные стороны кемализма.

Уничтожение режима капитуляций, юридически признанное на Лозанской конференции [2] (1922 — 1923 гг.), уничтожение султаната (1/XI — 1922 г.) и провозглашение Турции республикой, ликвидация

[1] П. Китайгородский: «От колониального рабства к национальной независимости», со вступительной статьей Мих. Павловича — «Московский Рабочий», 1925 г.

[2] О Лозанской конференции см. — «Борьба за Азию и Африку». Собрание сочинений, т. III, стр. 102 — 130.

халифата (3/III — 24 г.), изгнание из Турции всех членов бывшей османской династии во главе с халифом, уничтожение министерства религии, закрытие шариатских судов и религиозных школ, секуляризация вакуфа (церковных имуществ), борьба против ношения фесок, борьба

Деятельница национального движения, писательница Хамиде Эдиб-Ханум.

за женское равноправие, борьба против засилья европейского капитала, принудительная регистрация иностранных предприятий, повлекшая за собой закрытие сотен таковых, закрытие иностранных почт, иностранных торговых палат, введение турецкого контроля в иностранных предприятиях, запрещение иностранным компаниям заниматься каботажем между турецкими портами, установление запретительных пошлин

на целый ряд европейских товаров, отмена ашара, — все эти великие этапные шаги на экономическом и политическом фронте в области внешних и внутренних взаимоотношений обозначали окончательный разрыв новой революционной Турции со старой султано-халифатской теократически-феодальной империей, царством мракобесия и невежества, фанатизма и рутины, полуколонией иностранного капитала, стоявшего на страже всех темных сторон оттоманского режима. Недаром излюбленные европейские буржуазные романисты — Фарреры, Лоти и др. так идеализировали старую Турции с ее мечетями (крепостями фанатизма), с ее гаремами-темницами, где под присмотром евнухов женщины-пленницы влачили самое жалкое существование. Недаром буржуазные европейские публицисты строго осуждали всю политику ангорского Национального Собрания, направленную против священных основ старого турецкого строя, против халифата, султаната и т. д. [1]

Радикальная политика Кемаля и его сторонников в вопросе о государственном строе Турции, твердое решение уничтожить не только султанат, но и османскую династию и объявить власть падишаха отошедшей в область истории вызвала первый серьезный конфликт в первом меджилисе и повела к расколу в той парламентской группе Национального Собрания, которая до той поры руководила национальным движением в Анатолии. Так, рядом с правительственной «группой № 1 комитета национальных прав» образовалась клерикально-реакционная группа № 2. Группа № 1 была реорганизована Кемалем под названием «Народная партия» (Халк фыркасы). Народная партия повела самую энергичную борьбу за дальнейшую демократизацию страны, за превращение Турции в демократически-республиканское государство на основе государственного капитализма; за освобождение страны от пережитков прошлого, от власти церкви и от кабалы иностранного капитала.

Против «народной партии» выступила во втором меджилисе, созванном в августе 1923 г., образовавшаяся после Лозаннской конференции так называемая «прогрессивная» партия.

Относительно состава прогрессивной партии и истории ее возникновения мы находим любопытные данные в официальном документе, декларации Али-бея, председателя Суда Независимых, вынесшего 14 июля 1926 г. смертный приговор 15 обвиняемым по делу о заговоре на жизнь президента республики (смирнский процесс). Согласно декларации Али-бея, партия под названием «прогрессивная» образовалась после Лозанской конференции. Эта партия объединяла:

1) Группы членов партии «Единство и прогресс» и снабженцев, рассеявшихся после войны.

2) Тех, кто, под названием «вторая группа» в ВНСТ первого созыва, перешел в оппозицию правительству во время войны за независимость

---

[1] К. Раррер был глубоко огорчен низложением халифа и выступил на защиту низвергнутого султана.

3) Из недовольных, которые чувствовали себя лично обиженными при новом режиме или же из лиц, склонных к политиканству.

«Все вместе взятые объединились в стремлении свергнуть правительство. На вопрос: как давно существует группа «снабжения», Али-бей

Деятельница по женскому движению Латифе-Ханум.

ответил, что эта группа собралась впервые в 1339 (1923 г.) накануне генеральных выборов в ВНСТ второго созыва, у Джавид-бея, и выработала программу, которую следовало бы осуществить в подходящий момент. Ближайшей задачей, которую поставила себе эта группа, было проведение на выборах в депутаты ВНСТ Шукри-бея, Измаила-Джалмбулата, которые затем оказались во главе заговора на жизнь Мустафа-Кемаля.

Некоторые лица, разочаровавшись в деятельности оппозиционных групп и партий, пришли к заключению, что единственным средством для торжества политических взглядов оппозиции является убийство М. Кемаля, и они в течение целого года работали над подготовкой покушения».

Какие экономические группы стояли за спиной прогрессивной или прогрессивно-республиканской партии? Часть посреднической торговой буржуазии Константинополя и других крупных портовых городов, связанная с иностранным капиталом и не верившая в возможность внутреннего развития страны, духовенство, потерявшее значительную долю своих земель и своих доходов, бывшие сановники, вздыхавшие по старым временам, по гаремам, по султанскому дворцу, по колоссальным взяткам, которые они получали как с собственных подданных, так и с иностранцев, которым отдавали за приличный бакшиш страну на поток и разграбление, феодалы восточных провинций, шейхи, агии и деребеи, крупные помещики — зубры средиземноморского побережья — все эти элементы стали в оппозицию к Кемалю и решили покончить с последним.

Портовая буржуазия, увидевшая нового грозного конкурента на месте армян и греков во внутренней анатолийской буржуазии, стремилась к тому, чтобы заставить правительство искать опоры своей социальной базы не в зажиточном крестьянстве, не в мелкой и средней буржуазии, с каждым днем все усиливавшейся как внутри Анатолии, так и во второстепенных портах, а в связанных с заграничными банками, торговыми и промышленными предприятиями Запада финансовых и торговых кругах крупных портов Константинополя и Смирны, кругах, располагающих возможностью привлечь в Турцию иностранный капитал. «День, когда иностранный капитал, потечет в Турцию, — заявлял орган буржуазной оппозиции «Танин», — будет великой революцией в нашей политике как внутренней, так и внешней»... Мы должны европеизоваться в соответствии с требованиями XX века. Мы должны будем создать для иностранного капитала благоприятную обстановку... без этого он к нам не пойдет». Для читателей «Танина» ясно, о какой европеизованной Турции говорит «Танин», какую благоприятную обстановку, по мнению «Танина», необходимо создать для привлечения иностранного капитала. Отмена запретительных пошлин на «бросовые» европейские товары, фритредерство на место протекционизма, отказ от политики «государственного капитализма», парламент в Константинополе под дулами морских орудий цивилизованных держав, а не в дикой Ангоре, отрезанной от благодетельного и умеряющего влияния Европы, иностранные банки, акционерные общества, концессии на существующие и несуществующие подпочвенные богатства, займы, грюндерство, спе-

куляция, возвращающие Турцию к золотому веку иттихадистов (младотурок)

Подлинно революционные элементы народной партии своевременно усмотрели опасность, грозившую национальному движению со стороны усиливавшихся и объединявшихся правых элементов, имевших свою главную базу в крупных портовых центрах и в восточных вилайетах. Еще осенью 1924 г. правительство Исмета-паши выработало ряд мер для решительного противодействия нараставшей в крупных портовых центрах, особенно в Константинополе, кристаллизации реакционных элементов. Предполагалось принять меры к воздействию на константинопольскую печать, резко анти-кемалистскую, имевшую 95 процентов тиража всей турецкой печати и поэтому являвшуюся могущественным орудием контр-революционной пропаганды. Предполагалось назначить правительственных префектов во всех портовых городах и т. д.

При активном противодействии правых и при колеблющихся настроениях «болота» парламентской фракции этот проект правительства, естественно, не мог пройти, и Исмета-пашу сменил Фетхи-бей, видный кемалист, но сторонник умеренных методов борьбы с оппозицией.

Легализованная правительством Фетхи-бея прогрессивно-республиканская партия, в которую вошло большинство членов правого крыла народной партии, скоро стала ядром кристаллизации всех реакционных элементов страны и начала борьбу против всех завоеваний турецкой национальной революции. Курдское восстание, взрыв которого повел к замене правительства Фетхи-бея радикальным правительством Исмета-паши, показало, что контр-революционные элементы широко использовали организационные возможности, чтобы перейти в наступление.

Правительство Исмета ответило на наступление реакции удесятеренным по решительности революционным наступлением: были проведены крупнейшие социальные реформы, как-то: отмена истощавшего крестьянство ашара, замененного прогрессивным поземельным налогом, полная отмена религиозных судов, введение гражданского кодекса, между прочим, раскрепостившего турецкую женщину и введшего гражданский брак, усилено строительство железных дорог, начата работа по кооперированию крестьянства, созданы национальные банки и т. д. Одновременно правительство решительно стало на путь открытой революционной борьбы с реакцией, создав Суды Независимости с функциями подлинных революционных судов. Наконец, правительство сделало еще более решительный шаг, распустив прогрессивно-республиканскую партию и фактически объявив диктатуру единой правящей партии.

Удар был нанесен своевременно. Суды Независимости вскрыли ряд заговоров, следствие по которым показало, как широко реакция использовала легализацию прогрессивной партии. Процесс курдских шейхов

обнаружил темную связь главарей восстания, с одной стороны, с иностранным влиянием, с другой — константинопольскими реакционными кругами, в том числе с некоторыми прогрессистами. Громкий процесс «агентов по продаже Дистоля» — монархической организации, блестяще наладившей агитацию, пристроив своих членов в качестве комми-вояжеров иностранной фирмы, торговавшей зубоврачебными средствами, доказал, что «прогрессивная» партия обросла монархическим и клерикальным окружением. Другой крупный политический процесс подтвердил контр-революционную роль этой партии, доказав, что монашеские ордена широко использовываются для политической пропаганды. Между прочим, после этого процесса правительство Исмета-паши в течение 48 часов закрыло все монастыри в Турции и разогнало всех монахов.

Распущенная после курдского восстания [1] прогрессивно-республиканская партия только притворилась, будто она примирилась с создавшимся положением. Партия решила стать на путь террористических покушений, убив, прежде всего, вождя национально-революционного движения Кемаля. Воспользовавшись, с одной стороны, подавленным настроением в стране, угнетенной насильственно навязанным Англией иракским договором о Моссуле, с другой, тем обстоятельством, что радикальные реформы, проведенные правительством Кемаля, вызвали крайнее недовольство среди всех реакционных элементов, деятели прогрессивной партии решили нанести турецкой революции удар в голову, рассчитывая, что почва для завоевания власти достаточно подготовлена. Однако, вожди контр-революции ошиблись в своих расчетах

События последних лет и особенно 1923 — 1927 гг. ясно показали, что правительство Кемаля не является, прежде всего, правительством военного офицерского слоя и поддерживающей его бюрократии. Правительство Кемаля это, прежде всего, правительство молодой анатолийской буржуазии, с каждым днем усиливающей свое влияние в стране, буржуазии, опирающейся в своей борьбе против старой феодально-теократической Турции на немногочисленный рабочий класс и на миллионы анатолийских крестьян, разбуженных от вековой дремоты громом военной непогоды и, в особенности, революционными событиями в Советской республике. Даже в крупных портах, Смирне и Константинополе, широкие народные массы отшатнулись от деятелей реакции. В этом отношении весьма характерна борьба, которая разыгралась в 1926 г. во время дополнительных выборов в парламенте вокруг депутатских мандатов виднейших лидеров прогрессивной демократической

---

[1] Курдское восстание вспыхнуло в феврале 1925 г. в восточных вилайетах Турции, где сосредоточены крупные поместья феодальных землевладельцев, интересам которых был нанесен чувствительный удар отменой «ашара».

партии: Реуф-бея,[1] доктора Аднам-бея, Рефет-паши, известного турецкого военачальника Казим-Карабекир-паши и др. Константинопольские избиратели потребовали, чтобы все перечисленные выше депутаты сложили свои мандаты: «Константинопольские депутаты (следуют имена) больше не стоят на страже интересов избравшего их константинопольского населения, — говорилось в резолюции избирателей, — не защищают его прав и не находятся в постоянном с ними общении... А посему мы отзываем их из парламента, отнимаем у них право нас представлять в Национальном Собрании».

Реформы, проведенные правительством Кемаля, имеют колоссальное значение. Введение нового, торгового, земельного и санитарного кодекса, ратификация нового гражданского и уголовного уложения, отмена режима капитуляций, создание национальной промышленности, проведение новых железных дорог, шоссейных путей, закрепление во всех областях жизни политической культурной, экономической и т. д., завоеваний буржуазной революции — все это великие этапные шаги по пути внутренней европеизации Турции, по пути цивилизации, без которой, как указывал тов. Ленин в брошюре «Лучше меньше, да лучше», нельзя перейти непосредственно к социализму. Очевидно, что всеми этими великими реформами дело европеизации Турции не может закончиться. Тот отклик, который встретил в Турции Первый Тюркологический Съезд в Баку, та полемика, которая ведется ныне в Турции вокруг вопроса о новом тюркском алфавите, крайне знаменательна в этом отношении. Здесь предстоит тяжелая и, вероятно, длительная борьба. Отказ от старого (арабского) алфавита и переход к новому (латинскому) явится величайшей революцией в истории культурного развития Турции, самым тяжким ударом, нанесенным всем турецким мракобесам, защитникам проклятого прошлого.

Резюмируя наш взгляд на деятельность народной партии в борьбе с партиями реакции, мы должны сказать, что мы вполне присоединяемся к точке зрения тов. Б. Ферди, развитой им в статье «Положение в Турции», опубликованной в сентябрьском номере «Коммунистического Интернационала» за 1926 г.

> «Реакционная оппозиция отражает интересы крупной старорежимной буржуазии, пользующейся поддержкой международных финансовых кругов. Защиту интересов этой категории буржуазии взяли на себя виднейшие политические деятели различного происхождения (прогрессисты, унионисты, независимая вторая группа и пр.). В этом блоке надо различать течения: 1) вассалов английского капитала, проповедывающих политику сближения с Великобританией (виднейшие «прогрессисты»), и 2) сторонников тесного сотрудничества с германским капиталом (унионистов).
>
> Политика, на почве которой сходятся они все, может быть формулирована в нескольких положениях, явно продиктованных интересами иностранного капитала: свобода торговли, невмеша-

[1] Реуф-бей, бывш. премьер, второй председатель Национального Собрания. Ему принадлежит знаменитая фраза, которая у него вырвалась в припадке искренности: «Объявление республики было неожиданным и преждевременным действием со стороны безответственных лиц».

*

тельства государства в экономическую деятельность, соблюдение верований и традиций, отказ от реформ. Ознакомившись с составными элементами этой реакционной оппозиции, мы пришли к убеждению, что победа ее знаменует собой огромный шаг назад, по сравнению с властью кемалистов. Трудящиеся массы должны с ней энергично бороться, так как приход к власти этой фракции буржуазии был бы равносилен полному отказу от антиимпериалистической борьбы, тогда как жизненные интересы молодой националистической буржуазии требуют, чтобы народная партия в течение довольно долгого периода ревниво оберегала страну от посягательств империалистического капитала».

«Реакционные козни будут продолжаться неуклонно, вплоть до полного искоренения феодализма в экономике и радикального разрешения аграрного вопроса, но они, в лучшем для них случае, вызовут смуту, но не опрокинут существующего строя. Дело в том, что реставрации не только враждебны армия и трудящиеся массы, но она лишена и политического руководства, соответствующего стоящим перед нею задачам. Долг коммунистов повести энергичную кампанию в целях поддержки революционной ликвидации феодализма, придавая крупное значение этой мере в смысле борьбы с империализмом.

Существенная задача коммунистов заключается в том, чтобы энергично бороться с влиянием старых партий, стоящих правее народной партии (прогрессисты, унионисты и пр.). При наличии соответствующей программы действий и умелой агитации коммунисты могут завоевать доверие масс и повести их за собой против реакции, против мирового империализма».

Подчеркивая положительные стороны в деятельности народной партии, ее революционные заслуги, мы не можем умолчать, конечно, о темных сторонах кемализма. Эти темные стороны — дикая борьба против коммунистического движения, подчеркнутая нами на предыдущих страницах,[1] и реакционная политика в национальном вопросе, как мы подчеркивали уже в нашей книге «Борьба за Азию и Африку». (Собр. соч., т. III.)

«Новая Турция, несмотря на свои блестящие военные победы, геройский дух ее мужественного крестьянства, неисчерпаемые подпочвенные богатства, останется больным человеком, пока ей не удастся разрешить национальный вопрос. Таким больным человеком она перестанет быть и будет существовать и развиваться как единое многонациональное государство лишь в той мере, в какой ее прогрессивным элементам, носителям будущего, удастся перевернуть старые отношения между народами, подорвать старую национальную вражду, расчистить почву для сотрудничества народов и завоевать турецкому крестьянству и пролетариату доверие его инонациональных братьев не только в самой Турции,

[1] О терроре кемалистского правительства по отношению к коммунистам см. также статью Б. Ферди: «Коммунистическое движение в Турции». — «Коммун. Интерн.», № 22 октябрь. М. 1926.

но и во всей Азии и Европе. Сим победила Советская Россия. Применением этой единственно-разумной, единственно-возможной национальной политики будет спасена и Турция».

§ 3. Внешнее положение Ангорской Турции.

Внешнее положение Турции таит в себе самые серьезные опасности для Турецкой республики. Это положение необычайно усложнилось для Турции с момента подписания последней в июне 1926 г. договора с Англией об уступке Моссула Ираку. Англия в своей борьбе за Моссул еще в 1920 г. создала себе опорный пункт для захвата этой области, для чего на границе с Моссулом по течению Тигра и Ефрата она создала так называемое «самостоятельное» государство Ирак, королем которого назначается Фейзал, сын известного короля Гуссейна, который своей изменой Турции во время империалистической войны помог Англии захватить Мессопотамию.

К этому «королю», как полагается, приставлен английский чиновник министерства иностранных дел Перси Кокс. Для того, чтобы гарантировать «независимость» этого королевства, оно занимается английскими властями и английскими войсками. После этого король Фейзал, по приказу своих господ, начинает требовать присоединения Моссульской области к Ираку.

Значение уступки Моссула Ираку было правильно оценено английским полковником Кенворти, который писал: «Подписание соглашения 5 июня 1925 г. о Моссуле между Соединенным Королевством и Турцией является самой крупной дипломатической победой Англии на Ближнем Востоке со времени 1910 г.».

Главное значение моссульского района для Англии заключается не в его хлопковых и нефтяных возможностях, о которых столько писалось в наших газетных фельетонах, а в стратегической позиции этого района. Есть основание предполагать, что нефтяные богатства Моссула так же раздуты англичанами, как раздувались французами и испанцами подпочвенные богатства Риффа. В свое время («Новый Восток, 1923, № 3) мы подчеркнули, что овладение Моссулом составляет часть английского плана утверждения английской гегемонии на великом пути Каир — Калькутта. Переход Моссула в руки возрождающейся Турции, сосредоточение здесь турецких войск поставило бы, в случае усиления Турции, под угрозу безопасность английской параллели от Суэцкого канала к границам Индии. Система защиты британской империи с ее планами мировой гегемонии предполагает на ряду с обладанием рядом важнейших опорных пунктов в морях и океанах (Гибралтарский пролив, Суэцкий канал, остров Кипр, Мальта, Сингапур и т. д.) обладание сильнейшими позициями на суше. К числу таких позиций английские империалисты относят и весь арабский массив (Палестина, Ирак, Геджас) и южную Персию до границ Индии, одним словом, все территории, расположенные между Египтом и Индией. Безопасность «кратчайшего сухо-

путного пути на Индию», проходящего через все эти территории, требовала с точки зрения английских империалистов отторжения Моссула от Турции. Вопрос о Моссуле является для Англии в первую очередь вопросом о господстве над арабским массивом, вопросом о кратчайшем сухопутном пути на Индию, вопросом о связи с турецким Курдистаном и лишь затем вопросом нефтяным.

Ясно, что переход Моссула в руки Англии грозит серьезными опасностями Турции. Расположенная в восточном углу Малой Азии (Мессопотамия) по верхнему течению Тигра и Ефрата, Моссульская область на востоке граничит с Персией, на западе — с французскими владениями в Сирии.

Здесь скрещиваются важнейшие торговые и стратегические пути в Индию, Персию, Сирию, Мессопотамию. Расположенная на склонах горного Курдистана, Моссульская область открывает доступ к Турции и Закавказью.

Моссульская провинция является естественным прикрытием внутренних провинций Турции от нашествия врагов. Добившись отказа Турции от Моссула и утвердив свою гегемонию в этой области, где в настоящее время кроме английского гарнизона организована на английские средства сильная туземная армия, Великобритания превратила Моссульский район в сильнейшую военную базу в Малой Азии. Опираясь на эту базу, Англия получает возможность усиливать свое влияние в турецком Курдистане и снова подымать в случае нужды восстания воинственных и отсталых курдов против турецкого правительства. Контр-революционное восстание шейха Сеида, охватившее в феврале — марте 1925 г. юго-восточные провинции Турции, потребовало тяжелого напряжения Турции, обошлось республике в 20 миллионов лир и окончательно сорвало бюджетный баланс, сведенный, по сведениям прессы, с дефицитом в 25 миллионов лир. Договор от 5 июня 1926 г., по которому Турция отказалась от своих прав на Моссул, явился турецким Брестом. Этот договор так и был оценен во многих турецких газетах, писавших, что Турция в 1926 г. оказалась вынужденной подписать свой Брест-Литовский договор и отказаться частично от программы Национального обета. Тезис I Национального обета 28 января 1920 г. говорит о том, что оттоманское мусульманское население в областях с преобладающим арабским населением представляет собою единое целое, разделить каковое ни юридически, ни фактически невозможно в силу каких бы то ни было принципов. Предшествующая декларация Сивасского конгресса 1919 г. формулирует это требование следующим образом: полная неприкосновенность турецкой территории в ее этнографических пределах, включая Смирну, Моссул и Киликию.

Что же заставило Турцию пойти в 1926 г. на брестский мир? Желание избегнуть, казалось, неминуемой войны, если не с самой Англией, то с Италией и Грецией. Выдвинутый Чемберленом на свидании в Ропалло в декабре 1925 г. проект балканского Локарно, опирающегося на Грецию и Болгарию, создавал угрозу европейскому фронту Турции. Установив

свой финансовый, политический и военный контроль над Грецией, добившись заключения конвенции от 2 мая 1925 г., предоставившей большие полномочия английской военно-морской миссии в Греции, Англия превратила снова последнюю в орудие своей политики на Ближнем Востоке для нажима на Турцию. Любопытно, что на другой день после своего свержения (август 1926 г.) бывший диктатор Пангалос, заключенный в тюрьму, заявил, что ему-де помешали неожиданным переворотом совершить великое историческое дело, которое держалось в строжайшем секрете, именно начать войну с Турцией.

Понятно, что Греция сама по себе не страшна Турции. Опасность заключалась в том, что на этот раз Греция должна была выступить не одна со своей армией, вооруженной на английские средства, как в 1920 — 1922 гг., а совместно с Италией. Согласно условиям тайного греко-итальянского договора, о котором сообщалось в турецкой, английской и американской прессах, Греция в случае войны должна была вторгнуться в Фракию, Италия в районы Адалии и Смирны. Свержение диктатора Пангалоса, переворот, в котором решающую роль играла Франция, недовольная чрезмерным усилением англо-итальянского влияния в Греции, повело к временному ослаблению значения последней в качестве базы для итальянской экспедиции на Ближнем Востоке.

Как бы то ни было, в период, предшествовавший заключению англо-турецкого договора о Моссуле, английская дипломатия очень удачно использовала призрак итало-греческой опасности для нажима на Турцию.

В статье о Моссульском договоре, напечатанной в «Фортнайтли Ревю» за июль 1926 г. известный английский писатель Авгур, столь часто выступавший в качестве патентованного выразителя точки зрения английского министерства иностранных дел, так оценивал положение Турции к моменту заключения договора о Моссуле:

«Мы сомневаемся в том, чтобы при создавшейся обстановке Турция была в состоянии произвести сколько-нибудь серьезный военный нажим на Ирак. Театр непосредственных операций слишком отдален от турецких военных центров, коммуникационные пути, покуда существует англо-французская Антанта, сомнительны и подвержены опасности; в действительности совершенно очевидно, что с самого начала моссульского конфликта в турецких военных приготовлениях было гораздо больше дутой шумихи, чем чего бы то ни было другого. Турция уязвима в Европе — в Константинополе, на проливах, во Фракии — в Смирне и Александретте и в десятке других мест, так что мгновенный успех на границах отдаленного Ирака был бы совершенно обесценен в виду опасности серьезной атаки со стороны Средиземного моря.

«Ни для кого не является секретом, что на ряду с финансовым банкротством сделала Турцию уступчивой действительная или воображаемая опасность итальянской войны. Британская дипломатия многим обязана сеньору Муссолини».

Таково было положение Турции весной 1926 г. Изменилось ли существенно это положение в результате уступки Моссула, отказалась ли

окончательно английская дипломатия от своих планов подстрекательства Италии к экспансии насчет Турции, на этот вопрос отвечает тот же Августус в статье, опубликованной в октябрьском номере «Фортнайтли Ревю» за 1926 г.

По мнению Августуса, «единственная проблема» современной Италии, это — избыточность населения. Поэтому:

«Когда все континенты будут закрыты для итальянской эмиграции, когда угроза закрытия для эмиграции ныне еще открытых немногих территорий, как, напр., во Франции, станет актуальной, тогда Муссолини вынужден будет подыскать себе страну, куда он сможет быстро и успешно направить этот широкий поток эмиграции».

Колониальные претензии итальянского фашизма находят в Августусе горячего защитника. Рассматривая возможности итальянской эмиграции, Августус приходит к заключению, что, в сущности, все выходы для нее закрыты.

«Совершенно очевидно, — пишет он, — что не в Танжере и не в Абиссинии может быть найдена обетованная земля. Марокко, Египет, Тунис и Сирия находятся в руках двух великих держав, с которыми Муссолини не в состоянии вступить в настоящее время в конфликт. Земледельческие концессии Советской России обсуждались одно время, но были оставлены как невыполнимые. Таким образом, по мнению Августуса, положение Италии безвыходно, и ей некуда девать излишки своего населения. Невольно, — продолжает он, — взоры итальянцев обращаются к обширным пространствам Малой Азии, где некультурное правительство продолжает свое дело превращения плодоносных земель в пустыню».

Таким образом, Августус оправдывает захват Малой Азии соображениями «культуры и цивилизации».

Августус предсказывает, что Муссолини в ближайшее время поставит перед Лигой Наций вопрос о том, что делать Италии с ее избыточным населением и потребует от Лиги наций воздействия на Турцию, чтобы заставить последнюю уступить часть своей территории. Августус предвидит, что Лига Наций неспособна будет принять какое-нибудь практическое решение, и таким образом Италия вынуждена будет собственными силами разрешить жизненную для нее проблему.

«Если вследствие недостатка мужества Лига Наций уклонится от принятия решений, то тогда Муссолини будет морально обязан прибегнуть к чисто национальному плану действия. Он будет рассматривать проблему об избытке населения как вопрос чисто итальянский. Державы, отказавшиеся, как члены Лиги, определить свое отношение к этой проблеме, будут вежливо приглашены соблюдать нейтралитет, когда Муссолини со всей энергией, так бережно накопленной в его нации, приступит к действию.

... Беглый взгляд на карту показывает, что остров Родос и другие острова Додеканеза являются прекраснейшим трамплином к берегам Малой Азии».

Какова же будет, по мнению Августа, политика английского правительства по отношению к Италии, готовящейся к разбойничьему набегу на Турцию?

«Мы должны, — говорит он, — совершенно открыто отдать наши симпатии законным и неоспоримым нуждам итальянской нации. Положение Италии, находящейся в самом центре нашей имперской средиземноморской дороги, даже оставляя в стороне все другие серьезные соображения, обязывает нас к примирительному отношению к ней. Существует предвзятое мнение, даже среди специалистов, что военные силы Италии не заслуживают большого внимания. Это чрезвычайно вредная ошибка. Безопасность имперской дороги через Средиземное море, — продолжает он, — может быть обеспечена двумя путями. Каждый из них по-своему хорош, но, избрав один, мы должны неизменно держаться его. Мы или должны быть сильнее любого возможного противника, или же мы должны находиться в дружеских отношениях с государствами, которые могут попытаться стать на сторону наших противников. Великобритания могущественна и может обеспечить себе абсолютное господство на море и в воздухе. Но таким же обеспечением могут служить и дружеские соглашения с соседями. Для этого надо понять и принять во внимание их нужды. Если Муссолини обратится к Лиге Наций за разрешением проблемы перенаселения Италии, мы должны быть готовы обсудить его требования самым дружеским образом».

Мы знаем, что статьи Августа отражают настроение и планы руководящих кругов Англии. Очевидно, что английская дипломатия не удовлетворена своей победой в моссульском вопросе и желает превратить эту победу в исходный пункт для дальнейших захватов в Малой Азии. Август не ограничивается подстрекательством Италии к враждебным действиям против Турции и подстрекает в той же статье и Германию к совместным действиям с Англией.

В чем коренится основная причина непримиримой враждебности английских империалистов к новой Турции? Английские империалисты, желающие утвердить могущество Великобритании на азиатском и африканском фундаментах, на эксплуатации колониальных и полуколониальных народов Черного и Желтого континентов, не могут примириться с национальной революцией в Турции и правительством Кемаля, не только не желающим отказаться от завоеваний этой революции, но, наоборот, углубляющим завоевания последней. В интересах сохранения своего господства в Индии, Египте, Аравии английская буржуазия желала бы добиться скорейшего падения правительства Кемаля и торжества реакционных элементов в Турции. Только реставрация старого режима в революционной ныне Турции могла бы превратить эту страну в орудие английских планов для борьбы с национально-освободительным движением на Востоке и с СССР. Великобритания поставила своей целью добиться коренного изменения курса внутренней и внешней политики Турции, и от этой своей цели английская диплома-

М. Павлович.

тия не откажется, пока не получит ряд тяжелых непоправимых ударов. На всем протяжении существования республиканской Турции, во всех организованных выступлениях против национально-освободительного движения как внутри страны, так и на ее границах, в греко-турецкой войне 1920—1922 гг., в курдских восстаниях и волнениях последних лет, в организации неудавшегося покушения на Кемаля, в подготовлявшемся выступлении Пангалоса против Турции в 1926 г., в подготовлении возможной в будущем войны Италии с Турцией, во всех этих махинациях мы видим руководящую роль Англии, этого главного врага всего Востока. В этой непримиримой борьбе с Турцией Англия ведет одновременно войну против СССР, упорно добиваясь осуществления своего старого плана — создания восточного фронта против Советской Республики от средиземноморских границ Малой Азии через всю Анатолию, Персию, Афганистан до Памиров и далее.

Серьезные опасности стоят перед новой Турцией. Эти опасности могут быть преодолены вовне более тесным содружеством с Советским Союзом, а внутри, во-первых, широкой социально-экономической программой, осуществление которой повело бы к коренному улучшению положения крестьянства и работающего в кабальных условиях пролетариата, во-вторых, разрешением национальной проблемы, имеющей такое первостепенное значение во всей истории Турции.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Предисловие. Октябрьская революция и Восточный вопрос 3

СССР и Восток.

Революция 1905 г. и Восток. (Революция 1905 г. — Русско-японская война и Восток. — Ленин о последствиях русско-японской войны. — Политич. и экономич. предпосылки национально-освободительного движения на Востоке в XX в.: Персия, Турция, Индия и Китай.— Мировой империализм в борьбе с пробуждением Востока. — 1905 г. и Октябрьская революция в истории Востока.) 21
Ленин и народы Востока 35
Ленин и национальный вопрос. (Ленин и Михайловский. — К. Маркс о национальном вопросе. — Параграф 9-й программы РСДРП и Роза Люксембург. — Ленин и самоопределение наций. — Государственный язык (письма Шаумяну). — Пролетарско-революционная постановка вопроса. Национальный вопрос и Коминтерн.) 41
СССР и Восток 65
Восточные торговые палаты и экономические интересы СССР в странах Востока 74
К вопросу о новом тюркском алфавите 94
Первый Тюркологический Съезд 103
Культурные достижения тюрко-татарских народностей со времени Октябрьской революции 106
История и задачи новых востоковедных вузов 121
Задачи и достижения советского востоковедения 129

Революционная Турция.

Глава I. Период созидания и расцвета старой Турции 153
» II. Разложение Турецкой империи. Его социально-экономические и политические причины 159
§ 1. Открытие новых путей в Индию. Внешние поражения и упадок экономического могущества Турции. . . . . —
§ 2. Славянские народности Турции и России. Проекты раздела Оттоманской империи 163
§ 3. Босфор и Дарданеллы. Внешняя торговля России и выход из Черного моря. Турецкие реформы и царская Россия . 171
§ 4. Капитуляции как основной фактор экономического регресса Турции в XIX веке. Европейский капитал и турецкая промышленность. Земельный вопрос в Европейской Турции 179

СТР.

Глава III. Свержение султана Абдул-Гамида и младотурецкая революция 1908 г. 186
» IV. Младотурецкий переворот. Балканские войны и мировая война. 197
§ 1. Младотурецкая партия и ее неспособность разрешить национальный вопрос в Оттоманской империи . . . . —
§ 2. Балканские войны и расчленение Турции. Последствия балканских войн — мировая война 201
Глава V. Турция Энвера-паши и мировая война 203
» VI. Турция Кемаля (1919 — 1921) 208
§ 1. Победа Антанты и новый раздел Турции. Борьба между союзниками из-за Константинополя. Англия как главный враг Турции. Тройственное соглашение об Анатолии. Севрский договор. Греческая авантюра. 208
§ 2. Национальное движение и национальные конгрессы в Анатолии. Вооруженная борьба с союзными войсками. Константинопольский парламент и его разгон английскими войсками. Национальный договор 216
§ 3. Ангорское Национальное Собрание. Его социальный состав и законодательная деятельность. Кемаль-паша. Военные силы национального правительства. Ангора и Антанта. Ангора и Советская Россия. Лондонская конференция. Договор между Россией и Турцией 226
§ 4. Политические партии в Турции. Внешняя политика Великого Национального Собрания 241
Глава VII. Коммунистическое движение в Турции 247
§ 1. Земельный вопрос . . . . . —
§ 2. Турецкая буржуазия 250
§ 3. Турецкая коммунистическая партия 251
§ 4. Правительственная коммунистическая партия. «Зеленое яблоко» 253
§ 5. Гибель турецких коммунистов в 1921 году. 260
Глава VIII. После-лозаннская Турция. Экономическое состояние современной Турции и пути ее дальнейшего развития (1922 — 1927) . 264
§ 1. Внешняя торговля Турции . . . . . —
§ 2. Промышленность Турции. 269
§ 3. Сельское хозяйство Турции 289
§ 4. Капиталистическая буржуазия новейшей формации. Борьба с коммунистическим движением 298
Глава IX. Перспективы турецкой революции 305
§ 1. Революционный характер анатолийского национального движения . . . . . —
§ 2. Борьба народной партии с контр-революционными силами. Темные стороны кемализма 316
§ 3. Внешнее положение Ангорской Турции 325

КАРТА
СОВРЕМЕННОЙ
ТУРЦИИ
40 0 40 80 120 км.
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:
Существующие ж. д.
Строящиеся ж. д.
Шоссейные и грунтовые дор.
Государственная гран.
ЧЕРНОЕ МОРЕ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
МРАМОРНОЕ МОРЕ
БОЛГАРИЯ
ГРЕЦИЯ
СИРИЯ
ИРАК
СОВ. СОЦ. РЕСП.
ГРУЗИИ
АРМЕНИЯ
С.С.С.Р.
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
АНГОРА
СМИРНА
АЙДИН
КОНИЯ
АДАНА
АЛЕКСАНДРЕТТА
СИВАС
ЭРЗЕРУМ
ТРАПЕЗУНД
СИНОП
САМСУН
КАЙСАРИЕ
ДИАРБЕКИР
МАРДИН
БИТЛИС
ВАН
МОССУЛ
БАТУМ
КУТАИС
КАРС
АДРИАНОПОЛЬ
ЭСКИШЕИР
КУТАЙЯ
АФЬОНКАРАХИССАР
БРУССА
ИСМИД
АДАПАЗАР
БОЛИ
ИНЕБОЛИ
АМАСРА
ЗОНГУЛДАК
КОСТАМУНИЯ
ЧЕНГРИ
АМАССИЯ
ЮЗГАД
ЗИЛЕ
ТОКАТ
ЭНЗЕЛИ
ЭНЫ-ХАН
ЗАРА
ЭНДЕРЕС
КЕРАСУНД
ГИРЕСОН
ОРДУ
ЭЛЛЕЙ
ФАТИСА
ЯЛЫ
ЭРЗИНДЖАН
ДИВРИГИ
ХАНГАЛ
ЭРЗИНДЖАН
МАМАХАТУН
ПЕЛЬМЕН
КЕГИ
ХНЫС
ХЮЛЛИ
ДАЙР
АЛАШКЕРТ
ИГДЫР
КАРАКИЛИСА
ДИАДИН
БАЯЗЕТ
МАКУ
ЭРИВАНЬ
КАГЫЗМАН
ЛЕНИНАКАН
ОЛЬТЫ
ГЮМИШ-ХАНА
КАЛКИТ-ЧИФТЛИК
КЕПРИ-КЕЙ
ХАССАН-КАЛЕ
САРЫКАМЫШ
КАРАУРГАН
МЕДЖИГЕРТ
ЧОРУМ
ЗИЛЛЕ
ТОКАТ
ТУРХАЛ
ЯЗЫ-ХАН
ЗАРА
ЭНДЕРЕС
КЕРАСУНД
ГИРЕСОН
ОРДУ
ЭЛЛЕЙ
ФАТИСА
ЯЛЫ
ТЕРМЕ
ВЕЗИРКЕПРЮ
БОЯБАД БАФРА
ХОДЖАГИССАР
ОСМАДЖИК
МЕЗИФОН
ГАДИК
ХЕРЕК
НИКСАР
ТУРХАЛ
ЧЕНГРИ
ТЕРКЕШ
ВАЙНДИР
ДЮЗДЖЕ
ЭЛДЕНЖИК
ЭНЕШЕИР
ИЗНИК
КЕМЕРК
МУДАНИЯ
ПАНДЕРМА
МИХАЛИДЖ
ЭЛЬМАЛЫ
ЭСКИШЕИР
ИНЕНЮ
КУНДЖУ
КАЛУХАН
БЕЙБАЗАР
АЯЦ
ИСТАНОС
КАЛЕДЖИК
ЧАЛАДЖА
ЮЗГАД
ЭНЫ-ХАН
ЗАРА
ЭНДЕРЕС
КЕРАСУНД
ГИРЕСОН
ОРДУ
ЭЛЛЕЙ
ФАТИСА
ЯЛЫ
ТРАПЕЗУНД
ОЛЬТЫ
ГЮМИШ-ХАНА
КАЛКИТ-ЧИФТЛИК
КЕПРИ-КЕЙ
ХАССАН-КАЛЕ
САРЫКАМЫШ
КАРАУРГАН
МЕДЖИГЕРТ
КАГЫЗМАН
ЭРИВАНЬ
ЛЕНИНАКАН
КАРС
ОЧЕМЧИРИ
АНАКЛИЯ
РЕДУТ-КАЛЕ
ПОТИ
САМТРЕДИ
ГОРИ
КУТАИС
КОТАНЕВИ
АХАЛЦИХ
БАТУМ
БЕРТХА
АРТВИН
АРДАГАН
АРХАН

4558
9,99 (1986)

3 р. 25 к.

М. ПАВЛОВИЧ (М. ВЕЛЬТМАН)

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОСТОК

ЧАСТЬ I

СССР и ВОСТОК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · 1927